

Жизнь московского митрополита Платона Иван Михайлович Снегирев

Предисловие к I изданию – 1831 года

Предисловие II. К изданию 1856 г.

Предисловие к IV изданию

Предисловие к I изданию – 1831 года

Восхвалим, убо мужи славны и отцы наши в бытии, и мужи имениты силою, советующе разумом своим, провещавшии во пророчествах: Суть от них, иже оставиша имя, еже поведати хвалы.

Прем. 44:3; Прем. 44:8.

Жизнь великих мужей слита с жизнью народа; сохранение их в памяти у древних греков предписывалось законом и освящаемо было религией. Если знаменитое имя не есть наследие одного семейства или сословия, но целого и отечества и света, то всякий из соотечественников может приносить посильную дань памяти великих людей сохранением достопримечательных их подвигов. Как сие, столь важные для души и сердца, столь близкие к человечеству побуждения, так равно признательность и благоговение к памяти Московского Митрополита Платона внушили мне смелость изобразить жизнь сего отца московского духовенства; его последние годы напоминание мне счастливое время моей юности, когда я сподобился внимать поучительным беседам и принимать благословение от сего Архипастыря – благодетеля покойному моему родителю. В 1812 году я видел Платона в Махрищском монастыре и в Москве, перед вступлением в неё врагов и незадолго до его смерти, и удостоился последнего его приветов и благословения. Вид Иерарха, подобно тому времени, глубоко врезался в моё сердце и в признательную память. В 1817 году, имев счастье услышать из уст Августейшей ученицы Платона и его духовной дщери, Императрицы Марии Феодоровны, о желании читать его биографию, я удостоился получить от Её Величества соизволение на посвящение сего труда Её имени и осчастливлен был Её лестным и ободрительным отзывом.

Тогда не имели мы жизнеописания сего Иерарха, кроме, весьма краткого известия в «Московских Ведомостях», в «Словаре Духовных писателей» и «Сыне Отечества». Хотя имя и некоторые сочинения его давно были знакомы чужестранцам и упоминались у французских, немецких и английских писателей; но подвиги его жизни были им неизвестны и даже они нередко смешивали имя его с Платовым. В дополнениях к Иохерову Всеобщему Лексикону¹ о Платоне сказано, будто он умер в Екатеринославле 20 октября (старого или нового стиля?) 1812 года. Недостатки у соотечественников в жизнеописании Платона, а у чужестранцев превратные о нём понятия, были, между прочим, для меня новыми побуждениями воспользоваться теми пособиями для сего сочинения, какие доставили мне время, случай, домогательство и доброхотство. Не дождавшись другого, полнейшего в сравнении с первым изданием жизнеописания М. Платона, после 1812 года, ныне я решился напечатать другое издание сей книги, вновь написанной по новым источникам.

Пособиями моими при оном были:

а) Печатные: собственные сочинения Платона; помещённые в журналах и газетах краткие его биографии; «Московские» и «С.-Петербургские Ведомости» и касающиеся до него чужестранные известия;

б) Письменные: Записки С.А. Порошина и И.В. Лопухина; известная мне его переписка, из коей включено здесь несколько писем; с благодушием сообщённые мне замечания Митрополитом Киевским Евгением, и собственные записки Митрополита Платона², доставленные мне от Архиепископа Тобольского Евгения, который с 1800 года по самую кончину Митрополита Платона, проходя должности учителя, Префекта и Ректора в Вифанской и Троицкой Семинариях, приглашаем был Митрополитом почти ежедневно в числе вечерних собеседников и сохранил слышанные им из уст его обстоятельства жизни. Его Сиятельство князь Александр Николаевич Голицын благоволил сообщить мне некоторые материалы для сего сочинения. Несколько моих тетрадей удостоил своего чтения и замечаний Его Высокопреосвященство Митрополит Московский Филарет.

Сим достопочтенным особам долгом почитаю здесь повторить искреннюю благодарность, за их великодушное ко мне доброхотство.

Кроме слышанного мною от покойного моего родителя, Профессора Московского Университета, я пользовался также изустными свидетельствами современников, сослуживцев и подчинённых Митрополита Платона и людей, к нему близких, между прочими его духовника, отца Аарона, который прошлого года, декабря 25 дня, умер схимником в Вифании, на 85 м году мирной и благочестивой жизни своей.

Если труд мой, услаждённый столь приятными для меня воспоминаниями и подкреплённый столь значительными свидетельствами, будет неудовлетворителен для строгих и разносторонних требований, то, по крайней мере, он, как первый, теперь не излишний, и для будущего историка останется не бесполезным материалом, а для меня утешительным исполнением священного долга уважения и признательности к памяти Платона. Сколько возможно, стараясь сохранить беспристрастие в повествовании, при всём уважении моём к знаменитой особе сего Архипастыря, я предпочитал искренность подобострастия и ухищрению. Не вдаваясь в рассуждения, я предоставлял оные благомыслящим читателям, которые могут из жития сего почерпнуть назидание для своей жизни и дополнение к отечественной истории.

Затем, мне ещё остаётся заключить свой отчёт о цели, побуждениях и источниках своего труда, повторением слов древнего летописания нашего: Отцы и братия еже ся где буду переписал, или не дописал, чтите, исправливая Бога для, а не кляните.

Иван Снегирёв

1831 г.

Троицкая улица, в Москве.

Предисловие II. К изданию 1856 г.

Повторяя и при новом издании жизнеописания М. Платона приведённое мною в предисловии к прежнему смиренное слово

Лаврентия летописца, нахожу необходимым сказать, почему, спустя 25 лет, вновь печатаю эту книгу.

Её прежнее издание всё вышло; но требования на неё не прекратились, так что многие почитатели знаменитого Архипастыря неоднократно убеждали меня вновь её напечатать; один из них даже принял печатание на своё иждивение. Пользуясь и благоприятным случаем и вновь отысканными мною источниками, я, при новом издании, многое дополнил, другое исправил, иное переварил согласно со свидетельством современных Платону особ. Как не всем из его современников привелось постоянно следить за его деятельностью в разные времена, в разных местах, и как не все обстоятельства жизни сего Архипастыря могли быть всем одинаково сведомы, так что известное одному, для другого было скрыто, посему и рассказы об них и мнения не всегда одинаковы. Сколько возможно, я старался поверять сказание одним сказанием другого, и когда большинством голосов подтверждалось событие, тогда я принимал его за достоверное. Насколько я успел в том, предоставляю судить читателям. В течение последних 25 лет, хотя не стало многих людей, близких к Платону, коротко его знавших и мне известных; однако и теперь есть ещё старцы, переступившие на восьмое десятилетие, которые знавали Платона и любят вспоминать о нём, согласно с заповедью Апостольскою: поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам Слово Божие; их же взирающе на скончание жителства, подражайте вере их. (Евр. 13:7). К числу современников Архипастыря, оставшихся ещё в живых, принадлежат достопочтенные Иерархи, или бывшие при Платоне священнослужители, некоторые из Московских граждан, и, между прочим, восьмидесятилетний старец, его келейник, ныне Колл. Ассессор и Кавалер Моисей Петрович Платонов! В дополнение и пояснение жизнеописания приложены собственные записки Платона о жизни и путешествиях его, некоторые его слова, часть переписки и замечания.

Таким образом, из живых ещё преданий о Платоне, равно из самых его деяний и сочинений составился очерк его жизни. Хотя этот эскиз начертан не столько искусною, сколько

усердною рукою; однако надеюсь, что он освежит память о том, что могло бы предано быть забвению, и сохранить то, что легко могло бы быть утрачено навсегда. Ревнуя быть верным исторической истине, я не предполагал факту свои идеи, а выводил заключения о свойствах и заслугах Архипастыря нашего единственно на основании его дел. Если труд мой, при всей добросовестности его, не удовлетворит всем притязаниям совопросников; то, по крайней мере, может служить материалом для будущего биографа М. Платона, для Истории Церкви и просвещения в отечестве нашем, ибо жизнь сего Архипастыря, учителя и отчизнолюбца, тесно связанная с Историей конца XVIII и начала XIX века, важная во многих отношениях, получила в ней высокое значение; имя его увековечилось в памяти русских людей и сделалось народным³.

В книге «Венок на могилу преосв. Иннокентия Архиепископа Таврического М. 1864 г. на стр. 17 сказано, что он в предсмертные дни – слушал чтение книг, преимущественно проповедей М.М. Филарета и жизни М. Платона, описанной И. Снегирёвым.

Дельною и добросовестною критикой я готов воспользоваться; на притязательную и недоброхотную буду отвечать молчанием, руководствуясь Апостольским словом: Аще кто мнит ся спорлив быти, мы такового обычая не имамы. (1Кор. 11:16).

Предисловие к IV изданию

Настоящее издание печатается с III издания, которое было ещё раз пересмотрено покойным автором, И.М. Снегирёвым, пополнено и исправлено. Примечания г. Рогова, лично знавшего М. Платона и удостоившегося от него стихотворного приветия (см. приложения), сообщены нам достопочтенным о. Протоиереем М.С. Боголюбским, коему за сие и приносим глубокую благодарность.

Издатели.

Вифания 1890 года.

Часть I

Ни знаменитость места, ни знатность происхождения не предвещали славы и величия Петру; он родился 1737 года, в селе Чашникове, что на большой Петербургской дороге, в 40 вёрстах от Москвы; отцом его был причётник Георгий Данилов, а восприемником – крестьянин Корольков⁴; но время появления его на свет как бы предсказывало ему величие и в низкой доле. На восходе солнечном, в день первоверховных Апостолов Петра и Павла, когда отец его, дьячок Георгий Данилов ударил в колокол к утрени, в то самое время услышал он, что Бог дал ему сына; при таком благовестии отец перестал звонить, к недоумению прихожан, а побежал к новорождённому, которого и нарекли Петром. Когда сам Платон об этом рассказывал знаменитому Евгению Булгару, сей учёный муж сказал: «*Nos erat, praesagium futurae gloriae tuae*», т. е. «это было предвестием будущей славы твоей». И подлинно, столь редкое стечение обстоятельств: восход солнца, день праздника великих Учителей Церкви, блавест к утрени, как не могли быть приняты за счастливое предзнаменовало родительскою любовью, столь изобретательно в приметах о благополучии детей! Платон сравнивал этот случай со встречею Апостола Петра в деяниях Апостольских; там отроковица, услышав стук, стоявшего у ворот Апостола Петра, от радости не отворила ему дверей.

Так как свойства родителей часто отражаются в детях: то приведём здесь слова самого Платона⁵ о качествах его отца и матери, которых память он всегда чтит: «Георгий был свойства горячего, но «простосердечного и откровенного, лести незнающий и отвращающийся; также не корыстлив, особливо низшим образом корысть приобретать почитал себе противным и в других предосудительным. А мать Татиана, быв благоразумна и рассудительна, была горяча к детям и о добром их воспитании и опрятном содержании весьма пеклась; наипаче быв сама набожна и благочестива, и детей приобучать богомолию и страху Божию первым долгом почитала; была

домостроительная хозяйка и щадила малое дома содержание, чтобы ничего не издержать излишнего; нравов была благородных, не любила низкости; службы Божией почти никогда не оставляла, нищих всегда, по возможности, наделяла; была трудолюбива и воздержна, а тем и здоровье и жизнь сохранила до 70 лет⁶; и более продолжила бы свои, если бы свирепствовавшая 1771 года в Москве чума не пресекла её жизни. Мать Платонова, оправдывает ту известную истину, что многие знаменитые люди обязаны были значительною частью своего величия попечению и характеру умных матерей, которые заменяли в себе недостаток образования любовью и смыслённостью. Отец Платона, по своему характеру и образу жизни, мог быть столько же полезным для сына, сколько и мать. Отец его после долговременной разлуки с сыном, при внезапной с ним встрече, умер, можно сказать, от радости. Платон был уже Ректором Семинарии, или, как полагают современные ему старожилы, Архиепископом Тверским, и ехал в Москву; на Лубянке ему попался отец его, который шёл и, по обыкновенно своему, разговаривал сам с собою. Платон велел кучеру остановиться и стал звать к себе родителя. Старик, выведенный из своей задумчивости, удивился и обрадовался; но тут же почувствовал боль в боку; пришедши домой, он всё твердил о сыне своём Платоне, лёг уснуть и более не вставал⁷. Такова судьба родителей Платона, которые, как увидим, утешены были ещё при жизни своей началом его возвышения и его к ним почтительностью. Но обратимся к младенчеству его, взлелеянному любовью доброй матери.

Когда мать выносила младенца Петра в церковь или на улицу: тогда все, любясь его миловидностью, ласкали его. Лишь только он начал говорить, она стала внушать ему имя Божие и учить молиться. Петру минуло шесть лет от рождения – начали его учить русской грамоте, т. е., по тогдашнему заведению, Азбуке, Часослову, и Псалтырю, а потом писать. Понятливый ученик всё скоро выучивал, успевая не столько от строгости отца, сколько от ласки матери; на восьмом году от рождения своего он уже читал и пел повседневные церковные стихи и по навыку мог один на клиросе отправлять всё пение

божественной литургии. Голос у него был светлый, гибкий и приятный. Охота и навык пения духовных песней впоследствии обратились ему в духовную отраду.

Вскоре настало время Петру оставить родительский дом и вступать в училище; ибо духовное начальство требовало, чтобы все Священнослужители приводили детей своих в Коломенскую Семинарию. Отец его был уже Священником в Серпуховском уезде, Коломенской епархии, в селе Липицах, о коем Платон вспоминает в своём Путешествии в Киев⁸; потом поступил в Москву викарным священником к церкви Святителя Николая, что сльвёт Красные колокола или красный звон. Так как Георгию Данилову хотелось самому перейти в Москву, то по его настоятельной просьбе, сыновья его Пётр и Александр переведены из Коломенской епархии в Московскую и определены в Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академию, где приняли фамилию Левшиновых, а потом Левшиных. Когда отец представил обоих сыновей Префекту Академии, Иоанну Козловичу, последний, приняв их благосклонно, сказал им в поощрение: «Детки учитесь, после Протопопове будете». Что и сбылось; Александр был Протопопом Московского Успенского собора, а Пётр Начальником над Протопопами. Они жила у старшего брата своего Тимофея, пономаря при церкви Св. Софии, Премудрости Божией, что в средних Набережных Садовниках, а потом у родственника их, дьякона при церкви Спаса во Спасской, при коей и отец их Георгий впоследствии был викарным священником. Ходив босиком в училище с грошом на обед, по своей бережливости и по скудости родителей, Пётр носил в руках свои новые коты, чтобы их не истоптать, и надевал их близ Академии, Так путём замысловатой нужды и неусыпного труда он достигал просвещения и славы. В две недели Левшин, выучась читать и писать по Латине, постепенно переводим был: в низший Латинский класс (фару), из коего через год он поступил в Грамматику и через столько же времени в Синтаксиму, потом в Пиитику, а напоследок, через год, в Риторику, которую тогда преподавал Иеромонах Кирилл Григорович. В течение четырёх лет Левшин слушал Философию и Богословию у Геннадия

Драницына, впоследствии бывшего Суздальским Епископом. Но пределы школы не суть пределы для гения. Чувствуя недостатки в своём учении и сознавая пользу исторических наук, Пётр Егорович сам собою научился Географии и Истории, которую любил во всю свою жизнь. Газеты служили ему повторением Географии, а карты географические поверкой газетных известий. Все сии пособия, при скудости средств, приобретались им с затруднениями, как и самые сведения, недоступные тогда ещё школе, ограниченной и в средствах и в цели.

По тогдашнему порядку, Греческому языку там учились особо, через два года по окончании Латинского Сантаксиса, и из Греческого класса ученики переводимы были в Пиитический, в коем Левшин, по желанию учителя своего Амвросия Юматова, был удержан и тем самым отвлечён от Греческого языка. Не дойдя ещё до Философии, Пётр увидел, какого он лишается пособия в Еллинском языке для витийства, любомудрия и Богословия, и с оскорблением для юношеского честолюбия замечал, какое над ним брали преимущество товарищи, знающие этот язык. В числе его сверстников и совместников был Петров, наш лирик, которому он впоследствии благодетельствовал, несмотря на школьное соперничество⁹. И польза, и любознательность, и честолюбие воспламенили в Левшине желание учиться этому языку, столь важному для Славяно-Греко-Латинской Академии. По недостатку тогда в учебных пособиях и по бедности своей, не почему было учиться ему, не на что книг купить и не кому его учить; но самые препятствия, как будто усиливали в нём желание достигнуть своей цели. Он выпросил у товарища Греческую Грамматику Лащевского и всю её тщательно переписал, как тогда и велось в школах, срисовывая Греческие буквы с печатных; отчего и Греческий его почерк похож был на печатный. По этой Грамматике Левшин сам начал учиться, а в затруднительных местах спрашивать у знатоков; сверх того, вздумал ходить в соседственный Греческий монастырь к Божественной службе, во время которой прислушивался и навыкал к чтению, пению и разумению Греческих слов и выражений; для большого в этом

языке успеха познакомился и стал говорить с Греками и, мало-помалу, достиг до того, что мог понимать Еллинских писателей и объясняться на простом Греческом языке. Потом сам, сделавшись в Академии учителем сего языка, ученикам своим приводил себя в пример, называя себя: αὐτοδίδακτος, т. е. самоучкою. Из Греческих писателей он особенно любил Св. Иоанна Златоуста и говаривал, «что для одного этого Святителя можно учиться Еллинскому языку», Впоследствии он сам служивал литургию на Греческом языке в Московском Греческом монастыре, и певал в Вифании на клиросе, когда там совершали Богослужение Амвросий Протасов, бывший Иеромонахом, и Владимир Третьяков, тогда Иеродиакон – знатоки и любители языка Святых Отцов Восточной церкви.

Пристрастясь к наукам, Левшин всюду и всемерно искал средств к образованию себя. Не имея у себя даже многих необходимых книг он услугою и ласкою доставал их у товарищей для списывания, или прочтения, Что только мог найти в библиотеках церквей св. Софии в Средних Садовниках и Спаса во Спасской, все он прочёл: Четыи Минеи, Прологи, Камень Веры, Маргарит, Полоцкого Обед духовный, Вечери, Барониевы летописи; но более всего занимали юного Петра Послания Апостола Павла, в особенности послания к Римлянам, кои он, прочитав раз двадцать, почти все знал наизусть. Заботливая и промыслительная любовь безграмотной матери нечаянно доставила ему великое удовольствие и пользу покупкой на площади Цицеронова сочинения о должностях и Квинта Курция Жизнь Александра Великого. Римский красноречивый мудрец и велеречивый бытописатель столько понравились ему предметом и слогом своим, что он вытвердил их на память, как образцовых для себя сочинителей; герой Курция казался ему выше человечества, и язык обоих превосходнее всего читанного им на отечественном языке. По врождённой склонности к уединению, столь сродной с любовью к учёности, он ограничил себя домом родственным, церковью Божию и училищем Заиконоспасским. В свободное от учения время, Левшин занимался дома чтением книг, учением уроков и сочинением школьных задач, ходил в церковь к заутрени,

обедни и вечерни, где первым был из читающих и поющих; зато весьма любим был и священнослужителями и прихожанами; но, по приглашению их, редко ходил к ним в дома, из опасения, чтобы не потерять времени и не разоряться. Несмотря, впрочем, на свою любовь к наукам и уединению, Левшин был нрава весёлого, с остроумием словоохотен, с чистосердечием приветлив и с добродушием услужлив, так что все знавшие его любили и все любившие находили удовольствие видеть и слышать миловидного и сладкоречивого Петра, который привлекал к себе умом, учёностью и непорочностью нравов, живо отпечатанною на его красивом и свежем лице, зеркале светлой и возвышенной его души. Тогда Левшин ещё застал век простоты, когда добродетели и пороки назывались прямо своим подлинным именем; когда стыдливость в юноше почиталась украшением, уважение младших к старшим – святою обязанностью, когда ложь признавали бесстыдством, а лукавство – грехом, и нравы были целомудреннее языка, в то время ещё не утончившегося в выражении соблазна и разврата. В таком то веке и круге, среди занятий, Пётр, возрастая и телом и духом, всегда отвращал свой целомудренный слух и взоры от позорищ и гульбищ. Склонный к духовному, он чуждался всегда мирского и светского – даже отказался вступить в открытый тогда 1755 года, по близости Духовной Академии у Воскресенских ворот Московский Университет, куда было назначен был в студенты с другими Академистами.

Ещё прежде окончания четырёхлетнего курса Богословия, через два года, Левшин, 20 лет от рождения, представлен был Ректором Геннадием Св. Синоду в учителя Пиитического класса в Московской Академии, вместе с Петром Петровым впоследствии Митрополитом Новгородским Гавриилом, который, по выслушании курса наук в Академии, тогда исправлял должность старшего корректора в Синодальной типографии¹⁰. Св. Синод определил: назначить учителем Петрова с тем, если он согласится вступить в монашество; но Петров тогда отрёкся¹¹ и жребий пал на Левшина, который и занял учительскую должность 1757 года, с 170 рублями годового жалованья. Новое званье и новый случай сделались

для юного учителя Пиитики и Греческого языка новыми побуждениями отличить себя успехами в преподавании другим приобретённого им самим. Но Петров не замедлил последовать примеру Левшина и, переведённый в Троицкую Семинарию учителем Риторике, пострижен 1758 г. июня 28, в монахи, и через несколько недель, произведён в Ректоры Семинарии и Наместника Лавры.

В Духовной Академии, почти с самого её основания, установлено было: толковать в каждый воскресный день перед обеднею Катехизис в аудитории, где изъяснял Св. Писание Ректор Академии, а после обедни, в церкви сказывать одному из двух определённых проповедников проповедь. Это возбуждало соревнование в питомцах Академии, готовящихся к тому же служению. Преподавание Христианского учения и проповедование Слова Божия, привлекая Московских жителей, служило для слушателей назиданием, а для проповедников искусом: жадное внимание, слёзы, скорби и умиления первых были сладкою наградой для других. На сие-то поприще вступил и Левшин. С внешними и внутренними средствами витии проповедуя и научая с жаром юноши и с постоянного ревностью мужа, в чистоте и полноте духа, проникнутого высокими и умилительными истинами Св. Писания, он умел заслужить всеобщее удивление и любовь, и даже успел возбудить сочувствие и восторг в Москве, где его называли: то *вторым Златоустом*, то *Московским Апостолом*. Некоторые из его слушателей приводили к кафедре детей своих с тем, чтобы они такого учителя слушали и помнили; многие добивались его знакомства и почитали за счастье посещение его, стараясь наперерыв оказать ему своё усердие и уважение. С таким успехом и славою вступив на поприще проповедника, мог ли Левшин быть равнодушным к общим похвалам и к радушию своих сограждан? Сие время жизни своей он всегда почитал счастливейшим, а проповедь свою успешнейшею, и тогда ещё, прежде, нежели прославился он под именем Платона, сделался известным под именем Петра. Но не осталась равнодушною зависть; употребив клевету к помрачению славы нового проповедника, разгласила, будто Левшин учит противно

Православной Церкви, и за то его надобно примерно наказать и из Академии выгнать. Против него восставал и Преосв. Амвросий Каменский. Поручено было исследовать проповеди его и Катехизис Ректору Академии, который объявил, что в них ничего не нашёл предосудительного. Такое гонение более привлекло сердца слушателей к Петру Егоровичу, и доказало их приверженность к нему; ибо многие за него, без его просьбы и без всякого побуждения, ходатайствовали и заступались, как за невинно гонимого. Дело кончилось молвой без всяких дальнейших следствий; бессильная зависть была пристыжена унижением, а предмет её сделался предметом общего участия, уважения и хвалы.

Уже оканчивался год толкование Левшиным Катехизиса, как неожиданно он получил из С.-Петербурга от придворного Проповедника, знаменитого Гедеона, Архимандрита Св. Троицкой Лавры, благосклонное приглашение в учителя Риторике в Троицкую Семинарию, а вслед за тем и указ из Св. Синода, утверждающий юного катехизатора наставником Витийства.

Левшин должен был расстаться с Москвой и отправиться в Троице-Сергиеву Лавру 19 июня, 1758 г. Перед самыми стенами Сергиевой обители он увидел шедших ему навстречу лаврских властей и монахов в облачении с хоругвями и крестами; их сопровождало множество народа. То был крестный ход 20 июля к Ильинской церкви в посаде. Левшин принял это за благое себе предзнаменование. Несмотря на ласковый приём и выгоды положения в Лавре, разлука с любезною и любившею его Академией, с родными и товарищами, новость места, незнакомый лица, неизвестность будущего жребия и ожидавший его в стенах монастыря разрыв с миром, не могли не навести на него уныния. В таком состоянии духа застало его следующее письмо Архимандрита Лавры Гедеона 1758 года, августа 1; он писал к нему из С.-Петербурга¹²:

«Я очень радуюсь, что вы у нас в Лавре; но ещё больше радость моя умножится, когда услышу, что вы и монашеский в ней приняли образ. Я знаю, что вы сами давно сие намерение имеете, и желаю, чтоб в сей самый пост совершилось оно. А

чтобы в пересылке ко мне от обыкновенных доношений время напрасно не проходило (особливо же что настоящее время поста к тому весьма способное, а по нем наступят труды школьные): то я дал уже Собору позволение, чтобы, ежели вы не отмените вашего намерения, исполнил он то самым делом немедленно, не отписываясь более ко мне о том. Впрочем я, взирая на рекомендованное ваше мне постоянство, не сумнюсь, что вы не отмените намерения; но прошу, чтобы не сказали ещё: *cras, cras!* Сами знаете, что будущее неизвестно, настоящее наше. Покажите же, что вы то имеете всегда в уме, самым делом; я буду сей вести ожидать на следующих днях непременно».

Несмотря на склонность и приготовление своё к монашеству, Пётр Егорович не мог не поколебаться духом, взволнованным мыслью о трудности и важности принимаемых им на себя обетов. Даже любимая им мать не советовала ему принимать на себя такие обеты. Ему представлялось, что он готовится к смерти и действительно, он должен был умереть миру в цвете лет и в полноте жизни. Вся ночь проведена была им в борьбе с самим собою. Сколько убеждения Начальника покровителя, а более утешительные советы его сотоварища Петра Постникова привели, наконец, его к твёрдой решимости, а она – к спокойствию духа, с каким он, накануне Успеньева дня, 1758 года принял образ иноческий. Итак, на 21 году от рождения Левшин пострижен был в Лавре прежним сотоварищем, Наместником её Гавриилом Петровым, который впоследствии сделался Митрополитом Новгородским.

Спокойный духом, довольный своим состоянием, юный инок жил в любимом уединении, проходя учительскую и катехизаторскую должность. В том же году он посвящён был во Иеродиакона в Московском Успенском соборе Митрополитом Московским Тимофеем Щербатским. По возвращении своём в Лавру, в первый раз он явился к Архимандриту Гедеону, придворному проповеднику, который прибыл из Петербурга к празднику Преподобного Сергия. Знаменитый в своё время вития, уважаемый Государыней, любимый Двором, народом и монастырём своим, Гедеон, как скоро увидел и услышал

Платона, столько его любил, что всегда почти имел его при себе, читал ему свои проповеди, внимал его суждениям и словам, и столько ему благодетельствовал по самую смерть свою, что Платон признавал Криновского первым по родителям своим. Соперники в витийстве, начальник и подчинённый, сделались не завистниками, но друзьями. Гедеон, искусный подражатель Ильи Миняitia, наделён был от природы даром красноречия и счастливою осанкой, и столь приятно и сладостно произносил слова свои, по свидетельству Платона, что все слушатели бывали как бы вне себя и боялись, чтобы он не перестал говорить (*metuebant ne desineret*). В искусстве произношения он был руководителем Левшину.

Левшин, кроме преподавания уроков Риторик, в Лавре нередко сказывал проповеди и, по должности Иеродиакона, исправлял при Архимандрите священнослужение. По отъезде своём в С.-Петербург, Гедеон неоднократно туда к себе вызывал Платона, для доставления ему новых средств к образованию себя в новой столице, где после Биронова самовластия, водворилось отрадное спокойствие. Тогда свободнее стали биться русские сердца под кротким правлением Дщери Петровой. Отечественные дарования не таились уже в раблепной безвестности, но возникали смело и ободрялись щедро Царицею и Двором, которые внимали вдохновенным песнопениям Ломоносова и забавлялись притчами Сумарокова и анакреонтическими песнями Тредьяковского.

Придворная церковь сделалась знаменитым поприщем для проповедников, среди которых блистал Криновский. В Петербурге узнали Платона близкие к Государыне вельможи, любители отечественного просвещения граф Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов. Меценат Ломоносова и Гедеона, основатель Московского Университета, так восхищён был дарованиями и сведениями Платона, что хотел его представить Августейшей покровительнице талантов и на своём иждивении отправить в Париж для усовершенствования в науках, коими славились тогда Сорбонна и Королевская Академия; но Гедеон, не желая расстаться с

любимцем своим, и как бы предчувствуя скорую и вечную с ним разлуку, убедил Шувалова оставить в России Платона, к которому приязнь сего великодушного царедворца и покровителя отечественного просвещения продолжалась до самой его кончины в искренних отношениях. Граф Разумовский, как любитель церковного пения, нередко беседовал и певал вместе с лаврским Иеродиаконом, который благосклонно принимался был первенствующим тогда членом Св. Синода Димитрием Сеченовым и другими Архиереями. В проезд свой через Новгород, Платон сблизился с учителями тамошней Семинарии Тихоном (впоследствии святым Епископом Воронежским), Симоном (впоследствии Архиепископом Рязанским), и Парфением, тогда Ректором Семинарии, а потом Епископом Смоленским. Его знакомство с сими ревнителями православия и благочестия, несмотря на неприятную встречу с первым в С.-Петербурге, обратилось в пожизненную приязнь, коею он украшал жизнь свою. Пять лет своего учительства в Троицкой Семинарии Платон почитал счастливейшими в своей жизни; ибо и в начальниках и в товарищах имел он благоприятелей, которые облегчали бремя службы учёной и духовной искренним участием, любовью и поощрением.

Епископ Рязанский Палладий в крестовой церкви на С.-Петербургском Троицком подворье, посвятил Платона в Иеромонахи, 1759 года, июля 20; вместе с принятием священного сана Платон получил назначение в Префекты Троицкой Семинарии и в учителя Философии; тогда же сделан он первым Соборным в учреждённом при Троицкой Лавре Соборе, управлявшем и св. обителью и приписанными к ней монастырями и всеми её вотчинами, в коих считалось тогда свыше ста тысяч душ крестьян, более земледельцев, нежели промышленников. Богатая и странноприимная обитель нищелюбивого Сергия была питательницей убогих и безмездно угощала толпы многочисленных богомольцев, отовсюду в неё стекавшихся на праздники. Но вскоре наступившее полугодовое царствование Петра III угрожало Лавре отнятием сих обильных источников, из коих черпало иногда и самое Государство в случае нужды. Коллегия Экономии стала было заведовать

монастырскими вотчинами, коими тогда управляли приставленные к ним офицеры¹³.

Ректор Семинарии, Богословии учитель и Наместник Лавры Гавриил, в 1761 году назначен был Ректором в Московскую Академию: тогда в Наместники Лавры поступил Префект Московской Академии Иннокентий Нечаев, а место Ректора Семинарии заменил Платон, лишившийся вскоре с этим приобретением своего благодетеля Гедеона, тогда уже Епископа Пскову; не доехав до паствы своей, к общему прискорбию, он кончил жизнь свою на 37 году от рождения. Место Криновского в Лавре заступил уставщик придворных певчих из малороссиян Архимандрит Лаврентий Хоцятовский, который хотя и уважал достоинства Платона и благодетельствовал ему, однако же, для него не мог вполне заменить Гедеона, остроумного, любознательного и радушного, который не только удовлетворял, но и предупреждал нужды юного собрата, сотрудника и друга.

По вступлении на престол Екатерины II, Архимандрит Лаврентий вместе с Ректором Семинарии отправился в С.-Петербург с иконою Преподобного Сергия для принесения поздравления Государыне. Перед коронацией своей в 1762 году, августа 26., Императрица повелела возвратить монастырям по прежнему в управление деревни и прочие имения, отобранные у духовного ведомства, по указу Петра III; Коллегию Экономии отставить, а вместо оной, учредить особливую Комиссию под собственным надзором для приведения в совершенство всего Духовного Штата, согласно с предначертаниями Петра I. Доклад этой Комиссии об отобрании монастырских имений в Великой России, 1764 года февраля 26, утверждён был Императрицею согласно с видами её политики.

Между тем Платон тогда наместник в Троице-Сергиевой Лавре, с Архимандритом Лаврентием готовился принять новую Императрицу, которая, после коронования своего 22 сентября 1762 года, в мае следующего года, отправилась с многочисленною свитой на поклонение св. мощам преподобного Сергия в его обитель; ей сопутствовал помазавший её на царство Митрополит Новгородский Димитрий Сеченов. У часовни креста, откуда некогда Пермский Апостол Стефан

послал благословенье Радонежскому игумену, Платон, встретив её, поднёс св. икону, хлеб и соль. Внимательная государыня не могла не заметить юного инокa с выразительным лицом, в котором соединилась красота с умом.

Приём Всероссийской Царицы в Лавре был торжественный, во вкусе того времени, достойный богатой обители и замысловатого распорядителя. Екатерина II встречена была Лаврской братией, приветствована Наместником и воспета в радостных гимнах ликом юношей в белых одеждах, с цветочными венками на головах и с пальмами в руках; весь её путь, от св. ворот до самого собора, усеян был цветами¹⁴.

На другой день, за обеднею в присутствии Государыни и Св. Синода Членов, сказал Платон проповедь о пользе *благочестия*, представив самую Императрицу примером сей основы всех добродетелей. И проповедь и проповедник столько ей понравились, что после она изъявила ему своё благоволение в самых милостивых выражениях, слово его тогда же велела напечатать, а его удостоила пригласить к обеденному столу своему; что обнаружило особенное внимание Государыни и высокую милость для подданного – монаха.

Мая 25 Императрица прибыла в Ростов, когда Архипастырь её Арсений Мацеевич уже отведён был с конвоем в Московский Симонов монастырь за свои протесты против отобрания у духовенства вотчин; вместо его, там встретили её в соборе враждебный Арсению, Новгородский Митрополит Димитрий с членами Синода, и в присутствии Государыни переложил св. мощи Димитрия Ростовского из старой раки в новую богатейшую и великолепную.

По возвращении своём из Ростова, Императрица, пожаловав Лаврскому оратору и богослову кусок бархату на рясу и значительную сумму денег в награду, повелела явиться ему к себе в Москву, куда отправилась с сыном своим, Наследником престола, Великим Князем Павлом Петровичем, для которого она желала избрать достойного Законоучителя. Димитрий Сеченов, не отстававший от века и дороживший благоволением Двора, рекомендовал Государыне Платона,

которого он полюбил за его дарования, познания и откровенность.

При этом случае в мирных стенах Лавры днём раздавался колокольный звон и пушечный гром, вечером они освещаемы были искусственными огнями. На другой день Государыня посетила Троицкую Семинарию, где питомцы оной в честь её произнесли стихи и речи, а Ректор поздравил и благодарил венценосную покровительницу торжественным словом. Тогда же, по предложению Князя Г.Г. Орлова, сделаны были диспуты; причём любознательная и дальновидная Императрица требовала от Платона изъяснения некоторых важных положений из Богословия и советовала состязаться об оных более на латинском, нежели на русском языке. Между прочим, она спросила его: «Почему он избрал монашескую жизнь?» – «По особой любви к просвещению» – отвечал Платон. – На сие Императрица возразила: «Да разве нельзя в мирской жизни пещись о просвещении своём?» – «Можно, – сказал Ректор – но не столь удобно, имея жену и детей и разные суеты мирские, сколько в монашеской жизни, где он по всему свободен». – На внезапный, искусительный вопрос Императрицы, хорошо знавшей сердце человеческое, отвечал не без смущенья юный, неопытный инок, цветущий здоровьем и красотою; он покраснел, как и всегда краснел, когда ему говорили о женитьбе и о женском поле. В своих записках он сам говорит о себе, что «к женитьбе не только склонности никогда не имел; но даже о том, когда было напоминаемо, и слышать совсем стыдился». Так он был целомудрен и стыдлив! Оставшись довольною и объяснениями на предложенные ею вопросы и состязаниями учащихся, Государыня изъявила своё благоволение Платону и пожаловала учителям значительную, по тому времени, денежную награду. Когда же Наместник Лавры Иннокентий Нечаев посвящён был во Епископа Кексгольмского, тогда, по указу Императрицы 1763 года, Платон определён на его место, сколь почётное для него, столь и тягостное; ибо с должностью Наместника соединено было не только смотрение за обширным и многолюдным монастырём, но и хлопотливое управление

вотчинными его делами, при исполнении звания Ректора Семинарии и учителя Богословия.

Когда представлен был Платон Императрице, она его удостоила благосклонной беседы и обеденного стола, за коим в первый раз он увидел Наследника Всероссийского Престола. После стола, Обер-Гофмейстер Великого Князя Граф Никита Иванович Панин объявил Платону, что Государыня определяет его в учителя Богословия к Наследнику с назначением ему жалованья по тысяче рублей в год, и пригласить Законоучителя на другой день к столу Великого Князя, чтобы познакомить учителя с учеником. Тогда Платону минуло только 26 лет: он был в полноте сил душевных и телесных.

Простившись с любезною Лаврою своею, Платон в июле 1763 года отправился в С.-Петербург на новое поприще, неизвестное юному иноку и противоположное монастырскому и школьному, какое представлял ему блистательный Двор Екатерины II, где соединялась роскошь азиатская с образованностью европейскою и даже отчасти с подражанием Французскому двору, ум с любезностью, отечественное с чужестранным. Там он окружён был людьми разного духа, представителями старины и новизны, среди которых учитель Наследника престола и проповедник слова Божия должен был, без нарушения приличия придворного, сохранять достоинство своего звания и важность сана, не увлекаться обольщениями света и управлять движениями своего сердца: там все его слова должны быть уроками и все поступки примерами. Вполне сознавая всю трудность своего положения, Платон пользовался опытностью благорасположенных к нему царедворцев, и сам, наблюдая за собою, умел, как увидим, оправдать высокое назначение своё.

Вследствие совещания Графа Н.И. Панина с Императрицею назначено было преподавать Богословское учение Великому Князю три раза в неделю, а по воскресным и праздничным дням, перед божественною литургией читать ему Евангелие с объяснением.

Платон, в присутствии Государыни, начал свои уроки Наследнику, тогда бывшему 9 лет от рождения, речью о пользе

и важности сего учения¹⁵. Хотя Августейший его питомец, одарённый от природы умом пылким и проницательным, но характером был горяч и нетерпелив и, как дитя, любил рассеянность; но, воспитанный с младенчества своего бабкой своей Императрицею Елизаветою в набожности, всегда расположен был к благочестию и охотно слушал Слово Божие. Столь счастливая склонность ученика оплодотворялись уроками искусного наставника, который успел привлечь его внимание и заслужить себе его доверенность, уважение и любовь, сии верные залогов успехов в учении. Гофмейстер и законоучитель в общем деле воспитания часто один другому подавали пособие. Когда юный Царевич показывал нетерпеливость, тогда Граф Панин останавливал его напоминанием, понравившейся ему, проповеди Платоновой на текст: *В терпении вашем стяжите души ваши*¹⁶. Применяясь к характеру своего питомца, будущего Государя, Законоучитель уловлял всякий случай, какой ему представлялся в классе и вне класса, чтобы обратить оный в назидание; из обыкновенного разговора он умел выводить для Великого Князя что-либо наставительное, так что уроки его превращались в беседы, а беседы в уроки. Если когда-либо придворные увеселения и приличия, или детские забавы прерывали богословское учение: ученик чувствовал свою утрату и после рассеяния с жаром принимался за уроки О. Платона, при коих нередко он просил изъяснения, и входил с учителем своим в рассуждение, полезное для одного и приятное для другого. «Памятно мне, – пишет Платон к Великому Князю, своему ученику, – Ваше слово при чтении Евангельских слов: *Не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама* и при рассуждении, что напрасно Иудеи величались именем сего великого праотца, не подражая вере и делам его», извоили сказать; «так как я напрасно бы хвалился, что от Великого Петра произошёл, ежели бы не хотел подражать делам его». – Семён Андреевич Порошин, учитель Великого Князя в своих записках замечает ещё следующий случай: «Прочитывая в Евангелисте Иоанне 67 зачало, Его Высочество спрашивал у О. Платона: «для чего Спаситель наш вопрошал у Апостола Петра любит ли он Его? Как он сказал, что любит: то

поручил ему паству свою»? – Сие изъяснение благоразумный учитель заключил тем, что через сие Государям повелевается любить народ свой, вручённый от Бога, что народ есть паства, а Государь пастырь». Также вопрос порфирородного ученика: «почему Мелхиседек называется без отца, без матери, без причта и рода» подал повод Платону написать рассуждение, за которое, благодаря сочинителя письмом, Великий Князь, между прочим, замечает, «что каждому первым поучением для себя надлежит поставить Закон Господень, дабы узнать волю Сотворшего нас и украситься Христианскими добродетелями». На сем то основании утверждённые науки видны во всём их изяществе, для того, что тогда они прямо служат ко всеобщему наставлению и блаженству. Не могу изъяснить Вам, сколько я тем увеселяюсь, что для сооружения в сердце моём такового основания, имею такого, как Вы, священного строителя. Ради вожделенного в сих трудах Ваших успеха, не престану я никогда приносить сие к Подателю всех благ моление: *«Настави мя Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей!»* Таковы были наставления учителя и обеты ученика! В 1765 году Платон издал в свет сочинённое для сих уроков *Православное учение, или сокращённое Христианское Богословие*; в посвящении своём Наследнику Всероссийского Престола он пишет: «Когда десница «Вышнего венцем увенчает главу Твою: желания наши исполни, славу умножь, благополучие продолжи и докажи благородство крове пресветлейшего Всероссийского Дома!»»

Законоучитель ежегодно сам преподавал Св. Тайны своему Августейшему ученику в залог Св. Веры и в утверждение учения Богословского; причём поздравительное его слово было всегда назидательным для причастника и умирительным для Матери, которая разделяла благочестивые слёзы с сыном¹⁷. Однажды, внимая поучению Законоучителя в день рождения и причащения Св. Тайнам Великого Князя, она растрогалась до слёз и сказала после: «Отец Платон делает из нас всё, что хочет; хочет он, чтобы мы плакали – мы плачем». В другой раз Платон, говоря проповедь в придворной церкви о *милосердии* сильно вооружался против тех, которые, расточая имение своё на вещи суетные, оставляют бедных без всякой помощи: тогда

Императрица сказала окружавшим её: «Отец Платон сердит сегодня был: однако же очень хорошо сказывал. Удивительный дар слова имеет!» При этом один из вельмож заметил Государыне, что «проповедник при Дворе всегда покажется сердитым, когда будет говорить прямо истину». И при других случаях Законоучитель проповедовал и священнодействовал в придворной церкви, в С.-Петербурге, а иногда в пустыне Ново-Сергиевской, близ Петергофа. Между разными случаями редкий и ужасный представился Платону проповедовать: это убийство Жуковыми родной матери и сестры, совершенное в 1754 году, но обнаруженное в 1766 году. Императрица поручила проповеднику нашему составить им всенародное покаяние преступников брата и сестры, тоже написать пастырское поучение, которое должно быть читано в приходах тех церквей в Москве, куда они приводимы будут. Это исполнено в мае того же года¹⁸.

Привитие Императрицею и Наследником себе оспы, дали повод Платону в праздник Введения Богородицы 1768 года приветствовать словом Государыню и Цесаревича с благополучным совершением сего великодушного и знаменитого подвига, который побудил русских последовать их примеру¹⁹. Вместе со св. Синодом, как член его, совершил в придворной церкви благодарственное молебствие.

Одержанные над Турецким флотом блистательные победы Россиян представили Платону случай отличиться талантом красноречия, заслужить новое благоволение Императрицы, удивление Двора и народа. При этом важном для России событии, увенчавшем создание Петра I бессмертными лаврами, Екатерина II повелела совершить поминовение в Петропавловском соборе при гробе основателя Петрополя и Российского флота. Для сего избран день поминовенья всех воинов, положивших живот свой за Веру, Царя и Отечество – праздник Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, 29 августа 1772 года²⁰. По окончании заупокойной литургии и панихиды в Петропавловском соборе, Императрица, приняв от Вице-Президента Адмиралтейской Коллегии Графа Чернышева взятый при Мителене первый флага Турецкого Адмирала,

подошла к гробнице основателя Русского флота и преклонив колена, повергла флаг к её подножью в знак признательности, со следующими словами: *Твоя от Твоих Тебе приношу*. После этого Платон с кафедры произносит слово в вечную память Петра I, которую хотела Императрица соединить с настоящим торжеством новой победы; исчислив труды и победы преобразователя России, при оставшихся ещё тогда современниках его и при потомках, вдруг проповедник неожиданно сходит с кафедры, приближается к его гробнице и, коснувшись покрыва её, как бы вдохновенный, восклицает: «Восстань теперь, великий Монарх, отечества нашего Отец! восстань и возри на любезное изобретение Твоё; оно не истлело от времени и слава его не помрачилась. Восстань и насладися плодами трудов Твоих! Флот, Тобою устроенный, уже не на море Чёрном, не на Океане Северном, но где? он на море Средиземном, в странах Восточных, в Архипелаге, близ стен Константинопольских, в тех, то есть, местах, куда Ты нередко Своё око обращал и гордую намеревал смирить Порту. О как бы Твоё, Великий Пётр, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы Тебе, как живому, вещаем, слыши: Флот Твой в Архипелаге, близ берегов Азийских, Оттоманский флот до конца истребил! Российские высокопарные орлы, торжествуя, именем Твоим весь Восток наполняют и стремятся предстать пред стены Византийские!»

Столь внезапный переход речи, столь смелое и необыкновенное ораторское движение поразили слушателей изумлением и даже невольным страхом; стоявший близ гробницы правнук Петра I и наследник дщери Его Елисаветы, Павел испугался, как он сам сказал после Платону, что «Прадедушка встанет». – Посреди восторга и удивления слушателей, среди торжества витии, заметили на некоторых лицах улыбку, впрочем, утаиваемую; спрашивали: чему и как можно здесь улыбаться, когда почти у всех на глазах видны были слёзы и когда всех сердца приведены в сотрясение? Известный своею добродушною остротой Граф Кирилл Григорьевич Разумовский, услышав воззвание Платона к Петру I, тихонько сказал окружавшим себя: «Чего винь его кличе? як

встане: то всим нам достанетца». – В одно и то же время воззвание духовного витии удивило одних, а чистосердечное замечание вельможи рассмешило других, представив противоположность двух веков и двух царствований, которую так искусно соглашая, Екатерина II умела свой век сделать золотым для России и жить в памяти народа, так как сладкие воспоминания юности живут в сердце старца. Государыня восхищена была словом и ораторским движением Платона. При этом она сказала окружавшим её: «Я положила мою славу к стопам Петра Великого, которому «я должна ею, потому что, ежели бы он не построил флота: я не могла бы истребить флотом врагов Империи»²¹.

Слово Платоново, во Французском переводе, она отправила к Вольтеру, который, прочитав его, отвечал Государыне: «Сия речь, обращённая к основателю «Петербурга и ваших флотов, есть, по моему мнению, «знаменитейший в свете памятник; я думаю, что никогда и ни один оратор не имел столь счастливого «предмета для своего слова, не исключая и Греческого Платона»²².

Государыня сия, заботившаяся об издании нового Уложения для своего народа, поручила сочинённый ею в 1766 году Наказ для Комиссии, на суждение Преосвященным Епископам Псковскому Иннокентию, Тверскому – Гавриилу и Иеромонаху Платону. Сии три мужа, по рассмотрении сего бессмертного наставления Членам Комиссии составления законов, представили через Графа Безбородко свои замечания²³, принятые благосклонно Августейшею сочинительницей, которая великодушно передавала свои мысли о благе подданных на чистосердечное их суждение: счастливая в выборе людей, она умела употреблять их на такие дела, к коим они способны были, и награждать по заслугам. Ещё новый случай открылся Платону к оправданию высокого об нем мнения Государыни и доверенности Св. Синода; 1765 года, в Троицкий Зеленецкий монастырь внезапно ворвалась толпа раскольников, из ложной ревности по вере, поругав святыню и разогнав малочисленную братию этой обители, добровольно сожгла сама себя в церкви²⁴. Так как строгие меры более ожесточали исступлённых

пустосвятов, искавших в самоубийстве мнимой славы мученичества: то и предписаны были мудрою Государыней кроткие меры – пастырское увещание, какое и поручено было Св. Синодом Законоучителю Наследника Престола. По сему-то обстоятельству Платон написал 1766 года: *От православно-кафолическия восточныя Христовы Церкви увещание бывшим своим чадам, ныне недугом раскола немоществующим*, тогда же изданное при Св. Синоде вместе с чиноположением, как принимать обращающихся к православной Церкви. Его увещание, выражающее более скорбь о заблудших, чем суд над упорными, более дышащее любовью, чем неумолимую правдою, нашло себе доступ к сердцам многих, желавших познать истину.

За успешное и ревностное исполнение возложенных должностей, Иеромонах Платон, по Именному повелению, посвящён был Преосвященным Димитрием (1766 года, июля 16, в Петергофе) в Архимандрита Троицкой Лавры на место умершего Лаврентия. В этом звании Платон занял Троицкое подворье в С.-Петербурге и вступил в управление многосложными делами того монастыря, где пострижен был, священнодействовал, проповедовал и учил. По ходатайству В.К. Павла, определён был новому Архимандриту Троицкому особый штат певчих с поддьяками, и жалованье на них 1000 рублей в год.

Двор для Платона был новым училищем, где он почерпнул важные для проповедника познания о свете и людях, заметные в его проповедях. Там он окружён был разными людьми, особенно иностранными учёными, с которыми любил беседовать для пользы испытательного ума своего. К законоучителю нередко собирались на обед и на вечер Греки, Сербы, Далматы, Французы, Немцы, Англичане и Итальянцы. Таким образом, дополняя недостатки школьного своего учения и воспитания, он коротко познакомился с языком Фенелона, Бурдалу, Боссюета и Массильона и как в Греческом, так и во Французском языке, господствовавшем при Дворе, почти был самоучкою.

Богословское ученье Великого Князя продолжалось тем же порядком; при уроках иногда присутствовала сама Императрица, часто его Обер-Гофмейстер Панин и учитель математики Порошин. У Наследника собирались люди, отличные умом, учёностью и заслугами, составляя для него занимательную беседу, в коей участвовал и Платон; таковы были: Иван Иванович Бецкий, Иван Иванович Шувалов, Граф Захар Григорьевич Чернышев, Александр Петрович Сумароков, Иван Перфильевич Елагин и Денис Иванович фон-Визин²⁵. Там рассматривались важнейшие предметы веры и нравственности, рассуждали о новых открытых в науках и искусствах, вспоминали любопытнейшие черты из Истории, рассказывали поучительные и занимательные анекдоты из царствования Петра I; для испытания умов нарочно заводились споры и давалась свобода искренно противоречить, чтобы легче открыть истину; там перед Наследником Престола смело осуждался тиран и прославлялся добрый Государь, отец своих поданных. Иногда такие беседы принимали вид академических состязаний, иногда споры обращались в дружеские разговоры, кои вызывали и юного Павла на замысловатые вопросы и остроумные замечания, коими его собеседники любовались, как зарею прекрасной надежды, как плодами своих попечений о воспитании Русского Царя. Но всем этим невидимо и неощутительно распоряжалась мудрая политика Екатерины II, которая умела пользоваться разными средствами и партиями для достижения своих целей, соглашать сторонников в деле общей пользы и в видах Правительства; чтобы не отстать от своего века и прославить имя своё, она особенно заботилась о просвещении своих подданных. Но как в то время завладели общественным мнением Энциклопедисты, которых отзывами дорожили все знаменитости в Европе: то и она не могла избавиться некоторого их влияния и вошла в сношение с Вольтером, Даламбером и Дидротом, которых явная цель была высшее благо народов – а тайная – ниспровержение Христова алтаря и Царского престола. Путём просвещения и воспитания юношества проникли и в Россию их нечестивые мысли, кои рассеивали Французские учителя, гувернёры и собеседники в

знатных домах; появились и при Дворе ослеплённые их последователи, которые, вопреки Апостольской заповеди, сообразовались веку сему, «прельщаясь тщетною философией» (Кол.11:8). Ополчённый св. верою, при чистоте ума своего, Платон легко проникнул это лжеучение. Вновь проникшие «философские правила, – писал он к Графу Остерману, – угрожающие не только религии, но и политической основательной связи, требуют всеприлежной осторожности». При Дворе нередко случалось Платону встречаться с приверженцами лжеименной философии; под видом неведения и сомнения они искушали юного инок; но он силою правды и убедительностью слова поражал их лжемудрования, так что заграждал им уста. Тогда явился при Дворе Российском Дидрот, союзник Вольтеров и глава Якобинцев, которого назначали было воспитателем Наследника Российской Монархии; увидясь с его Законоучителем, хитрый софист, именовавшийся философом, хотел смешать и осмеять юного ещё инок дерзким воззванием: «Знаете ли, отец святой, философ Дидрот сказал, что нет Бога?» – «Это прежде его сказано, скромно отвечал ему законоучитель». – «Когда и кем»? с нетерпеливостью спросил софист. – «Пророком Давидом – подтвердил Платон: *Рече безумен в сердце своём, несть Бога, а ты устами произносишь*»²⁶. Пристыженный сим ответом, Дидрот, клеветет Энциклопедистов, умолк и обнял Законоучителя, которого слова отозвались в России и Европе. Посольство лжеименного мудреца в Россию не достигло своей цели, он должен был отказаться от предложения воспитывать Наследника Всероссийского Престола и отправился во Францию, не посеяв тех плевел, кои там породили революцию со всеми её бедствиями и ужасами.

Между тем в 1767 году Императрица, со всем Двором своим, собиралась в Москву, и новый Архимандрит Троицкой Лавры отпущен был на вверенную ему паству, которую он приветствовал назидательным и утешительным словом; там приняли его с искреннею радостью, как прежнего собрата и как настоящего начальника. Тогда святая обитель представляла совсем другой вид, после учрежденья духовных штатов 1764

года и после отобрания от неё многочисленных и богатых вотчин; она многого ожидала от попечений своего Настоятеля; ибо некоторые начатые в ней строения, как например, колокольня, оставались недоконченными, другие требовали поправок, иные предметы – перемен или улучшений. С того времени прежние способы к содержанию училищ пресеклись. Увидим далее, как поступил Платон в таком положении монастырей.

Среди важных и разнообразных занятий на новом поприще, он, как нежный сын, не забыл своей доброй и благочестивой матери; он послал за нею карету в Москву, и когда она приехала в Лавру, встретил её в монастырских воротах. Перед отъездом же её в Москву, одарив её деньгами и шёлковыми тканями на платье, Платон спросил: «Довольны ли вы, матушка, моими подарками?» – «Очень довольна», – отвечала она; – «как же вы прежде не советовали мне идти в монашество» – заметил он. «Чего мне от Христа? я ведь не знала ещё, что меня будешь так дарить», – простодушно молвила старушка. Это свидание его с матерью своей было последнее.

По прибытии Двора в древнюю столицу и Платон туда явился, для исполнения обязанностей Законоучителя и придворного Проповедника. Тогда же он занялся окончанием начатого Архимандритом Гедеоном каменного дома на Троицком подворье, что в Троицкой улице, на Самотеке; на это Государыня пожаловала значительную сумму денег²⁷. И дом и крестовая церковь во имя Св. Апостол Петра и Павла были готовы в несколько месяцев и 18 августа церковь освящена была Платоном в присутствии Августейшего его ученика Павла Петровича, который на новоселье у сего Архимандрита имел обеденный стол. В этом же году Платон воздал печальный долг двум своим рукоположителям и благодетелям: Митрополитам Московскому Тимофею Щербатскому и Новгородскому Димитрию Сеченову. Оба они кончили жизнь свою в Москве 1767 года: один – апреля 18, другой – декабря 14. Тимофей первый из Архиереев отпет был по чину священнического погребения.

Между тем Императрица, всегда любившая собою подавать пример благочестия сыну своему и народу, собиралась пешком со всею свитой в Троицкую Лавру к празднику Преподобного Сергия, 5 июля; чужестранные Министры, знаменитые путешественники, вельможа и толпы жителей Московских сопровождали Царицу Всероссийскую в этом молитвенном походе, какой совершали часто Государи Российские в обитель Сергиеву, начиная с В.К. Дмитрия Донского. Там Платон в четвёртый раз встречал и приветствовал словом, как он выразился, *Мать господу своего*. Довольная распоряжениями Троицкого Архимандрита для её приёма и заведённым порядком в Семинарии и монастыре, Государыня изъявила ему своё благоволение, пожаловав знатную сумму денег на окончание огромной и единственной в своём роде колокольни, которая ещё начата строением при Императрице Анне Иоанновне²⁸.

По возвращении своём в С.-Петербург, Платон ещё на 30 году жизни своей, наименован был Членом Св. Синода, в коем тогда заседали и Архимандриты Троицкой Лавры. Сделавшись сотоварищем прежних своих начальников в Соборе Святителей, заменявшем власть Патриаршую, он вступил на новое и трудное поприще, на коем желал быть полезным своею живою деятельностью, познанием и усердием ко благу Церкви и Отечества. Умножившиеся с этим самым заботы и подвиги, при напряжении его сил умственных, ослабили телесные силы, и родили в нём недуги, от коих долго он не мог освободиться.

Но такие труды и пожертвования собою не остались без награждения, примерного в то время, когда старость заслуженная и многолетний опыт более имели нрав на высокие степени в духовенстве, чем отличные таланты, сведения и рвение к службе ещё не украшенного сединою инока. По соизволению Императрицы, Платон, в 1770 году наречён Архиепископом Тверским, на место Преосвященного Гавриила Петрова, переименованного Архиепископом С.-Петербургским. 12 октября, в присутствии Государыни и Прусского Принца Генриха, Платон рукоположен был Митрополитами Гавриилом Кременецким, Григорием Угровлахийским, Архиепископами

Гавриилом Петровым и Иннокентием Нечаевым. К довершению его удовольствия, он оставлен Архимандритом Троицкой Лавры, столько им любимой. Здесь оканчивается период жизни, предшествовавший сорокадвухлетнему святительскому его служению, положивший начало тому, чему Бог судил раскрыться на обширнейшем и значительном поприще. Возблагодарив Императрицу речью за её милости, Платон отправил к новой пастве своей печатное пастырское послание, которое и читано было там во всех церквях; потом издал Инструкцию для благочинных, сокращённый Катехизис для ставленников, с присовокуплением церковных правил из Кормчей книги и Духовного Регламента и присягу на священнослужительские чины и для детей два кратких Катехизиса в вопросах и ответах. Прежний его начальник, Московский Архиепископ Амвросий, сперва к нему не благоволивший, после этого, поздравляя его «с новым и сугубым достоинством», именовал его в письме «любезнейшим во Христе братом», а себя «смирненным сослужителем и богомольцем»; но не предполагал он, что пишет к будущему своему преемнику²⁹. Вскоре затем Платон отправился в свою епархию, где и провёл шесть месяцев в ревностном исполнении дел высокого звания своего. Вступив на сию паству после великого разорения, какое она претерпела от губельного в 1763 году пожара, он старался, сколько возможно, устроить духовную часть во всех отношениях. Смотра по надобности, он упразднял или приписывал приходы малочисленные и скудные, уменьшая причет и через то истребляя злоупотребления, введённые обычаем и давностью, и уничтожая родственное наследство мест праздных. Чуждый лицеприятия и мздоимства, Архипастырь не всегда определял к приходам тех священнослужителей, которых желали прихожане, убеждённые просьбами и доуками искателей, а выбирал и назначал достойных по своему усмотрению и соображению: за то некоторые роптали и жаловались на эту меру, как на оскорбительное самовластие; но после, уверясь в прямоту Платона и в достоинстве избранных им, благодарили его, Тверская Семинария обратила на себя отеческое попечение сего покровителя отечественного просвещения, который,

увеличив средства к её содержанию и улучшению, умножил число учеников и послал до 70 человек из них в Троицкую Семинарию. При обозрении в своей епархии городов с уездами Старицы, Ржева, Одоева, Осташкова и пустыни Нила Столобенского, Торжка и Кашина, он везде старался делать полезные распоряжения и проповедовал Слово Божие к назиданию и исправлению. В то время как Платон устраивал Тверскую епархию, Амвросий боролся в Москве с закоренелыми предрассудками и восставал, не без ожесточения, против злоупотреблений, уполномоченных давностью. Наступил роковой для него 1771 год. В день Богоявления он служил в Успенском соборе, при вознесении имени его, протодиакон, по ошибке, вместо *Амвросия* возгласил *Платона*. Такая обмолвка была предвестием. Преосвященный не мог скрыть своего недовольствия и сказал протодиакону: «сбываешь что ли меня?» В сентябре открылась на Москве чума, за ней следовал бунт и убиение Архипастыря Московского. Когда Платон посетил на пути своём и Троицкую Лавру: тогда многие укрывались из Москвы в св. обители Сергия, куда в это время не проникла чума, хотя и свирепствовала в окрестностях; её жертвою, как сказано выше, была мать Преосвященного, вдова Татяна, погребённая в Новодевичьем монастыре. О чудесном избавлении св. обители от губительной язвы засвидетельствовал Платон надписью на каменной доске, которая вставлена в стену Троицкого собора³⁰. Тогда же была Консистория устроена им в Твери в Трёхсвятительском Архиерейском доме, разобран Архив и приведён в порядок. Внешнее благолепие дома Божия не оставлено им без внимания, как одно из средств к поддержанию и внутреннего благочиния в храме, где, по апостольскому писанию (1Кор. 14:40), «всё должно быть благообразно и по чину». Тверский кафедральный собор, обширный и. величественный памятник древнего благочестия и зодчества, до Платона оставался без поддержки; голые стены его растреснулились, иконостас алтарный обветшал. Попечением Архипастыря собор разобран и вновь построен, стены его благолепно расписаны, иконостас и престол обновлены и сделаны двое хоров. К общему удовольствию, сей

обновлённый храм торжественно был освящён Платоном при многолюдном стечении не только Тверских, но и окрестных жителей, нарочно приехавших на духовное празднество и на проповедь Платона. Когда Императрица проездом своим через Тверь в Москву 1775 года увидела сей собор, то сказала Преосвященному: «Вы так украсили собор, что я подобно красивого мало видала». – Повелено было выдать Платону 5000 рублей, кои он, как должно было Государыне, издержал на украшение храма.

Между тем прибыла в С.-Петербург невеста Великого Князя Павла Петровича, прекрасная Гессен Дармштадская Принцесса Вильгельмина со своею матерью и двумя сёстрами; по желанию самой принцессы и её матери, читавших в немецком переводе Платоново Богословие. Преосвященный избран был в законоучители будущей супруге, своего Августейшего ученика. Хотя Архиепископ Тверский, по тогдашним обстоятельствам, и уклонялся от этой должности; но убеждён был и волею Императрицы и желанием обращаемой к Греко-Российскому Закону и, наконец просьбою порфирородного жениха; ещё тем более он должен был на это склониться, что видел искреннее расположение к православной Вере в принцессе, которая была приготовлена к ней благочестивым воспитанием под руководством родительским. Её мать сказала Платону, что «не польстилась бы на все царства мира, когда бы не уверена была, что дочь её спасётся и в этом законе, как Христианском, если только пребудет добродетельною». – Об этом событии Императрица не преминула известить Фернейского оракула следующими словами: «Обращение Гессен Дармштадской принцессы произведено старанием и убеждением Архиепископа Платона, который принял её в недра Греко-кафолической соборной Церкви, единой православной, на Востоке основанной»³¹.

Приготовив сию принцессу, родившуюся в лютеранском исповедании, к принятию исповедания Греко-Российской Церкви, Платон торжественно совершил в придворной церкви священный обряд её присоединения, приобщил св. Таин Христовых и приветствовал назидательным и умилительным

словом Августейшую Вильгельмину, которая приняла имя Наталии. Благодарная и почтительная к своему наставнику, она избрала его своим Духовником и всегда почитала его своим другом: что доказывают следующие выражения из письма, писанного ею незадолго до своей кончины: «Я чрезмерно радуюсь, что нахожу случай уверить Ваше Преосвященство в кратких словах о совершенном моем к вам уважении и отменном почитании, какое я во всю мою жизнь к вам буду иметь; а вас прошу сохранить ко мне вашу дружбу». Великая Княгиня сия скоро променяла брачный венец на смертный, оплаканная всем Царским семейством и её нежною и добродетельною матерью. Надгробное слово, произнесённое Платоном при погребении Великой Княгини Натальи Алексеевны, скончавшейся 1776 года, на заре дней – свидетельствовало о чувствованиях, какими исполнено было сердце духовного витии, её законоучителя, духовного отца и друга.

Совершение брака Наследника Всероссийского Престола в 1778 году было окончанием Богословского его учения. Законоучитель за свои уроки, кои преподавал в продолжение десяти лет, награждён был пенсионом по смерти по 1000 рублей и вскоре возвратился на паству свою.

После мученической кончины ревностного Амвросия, Московская паства оставалась без Архипастыря. Государыня, как бы в наказание, более трёх лет не назначала в Москву епархиального Архиерея и сама её не посещала. Епархиальными делами управляли члены Конторы Св. Синода: чередные Епископы, Суздальский Геннадий Драницын и Крутицкий Самуил Миславский, впоследствии Митрополит Киевский. В начале 1775 года Платон в Твери встретил Императрицу, которая направляла путь свой в Москву. При самом отъезде своём, 21 января, Государыня, в свидетельство своего благоволения, вручила Тверскому Архиепископу два указа для представления их, куда следует; с тем вместе Потёмкин, друг Платона, бывший в особенной милости у Екатерины II, доставил ему от имени Государыни богатую панагию, осыпанную драгоценными камнями. Из указов Платон

узнал, что повелевается перевести его в Московскую епархию с удержанием места Архимандрита Троицкой Лавры, и сверх того, выдать ему на подъём и обзаведение 5000 рублей – сумму, по тогдашнему времени, весьма значительную.

Тяжело было Платону расстаться с Тверского епархией, составлявшею предмета его попечений; он сокрушался душою и горько плакал. К его прискорбию о сей разлуке присоединился страх, весьма естественный человеку – вступить на Иераршеский престол, обогранный кровью Амвросия, который сделался жертвою своей сильной ревности по истине, в борьбе с суеверием, предрассудками и злоупотреблениями; также известно было расстройство дел епархиальных в многолюдной столице³². Нельзя было не предвидеть, что устройство церковных дел и искоренение уполномоченных давностью злоупотреблений потребуют решительных и строгих мер, поставят ему многие препятствия, неизбежные в скорых преобразованиях; боясь и за своё неличеприятное прямодушие и за пылкость характера, опасался Платон, что легко может, при всей осторожности и благоразумии, навлечь на себя неудовольствия, ропот и нарекания. Соображая всё это, он твёрдо решился отказаться и умолять Императрицу об увольнении его от Московской епархии. С таким намерением и для присутствования в Св. Синоде, он отправляется в Москву, куда через Тверь проехали Августейшие его ученики и духовные дети Павел и Наталия: его – плачущего – они поздравляли с новым отличием и возвышением, какое, действительно, представлял ему Иераршеский престол в древней столице, в сердце России.

Простясь с Тверскою паствой, о нём соболезновавшею, Платон приехал в Москву того же года 27 января, и, несмотря на убеждения Потёмкина подал Императрице просьбу об увольнении от Московской епархии; но просьба была тотчас возвращена просителю с собственноручною надписью Государыни: держусь моего указа. После этого, Платон должен был объявить вручённые ему указы в Св. Синоде, где и провозглашён Архиепископом Московским и Калужским, также и Свято-Троицкой Сергеевы Лавры священноархимандритом. Так

с этого Архипастыря Архиепископы и Митрополиты Московские стали именоваться Архимандритами означенной Лавры. Тогда в Москве празднован был победоносною Царицей Кучук-Кайнарджский мир, а с ним вместе как бы примирение с древнею столицею после бунта народного и убиения Архипастыря; при этом торжестве славного мира, 10 июля, Платон совершил благодарственное молебствие в большом Успенском соборе и произнёс витийственное слово, обращённое к Венценосной мироносице, которая сама своими руками поставила на жертвенник в алтаре золотые сосуды, как благодарственную дань Подателю побед³³. Когда же Двор отправился в Калугу, Архипастырь следовал за ним, чтобы обозреть сию епархию, и там, в присутствии Императрицы, проповедовал о намерении, с каким она предпринимает столь трудные путешествия, «истощевая свои силы и оставляя свой покой». Употребив всё время своего краткого пребывания в Калуге на дела звания для блага епархии, Платон отправился в Москву на труды по духовной, учебной, правительственной и хозяйственной частям, тем более важным, что одна поддерживала другую. По прибытии своём в древнюю столицу, он, в праздник Сретения Господня, вступил в Архангельский кафедральный собор, где встретило его Московское духовенство.

Усилия ревностного Амвросия привести епархиальные дела в порядок были малоуспешны, а для него – губительны; начатое им преобразование Московского духовенства с ним вместе и кончилось. В стенах древней Москвы ещё спокойно гнездились суеверие, изуверство и раскол, терпелись злоупотребления потому только, что они введены были обычаем и усвоены давностью. В 1771 году от моровой язвы большая часть духовенства погибла и замещена выходцами из других епархий – священнослужителями, не просвещёнными и не оправдывавшими своего звания поведением и службою. Таких священнослужителей Платон постепенно или отрешал, или переводил в другие места, или смирял «монастырским смирением», заменяя их учёными и добропорядочными. С давних времён в Москве на крестце, у Спасских ворот,

сбирались безместные попы и диаконы, запрещённые, под следствием находившиеся и отрешённые от места; там они нанимались за малую цену служить обедни при разных церквах, особливо домовых. Такие попы и диаконы назывались *Крестцовскими* и с *Крестца*, для отличия от *Крестовских*, служивших в домовых церквах³⁴. Сборище, известное под названием Крестца, и наём священнослужителей³⁵ делали соблазн народу, бесчестие духовенству и укор начальству; но если оно и не оправдывалось, то извинялось и удерживалось давностью сего заведения, против коего тщетно восставал ещё первый Патриарх Иов³⁶ и Архиепископ Московский Амвросий Каменский. Старинный обычай брал верх над законом: жалобы, просьбы и другие препятствия превозмогали – и Крестец оставался до Платона, который всё решился превозмочь, чтобы истребить такое злоупотребление, как постыдную симонию, – и успел. С тем вместе принуждённым он нашёлся убавить число домовых церквей, какие бывали почти во всех знатных и значительных домах, равно и приделы, делавшие тесноту в церквах, и уменьшить умножившихся при церквах приходских викарных или ранних священников: через что пресёк повод к некоторым бесчиниям; ибо при многих приходах состояло по несколько викарных священников, которые поступали с Крестца; ещё в 1724 году Чернышев доносил Петру I, что при одной церкви нашёл он более ста причётников³⁷. Для наблюдения за благочинием в церквах и для сбора пошлин учреждены были в Москве поповские старосты и заказчики. С уничтожением первых, Платон переименовал последних в благочинных, которые заведовали церкви в своих благочиниях по шести из сороков.

Издавна от некоторых церквей и монастырей, без дозволения епархиального архиерея, только по заведённому исстари обычаю, бывали крестные хождения. И на это Платон обратил внимание и, для приведения сего в законный порядок, издал в 1800 г. *Учреждение о крестных ходах*, коим доньше руководствуются. По указу его 1776 года, повторенному 1800 г., учёным священникам и диаконам предоставлено было первенство (чин предстояния) в крестных ходах и других

духовных церемониях перед неучёными; – только в наказание за какие-нибудь пороки учёные священники и диаконы лишались первенства и становились ниже неучёных беспорочных. До правления Платона, прихожане самовольно могли переходить от одного прихода к другому; он же, по распределении приходов, запретил такие переходы, и не иначе дозволял, как только по крайней необходимости. Во многих церквях найдены им разные образа, воспрещённые Соборами, также иконы, писанные несогласно с преданием православной Церкви, или неблагообразно; по его распоряжению они были вынесены из храмов. При этом не обошлось без пожертвования некоторыми памятниками древности отечественной, коими он впоследствии более дорожил.

Так как в мор некоторые приходы почти все вымерли: то Платон вынужденным нашёлся их церкви приписать к другим или вовсе упразднить. Кроме вещественных средств церкви, не оставлено было им без внимания точное исполнение устава церковного; чтение, пение и служение были по возможности, исправлены; ибо сам Архипастырь неожиданно посещал монастыри и церкви в часы Божественной литургии, вечерни и всенощного бдения, никогда не пропуская без замечания достойных похвалы, или порицания; ему обязана Москва благолепием чина церковного богослужения, лучшими певцами и чтецами, для коих он сам бывал примером; потому что Архипастырь деятельно участвовал в них чтением и пением: он читывал, присутствуя при св. службах в церквях, часы, апостолы и паремии; случалось, что иногда певал на клиросе вместе с дьячком и за дьячка. В 1775 г. им предписано: во всех Московских церквях и монастырях, при всех священнослужениях, при окончательных отпусках, между прочим, воспоминать четырёх святителей Московских: Петра, Алексия, Иону и Филиппа, а также благоверного Царевича Димитрия, Василия блаженного и преп. Савву Звенигородского и на дни их совершать всенощные бдения. (*Протокол МДК. 1775 г., мая 20*). Он издал инструкцию для благочинных иереев и протоиереев, которые заменили прежних поповских старост и заказчиков: инструкция сия напечатана была в Москве 1775 г. с

реестром церквей, издревле разделённых на шесть сороков или заказов. Возвысить в глазах народа сан духовный возвышением его духовного и нравственного достоинства, водворением внешнего благочиния и порядка, было одним из главных попечений и забот ревностного по вере Архипастыря, который по справедливости заслужил имя отца Московского духовенства. Сравнивая прежнее состояние духовенства с современным себе, он тогда просто говаривал с некоторым самодовольствием: «я его застал в лаптях и обул в сапоги; из прихожих ввёл в залы к господам». При борьбе с суевением, предрассудками и злоупотреблениями на пастве, нельзя было Платону не испытать того, что он предчувствовал в Твери и от чего хотел уклониться. Но согласные с законами его действия, ощущение своей правоты и надежда на Защитника правых укрепляли его в подвигах; время и опыт превращали ропот против него в благодарность, а зависть – в преданность к нему и уважение.

Императрица Екатерина II, заботившаяся о призрении нищих и бедных, повелела в 1776 году сделать новое учреждение богадельням в Москве Духовной Комиссии, состоявшей из преосвященных Гавриила, Иннокентия и Г. Теплова, Чулкова и Мичурина... Сколь ни неприязненны были Платону некоторые из её членов, но они не могли обойтись без его совета и содействия; посему пригласили его к участию и согласно с его мнением положили:

1) что богадельням приличнее и полезнее, а для казны выгоднее быть при церквях, а не особенным где-либо корпусом за городом;

2) богаделенных расписать роды и разделить при церквях на частные малые богадельни и

3) в белом городе, Китае и Кремле отнюдь богадельням не быть.

Мнение это утверждено было Императрицею: но Платон ещё имел другое в предмете – благосостояние церквей и священно и церковнослужителей.

По случаю морового поветрия в Москве 1771 г. отведены были на краю её кладбища, где сооружены деревянные церкви,

именно:

- 1) за Дорогомиловской заставою церковь св. Елисаветы чудотворицы,
- 2) на Ваганькове церковь св. Иоанна милостивого,
- 3) близ Бутырок церковь св. Софии и трёх её дочерей,
- 4) по Троицкой дороге за Крестом церковь преп. Параскевии,
- 5) по Серпуховской дороге, за Даниловым монастырём, церковь Священномучеников Херсонских и
- 6) по Коломенской дороге, за Покровским монастырём, церковь Пресвятой Богородицы всех скорбящих.

Но на содержание этих церквей и причта не назначено было от казны суммы. Платон предлагал упразднить означенные шесть церквей, построенные только для особенного случая, а дозволить погребать прихожан по-прежнему в приходских их церквях, для отвращения затруднений и неудобств небогатым перевозить тела своих родных в отдалённые места и для пользы самых приходских церквей. «Всякий вкладчик, – пишет он, – более станет снабжать те церкви, при коих его сродники погребены. Если же, – заключает он, – за каковыми резонами при церквях погребение дозволить невозможно, то, по крайней мере, оное погребение чинить бесспорно возможно при состоящих близ самого поля церквях». Для сей цели Платон и предназначил 24 церкви в сороках: Сретенском, Ивановском, Замоскворецком, Пречистенском и Никитском.

Нам неизвестны побудительные причины, по коим предложение это не состоялось.

В самый день своего тезоименитства, ноября 18, 1775 года, Архиепископ Московский получил указ о назначении его в Директоры Московской Духовной Академии. Сам бывши в ней учеником и учителем, он хорошо знал её нужды и недостатки. Она нуждалась в содержании и учебных пособиях, особливо для бедных; сравнительно с многолюдством столицы и епархии, мало было учеников; самый порядок и способ учения не вполне соответствовали цели сего заведения, которое должно было доставлять Церкви просвещённых пастырей и достойных учителей. В Академии недоставало хороших наставников и

многих полезных предметов ученья. Первые, по большей части, Малороссияне, из Киева перенесли в Московскую Академию схоластику Польских училищ, а в язык – слова Польско-Малороссийские; знание Латинского языка считалось главною необходимостью, отечественному же и новейшим языкам и не учили; все предметы, начиная с Риторики, преподавались на Латинском; Греческим языком занимались очень немногие. Вообще стройной и определённой методы учения не было; всё зависело от самых лиц и средств. Поэтому, влияние Академии на Московское духовенство дотоле было слабое, а направление – одностороннее.

В таком виде, через двадцать лет, Платон застал Академию, где он провёл счастливейшее время своей юности, где, подобно питомцу её Ломоносову, открыл сам себе первые врата учёности и начал проповедовать с той кафедры, на которую Пётр Великий возвёл десятилетнего Князя Антиоха Кантемира, в гвардейском мундире, произнести поучительное слово на Греческом языке³⁸. Со всем рвением Директор Академии занялся её преобразованием, какого она требовала для пользы духовенства во внешнем же быте и во внутреннем развитии. Увеличив в ней число учеников от 800 до 1000, он устроил для беднейших особую бурсу, в коей они получали приют, пищу и одежду, не теряя времени на хождение в училище, нередко из отдалённых концов Москвы, и на собиранье милостыни для своего пропитания. Содержание Академии значительно было увеличено и вместе с тем шире распространился круг её деятельности. Поощряя и покровительствуя учёным людям из Великороссиян, Платон, согласно с указом 1754 года, апреля 30, нашёл уже более не нужным вызывать учителей из Киева и держаться введённых ими схоластических систем, Философии и Богословия³⁹. Хотя указом 1775 г. и отдана была Академия в полное распоряжение её Директора, однако с тем, чтобы о перемене и определении вновь учителей, равно и о других преобразованиях представлять на разрешение Св. Синода; но через семь лет после того, указ июля 15 увеличил права Директора,

предоставив на его благоусмотрение выбор и определение учителей, наконец, префекта и проповедников.

Как ревнитель просвещения в духовенстве, Платон, написав для учителей всех классов Академии подробное наставление, следил за успехами учения; по его распоряжению, они обязаны были представлять ему ежемесячные отчёты о классных занятиях и самые упражнения учащихся. Если Академия, как замечает автор её истории, в первый период свой именовалась Еллинскими школами, во второй – Славено Латинскими⁴⁰, то при Платоне оправдала своё название *Славено-Греко-Латинской*; потому что при нём до того усилено было преподавание Еллинского языка, что некоторые из Академистов уже могли правильно писать на древнем Греческом и говорить свободно на новогреческом языке; для изучения последнего они посещали соседственный с ними Греческий Николаевский монастырь и даже имели в нём помещение. Успехам в этом языке способствовал и указ Императрицы, 1784 г., который предоставлял право на праздные священнические места преимущественно приобретшим совершенное знание в Греческом языке; потому что, «книги священные и учителей православной нашей Церкви Греко-Российской, – как выразилась Императрица, – писаны на Греческом языке и потому что знание его способствует многим другим наукам». Не менее того поощряемо было изучение Латинского языка, на коем свободно, хотя и не всегда чисто, писали и говорили Академисты; некоторые из них далее славились основательным знанием Латинского языка. Тогда, не оставляя сего классического языка, начали писать на Русском сочинения и состязаться на диспутах. Так Русское слово с того времени стало постепенно очищаться от неуместной примеси Славяно-церковных и Малороссийских слов, пестривших и затемнявших слог; самое строение речи, прежде подчинённое Латинскому, стало принимать Русский склад. Целью учреждения класса высшего Латинского и Русского красноречия было усовершенствование учеников в ораторском искусстве, необходимом для образования проповедников. Учение Еврейского языка продолжалось не без успеха. Недоставало в

Академии новейших языков, Немецкого и Французского, кои могли познакомить Академистов с лучшими произведениями западных Богословов, Философов и Историков; Платон ввёл и поощрял преподавание того и другого языка.

Такими средствами приготавливались питомцы к наукам, из коих главная была Богословия; до Платона она преподавалась на Латинском языке и в схоластических формах. Для руководства Директором Академии выдан на Русском языке опыт Богословия, чуждый схоластических тонкостей и представлявший стройное и ясное изложение откровенного учения. «Разные системы Богословские, – замечает сам сочинитель в инструкции своей, – ныне в школах преподаваемые, пахнут школою и мудрованием человеческим; а Богословие Христово, по Павлову учению, состоит не в препретельных словесех и не в мудрости человеческой, *но в явлении духа и силы*». Школьное учение представлялось ему неполным, если ум не будет предан в послушание вере, если «премудрость – как сказал Св. Симеон Христа ради юродивый об Оригене, – происходит не от Бога, но от одного учения и многого книг чтения»⁴¹. Посему в старости своей Платон спрашивал кончалых Богословов: «Вы ведь прошли все школы; Христову то школу прошли ли?» – Время от времени в состав Богословского учения введены: Герменевтика священная, способствующая правильному толкованию Св. Писания, Церковная История общая, Пасхалия, Пастырское Богословие и Каноническое право. До того не было на Русском языке Русской Церковной Истории и она не преподавалась ни в Семинарии, ни в Академии; Платон, написав опыт этой истории, которая, по его убеждению, «была для духовного звания не только пристойная, но и необходимо нужная, предписал читать её в классах Риторики, Философии и Богословии. С 1802 года преподавались в Академии некоторые части Медицины, без сомненья, с тою целью, чтобы врачей души сделать врачами тела.

Не ограничивая образование юношей духовного звания пределами Духовной Академии, он посылал отличнейших, для дальнейшего усовершенствования в СПб. Академию Наук и в Московский Университет, куда ходили Академисты слушать

Физику у знаменитого в своё время Профессора Страхова; тогда же посылаемы были в чужие края несколько студентов из Московской Академии и Троицкой Семинарии, в том числе родной брата Платона, Алексей Левшин. О чём свидетельствует переписка первого с Профессорами Оксфордского и Гёттингенского Университетов; в надгробном слове, при погребении в Гёттингене одного из студентов Троицкой Семинарии, Смирнова, любимого ученика А. Шлецера и И. Муррая, воздана была самая лестная похвала Платону за покровительство просвещению⁴². Как любитель и знаток церковного пения и устава, Архипастырь этот ввёл в Академию преподавание того и другого с тем, чтобы будущих пастырей Церкви заранее ознакомить с порядком церковного служения.

Для поощрения отличившихся академистов и семинаристов, ДиРектор, как увидим далее, печатал их сочинения и переводы, почти всегда с одобрительными отзывами, подписанными на сочинениях собственной его рукой: по-видимому, он желал тем поощрить их к дальнейшим успехам и увековечить имя своё в памяти питомцев своих.

Так устроив Академию по своей мысли, Платон доставил ей все зависевшие от него средства к её усовершенствованию. Но признавая одно учебное образование без нравственного несовершенным, он желал, чтобы сердца питомцев были проникнуты любовью к добродетели, без коей наука не оплодотворяет сердца. «Наблюдайте сей долг пред Богом всеприлежно» – писал он Начальству Академическому – чтобы учителя не только учительством, но ещё более честным житием юношество наставляли, также и об учениках, чтобы не только в науках, но ещё более в добродетели преуспевали». Заботясь о питомцах Академии, как отец о собственных детях, Платон в письмах своих внушал её Ректору и Префекту: «Наблюдайте, чтобы более моральными, нежели физическими наказаниями ученики к своей должности были приводимы» В таких наставлениях проявляется дух Платона, его привязанность к месту своего учения и учительства, также доказательство, как высоко он ценил учено-нравственное образование будущих пастырей и учителей Церкви. По его мнению, «учение, дабы

было действительно, не столько зависит от остроумия и красноречия, сколько от чистоты и непорочности сердца учителей».

Существовавшее в Академии до 1775 года обыкновение толковать Катехизис и сказывать проповеди по воскресным дням продолжалось с успехом; в том и другом примером и образцом был Платон, который, как мы уже видели, прославился на этом поприще. Он давал направление юным проповедникам. Опыт убедил его, что отвлечённое, схоластическое и сухое изложение учения о догматах и добродетелях в проповеди мало приносит пользы слушателям, если проповедник силою собственного убеждения и силою живого слова не возбуждает в сердцах любви к добродетели и потом не укрепляет их в вере. Прочитав проповеди одного из проповедников, Мельхиседека Заболоцкого, Платон писал к Преосв. Августину: «скажите, чтобы он теоретических и догматических мыслей подалеке себя вёл, чтоб не заблудиться, а более держаться нравоучения». Действительно, когда неверие в западной Европе довело натуралистов и атеистов до явного восстания против добродетелей, предписанных Словом Божиим; когда во имя равенства, братства и свободы, под предлогом восстановления прав человечества, полились потоки крови человеческой во Франции; когда алтарь Христов и престол Государев были ниспровергнуты: тогда необходимо было проповеднику не только вооружаться против неверия, суеверия и расколов, но, утвердив истину догматов, раскрывать высоту нравственного учения, вникать в жизнь человеческую и разнообразные её отношения, согреть неверующее сердце любовью к добру, которое составляет цель жизни, и таким путём подавить семена лжемудрований кичливого разума. Обнимая умом своим новые пути Философии при свете Евангельской веры, Архипастырь убедился, что «от умозрительных наук более вреда, нежели пользы и что ежели вера ослабнет, а с нею вместе благонравие, то никакой не учинят помощи ни просвещение, ни мужество». В духе обличения писал и сам Архипастырь и академические проповедники против умственной заразы, тем более что проповедники западного учения в России

были, по большей части, воспитателями юношества и что проникшие в неё сочинения Энциклопедистов рассевали плевелы в образованнейшем высшем классе народа. Под влиянием сего протектора Академии образовалось много достойных проповедников, каковы например: Макарий Сусальников, Амвросий Подобедов, Серебряников, Протасов, Аполлос Байбаков, Афанасий Иванов, Моисей Гумилевский, Павел Понамарев, Дамаскин, Руднев, Владимир Тредьяков, Моисей Платонов, Августин Виноградский, Аарон Нарцизов и другие. Это был период процветания красноречия духовного⁴³. Тогда в публике обнаружилось живое сочувствие к духовному красноречию; аудитория и церковь полны были слушателями, в числе которых находились многие вельможи, университетские Профессора и почётные граждане⁴⁴. Это не могло не служить сильным поощрением для проповедников и не возбуждать в них соревнования.

Почти те же недостатки предметов учения, учителей и учёных пособий нашёл Платон и в Троицкой Семинарии, как и в Академии, и те же употребил средства, чтобы восполнять её недостатки и удовлетворить её потребностям, так что при Платоне Семинария эта стала несравненно выше старейших её: Новгородской, Харьковской и Черниговской. В её похвалу довольно только сказать, что из неё вышли три кряду преемника Платона, Московские Архипастыри: Августин, Серафим и Филарет, Новгородские Митрополиты: Амвросий и Михаил и многие другие Иерархи. В пособие Московской Академии Директором её устроено в Перервинском подмосковном монастыре училище, и самая эта древняя обитель обновлена постройкой покоев для школы, учителей и Архиерея, разведением сада, обнесённого каменною оградой⁴⁵. Для распространения пределов духовных училищ, открыв малые училища в Калуге, Звенигороде и Дмитрове, он испросил у Императрицы на содержание каждого из них по 300 р. ежегодного оклада. Впоследствии времени, 1789 г., Платон положил капитал в Опекунский Совет с тем, чтобы на проценты его содержались по пяти студентов, в Московской Академии, в Троицкой Семинарии и в Перервинском училище; они

именовались *Платониками* и фамилию Платоновых удерживали и по выходе из училища, для сохранения благодарной памяти о своём воспитателе и покровителе. На каждого из них полагалось 30 р. в год – сумма, по тому времени, достаточная для весьма умеренного содержания: на пищу, платье и обувь. Для своих Платоников Платон написал учреждение в коем требовалось, чтобы желающие поступить в число их, должен дать подписку, что остаётся в духовном звании; чтобы в Платоники избирались дети недостаточных отцов, но наилучших нравов, учения, понятия и прилежания, трое из Риторики, один из Философии, другой из Богословии; двое из них обязаны были учиться Греческому языку и на нём разговаривать, а все без исключения упражняться в Латинском, Французском и Немецком языках. Из самих студентов избирался инспектор, а опекун – из лучших учителей. Данные им правила Платон «заключает такими словами: Никто сего учреждения переменить не должен; а желаем мы и молим Бога, чтобы оно цело и ненарушимо сохранялось навсегда: ибо наше намерение ни к чему клонится, как только подать помощь бедным, но благоуспешным и благонравным ученикам. Церковь снабдить хорошими служителями и изъяснить нашу пред Богом благодарность за преподанное от Него свыше нам какое-либо просвещение».

Своих питомцев Платон никогда не оставлял без внимания, но пользовался всяким случаем, чтобы за ними надзирать и следить за их успехами в учении. По собственному его признанию, посещение училищ служило для него приятнейшим отдыхом от епархиальных дел: там он являлся и начальником, и вместе учителем, и соучеником; на экзаменах и диспутах вступался в вопросы учителей и в ответы учеников, состязался с теми и другими для испытания и поощрения дарований; нередко сам пересматривал, поправлял и отмечал своею рукою школьные их упражнения, сидя на скамье вместе с учениками и студентами; ежели случалось заставить их в столовой за обедом, он отведывал их пищу, чтобы узнать, хорошо ли она приготовлена. По врождённой проницательности, провидел ли в ком талант, замечал ли отличные успехи в учении, или

неусыпное прилежание: на того обращал он особенное внимание, отличая его среди его сверстников, беседовал с ним и в классе, и у себя в покоях; приглашал его к своему столу, к прогулкам с собою, коим умел придавать особенную занимательность и пользу. Сады, луга и рощи Лавры, Вифании, Перервы, Корбухи и Черкизова превращались им в Академии, где юноши учились рассуждать со своим Платоном о разных предметах учёности; что напоминало им древний Платонов учительный сад – Академию в Элладе. Богослову задавал он вопрос из Богословия для разрешения, философу – какое либо положение из области Любомудрия; поэту – тему для стихов. Как Платон в конце XVIII века чаще пребывал в своей Вифании, то и Вифанская Семинария, подобно Троицкой, составляла особенный предмет его забот и попечений; редкий вечер он не посещал её; каждую почти субботу приходил в аудиторию Семинарии слушать проповеди семинаристов, предварительно им рассмотренные; поправлял же он юных проповедников в произношении и движении не с холодною строгостью или с убийственным для юноши глумленьем, а с живым участием и снисхождением, так что талант был возвышаем и посредственность не унижалась. Этот ревнитель духовного просвещения и покровитель дарований радовался всякому проблеску таланта, всякому успеху в науках. От Вифанской Семинарии поднесены были ему в день его тезоименитства, 1808 г., ноября 18, стихотворения: *Орган сердец*; прочитав их, он надписал на них своею рукою: *Lectis his ingenii lusibus, agnosco libenter et docentium labores et discentium diligentiam et meam curam non vanam fuisse. Deus faveat coeptis promoveat ulteriora. Plato. M. Et A. Bethania.* «Прочитав сии произведения ума, охотно признаю труды учащихся и прилежание учащихся и моё попечение не тщетным. Да благоприятствует Бог началу и споспешествует дальнейшим успехам!» На стихах, поднесённых ему от Перервинской Семинарии, Платон написал: *Pererva! ne te deterreat denominatio tua! Nec enim unquam perrumpi patietur Deus. Gratias refer ita tibi providae Numinis curae, et cursum, quem feliciter inchoasti, felicius continuare ne desistas unquam t. e.* «Перерва! Да не устрашает тебя имя твоё! Бог никогда не

допустит тебе прерваться. Принеси благодарность пекущемуся о тебе Провидению и никогда не преставай счастливо начатое течение успешнее продолжать».

На экзамене в Перервинском училище Платон заметил одного ученика из Латинского класса, бойко отвечавшего ему на вопросы. Ученик этот был бедный сирота Алексей Васильев Виноградский. При другом случае, Виноградский поднёс ему Латинские стихи выражавшие благодарность; они так понравились Архипастырю, что он велел их напечатать золотыми буквами и один такой экземпляр послал к юному стихотворцу с такою собственноручною надписью: *Domino Winogradsky versus aureos auro imprimendos censuit Plato Metropolita Mosquensis. 1787, April. 3, т. е. «Господину Виноградскому. Платон Митрополит Московский признал золотые стихи достойными быть напечатанными золотом».* Когда же Виноградский написал латинскую элегию на бедственную кончину в Крыму своего наставника Моисея Гумилевского, тогда Платон, как говорят современники ему, сам перевёл, или поручил префекту Академии Серафиму Глаголевскому перевести её слово в слово Русскою прозою и напечатал её 1792 года⁴⁶. Виноградский, подобно Глаголевскому, по убеждению своего покровителя, принял монашеский образ и оба были его преемниками. Мы говорим об Августине и Серафиме, которые один после другого вступали на Иераршеский престол Москвы. По переведении Коломенской Семинарии в Тулу, 1798 г., ученик её Василий Михайлович Дроздов подал просьбу Митрополиту Платону о принятии его в Троицкую Семинарию; по испытании, он записан был в Философский класс, где не мог не обратить на себя внимание отличными своими дарованиями и быстрыми успехами в науках. Первая его проповедь, 12 января 1806 года, на день освобождения Троицкой Лавры от осады Поляко-Литовцами, особенно понравилась Платону, так что он велел её напечатать⁴⁷ и сам неоднократно читал её другим. Выслушав другое его слово на Великий пяток, он не обинулся при всех окружавших его, с прирождённою ему откровенностью и благодушием, отдать ему первенство над собою в

проповедании⁴⁸, и сравнивал его с Афанасием Александрийским. На экземпляре его проповеди, о нём Митрополит надписал: *tu es princeps praedicatorum*, т. е. «ты глава проповедников». Когда открылось в Коломне священническое место, тогда прихожане просили Платона дать им в священники Дроздова, бывшего уже учителем в Семинарии. Платон на это сказал им: «Дам я вам его; я его берегу на своё место»⁴⁹.

Однажды после прогулки на Корбухе, Платон, садясь в карету, мимо других, его провожавших, подал руку свою Дроздову со словами: «Ты меня один поддержишь». Кто в этом юноше не узнает знаменитого Архипастыря Московского, духовного витии Филарета и кто не увидит в Платоне искренней любви к дарованиям, ревности к их поощрению и возвышению вместе с тем дара прозорливости! С таким же великодушным беспристрастием отзывался Платон о витийственных словах питомца своего Амвросия Протасова, впоследствии Архиепископа Тверского: «Если бы я писал так как он: то вся бы Россия сходилась меня слушать». Сими словами Платон хотел выразить, что Амвросий, при всей высоте своих мыслей и при всем обилии слова, не имел отличного дара произношения. Но известно, что даже жители отдалённой Сибири приезжали в Москву нарочно для того, чтобы видеть и слышать Платона, что ни один из знаменитых путешественников не проезжал древней столицы, не посетив его. Можно бы много привести примеров поощрения талантов Платоном; но из них приведём ещё два. Новиков и Шварц, принадлежащие к масонскому обществу, бывшему в соприкосновении с мартинизмом 1781 г., основали дружеское учёное общество с целью распространить свои идеи. Само начальство покровительствовало ему. К этому обществу присоединена филологическая семинария переводничества. Первое содержало на своё иждивение 10, а последнее – 6 студентов. То и другое признано было духовным и светским начальством, хотя ему и противодействовал куратор Московского Университета Мелисина и прочие, Барсов и Шаден. Ученик Троицкой Семинарии, круглый сирота, Матвей Десницкий, до окончания курса наук просил у Платона себе причётнического места, но прозорливый Архипастырь назначил

его в открытую 1782 года Филологическую Семинарию Дружеского Общества и тем проложил ему путь не к дьячковскому месту, но к кафедре проповеднической, которую он прославил своим плодовитым и назидательным красноречием, и к Митрополии Новгородской. Не можем пропустить здесь и другого случая, переданного нам самим участником в милостях Платона. Один из учителей Вифанской Семинарии, Николай Степанович Клементьевский говорил в отсутствии Митрополита, но в присутствии преданного ему Г. Булгакова, слово о любви к ближнему. Доброжелательный и благочестивый слушатель отозвался Митрополиту с отменною похвалой о проповеди и проповеднике. Владыка не оставил призвать к себе Клементьевского с проповедью. Прочитав её сам, он велел прочесть её при себе и проповеднику; похвалил её и сказал Клементьевскому: «Ищите прежде всего царствия небесного и правды его» – и давши ему в обе руки фруктов, примолвил: «а сия вся приложатся вам». При посвящении Клементьевского в иеродиаконы, апреля 21, 1812 года, (то было последнее рукоположение, совершенное Архипастырем) Платон, склонившийся уже к западу дней своих, в поучении своём сказал рукоположенному им: «Храни обеты, иди путём смирения и терпения, будешь первенствовать в соборе владык». Юный иеродиакон Никанор принял такие слова не более, как за поощрение себе и утешение; но они были, как увидим, предсказанием будущего его жребия; потому что тогда он не мог никак ожидать себе Митрополии Новгородской.

«В сердце моём ещё живы слова Платона из его «инструкции Вифанским студентам и Платоникам» – пишет один из его питомцев, бывший Архиепископ Каменец Подольский Кирилл: – Студенты, по окончании наук, обнадёживаются от нас хорошою промоцией; впрочем, быв просвещены и благонравны, сами встретятся со счастьем»⁵⁰.

Таковыми-то средствами Платон приготовил многих достойных; правителей Дому Божия и знаменитых витий, которыми украшалась и доныне ещё украшается отечественная Церковь. Он склонил принять иноческий образ Павла Пономарева, Амвросия Протасова, Августина Виноградского,

Евгения Казанцева, Филарета Дроздова, Симеона Крылова и многих других. Под правлением Платона рассадники духовного просвещения стали рассадниками достойных Архипастырей, столпов православия.

Попечения Архипастыря не ограничивались одними школьными занятиями питомцев. Как человек образованный, одарённый обширным умом и чувствительным сердцем. Платон не мог не любить изящных искусств⁵¹ и заграждать им вход в область школы, тем более что и в Московскую и Киевскую Академии открывали им доступ сочинители библейско-исторических драм святитель Димитрий Ростовский и Симеон Полоцкий. – Для развития вкуса и дарований, для упражнения в произношении и движении, Платон допускал в вакационное время, представление Семинаристами избранных сцен из Библейской, Греческой и Римской истории, также некоторых трагедий Сумарокова, даже сам назначал пьесы для представления, иногда и сам присутствовал; но однажды вывел весьма невыгодное заключение о студенте из того, что тот хорошо сыграл безбожника из известной трагедии⁵². В аудиториях юноши занимались инструментальной и вокальной музыкой: пением духовных кантов оглашались не только учебные покои в часы отдыха от учения, но и рощи и сад Корбухи и Перервы, Пафнутьевский сад в Лавре. Платону приятно было видеть питомцев своих бодрыми и весёлыми духом; он повторял слова Апостольские: «Благодушествует ли кто, да поёт» (Иак. 5:13).

Зная необходимость развития и упражнения телесных сил, Платон позволял сменять прогулками и невинными играми школьные труды, требовавшие усидчивости и напряжения ума; Троицкие и Вифанские семинаристы, весной и осенью, чистили рощи и в садах дорожки, летом шевелили и складывали сено в копны на лугах, поливали и пололи гряды в огородах, собирали травы для домашней аптеки и цветы для украшения церквей в праздники и аудитории во время диспутов, нередко и сам Архипастырь бывал свидетелем и даже участником таких занятий, кои имели целью внушить учащимся любовь к природе, уважение к трудам поселянина, приучить их к хозяйству,

необходимому для сельского священника, и дать полезное для здоровья развлечение учёным труженикам. Бывши врагом праздности и роскоши, Платон собственным примером учил юношей трудолюбию и умеренности.

Но время перейти от мирных обителей наук на поприще пастырской деятельности Платона, где надобно было обнаружить ему свою ревность по вере и отражать козни врагов её, утверждая верующих в православии и обращая к нему отступивших от него.

До основания особой Цензуры в 1799 г., рассмотрение книг возлагалось на Ректора и Префекта Академии. В 1785 г. Платону предоставлено было право разрешать печатание книг духовного содержания.

Когда дух нечестия взволновал Францию и, распространяемый агентами тайных обществ, проникал и в другие государства, тогда дальновидная Екатерина II употребила все средства, внушаемые её политикой, для предупреждения умственной заразы в своём государстве; особенно обращено было её внимание на учебные заведения, учёные общества, на вольные типографии и книги, кои могли быть проводниками зловерного учения. Высочайшим указом 1785 г. декабря 24, присланным Московскому Архиепископу Платону и Главнокомандующему в Москве Графу Брюсу, повелено было рассмотреть напечатанные в типографиях Новикова и в вольных книги сомнительного содержания. По сношению Архиепископа с Главнокомандующим касательно этого дела, избраны цензорами и следователями с духовной стороны Архимандрит Серапион и игумен Моисей; а с гражданской – полицеймейстер Годаин. Первым предписано «освидетельствовать книги, выходящие из вольных типографий, где что-либо касается до веры, или дел духовных, и наблюдать, чтобы таковые печатаны не были, в коих какие либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются». Подозрительные книги были рассмотрены и продажа их остановлена до окончания следствия; потом собраны были содержатели вольных типографий и обязаны подписками впредь не печатать никакой книги без цензуры одного из

духовных и светских цензоров. На донесение Комиссии последовал Высочайший указ, коим повелевалось запечатать и запретить, на основании замечаний Архиепископа Московского Платона, следующие книги:

- 1) О заблуждениях и истине;
- 2) Апология, или защищение вольных каменщиков;
- 3) Братское увещание;
- 4) Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть;
- 5) Карманная книжка, и
- 6) Парацельса химическая псалтырь.

Прочие же книги Новиковские и вольных типографий были дозволены. По приказанию Императрицы, содержатель типографии и член Дружеского общества Новиков отдан был Платону на испытание в православии потому, что он подозреваем был в сношениях с тайными обществами. Зная неблагоприятное о Новикове мнение Государыни, Платон, по испытании подозреваемого, не обинулся донести о нём в таких именно словах: «Вследствие Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, последовавшего на имя моё от 28 сего декабря, поручик Новиков, был мною призван и испытую в догматах православной нашей Греко-Российской Церкви, а представленные им, Новиковым, ко мне книги, напечатанные в типографии его, были мною рассмотрены. Как пред престолом Божиим, так и пред престолом Твоим, Всемилостивейшая Государыня, я одолжаюсь по совести и сану моему донести Тебе, что молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и Тобою, Всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были Христиане, таковые, как Новиков⁵³. Что же касается до книг, напечатанных в типографии его, Новикова, и мною рассмотренных, я разделяю их на три разряда:

в 1-м находятся книги собственно литературные, и как литература наша доселе скудна в произведениях, то весьма желательно, чтобы книги в этом роде были ещё более и более распространяемы и содействовали бы к образованию;

во 2-м я полагаю книги мистические, которых не понимаю, а потому не могу судить об них; наконец

в 3-м разряде суть книги самые зловерные, развращающие добрые нравы и ухищряющиеся подкапывать твердыни нашей веры. Сии-то гнусные и юродивые порождения так называемых Энциклопедистов следует исторгать, как пагубные плевела, возрастающие между добрыми семенами».

Такое откровенное и беспристрастное мнение, основанное, сколько с одной стороны на видимости, столько с другой на сущности дела, по свидетельству Сенатора И.В. Лопухина, было уважено Императрицею⁵⁴. При начале революции Французской (1789 г.), общество литераторов в Москве предприняло переводить все сочинения Вольтера, изданные Бомарше в 69 томах. Об этом предприятии было доведено до сведения Императрицы Екатерины II; рескриптом своим на имя Московского Главнокомандующего Еропкина она повелела Управе Благочиния и Обер-Полицеймейстеру наблюдать, чтобы «такое издание отнюдь не было печатаемо ни в одной типографии без цензуры апробации Преосвященного Митрополита Московского⁵⁵.

Свою ревность по истинной вере и великодушие Платона показал 1795 г., в деле университетского профессора Мельмана, обнаружившего в беседе с ним мнения, противные основанию откровенной религии. Напитанный Немецкою Философией конца XVIII века, этот знаток Греческой и Латинской Словесности, полагал основанием Религии Философию, а источником нравоучения – языческих писателей. Платон возразил ему, что коренное основание Религии есть Священное Писание и что истинная Философия может быть почерпнута только из Откровения, которое преподаёт нам чистое и возвышенное учение нравственности и одно может сообщить правилам её высшую силу обязательности и власть действовать на сердце человеческое. Но, видя упорство учёного Немца в своих мнениях, Платон двукратно советовал ему не высказывать, по крайней мере, своих мыслей на лекциях: но когда тот не принял такого условия и объявил, что почитает себя обязанным сообщать слушателям свои убеждения, тогда Митрополит отнёсся к Куратору Московского Университета Хераскову, который по совещанию со старшими Профессорами решил

удалить Мельмана из Университета. Неблагоденные выдавали ревность Святителя по вере за гонение. Платон в письме своём выразил своё соболезнование о жребии молодого учёного, «признавая его достойным снисходительного исправления»⁵⁶. Мельман же, несмотря на своё разногласие, отозвался в письме своём о Московском Архипасторе: *in eo summa ars et summa ratio*, т. е. в нём высочайшее искусство и высочайший разум.

Не только против одной лжеименной Философии, но и против гнездившихся в пастве расколов должно было ополчаться Архипастырю Московскому. Свирепствовавшая в Москве чума 1771 г. дала повод раскольникам к основанию моленной и часовни на земле, отведённой им начальством для кладбища за Преображенской и Рогожской заставами; та и другая принадлежали разным, несогласным между собою согласиям, но соединённым общею враждой против православной Церкви: одна была поповщина, которая принимала священство, не признавая Иерархической власти; другая отвергала священство, вместе с тем и таинства Церкви, кроме крещения и покаяния, совершаемых у них мирянами их согласия под именем отцов. В числе последователей того и другого толка были богатые купцы и фабриканты, которые влиянием своим и зависимостью от себя удерживали в расколе тысячи недостаточных и бедных людей. Усилившееся общежитие перекрещенцев в Преображенском не могло не обратить на себя заботливого внимания Московского Архипастыря; он донёс об этом Св. Синоду, который указом своим, 1775 г. сентября 29, запретил «держатъ в Преображенском лжеучителей». Но основатель этого согласия беспоповщины, или Федосеевщины, Московский купец Илья Кавылин, изворотливый и вкрадчивый, снискавший себе благоволение некоторых вельмож, знакомый с полицией, сумел ослабить меры, принятые духовными властями. В 1790 г. он, с разрешения Московского Главнокомандующего Князя Прозоровского, соорудил вместо ветхой деревянной часовни новую каменную и на ней, как бы на церкви православной, поставил главу с крестом. Митрополит Платон спрашивал

Губернское Правление: почему дозволено раскольникам это сделать? – Ему отвечали: в силу манифеста 1762 г. Правление не в праве это им запретить.

Ещё прежде, как мы видели, Платон написал увещание раскольникам не столько в духе обличения, или суда, сколько в духе любви, соболезнующей о закоснелых в заблуждениях; в таком же духе он принимал учительные меры, действуя на отпадших от православной Церкви и проповедью, и пастырским посланием, и келейною беседою, и благоразумными распоряжениями. Многолетний опыт его убедил, как он сам писал в 1803 г., что «Церкви Христовой Пастырю и самому просвещённому, весьма затруднительно иметь с раскольниками прение и их в заблуждении убедить: ибо в прениях с обеих сторон должно быть единое начало, или основание, на коем основывать все доказательства. Но ежели начало у одной стороны будет иное, а у противной другое: то никогда согласиться будет невозможно. Просвещённый Христианский Богослов, для утверждения всех истин Церкви Христовой, не иное признает начало, как едино Слово Божие, или Писания Ветхого и Нового Завета. А раскольник, кроме сего начала, признает ещё за равносильные Слову Божию начала и всякие правила Соборов, всякие писания церковных учителей и всякие повести, в книгах церковных обретаемые; да ещё их и более уважает, нежели Слово Божие»⁵⁷. Но и такие трудности Бог помогал Платону нередко преодолевать; силою убеждения, духом кротости и снисхождения он успел многих отпадших возвратить в недра православной Церкви и память свою тем увековечить в их семействах, доныне вспоминающих с благословением имя его.

Обозревая течение служебной его жизни, мы увидим и действия его при учреждении единоверческих церквей в царствование Павла I. Боявшиеся влияния Платона, по вступлении на престол Александра I, глава беспоповщинского толка в Москве, Кавылин проискал своими успел освободить свою общину от зависимости православного духовенства: тогда Архипастырь Московский, тщетно противоборствовавший успехам его толка, поддерживаемого светскими властями,

выразился так: «Если этот народ исправен в исполнении гражданских обязанностей, то обращение его к православию надо предоставить Господу; будет время, когда он изберёт достойнейшего на это дело».

Кроме духовной и учебной части, требовали внимания Архипастыря и правительственная, по тогдашним обстоятельствам запутанная, и хозяйственная – расстроенная. Для окончательного решения накопившихся дел епархиальных, он не щадил ни труда, ни здоровья; потому что каждый почти день, по несколько часов занимался рассмотрением дел, поступавших к нему от Консистории, Духовных Правлений и от благочинных; сам принимал, разбирал прошения и жалобы, выслушивал словесные объяснения. Все такие дела требовали внимания и исследования, проницательности и решительности, нередко суда и милости, или лучше сказать, милости и суда, правды и мира, какие обнаруживаются в резолюциях Архипастыря.

Хозяйственная часть в епархии ожидала попечений Платона, который нашёл её в пренебрежении; как благоразумный и расчётливый хозяин, он и на неё уделял время от своих занятий и её приводил в порядок. Архиерейский дом в Кремле со своими принадлежностями был разграблен и разорён во время народного бунта и убиения Преосвященного Амвросия. Получив, без просьбы своей, от щедрот Монарших 40.000 руб. на построение пространнейшего дома, Платон соорудил новое здание, обращённое потом в Николаевской дворец, где, в 1818 году, увидел свет Государь Император Александр II. В этом доме Платон устроил крестовую церковь во имя Св. Апостола Петра и Павла, возобновил и украсил Чудовские церкви, снабдил их священными утварями. Сверх того, попечениями его построены на Заборовском и Хамовническом подворьях деревянные хоромы, со службами и каменными оградами, а на первом – с церковью; возобновлён заброшенный дом Митрополита Тимофея Щербатского в селе Черкизове, любимом летнем приюте Московских Святителей, начиная с древнейшего его владельца Св. Алексея Митрополита. Там, позади древней церкви Св. Пророка Илии на

холме, возобновлённый сад обнесён был каменною оградой; около него, вновь насажены берёзовые рощицы; при подошве холма расчищен большой, обильный рыбою пруд и укреплён плотиною, на коей построена мельница. Следя за течением дел нашего Архипастыря, мы встретим ещё в Троицкой Лавре, Вифании и других местах и при других случаях его хозяйственную деятельность и плоды созидательного духа. У него всё было устроено более для существенной пользы, нежели для щегольства по внешности, в духе благоразумной экономии и с большою расчётливостью.

С такую ревностью по вере православной и просвещению, с такую же попечительностью о внешнем и внутреннем устройстве Московской паствы, началось и потом продолжалось его управление, так что первый год его служения удостоен особенного благоволения Императрицы и ознаменован многими ему наградами и милостями. В календаре на 1775 год им записано так: «Благодеяния Божии, в сем году на меня излиянные:

- 1) пожалован в Московские Архиереи,
- 2) оставлена Лавра при мне,
- 3) дана панagia в Твери,
- 4) дано 5000 руб.,
- 5) дана мантия бархатная,
- 6) дана панagia от Государыни,
- 7) даны часы бриллиантовые от Государыни,
- 8) дано 1000 р. Лавре от Государыни,
- 9) Их Высочества пожаловали два куска «парчи,
- 10) пожалован сервиз серебряный в 5000 р.,
- 11) пожалован Наместником в Чудов монастырь,
- 12) даны иподиаконы,
- 13) дано протодиакону жалованье,
- 14) прибавлено жалованье служителям,
- 15) Семинария Перервинская учреждена,
- 16) на две Семинарии Сав. и Калуж. дано содержание,
- 17) три монастыря приписаны к епархии,
- 18) Архимандрия Злотоустинская «возобновлена,
- 19) от графа Потёмкина в Чудов монастырь «сделаны:

1) шапка богатая,
2) другая шапка,
3) четыре панагии,
4) два креста,
5) омофор и
6) крест благословящий;
20) Академия в дирекцию отдана,
21) ружных церквей жалованье на моё распоряжение
отдано»⁵⁸.

Исчислив все сии Монаршие награды и преимущества, как благодеяния Божии, коими не пользовались его предшественники. Платон Малиновский, Тимофей Щербатский и Амвросий Зертис Каменский, Платон заключает это исчисление смиренным воззванием: «Что есмь аз Господи! яко «помниши мене»⁵⁹. Столько беспримерных наград и отличий, в один год, не могли не возбудить зависти в совместниках и недоброжелателях Платона.

Прежде отъезда своего в С.-Петербург, в 1776 году, Платон принимал в Троицкой Лавре Императрицу с Великим Князем и Великою Княгинею. Государыня пожаловала ему на довершение построек 30.000 рублей. После этого, в бытность свою в С.-Петербурге, он просился у Государыни об увольнении его навсегда от Св. Синода, для устройства епархии своей, где хотел кончить начатые им дела и жизнь; но получил увольнение только на один год. Между тем Великий Князь Павел Петрович обручил себе невесту, Принцессу Виртемберг Штутгардскую Софию Доротею, племянницу Фридриха Великого, которая с именем Марии и в сане Императрицы увековечила себя благодеяниями страждущему человечеству. Платон определён был к ней Законоучителем для того, чтобы приготовить её к соединению с православною нашею Церковью. По исполнении своей обязанности, Архипастырь имел удовольствие при бракосочетании приветствовать словом новобрачных, и после того отправился в Калугу для открытия Наместничества; ознаменовав это торжественное действие пастырскими поучениями, он возвратился в Москву, в начале 1777 года, на дела званья своего. Этот подвиг Платона Императрица

признала «новым свидетельством его к себе усердия и любви «к отечеству»⁶⁰.

В исходе 1778 года, Платон имел утешение принести со слезами радости в Московском Успенском соборе благодарственное Господу молебствие за дарование первенца Александра Наследнику Престола. Павел извещал своего наставника, что «младенец родился со всеми счастливыми приметами». В слове своём на это отрадное событие Архипастырь Московский предрекал, что «Новорождённый Князь, заимствуя кровь и бытие своё от столь славных начал, не сумнительную подаёт надежду, что будет он во время своё украшением Царскому роду, подпорою благочестия, утехой России»⁶¹. На другой год после сего, Платон вызван был в С.-Петербург по делам епархии своей, как Архипастырь её, и по делам Св. Синода, как член его; во время своего там пребывания он проповедовал в придворной церкви, в присутствии Императрицы, находившей удовольствие его видеть и слышать.

По возвращении на паству свою, он усердно принялся за духовную, учебную и хозяйственную части; как благоразумный пастырь и хозяин, он построил в Троицкой Лавре, вместо ветхой и малой, новую обширнейшую ризничью палату, где и разместил по описи богатейшие утвари, по большей части, Царские вклады; при нём и его попечениями, в тамошних церквях некоторые главы позолочены, алтарные иконостасы обновлены, многие св. иконы обложены серебром, расписаны внутренние стены церквей, построены новые палатки: одна над мощами Св. Архиепископа Новгородская Серапиона, Иоасафа Митрополита Всероссийского и Троицкого Архимандрита Дионисия; другая над гробницею страстотерпца Максима Грека; воздвигнут у Троицкого собора обелиск из дикого камня с летописью на четырёх мраморных досках, в прославление Троицкой Лавры и в вечную память великих мужей Св. Сергия, Архимандритов Иоасафа и Дионисия, и Келаря Авраамия⁶². По сломке обветшавшей трапезы Успенского собора, остались вне его гробницы злополучного семейства Годуновых: двух Царей Бориса и Фёдора, Царицы Марии и Царевны Ксении. Над

схимниками сей обители Пересветом и Ослабем, положившими живот свой в Куликовской битве, Платон поставил скромный памятник с надписью на старом Симонове в древней церкви Рождества Богородицы. Как верный сын отечества и блюститель отечественных преданий и древностей. Архипастырь желал такими памятниками увековечить имена сих иноков – ратоборцев⁶³. О благоговейном сохранении памяти благодетелей Троицкой Лавры свидетельствует устроенный им Синодик в 1792 году и подписанный собственною его рукой: *совершать по уставу поминовение всегда непременно и неизменно*. В память освобождения Сергиевской обители от осады поляков в 1610 году, Платоном учреждено 12 января крестное хождение по стенам Лавры. С этим празднеством в день св. мученицы Татианы он желал соединить воспоминание о соимённой ей матери своей. Это крестное хождение и доселе повторяется в этот день. Первое, изданное Митрополитом слово на это торжество было произнесено учителем Греческого и Еврейского языков, Василием Дроздовым 1806 г. впоследствии Митрополитом Московским Филаретом.

От разнообразных занятий на пастве, требовавших личного присмотра, отвлекали Платона поездки в С.-Петербург для присутствования в Св. Синоде, от коего не увольняла его Государыня, несмотря на повторение просьб, так что однажды она отвечала ему через Князя Потемкина, что «отдаёт на его волю ехать, или не ехать». После такого отзыва, Платон в 1781 году отправился в С.-Петербург, где не нашёл Великого Князя «Павла и Великой Княгини Марии, которые тогда путешествовали по Европе под именами Графа и Графини Северных (du Nord)⁶⁴.

Между тем как Архиепископ Московский занимался в С.-Петербурге синодальными и епархиальными делами, ещё прежде окончания срока своего, он получал от Императрицы повеление отправиться в Москву (1782) для торжественного открытия Наместничества и присутственных мест Московской губернии, по новому учреждению. При том случае произнесено им шесть проповедей о священных обязанностях к Церкви, Престолу и Отечеству. В то время прибыл в Москву Римский

Император Иосиф II, который путешествовал по России под именем Графа Фалкенштейна; на третий день своего прибытия в Москву, он посетил Платона на Троицком подворье и долго с ним беседовал⁶⁵. Этот преобразователь духовенства в Римской Империи столько любил Московского Архипастыря, что осматривая с ним священные достопамятности древней столицы и Троицкой Лавры, требовал от него изъяснений и входил с ним в рассуждение о разных предметах учёности и религии. Когда после того, Императрица спросила сего Государя: «Что нашёл он достопримечательного в Москве?» «Платона, – отвечал Император. Год открытия Московского Наместничества, рождения Митрополита Филарета Дроздова и кончины Святителя Тихона, ознаменован был чудесным событием в Сергиевской обители, радостным для её Архимандрита. Одна девица Елисавета, около 15-ти лет не владевшая ногами и ползавшая на коленках, исцелена была чудодейственною силой Преподобного Сергия за всеобщим бдением. При начале всеобщей она сама вскочила и стала на ноги, покрывавшие их струпья свалились, гнойные раны очистились. Об этом чуде свидетельствует сам Митрополит Платон в изданном в том же 1782 г. житии Преподобного Сергия: «В прошедшем 1782 г. как всем вам довольно известно есть, единая жена, имея болезнью более десяти лет связанные ноги, и не возмогши никак и никогда ходить, что совершенно исследовано, ползала по земле. Она, приползши к сей раке, как к некоему источнику врачебной силы, внезапно восстала на ноги, и, ходя и скача, и хваля Бога и избранного им. Чем явное и очевидное Бог оказал своё о месте сем благоволение и пособие угодника сего. Чудесное исцеление это совершилось в Сергиевой обители за всеобщую. Задремавшей ей, калеке, явился Преподобный Сергий, взяв её руку, поднял с воззванием: «Восстани, Елена! она вскочила, как бы ни в чём не бывало, и рассказала о явлении. Дивились присутствовавшие, как Преподобный назвал Елисавету Еленою; неужели он ошибся в имени? Но Платон объяснил это тем, что чудотворец переменою её имени обрёк её в монашество и постриг её в иноческий образ⁶⁶.

Не дожив ещё до полвека, Платон чувствовал, с утомлением сил своих от трудов и забот, влечение к любимому им сыздетства, уединению: может статься, он уже скучал и борьбой с обстоятельствами и людьми, не всегда ему благоприятными при Дворе и в Синоде; потому что он нередко встречал препятствия в исполнении своих предприятий, слышал превратное толкование своих слов и дел, как человек мог ошибаться, или оскорбляться. Ещё в 1779 году писал он к Потёмкину, своему другу и благодетелю, каким сам признавал его, что «помышляет уже и об отдохновении от забот, что если исполнится ему двенадцать лет в Архиепископском чину: то располагается проситься на обещание в любезную ему Лавру: ибо, – прибавил он, – в трудах от юности моя вознесся же, смирихся и изнемогах»⁶⁷. Платону исполнилось двенадцать лет в Архиерействе: он просил Государыню об увольнении его от епархии и о дозволении ему жить в Троицкой Лавре на покое – и тогда же уведомил о своём намерении Великого Князя Павла Петровича, который на это отвечал следующим письмом, выражающим сердечные его отношения к своему наставнику: «Намерение ваше оставить место своё не только меня удивило, но и опечалило, как любящего своё отечество и как друга вашего; я нахожу его и с той и с другой стороны осудительным. В необыкновенном течении вещей качества душевные показываются, а при трудностях, где они испытываются – тут прямое их достоинство и цена им узнаются. Извините, если противоречу вам: но к сему долг меня обязывает. Если чему-либо научило меня путешествие: то тому, чтобы в терпении искать отрады во всех случаях. Исправляя свою должность, взирая спокойным оком на те вещи, которые собою исправить не можем, (ибо слабости повсюду существуют) мы можем на всяком месте иметь безмятежную совесть; а сия на всяком месте властвует. Не знаю, предуспею ли в моём предприятии отвратить вас от вашего намерения, но иного во мне быть не может, как сообразного вашему добру; ибо вас люблю, и есмь ваш верный друг».

На прошение Архиепископа Платона об увольнении его от епархии Императрица ответствовала, что *он и без увольнения*

может быть свободным, и предоставила его воле пребывания в Троицкой Лавре, с дозволением 1781 г. поручить епархиальное правление данному ему в помощь прежнему его питомцу, Викарию и Епископу Севскому, Амвросию Подобедову, впоследствии Митрополиту Новгородскому. С того особенно времени Платон более уединялся в Троицкую Лавру, но посещал и Перервинский монастырь, куда в 1785 и 1786 году, летом, ходил пешком из села Коломенского Великий Князь Александр Павлович к божественной службе и пользовался беседою Архипастыря Московского. С 1783 года Платон занялся устройением себе приюта для уединения, для коего он избрал в трёх вёрстах от Лавры, на речке Кончуре, среди рощей, лугов и прудов, место красивое и впусе оставленное; там желал кончить дни свои в безмятежной тишине. В этой пустыне, после переименованной монастырём, устроено им кладбище для погребения лаврских монахов, согласно с указом, запрещающим погребать в знаменитых местах. По его замыслу и на его иждивение, сооружена, на подобие Фавора, церковь, в коей один престол на горе во имя Преображения Господня, а под ним вертепный храм Лазарева Воскресения, возобновляющей в памяти Палестинскую Вифанию; здесь в пещере приготовив себе место для погребения, храмоздатель впоследствии поставил дубовый гроб, вмещавший в себе св. мощи Преподобного Сергия. Расставив по хорам в Вифанской церкви изображения Св. Отцов, Великих Учителей Церкви и над ними икону Спасителя, говаривал: *Вот Христова Академия и с Ректором своим!* В деревянном двухэтажном доме Архипастыря сооружена малая крестовая церковь Сошествия Св. Духа, где, вместо алтарного иконостаса, сделана резная с позолотою решётка в роде балюстрады и царские сквозные двери с завесою, разделённою на две половины. Эта пустыня названа Вифаниею «по причине погребаемых братьев в надежде воскресения, по примеру Лазаря воскресшего»⁶⁸. Присоединением Семинарии и богадельни к обители благочестия, Платон выразил свою любовь к просвещению и истинному благодетельству.

Между тем как Платон озабочен был устройством себе временного и вечного приюта, Императрица Екатерина II, в 1785 году, после издания Городового положения и утверждения прав Дворянства, прибыла в Москву на несколько дней. Занимаясь тогда сочинением Русской Истории под именем *Записок*, она поручила Московскому Архипастырю составить список Великих и Удельных Князей Российских, их предков, жён, детей и потомков, погребённых в Московских церквах, с означением дня их рождения и кончины. Потом, через года два, после путешествия своего по южной России из Крыма, с двумя внуками своими, Александром и Константином, она, в 1787 году, прибыла в Москву; её сопровождал и Князь Потёмкин Таврический и другие вельможи. Встретивши её в Успенском соборе, Московский Архиепископ принят был Государыней весьма благосклонно, неоднократно удостоен Царского стола, беседы и благоволения за его труды и заслуги Церкви и Отечеству. Тогда уже окончилось четверть века царствования Екатерины, тридцать третий год Наследнику Престола и двенадцатый год, как Платон, в сане Архиепископа, правил Московскою и Калужскою епархиями, между тем, Архиепископ Новгородский Гавриил и Киевский Самуил пожалованы были Митрополитами; и для Московского Архиепископа уже изготовлен был белый клобук: но Духовник Императрицы Иоанн Памфилов, не расположенный к Московскому Иерарху, нашёл причины остановить сию награду, или, лучше сказать, отложить её до торжественного случая. Не входя в исследование, мог ли и должен ли быть равнодушным Московский Архипастырь, обойдённый в заслуженном повышении, обратимся к самому делу: оно лучше откроет пути Промысла, а в них судьбы человеческие, в коих орудие зла обращается в орудие добра.

Платону минуло тогда полвека жизни. Наступил день его рождения и мирского тезоименитства, общего с Августейшим его учеником Великим Князем Павлом Петровичем. В присутствии Государыни, двух её порфирородных внуков, Александра и Константина, среди знаменитейшего собрания, Платон, в праздник первоверховных св. Апостолов Петра и Павла, совершал Божественную литургию в большом

Успенском соборе; после задостойника, служивший вместе с ним Духовник Государыни в уставленной молитве провозглашает Платона Митрополитом Московским, и тоже велегласно повторяет придворный Протодиакон в Царских дверях. Платон, предполагая умысел в этой ошибке, заметил Памфилову, что «сего не должно делать при совершении святейших Таин», но тот отвечал ему, что «так велено». Уверясь в неожиданной ему милости Императрицы, он из Царских дверей благодарил её поклоном, а после литургии – словом.

Всё это предварительно было так распоряжено Государыней, чтобы неожиданностью и торжественностью придать более важности награде и устами недоброжелателя провозгласить Платона Митрополитом. Архипастырь, в белом клобуке, с восхищением приветствованный народом при выходе из собора, приглашён был Государыней к столу, за коим она, поздравив его с днём рождения, тезоименитства и с возвышением в сане, пожаловала ему, как имениннику, серебряное вызолоченное блюдо с солонкой⁶⁹ и хлебом; а на другой день, как Митрополиту, прислала ему на белый клобук бриллиантовый крест. Утешенный и обрадованный Платон проводив Императрицу, ехавшую в С.-Петербург до села Всесвятского.

Это посещение Москвы Императрицею было последним, Её дальновидное внимание вскоре обращено было на возгоравшуюся революцию и на нечестивое мудрование во Франции, с коею она прервала все сношения и запретила учить в духовных училищах Французскому языку, как проводнику развратных мнений. Между тем зависть не переставала преследовать Платона, а злоба вымышлять средства его беспокоить: появились на него оскорбительные и небывалые дотоле доносы; сколько их ни поддерживали недоброжелатели его, требованием пояснений и справками; но они сами собою уничтожались. Хотя Архипастырь и признавал всю лживость таких изветов и справедливость свою; однако не мог освободиться от негодования и по темпераменту своему умел скрывать своего оскорбления⁷⁰.

Переступив за полвека своей жизни, Платон, с изнеможением сил своих, начал чувствовать болезни, особливо частые колики, и вместе с тем необходимость спокойствия в уединении, столь ему приятном: оно уже приготовлено было в Вифании, где он желал забыть вместе с заботами службы и Двор и Синод, и епархию, посвятив себя Богомыслию и внутреннему созерцанию, как последнему уделу монаха и старца, близкого к своему гробу. С упразднением Крутицкой епархии, по именному указу 1788 г. мая 6, в помощь Московскому Митрополиту дань викарный епископ, первый в древней столице с наименованием Дмитровского, которым был Серапион. После долгого размышления, наконец, он решился, ещё раз просить Государыню о довершении её к нему милостей совершенным его увольнением от епархиальных дел и дозволением жить ему в Вифании на покое. Совершив в Чудове монастыре божественную литургию и сказав слово, в каких случаях можно от должности отпуска просить, он послал своё прошение к Императрице 1792 г., февраля 2. Тогда же в письме своём к знаменитому Архиепископу Белорусскому Георгию Коннискскому Платон писал с откровенностью человека, сознавшего в себе немощь человечества: «Несколько во граде быв, выходил я на подвиг против пререкании, но мир превозмог и слабость моя со стыдом оному уступила»⁷¹.

Сколько бы ни частыми могли показаться Государыне такие прошения Архипастыря и сколько недоброжелатели его ни представляли их неприличными; но прозорливая и великодушная Монархиня, высоко ценившая труды и достоинства Платона, ещё раз хотела показать ему неизменность своего к нему уважения – отвечала ему, что «всегда признаёт его заслуги, сожалеет о болезнях его: но почитает, что и без увольнения от епархии может он жить в Троицкой Лавре, сколько рассудит, а во время отсутствия своего, может поручить правление своему Викарию»⁷².

Итак по этому отзыву Государыни, хотя Платон и удалился в Лавру, поручил правление Викарию своему Серапиону, однако же не преставал заниматься важнейшими делами по епархии: не пропускал случая и проповедовать, поражая словом своим

буйное неверие и своеволие, тогда заражавшее умы Французов и Поляков: не оставлял притом и хозяйственной части, как благопопечительный хозяин и строитель; для сего нередко приезжал он в Москву, Перервинский, Махрищский и другие монастыри и пустыни Московской епархии, им обновлённые и украшенные, также навещал и любимые свои рассадники учения, наведываясь об успехах питомцев, которые привлекли на себя его зоркое внимание отличными дарованиями, или примерным прилежанием к наукам и хорошим поведением. С благочестивою и любознательною целью им совершено было в августе 1792 года путешествие в Переславль, Ростов, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владимир, Юрьев и Александров; в сих древних городах он посетил св. обители для поклонения опочивающим там св. угодникам Божиим и чудотворным иконам, для обозрения достопамятностей и отыскания в монастырских библиотеках материалов Русской Церковной Истории, коей преподавание он хотел ввести в духовные училища и составить опыт руководства к оной.

На всём пути своём к св. местам Русским он встречал благоговение к себе жителей; они толпами собирались посмотреть на маститого Архипастыря, которому предшествовала слава его имени и его дел, и стремились принять от него благословение. – При обозрении Калужской епархии, приписанной к Московской, Платон, посетив Оптину Введенскую пустынь и признав её весьма удобною для пустынно общежития, и постигнув духовное её значение, решился там учредить оное по образцу Пешношского монастыря⁷³ и взять оттуда у благочестивого игумена Макария в настоятели инок Авраамия. Зимой жил Платон в Троицкой Лавре, а летом в Вифании, редко посещал Москву.

Среди таких его занятий наступил 1796 год, ознаменованный рождением Великого Князя Николая Павловича. Августейшая бабка сама вынесла Внука на руках своих к народу, принявшему новорождённого с восклицаниями радости, и сказала: «Вот, дети, моя радость, а ваша надежда!» Восхищённый отец не преминул известить об этом событии своего Законоучителя, который со слезами умиления совершил

благодарственное молебствие⁷⁴. Тогда как внимание Платона занято было тройственным союзом мира Екатерины II с Англией и Австрией: он внезапно в Троицкой Лавре 1796 года 11 ноября (день решительный для него самого, как увидим), получает собственноручное письмо от нового Императора, Павла Петровича. Извещая его о кончине Матери своей и о своём вступлении на Престол, Государь повелевает ему приехать к себе в С.-Петербург, распорядив всё по епархии, где он не был более года. Сколь ни лестен мог показаться для Платова такой призыв от Императора; однако же мало порадовал его; потому что Архипастырь тогда страдал прежними своими болезнями, начинал скучать мирскими заботами и помышлял более о своём увольнении от епархиальных занятий, как будто предчувствуя новые для себя прискорбия, от коих надеялся укрыться в Вифанском уединении своём. Но можно ли отказать в просьбе прежнему ученику своему и другу, и должно ли было противиться воле Монарха? Платон колебался, медлил, не решаясь ехать в С.-Петербург⁷⁵, по призыву Царя, не терпевшего коснения в исполнении своих приказов. Между тем тогда приглашал его градоначальник Московский Измайлов приехать в древнюю столицу для духовного торжества. Митрополит отправился в Москву, где и ждал дальнейших распоряжений из С.-Петербурга.

Тогда на Платона обращено было общее внимание; ибо все знали близкие его отношения к Государю; обе его супруги Наталия и Мария, уважая в Платоне своего Наставника, удостаивали его своей приязни. Уже общее мнение предсказывало, что Московский Митрополит, как друг и наставник Царя, станет помазывать его на Царство и первенствовать при короновании, будет отличен особенною наградой, возвышен и воспользуется отменной доверенностью Императора. Многие наперёд поздравляли его с таким счастьем, и как бывает в свете, заискивали его внимание и поручали себя благосклонности его. И действительно, Павел, знавший его с детства своего, привязан был к нему; пятнадцать лет вёл с ним дружескую переписку⁷⁶ и в письмах именoval его *верным другом*. И Платон ожидал от нового Государя, как сам

пишет, «награды покоем в уединении». Недоброжелательные же к Платону, зная его прямодушие и откровенность, опасались его влияния на Государя, от природы восприимчивого; сторожили случай отдалить его. Тогда первенствующим членом Св. Синода был Гавриил Петров, прежний товарищ и совместник Платона, оспорившего у него честь быть законоучителем у Наследника Всероссийского Престола. Одарённый умом глубоким, обнимавшим не только область христианского православия, но даже и проникавшим в область политики, Гавриил скрытностью и сдержанностью своего характера представлял противоположность с чистосердечием и чувствительностью характера Платона, что обнаруживалось и в служебных их отношениях. Прочие члены Синода и Обер-Прокурор Мусин Пушкин, состоявшие под влиянием Гавриила, более ему и сочувствовали и противодействовали Платону.

Вступление своё на престол ознаменовал Император Павел I дарованием светских отличий Российскому духовенству; в праздник всех Российских орденов, 8 ноября, Новгородскому и С.-Петербургскому Митрополиту Гавриилу и другим Архиереям пожалованы были орденские знаки, между прочим 6 ноября 1797 г. и Московскому Митрополиту пожалован орден св. Андрея первозванного и командорство, состоявшее из селений в Московском уезде: сел Карачарова, Ростоккина, Черкизова, деревень Калошиной и Дубровки, подмонастырской слободки Перервинской, деревни Печатниковой и села Тушина. По силе статута, командор мог пользоваться доходами с этих селений. Но ни почёт, ни выгода не ослепили Платона. Держась слов Духовного Регламента, что *дело епископов велико, но честь ни каковая*, с искренностью друга и усердием подданного написал он письмо к Государю против этого нового установления в Российском духовенстве, прося о повелении присутствовать в Синодальной конторе Епископу Дмитровскому за отъездом своим в С.-Петербург.

По отправлении сего письма, не согласного с образом мыслей и действий Императора, Платон получил от Императрицы Марии Феодоровны напоминание о немедленном приезде в С.-Петербург; ибо там давно ожидал его Император,

занятый торжественным погребением Августейших родителей своих Петра III и Екатерины II, которых разлучённые гробницы им соединены были в Петропавловском соборе, где Императрица Анна Иоанновна, через семь лет после кончины Петра I, передала погребению его тело вместе с останками второй его супруги, Екатерины I⁷⁷. И так, через 21 день после приглашения Государя, отправился Платон в С.-Петербург, с Архимандритом Августином; и, не доехав Твери, в селе Городне получает от Императора в письме выговор за свою медлительность в исполнении его воли, а от Св. Синода отказ с оскорбительным для Московского Архипастыря замечанием на его просьбу. Члены Синода спешили исполнить волю Государя, опасаясь, чтобы он не переменил, и указ подписывали во время совершения литургии в алтаре на жертвеннике. Что произошло от болезни и недоумения, какое могло возбудить необыкновенное стечение обстоятельств, то поставлено было ему в небрежность и высокомерие. «Я ожидал, – писал ему Павел I, что вы поспешите исполнить волю мою, но когда усматриваю противность тому, то убеждаюсь стать против вас на другой уже ноге, приличной достоинству Государя вашего». Бывший тогда при Императоре штатс-секретарь И.В. Лопухин старался смягчить гнев его на прежнего его наставника, зная, что Государь, при первом свидании с Митрополитом Гавриилом, первенствующим членом св. Синода, сказал: «пожалуйста, оставьте Платона в покое, и без меня не касайтесь до него! Мы и так пересолили»⁷⁸.

Встревожился духом старец от неожиданной неприятности и оскорбительной встречи; потому что душа его настроена была совсем к иным чувствованиям, несмотря на то, что он неохотно ехал в С.-Петербург⁷⁹. Опять новое недоумение ехать ли к Государю, изъявившему своё неудовольствие, или воротиться в Троицкую Лавру для избежания новых прискорбий. Почитая гнев Государя увольнением себя от приезда, Платон возвратился в св. обитель Сергия, больной и печальный, и оттуда в письме своём объяснил Монарху причину своего медления на пастве и возвращения с пути, прося об увольнении себя от епархии. На это получил от Императора ответ, в коем он уверял прежнего

своего наставника, что требовал его к себе по привычке быть с ним и для того, чтобы возложить на него орден, и что надеется на продолжение службы его по епархии». Столь благосклонный ответ облегчил прискорбие Архипастыря и успокоил его встревоженное сердце тем, что Государь уважил его объяснение и увольняет от приезда в С.-Петербург.

Так как назначено было прибытие Государя в Москву к 10 марта, 1798 года, для коронования: то и Митрополит Московский в январе месяце, невзирая на болезнь свою, отправился из Лавры в древнюю столицу, куда прибыл из С.-Петербурга Св. Синод, коего тогда первым членом был Митрополит Гавриил, а Обер-Прокурором А.И. Мусин Пушкин; оба они соединены были, взаимною приязнью и единомудрием в своих действиях по своим видам, с которыми не всегда согласовался Платон и в записках своих признается, что «терпел искушения от своих собратий». Накануне прибытия Императора, с Платоном случилась столь жестокая болезнь от колики и песка в почках, что он и отчаялся его встретить, и в то же время опасался, чтобы не дано было превратного толкования, если не явится к Царю. На другой день, когда несколько утихла боль, Платон велел себя везти в Петровский подъездный дворец, и там ожидал прибытия Императорской фамилии, а вместе с тем – решения своей участи, тяготившей его душу, при заметной остуде тех, которые прежде его поздравляли с новым счастьем. В приёмной зале Петровского дворца, где собрались гражданские и военные чины, Платон сидел как бы чужой и незнакомый для паствы своей и опальный; никто, кроме секретаря Лопухина, не подошёл к нему под благословение, да и он никого не благословлял, показывая вид, что не узнаёт. Так действовала на знакомых и, по-видимому, уважавших его людей Царская опала! Среди телесных и душевных страданий Архипастыря, приезжает туда Государь с Государыней: на крыльце Петровского дворца, при встрече, он сказал Платону, что *весьма рад его видеть*. В приёмной зале дворца Платон приветствовал Императора речью, в коей между прочим изъяснил чувства, близкие к сердцу его в следующих выражениях, напомянувших прежнее его состояние, свои к нему

отношения и настоящее торжество: «Се зрим Павла, Богом предоставленного и Богом избранного от пелен быти Царём в Израили, в православной и преславной России, любезном отечестве нашем. Се зрю того, коего твёрдого просвещения, доброты душевныя, непорочности нравов и истинного благочестия от младых лет, удостоился я быть зрителем и проповедником».

После этой речи, благосклонно принятой Царём и Двором его, Митрополит немедленно отправился к себе на подворье, куда от тяжелой болезни и душевного напряжения, привезён был почти без чувств. Вслед затем он получил от Императора собственноручное письмо, в коем, благодаря за его речь, просил на другой день к себе приехать для того, чтобы, как выразился он, «расплатиться, чем он ему обязан пред собою и светом». Но Платон от слабости сил едва только мог на другой день подписать письмо, в коем уведомлял Государя, что он «очень болен и, как скоро почувствует хоть малое облегчение, то не преминет явиться лицу его». Не прежде, как через пять дней, он едва смог явиться к Государю, который лишь только его увидел, ничего не говоря, возложил на него приготовленный орден св. Андрея Первозванного. Тщетно Платон отрекался от этой почести. Но Государь на все возражения бывшего своего наставника отвечал одно, «что о том довольно рассуждал и хочет, чтобы воля его была исполнена». После продолжительной беседы с Императором, Императрица прежнему своему Законоучителю и духовному отцу подвела под благословение всю Императорскую Фамилию, которую он по желанию Государя, в Великую Субботу, перед священной коронацией, приобщил св. Тайнам в Чудове монастыре. Во время своего пребывания в Москве, Государь дал указ об учреждении больницы в Троицком монастыре⁸⁰, с назначением на неё по две тысячи рублей ежегодно, поручив Платону 90.000 р. на раздачу бедным.

Коронование назначено было в самый день св. Пасхи, когда должны были соединиться три торжества: церковное, государственное и царское; накануне, Император, сам осмотрев в большом Успенском соборе приготовления к этому

торжественному священнодействию, остался столько довольным распоряжениями протопресвитера, брата Платонова, Александра Георгиевича Левшина, что сказал ему: «Завтра я с вами похристосуюсь красненьким яичком», и прислал ему орден Св. Анны I класса, какого ещё не имел никто из духовенства в Москве. По определению св. Синода, Московскому Митрополиту, в день св. коронования, назначено было совершать литургию в его кафедральном Архангельском соборе: Государь, встретив Платона накануне Пасхи, сказал ему: Мы с вами завтра будем вместе молиться». Когда ж Митрополит объяснил ему, почему он не может принимать участия в совершении св. Коронования, Государь отвечал: «я это дело устрою иначе». Хотя первенствовал при этом священном обряде Митрополит Новгородский Гавриил Петров; но Митрополит Московский был вторым; оба они, по воле Государя, после чтения св. Евангелия, поднесли ему для возложения сперва далматик, одеяние древних Царей Русских, а потом порфиру. Когда же помазанный св. миром, Царь хотел вступить в Царские врата к св. престолу, для принятия свят. Таин, имея у себя шпагу при бедре, Платон остановил его следующими словами: «Здесь приносится бескровная жертва, отыми, благочестивейший Государь, меч от бедра твоего!» Павел, сыздетства благочестивый, смиренно сложил с себя оружие и вступил в святилище.

Торжество это Павел I ознаменовал возложением⁸¹ на св. Престол в соборе акта о прямом наследстве Российского Престола, и великими наградами и милостями подданным своим; 672 человека украшены были Российскими орденами и более 80.000 крестьян обращено в поместное владение. На другой день следовало явиться во дворце св. Синоду со знатнейшим духовенством для принесения верноподданнейшего поздравления Государю; назначено было представиться вместе с Греко-Российским духовенством и Римско-Католическому со своим Митрополитом Станиславом Сестренцевичем. Тогда Платон, как ревнитель чести православного духовенства, поручил Обер-церемониймейстеру доложить Императору, «что несовместно иноверному духовенству представляться к

благочестивейшему Государю вместе со Св. Синодом и православным духовенством». Павел I, уважив мнение Платона, принял Римско-Католическое духовенство в другое время. Митрополит Московский произнёс поздравительное слово, благосклонно выслушанное, и на четвёртый день имел с Государем особенную и чистосердечную беседу, в коей много объяснилось для того и другого и утвердилась было с одной стороны доверенность, а с другой обнаружилась справедливость, прежде омрачённая подозрениями и наветами зависти и вражды.

Между тем как Государь, по примеру венценосных предков своих и по собственному побуждению, собирался в Троицкую Лавру на поклонение св. мощам древнего ревнителя о благе России, Платон отправился туда для приготовления к принятию Царской Фамилии. В день св. Великомученика и Победоносца Георгия, 23 апреля, Платон, облечённый в убогую ризу Преподобного Сергия и с его посохом, как его преемник в сане Архимандрита Лавры, встретил Государя и сказал ему речь приветственную. Император, сперва удивлённый, потом довольный такою встречею, которая напомнила ему древнюю простоту и благочестие в убожестве смирением мужа, облобызал это ветхое и скудное облачение, орошённое потом труда и слезами молитвы: на другой день он назначил обед в Вифании, после божественной литургии в Лавре. На представление Платона, что «в Вифанской пустыни малы для приёма Великого гостя покои», Император отвечал: «хотя быв уголке, но там будем обедать».

Так и было. Выслушав молебен Преподобному Сергию, совершенный Митрополитом, в Троицком соборе и приложась к св. мощам, Государь осматривал все церкви в Лавре, драгоценную ризницу и, наконец, Семинарию, где его приветствовали словом Ректор Августин Виноградский, а семинаристы речами и стихотворениями. Мог ли просвещённый Государь остаться равнодушным к раскрывавшимся талантам юношей, будущих пастырей православной Церкви – верной союзницы Царского Престола? Он благодарил Платона и уже из Москвы прислал Ректору Троицкой Семинарии золотые часы, а

питомцам её 2.000 руб., в изъявление своего удовольствия и в ободрительную им награду. В Лавре Митрополит представил Государю исцелённую в 1782 г. Евпраксию. Император расспрашивал её о совершившемся над нею чуде при св. мощах Преп. Сергия и пожаловал ей несколько имперялов. Таким образом, Павел I соединял подвиги благочестия с благотворениями и покровительствовал духовному просвещению, в пример подданным при начале царствования своего, предвещавшего преобразование в России нравов, обычаев и законов.

В Вифании Платон показывал Государю и Государыне обе церкви, соборную и домовую, также место для своего погребения, а за обедом занимал благосклонное внимание высоких посетителей стихами, речами и разговорами семинаристов из Географии, Истории и Философии. Монарх столько был доволен Вифаниею, хозяином и питомцами рассадника наук, что всё хвалил, целовал юношей и дозволил им обучаться Французскому языку, запрещённому Императрицею Екатериною II, при начале Французской революции; только не изъявил согласия на прошение Платона о заведении типографии, в Троицкой Лавре по примеру Киевской, сказав, что он «правилом себе поставил не умножать *типографий*». В искренней беседе своей Государь открыл Митрополиту клеветнические наговоры о Вифании, где будто в Митрополичьих покоях письмами его оклеены были стены, и сознался, что сам уверился в несправедливости наветников⁸². Митрополит предложил было учредить в Вифании Игуменство; но Государь возразил: «На что тебе Игуменство! Ты сам здесь Игумен». Вскоре после стола, Император отправился в Троицкую Лавру для вторичного поклонения мощам Преподобного Сергия; там Платон, при поднесении св. образов в благословение всей Императорской Фамилии, подал Государю просьбу об увольнении его от епархии; но Павел I, не приняв просьбы, приглашал Платона в Москву к празднику Преполовления. Пребывание своё в Вифании Императору впоследствии угодно было ознаменовать учреждением в ней второклассного монастыря и устройением Семинарии. Платон

всегда сохранял в сердце воспоминание об этом событии, столь для него утешительном, и соорудили перед кельями своими в этой обители покоя скромный памятник, на коем начертал следующее: «1797 года, апреля 24. Почто, «Вифания, сей год и день прославляеши? Яко державный Великий Государь, Император Павел I и с Государыней Императрицею и со всею Августейшею Фамилиею благоволи посетити мя и вкусити zde трапезу». – «Почто ты, пустыня, тако ликовствуеши? Яко того же года, мая 1 дня, он, Великий Государь, во второклассный монастырь преобрази мя и ещё при мне устроил быть училищу просвещения». На аллегорической же картине изображены слова М.Р. hiccondidit. Р. I. conditamornavit т. е. Митрополит Платон: сей основал. Павел Первый: этот основанную украсил.

В праздник Преполовления Господня Московский Кремль был свидетелем великолепной военной церемонии, соединённой с церковным торжеством; сам Государь, в Царском далматике и в Императорской короне, командовал войсками на параде, где и Митрополит Московский осенял крестом и кропил св. водою Царя, войско и знамёна. Когда же Платон явился во дворец благодарить Государя за благоволение к себе в милостях Монарших Троицкой Лавре, Семинарии и Вифании: ему вынесены были от имени Императора бриллиантовые знаки ордена св. Андрея Первозванного, а от Императрицы наперстный крест, украшенный драгоценными камнями. Платон, только в самый день отъезда Государя в С.-Петербург, успел его видеть и благодарить за все милости, ему оказанные без просьбы и ожидания, хотя из некоторых его поступков и выражений Архипастырь мог заметить какое-то на себя неудовольствие. При своём прощании с Платоном, Государь и Государыня благосклонно приглашали его в С.-Петербург; между тем как Архипастырь всё помышлял о своём увольнении, по предчувствию ли какому, или по внутреннему побуждению. Но глубоко сердце человека!

Ко дню рождения Государя, 20 сентября, Платон отправился в С.-Петербург; в Гатчине поздравлял его речью и поднёс ему свои проповеди. Пробыв там около шести недель в скучном бездействии, наконец, с позволения Государя, которого

он только однажды и видел, отправился в Москву, где ожидали Архипастыря епархиальные дела и окончание начатых строений в монастырях и семинариях. Это было последнее пребывание Платона в С.-Петербурге, а с Митрополитом Гавриилом – последнее свидание, пробудившее в их душах прежние чувствования школьного товарищества, кои погасли было в служебных отношениях. Тогда оба они пролили слёзы душевного умиления. Перед отъездом в Москву, Платон обедал у него; за столом были члены св. Синода и некоторые из светских особ. В продолжение стола, он так откровенно говорил о современных событиях, что хозяин тихонько даль заметить своему гостю его неосторожность. Платон на это сказал ему: «Меня все знают за откровенного человека и не боятся; но тебя, Преосвященный, опасаются, как скрытного, а если ты случайно выпустишь какое либо словцо, то его поймают и тебе обратят во зло». Последствия вскоре оправдали слова прозорливого Платона.

При наступлении 1798 года ожидали Императора в Москву, откуда он намеревался отправиться в Казань. В самый день его прибытия, 10 мая, назначено было Протопресвитеру Успенского собора совершить литургию в своё время; не приказано, однако, делать встречи и приветствовать речью. Как было повелено, так и исполнено. Император, опоздавший по многим занятиям, прибыл в начале первого часа пополудни в Успенский собор, где увидев Митрополита Московского, сказал ему: «Пора начинать обедню!» Митрополит объяснил, что в силу объявленного ему повеления обедня давно отслужена: тогда Государь, не сказав ни слова, приложился к св. местным иконам и мощам Святителей Московских и отправился во дворец. Из Москвы он уехал в Казань, не простившись с Платоном, с которым после этого уже и не видался.

После отъезда Государева, Платон отправился в Вифанию для окончания строения Семинарии, которая и совершена в 1799 году, а в следующем открыта, в день праздника сей обители Преображения Господня, к искреннему удовольствию основателя и благодетеля оной. Открытие этого рассадника наук Платон ознаменовал духовным и учёным торжеством. По

совершении Божественной литургии, он, в преднесении хоругвей шествовал с духовенством в Семинарию; сто семинаристов пели стих: *Днесь благодать Святого Духа*; а потом певчие: *Глас Господень на водах вопиет*. В Богословской палате, совершив водоосвящение, Митрополит сказал следующее слово: «Благословен Бог и Его святые и непостижимые судьбы! По вседействующей Его силе, я восчувствовал желание, дабы в пустыне сей устроить покой старости моей и останки преставльшихся о Господе братии обители Преподобного отца Сергия сохранить здесь до всеобщего всех Воскресения. Но преобразившись на Фаворстей горе Господь чудного света Своего луч ею коснулся и места сего, и оное преобразил. Таинственным некоторым образом вдохнул Он в сердце благочестивейшего Монарха Павла первого, дабы устроить из пустыни обитель, и терния её обратить в цветы и плоды просвещения. И здесь мы, торжествуя, храм сей отверзаем и вводим в оный юношество, дабы оно напоевалось из текущих в нем источников Израилевых, и упоенное, изливало бы оное потоки на лице Церкви Божия. – Преклонив колена сердца и души, приношу благодарственную жертву Всевышнему Промыслу и молю, да ниспошлет своё всеильное благословение на место сие; Монарху же благочестивейшему да дарует благополучие и долголетное царствование, Его же благодать и славу вкупе со Августейшею фамилиею, да сподобится со всею Россиею благодарственно воспевать обитель и училище в роды родов». В заключение сего торжества произнесены были речи и стихи на Греческом, Латинском и Русском языках⁸³.

Из достопамятных происшествий в царствование Павла I, касающихся истории Иерархии и жизни Платона, было учреждено в 1799 году Калужской епархии, отделённой от Московской, и переименование Митрополита Московского и Калужского, – Московским и Коломенским. Тогда же Митрополит Новгородский и С.-Петербургский Гавриил неожиданно уволен был в Новгород, куда он немедленно и отправился 16 октября, сначала переименованный в Митрополиты Новгородские и Олонецкие, а потом совершенно отстранённый от управления

епархией. Место его заступил Амвросий Подобедов, прежний Викарий Московский, благодетельствованный Платоном, но поставивший себя почти в те же отношения с ним, как и предшественник его. В 1800 г. поступила к Московскому Митрополиту просьба от 250 г. Московских старообрядцев о дозволении построить им церковь, иметь по согласию прихожан рукоположенных от Архиерея священников и отправлять Богослужение по старым книгам: тогда Митрополит, по совещании с некоторыми духовными особами, изложив правила об этом нововведении, препроводил просьбу старообрядцев, при своём мнении, в Св. Синод. Его мнение и правила утверждены были указом Государя, и вследствие сего в 1801 году основана в Московской епархии на Введенском кладбище первая единоверческая, или, так называемая, благословенная церковь – памятник благоразумной терпимости. В мнении своём⁸⁴ Платон полагал, чтобы присоединённых к православной Церкви не называть более ни раскольниками, ни старообрядцами, а именовать *единоверцами* или *соединенцами* и церковь их – *единоверческою*. Первая на Москве такая церковь в честь Введения Божия Матери освящена, по благословенно Митрополита Платона.

Между тем Английские пытливые богословы через полномочного Министра при дворе Великобританском Графа С.Р. Воронцова отнесли с вопросами к Митрополиту Московскому о разделении и разности Восточной Церкви от Западной, о св. крещении и поклонении св. иконам. Поводом к тому было сочинение Дютана о православной Греко-Российской Церкви, которое доставил Преосвященному при письме гвардии капитан П.А. Яковлев. Митрополит, сообщив Английским богословам замечания свои об этом важном и любопытном предмете (как говорят, писанный под его руководством Мефодием Смирновым), послал им и сочинение своё о *Христианской Богословии* в Латинском переводе, с тем намерением, – как он выразился в послании своём, – «дабы из него лучше могли понять силу того учения, коему следует Греко-Российская Церковь, и убедились бы, что люди, через меру мудрствующие, всегда покушаются смешивать древнее с новым

и неизвестное с известным». Замечания и книга Платона приняты были в Англии с уважением и переведены на Английский язык. Богословия его употреблялась при богословских лекциях в Оксфордском и Глазговском Университетах. И другие иностранные учёные в Германии, Италии, Швейцарии и Франции, для распространения своих познаний о духовном состоянии России, старались заводить переписку с Платоном, которого имя славилось в Европе: что доказывают их письма и отзывы о нём в сочинениях. Сколько ни вызывал его на сближение с собою Римский Первосвященник, сам и через своих агентов; но Платон, не терпевший системы папизма, уклонялся от сношений с ним.

В 1800 году Платон, по обыкновению своему, поздравил Императора письмом с днём рождения и получил в ответ благосклонный отзыв. По наступлении следующего года, сколько от повторившихся немощей своих и от бремени лет, столько по особенному какому-то побуждению, он на 64 году жизни своей, февраля 20 1801 года написал духовное завещание, которое потом подтвердил в 1806 и 1807 годах; посему и говорит в этой духовной своей, что достиг далее семидесяти лет. Как она составляет предсмертную исповедь его души и чувствования его сердца, коими он жил: то мы её представляем читателям нашим в подлиннике:

«Господи Боже мой! Ты создал мя еси, якоже и вся твари, даровал душу бессмертную, и соединил оную с телом смертным и тленным.

Сей состав должен в своё время разрушиться. Всем бо детям Адамовым предлежит единожды умереть, потом же суд.

Достигши далее семидесяти лет, болезнями удручаемый и разными искушениями ослабляемый, жду сего страшного, но вкупе и вожделенного часа; ибо и младый и здоровый не весть, егда Господь приидет.

Яко уже наступившу сему часу, и оглашающу уши мои сему судеб Твоих гласу, исповедаюся Тебе Господи, всем сердцем моим, и Благодарю Тя, яко просветил еси мя светом Евангелия Твоего.

Благодарю Тя, яко оградил мя еси новым таинственным рождением во усыновление Христом Твоим.

Благодарю Тя, яко восприял еси мя в сообщение крове искупления чрез Христа Твоего.

Благодарю Тя, яко удостоил еси быти мне, хотя малейшим членом святейшего Тела Церкви Христа Твоего.

Благодарю Тя, яко благословил еси быти мне в причте⁸⁵ Владычняго дома Твоего, Церкви Твоея; и хотя сосуд скудельный, но не возгнушался Ты обратити его в малейшее служение и употребление, в Священном и Царском Доме Твоем.

Благодарю Тя, яко во многих моих делах, к назиданию премудрого устройства Церкви Твоея, во благий успех мне содействовать и благодатно спомоществовать благоволил еси.

Благодаря Тя, яко во многом мое нерадение, многих и благих дел чрез злыя намерения превращение, прикрывал Ты долготерпением Своим.

«Благодарю Тя, яко Ты, Господи, щедрый и милостивый и долготерпеливый и истинный, не по многим моим и скверным⁸⁶ беззакониям сотворил еси мне, а не по тяжким грехам моим воздал еси мне, вдыхая ко обращению моему чувство облегчения и раскаяния.

Благодарю Тя, яко во многих моих искушениях и напастьях, праведно на мя ниспосланных, не попустил Ты мне впасть в уныние и отчаяние; но подкреплял Ты мя силою свыше, по мере веры моя, яже есть дар Твой.

Благодарю Тя за многие дары Твои и по телу и по душе кои злоупотребляя, являл я мое безумие и неблагодарность. Аще же кое благое их употребление принесло какой либо благий плод, буди Тебе единому благодарение и честь и слава!

Благодарю Тя, яко, в надежде милосердия Твоего, даровал Ты мне таинство покаяния; паче же бесценныя заслуги и святейшую жертву Тела и Крови Христа Твоего, Икупителя моего, Ходатая моего, великого и вечного Архиерея, сего небесного и святейшего Жреца, единожды на кресте Себе за мя принесшего и во веки освятить мя могущего.

Приими, Господи, сие мое сердечное покаяние!

Прости ми грехи, и покрой их честною ризою Христа Твоего. Даруй воспети со всеми святыми: *Блажени ихже оставишися беззакония и ихже прикрываша греси. Блажен муж, емуже не вменит Господь греха.*

Благослови, Господи, православную Церковь Российскую, и утверди оную в вере и благочестии, во веки непоколебиму.

Благослови, Господи, всех благодетельствовавших и доброжелательствовавших мне в пути жизни моея, и милостиво восприими на Ся долг моего им обязательства к возданию.

Прости, Господи, и всем, чем либо меня, или по неведению, или по общей слабости, оскорбившим и обидевшим; и я их прощаю пред лицом Твоим.

А паче прости, Господи, мне, многих по неведению, или по действию страсти, оскорбившему и обидевшему, и расположи их, да простив мне от сердца помолятся о мне лицу Твоему.

Прошу и молю всю Церковь Божию, да пред священным жертвенником приносимый таинственно духовной и умиловительной жертве Христовой, и о мне грешном рабе Платоне пролиются Богоугодные молитвы, во отраду душе моей.

Земле! разверзи свои недра, и приими от тебе взятое.

Господи! приими дух мой! Господи! в руке Твои предаю дух мой!

Вем, емуже веровах, и извещен есмь, яко силен залог мой сохранить в день онь».

Между тем как Платон от временного обращался мыслью к вечному, Государь изъявил свою волю посетить древнюю царелюбивую столицу; объявлено было и расписание празднеств и, между прочим, назначено и пригласить к Государеву столу Московского Митрополита.

В то самое время, как все готовились к принятию Государя, и Платон нетерпеливо ожидал его, внезапно получает он в Вифании от Главнокомандующего в Москве Графа Салтыкова уведомление о восшествии на Престол Императора Александра I. Весть о внезапной кончине Императора Павла поразила скорбно сердце Платона; но в тоже время его оживила радостная надежда, что на Престоле Российском Тот, о Котором

в слове своём он предвещал, что будет украшением Царскому роду, подпорою благочестия, утехой России.

Конец 1 части

Приложения объяснительные и дополнительные

А. Письмо Архимандрита Гедеона к Петру Егоровичу Левшинову

Г. Левшин! что вы не отрицаетесь быть в нашей Лавре, то мне весьма приятно; напротив того и вы не иначе должны принимать то, как от доброжелателя вашего, что я исходатайствовал, чтоб быть вам в моей Семинарии; я подлинно вас уверить могу, что сие служить будет вам к доброй промоции, ежели Господь поспешит мне в моих намерениях, который есмь вам вседоброжелательный А. Гедеон. Июня 29, 1758 г. СПб.

Б

Встречи Государей, по тогдашнему обычаю, были почти одинаковы; описываемая нами случилась не в сентябре 1762 г., а в июне 1775 года⁸⁷; посему и относится к 17 странице. Следуя примеру венценосных Предков своих, Императрица в июне 1775 года, из Москвы пошла в Троицкую Лавру пешком с Цесаревичем, его Супругою, со всем Двором своим и даже в сопровождении чужестранных Министров и Посланников. Толпы народа ей сопутствовали и отовсюду стекались видеть благоговейное и вместе торжественное шествие Повелительницы России на поклонение Преподобному Сергию, к которому, и при жизни его и по смерти, притекали Государи Российские просить благословения в начинаниях своих ко благу России и ходатайства у Бога. Близ предместья Лавры, в селе Клементьеве встретил Государыню Архимандрит оной и вместе Архиепископ Московский со всем духовенством, со св. хоругвями, крестами и св. иконами, и говорил речь, в коей изобразил важность подвига её, как разительного примера благочестия для подданных, и свою признательность. После чего с крестом в руке сопровождал Императрицу со всею её свитого в св. обитель: во время её шествия, раздавался колокольный звон в Лавре и пушечный гром со стен её и валов. При вступлении в святые ворота, воспитанники Троицкой Семинарии, поставленные в ряд по два человека от ворот до Троицкого собора, пели торжественный гимн, выражавший их радость и счастье. Императрица шла в собор по пути, усыпанному полевыми цветами; там приложась к мощам Преподобного Сергия и принесла своё моление Богу, остановилась в Архиерейском доме, где Платон с первенствующею братиею приносил Ей и Их Императорским Высочествам своё поздравление с благополучным прибытием и от всей обители поднёс ей хлеб и соль. Вечеру торжествующая Лавра, по распоряжению Платона, вся была иллюминирована, и в мирных стенах её горели великолепные щиты в разных огнях с именами Екатерины, Павла и Наталии.

На другой день Императрица, после обедни, неожиданно посетила Архимандрита Троицкой Лавры, который говорят, встречая её у себя в келлии, воскликнул: «*Откуда мне сие, егда Мати Господа моего прииде ко мне?*» – При сем случае поднёс он в благословение Императрице св. иконы; на другой день она посетила Семинарию, где были держаны диспуты о Богословских предметах и принесена от питомцев Лаврских благодарность в стихах и прозе; «что Государыня приняла с явными знаками отменного удовольствия и с вящим к училищу благоволением». – Платон, стараясь занять внимание наблюдательной Государыни, показывал и объяснял сокровища и достопамятности монастыря, совершал невиданные ею обряды пострижения в монахи и обращения раскольников к Православию. – Шесть суток пребывания в Лавре Екатерины были торжественными праздниками: днём раздавался звук колоколов и гром пушек, вечером в стенах Лавры горели щиты, фейерверки и толпился бесчисленный народ, жаждавшей видеть свою Повелительницу. День накануне отъезда из обители Преподобного Сергия, определила Государыня на торжество памяти сего Св. Угодника. Это было 2 июля. Литургию совершал Платон с отличным духовенством и, по окончании молебна, при провозглашении многолетия Государынь и Августейшему Дому, палили из 51 пушки. В знак своего благоволения Государыня пожаловала на монастырь и Семинарию 6.000 р., а Начальнику Лавры золотые часы, богато бриллиантами украшенные. Довольная его распоряжением для её приёма, она торжественно изъявила ему свою благодарность.

В. Письмо г. Вольтера к Императрице Екатерине II

Всемилоостивейшая Государыня!

Прежде всего, должно мне уведомить Вас, что Я имел честь видеть у себя в пустыне Княгиню Дашкову – и от неё получил проповедь Тверского Архиепископа Платона, произнесённую при гробнице Петра Великого, на другой день, как Ваше Императорское Величество получили известие о совершенном истреблении Турецкого флота. Сия речь, обращённая к основателю Петербурга и Ваших флотов, есть, по мнению моему, знаменитейший в свете памятник. Я думаю, что никогда и ни один оратор не имел столь счастливого предмета к основанию своего слова, не исключая и Греческого Платона. Тот день, в который сия Августейшая церемония происходила, почитаю я за славнейший день жизни Вашей; но здесь я разумею только прошедшее; ибо надеюсь, что Вы насладитесь впредь достославнейшими днями.

Поелику Вы в Петербурге имеете уже Платона: то я уверен, что Графы Орловы заменят собою в Греции Мильтиадов и Фемистоклов.

Имею честь отправить к Вашему Императорскому Величеству в промен на Платонову проповедь перевод с Литовской. Она содержит смиренный ответ Польским Конфедератам на их грубые и смешные лжесплетения, напечатанные в Париже.

Не знаю, о чем Австрийцы готовятся проповедовать в Венгрии. Может статья, будут склонять к миру; а может быть, и крестовым походам. У нас слышно, что будто бы Султан Алибей в Сирии, в одной из своих проповедей замешался – и будто б почти онемел. Однако же я думаю, что Вы его сделаете красноречивее прежнего. Мустафе будут делать поучения с правой и с левой стороны до тех пор, что, наконец, он принуждён будет исповедаться у Архиепископа Платона и потом признаться, что он превеликая свинья, которая без всякой причины, досаждала Августейшей Героине моей. Всегда имею честь, сколько растущую луну ненавидеть, столько к

блистающей северной Звезде быть исполненным приверженностью, почитанием и благодарностью, и проч.

Ферней 15 мая, 1771 г.

L' Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le grand, par Voltaire:

«le prédicateur, nommé Platon, est digne de ce nom parce qu' aumilieu de son discours, passa de la chaire, où il parlait, au tombeau de Pierre et embrassant la Pasne (?) de fondateur:

«C'est toi, dit – il» qui a remporté cette victoire».

Платон, благовестя победу под Чесной,

Сиял небесною в лице своём красой,

«Тогда как бросившись с кафедры на колени,

Пред гробом нашего Петра, он славной тени

Воскликнул; Разорви оковы естества!

Восстани нашего виновник торжества!

Воззри на бунчуки, на флаги, на знамены,

Которыми твои украшены здесь стены:

Всё это – Ты! Твоя приносим от Твоих!

А. Воейков

Сие необыкновенное и смелое обращение некоторыми опровергается; но оправдывается современниками, духом времени и примерами предшественников. Принц де Линь, в своих сочинениях, так отзывается о Платоне:

«Если бы вы узнали здешнего Архиепископа, то чрезвычайно бы его полюбили, а он Вас. Его зовут Платоном; но гораздо превосходнейшим того, которого некогда называли божественным. Доказательством, что он Платон земной, послужило мне то, что когда он выходил из своего сада, а Княжна Голицына подошла к нему просить благословения: он сорвал розу – и ею благословил Княжну».

Г. Мнение преосвященных Иннокентия и Гавриила и Иеромонаха Платона о наказе Императрицы Екатерины II

(Письмо к Графу Н.И. Панину)

Сиятельнейший Граф,
милостивый Государь!

Мы по справедливости благодарностью Вашему Сиятельству обязанными признать себя должны, что через благосклонное для нас Вашего Сиятельства ходатайство удостоены мы Высочайшей Её Императорского Величества доверенности в дозволении нам прочесть собственными Монаршими трудами и собственною Самодержавною десницею написанное сочинение. Какие премудрости сокровища в оном сочинении заключаются, мы тому больше дивиться, нежели словами открыть можем. Однако признаваясь по той искренности, какую мы всевидящему Богу и Его на земли образ носящей Монархине обязаны, не можем не изъясниться, сколько скудному нашему рассудку есть вместительно, что оное сочинение в роде Законодательства есть совершеннейшее. В нём всяк ясно видеть может живой образ Государя попечительного, премудрого, человеколюбивого, кроткого, снисходящего до малейших человеческих нужд и требовании, и своё благополучие в благополучии своего Государства поставляющего. Видно в нём свойство попечительного Государя, потому что Её И.В., превосходя повседневные многочисленные великого правления труды своим неутомимым духом, сама своею священною особою в законодательский, столь в России нужный подвиг вступить соизволила, и всем тем блаженству общему жертвует дражайшим здоровьем Своим. Премудрость потому, что Её И.В. Законодательские установления утверждает на основаниях самых ясных, твёрдых, непорочных, здравым рассудком и Евангельским Законом оправдываемых. А человеколюбие и кротость потому, что через всё Её И. Величества сочинение сия святая блистает мысль, чтоб доставить всякому любезную естественную вольность,

соединяя оную с не нарушением общего покоя, и чтоб наказание зла было совокупно со исправлением злых. Таковое сочинение само через себя к уверению действительное, услаждено притом приятнейшим и острым речи слогом; так что важности вещей слова счастливо соответствуют. О да соблаговолит Царь царствующих, чтоб сие божественное законодательство благополучным увенчано было концом, и тем бы обрадовано было столь благодетельное Её И.В. сердце. Да и сумниться не можно, чтоб Божий Дух, Который возбудил в Её И. Величестве столь великое и похвальное, уже и действием начатое намерение, не утешил всех нас совершенным одного исполнением. Мы за прекраснейшее жизни своей время то почтём, в которое велит Монархини Екатерины II божественные законы в своё вступать течение, и тем Божию умножать славу, её имя оставят всем векам во благословение, отечество возведут на высочайший благополучия степень: из чего произтекут нам струи сладости, какую человек сочувствовать может, когда порок истребляется, а увенчивается добродетель.

Сиятельнейший Граф! Сих произведённых в сердце нашем к Её И.В. благоговейных чувствований признаём мы Ваше Сиятельство орудием благодетельным. Почему имея уверение как от сего, так и от других многих случаев Вашей к нам благосклонности, не сумнимся, что Ваше Сиятельство и впредь в препоручении нас Высочайшему Её И.В. покровительству, будете надежнейший предстатель.

Вашего Высокографского Сиятельства
Милостивого Государя покорнейшие слуги
Иннокентий Епископ Псковский,
Гавриил Епископ Тверский,
Иеромонах Платон.
1766 года, апреля 29 дня.

По всеподданической нашей к Е.И.В. верности, уверяем себя, что наше сердце Её И. Величеству тем будет приятнее, чем оно искреннее. И потому дерзаем с достодолжным к Державе Её благоговением, и, имея на то Высочайшее себе дозволение, следующие сделать примечания, уповая, что Её

И. В. сие, надобно сказать, дерзновение примет не за что другое, как только за знак искренности нашей.

На 5 листе, на стр. второй написано, что «Все политические пороки не суть пороки моральные» и проч. Но как кажется, что некоторые политические пороки вместе суть и пороки моральные, то мнится, надобно ограничить всеобщее расширение сего правила, и из числа моральных пороков не все политические пороки выключать.

На листе 6, на стр. 3 и 4. При сем имени существительном, *святотатства*, положено имя прилагательное, *простые*. Сие имя *простые*, хотя имеет в сем месте выражение самое сильное в рассуждении просвещённого человека; но как иному, дальнего просвещения не имеющему, может показаться, что сим словом уменьшается великость святотатства: то рассуждается, чтобы, вместо сего слова, «**простые**», положить, »**прямые**» или "**явные святотатства**".

На том же листе, на стр. 4: «Святотатцы или богохульники наказываются изгнанием из храмов, исключением из собрания верных» и проч. Сии наказания подлинно производятся от естества вещи, и со стороны Церкви иные употреблены быть не могут. Но как рассуждается, что святотатства, или богохуления едва ли когда могут быть, чтоб вместе не нарушили покой общества: то кажется, что святотатцы, или богохульники, кроме оных наказаний, привлекают на себя и те наказания, какие в третьем роде определяются против нарушающих спокойство и тишину граждан.

На листе 9, на стр. 2. «Что когда люди не воздерживаются инако, как только суровыми казнями, сие проистекает от насильства правления». Подлинно, насильственное правление, ожесточая дух, погашает в нём чувствительность к добру. Но как рассуждается, что некоторые люди суть весьма ожесточены, и столь внутреннее совести чувство погасившие, что иногда и кроткий Государь в печальной необходимости себя находит употребить наказания против кроткой сердца своего склонности. В таком случае сии самые рода человеческого изверги будут причиною налагаемой им казни и своего неисправления.

На листе 43 на стр. 1 приведённая речь Императоров Феодосия, Аркадия, и Гонория, в которой преступление, оскорбляющее Величество, немного уважается. Но как Государевы особы безопасность соединена есть с безопасностью всего Государства, так как главы и тела: то и малейшее против сего подозрение без уважительного, впрочем, справедливого исследования оставлено быть не может. И потому она речь подробнейшего требует изъяснения.

На том же листе, на стр. 2, изъясняется о сочинениях язвительных, что весьма беречься надобно, чтоб дальняя об них не делать изыскания, в рассуждении той опасности, дабы умы не почувствовали притеснения и проч. Хотя подлинно сие писать вольность человеку есть сродна, и много споспешествует к распространению знания: но как вольность весьма премудро в сочинении Е.И.В. на листе 3, на стр. 3 и 4, определена: в праве всё то делать, что законы дозволяют, и ежели бы какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже вольности не было. И потому она сочинений вольность должна иметь свои справедливые границы, за которые бы ей выходить нельзя было.

На листе 45, на стр. 1 написано, что «обвинение в еретичестве не ведёт прямо к действиям гражданина; но больше к понятию воображённому людьми о его характере: то и бывает оно очень опасно по мере простонародного невежества». Но как еретичество (о волшебстве мы ничего не говорим,) взяв сие слово в том знаменовании, что оно есть ложное мнение, противное истинам, принятым Церковью, едва ли может быть отдельно от беспокойства общества, которым согласие граждан связывается; и потому кажется, что оно не только должно быть опасно по мере простонародного невежества, но и по силе справедливости закона.

В некоторых местах примечаются слова, до орфографии надлежащие.

О сделанных нами сих примечаниях мы не можем столь дерзновенны быть, чтоб их почитать за неоспоримые. И потому предаём оные в рассуждение премудрости, которую мы в

благочестивейшей нашей Монархине со благоговением
почитаем.

Д

Преосвященнейший Владыко!

Любезнейший во Христе брат и благодетель!

Чем точнее известен я об отменных достоинствах и заслугах Вашего Преосвященства, тем паче и паче сорадуюсь о Вашем на Архиепископский престол возвышении. В. П. довольно, уповаю, уверены о моём к вам искреннем усердии; следовательно, не можете сомневаться, чтоб и поздравление моё с новым и сугубым достоинством не было чистосердечно: потому наипаче, что я с непременным к В. П. почитанием всегда был и вперёд быти имею.

Вашего Преосвященства,
моего во Христе любезнейшего брата
и благодетеля смиренный сослужитель,
слуга и богомолец

Архиерей Московской Амвросий
из Москвы, Октябрь 7, 1770 г.

Е. Надпись на каменной доске в стене Троицкого собора Лавре

Во славу Богу Всемогущему, молитвами zde почивающего Угодника, среди смертной язвы, в Москве и окрест самого места сего свирепевшая, лета от Р.Х. 1771, не токмо живущих в обители сей, но и вне оныя принадлежащих ей служителей, ничем же невредимых, чудесно сохранившему, аще обитель и бе отверста всем приходящим, на память незабвенную будущим родам толикого чудесе и благодеяния иссечен камень сей лета 1774.

Ж

Н.И. Новиков отослан был на испытание в Законе к Московскому Митрополиту, который нашёл его таким христианином, каких бы желал он, чтоб было больше. Сими словами доносил Преосвященный Платон о порученном ему испытании.

«Первый разговор Павла со мною был о Московском Митрополите Платоне, на которого он гневался за то, что Платон по его призыву, не только отменно милостивому, но, можно сказать, дружескому, не поспешил к нему приехать, и представлял против начатого Императором жалованья духовным особам знаков орденов кавалерских. Причём Государь спрашивал меня: как я думаю об этом жалованье?» – «Я ему отвечал, что истинной Церкви Христианской такие почести, самолюбие питающие, конечно не приличны; но приемля правление Церкви ныне больше учреждением политическим, не бесполезно, по мнению моему, употребляться могут такие отличия, для награды и поощрения одного членов. *L'habit ne fait pas le moine* (платье монахом не делает)», – прибавил я. – «Правда твоя», – сказал Государь.

«Я старался оправдывать Платона, сколько мог, а Государь сильно обвинял его, и с некоторым огнём неудовольствия даже против меня, при всём несказанно милостивом со мною обращении. Однако я смело продолжал и имел счастье много помочь к умилоствлению Государя. Кончилось тем, что он изволил мне сказать: «Ну, видно ты прямо любишь Платона, и если так, как ты говоришь; то мы с ним помиримся. Пусть он сюда приедет!'''»

«Тот же день писал я всё это к Митрополиту, советуя поспешить приездом. Но он прежде ещё воротился с дороги, получив весьма гневное от Императора письмо, отправленное к нему ещё до моего приезда, и по Государеву же повелению, с жестоким выговором из Синода указ, о коем определение Члены подписывали в день праздничный, в алтаре придворной церкви, в самое время совершения литургии. От сего он

занемог и не смел уже ехать. Уведомляя меня о том, благодарил он меня точно такими словами, что «и батюшка его родной не мог бы больше для него сделать со своей стороны и по сей час не было иных чувств, кроме искренней дружбы и почтения к сему знаменитому дарованиями своими мужу, и Пастырю, редким благоразумием украшенному»".

После разговора со мною, Император при первом свидании с Новгородским Митрополитом Гавриилом, сказал ему: «Пожалуйста, оставьте Платона в покое, и без меня не касайтесь до него. Мы и так пересолили».

Таково свидетельство Г. Сенатора Лопухина в его *Записках* о жизни своей, коих половина напечатана в *Друге юношества* 1811 г. см. Русской Вестник 1842 г. № 3. Москвитянин 1842 г. № 3 и № 5. Знающие это лучше сами учинят поверку сему свидетельству и свидетелю.

3. Рескрипт Императрицы Екатерины II

Московскому Главнокомандующему Еропкину.

Пётр Дмитриевич! По доходящим сюда сведениям, что в Москве хотят переводить новое издание Бомарше всех сочинений Вольтера, в 69 томах состоящее, прикажите Управе благочиния и Обер-Полицеймейстеру наблюдать, чтобы таковое издание отнюдь не было печатаемо ни в одной типографии без цензуры и апробации Преосвященного Митрополита Московского, пребываем, впрочем, ко всем благосклонны.

Екатерина

СПб. Сентября 23, 1789 года

(см. Москвитянин 1844 г. № 11)

И. Рескрипт Императрицы Екатерины II

Архиепископу Платону

Преосвященный Архиепископ Московский! Подвиг, который вы подали при открытии Наместничества Калужского на основании Моих учреждений, споспешествуя делу сему вашими пастырскими поучениями, есть новое свидетельство вашего ко Мне усердия и любви к Отечеству, усугубляющее и Моё к вам отличное благоволение и удовольствие. В долг для себя непреложный поставляя пе щися о распространении благоденствия Империи не премину и в своё время распорядить и дела, относящиеся к церковному управлению, дабы и оные во славу Божию и во благо Христианам восприяли сходственнейшее и лучшее течение. Я не сомневаюсь, что ваше Преосвященство присоединяет к моим молениям и свои ко Всевышнему, чтоб Он ниспослал святую помощь Свою во всех намерениях Моих на пользу общую. Есмь впрочем вам доброжелательная

Екатерина

4 февраля 1777 г. в С.-Петербурге

Между колокольнею и Троицкою соборною церковью в 1792 г. поставлен обелиск из дикого камня, на тумбе из того же камня. Вышина обелиска 14 аршин; наверху его поставлен медный вызолоченный через огонь шар. Над тумбою укреплены солнечные часы. На тумбе с четырёх сторон подписи о достопамятных событиях Лавры:

(1 на южной стороне):

D. O. M.

(т. е. Deo optimo maximo)

«Три были несчастные для России времена; и в оных сия обитель к сохранению Отечества содействовала и спомоществовала».

«Было Татарское иго, кое не один век угнетало Россию. Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской сражался с Татарами под предводительством Мамая. Св. Сергей тому содействовал и молитвами, и советом, и посланием на поле сражения двух иноков Пересвета и Ослабя, и писанием одобрительном при самом в бой вступлении, обнадеживая известною победою, одержанием которой положено основание к свержению наконец ига Татарского».

(2 на восточной стороне):

«Злоключение было от Поляков. По злокозненному коварству Римского Папы с Иезуитами, вымыслив они лже-Димитрия, и под его именем, довели было Россию до края бедствия. Обитель сия ко избавлению всеми образы не токмо спомоществовала; но всех сынов Отечества действия, предприятия, ревнования, совершения, духом своим оживляла. И хлебом во время глада снабдевала, и многими деньгами нуждам Отечества служила. Даже жертвовала и самыми церковными драгоценными утварями. Но и долговременную выдержала осаду; и тем северные страны, а чрез них и самую Столицу и всю Россию предохранила».

(3 на северной стороне):

«Притом и во все грады из сея же обители летали увещательные грамоты, возбуждающие на помощь Столицы, кои воздействовали в Нижних градах, особливо же в достопамятном Нижегородском гражданине, Козьме Минине. Но и самому по бури воссиявшему ведру, единодушным избранием Царя Михаила Федоровича, и совершенному мятежей успокоению, сия же обитель соучаствовала. Ибо и самому миру Промысел благоволил заключену быть под стенами сея обители, в селе Деулине».

«Во всех же оных славных деяниях отличил себя Троицкий Келарь Авраамий Палицын, и Архимандриты сея обители, Иосаф и Дионисий».

(4 на западной стороне):

«Во время стрелецких мятежей, Пётр 1, сей муж, толико собою славный, и толико Россию прославивший, для сохранения своей жизни, двукратно находил убежище внутри сея священной ограды.

В прославление сея обители и в вечную память великих мужей: Св. Сергия, Архимандритов Иосафа и Дионисия, и Келаря Авраамия, поставил и посвятил сей памятник.

Платон Митрополит Московский и Архимандрит сея Лавры». 1792 года.

«Они на небесах: им слава не нужна,

К подобным нас делам должна вести она».

В 1823 году вокруг сего обелиска поставлены соединённые цепью пушки, которые некогда служили для защиты Лавры от Поляков.

К

«В надежде воскресения здесь преданы земле тела блаженных иноков Александра Пересвета и Родиона Ослабя, которые в 1380 году преподобным Сергием Радонежским быв даны в сопутствие Великому Князю Дмитрию Иоанновичу Донскому, ополчившемуся против Мамае Князя Татарского, со многочисленным воинством на Россию пришедшего, в кровопролитном близ Дону на поле Куликове, сражении, где одержана Россиянами совершенная победа, положили за отечество живот свой. Над сими талесами устроены прежде были две гробницы; потом, при разобрании в сем приходе старой колокольни, уничтожены; ныне же повелено в честь сих воинов и в память усердия и храбрости их потомству соорудить вновь сей памятник 1794 года».

Л

Послал я к Её Императорскому Величеству всенижайшее прошение о дозволении мне ещё здесь пребывать два года. Прошу покорнейше Вашу Светлость продолжать ко мне благодеяния свои, исходатайствованием милостивейшего Её Величества на то повеления. В Петербурге никакую особливую должностью я не обязан; а в Синоде, сколько я знаю, во мне большой надобности не состоит, и я там должен бывать почти без всякого упражнении. Но здесь в епархии моей многие прямо до меня относятся дела, коих решение в отсутствии моём и для меня и для просителей с немалыми соединено затруднениями. При том изволите знать положение здешнего города: когда не я, так должен же здесь быть другой Архиерей и, как я думаю, лучше в нём оставаться местному своему Пастырю, нежели стороннему, оставив свою епархию. Не говорю уже о том, что переезд мой излишнее во всем в Петербурге противу Москвы содержание, и лишение некоторых здешних случайных доходов, убытка мне может всякий год принести не меньше четырёх тысяч рублей. Я бы сего нимало не уважил; ибо, по милости Вашей и Государыни моей, я доволен, если б, впрочем, находил, что моё в Петербурге пребывание для общей пользы есть нужнее и полезнее, нежели в Москве. Сверх того, могу открыться вам Милостивый Государь, что я уже помышляю и об отдохновении от забот. Десятый год в Архиепископском чину: если исполнится двенадцатое число, располагаюсь проситься на обещание в любезную мне Лавру; ибо в трудах от юности моя вознесся же, смирился и изнемогах. Открывая Вашей Светлости мои мысли, и предаю Вам всё моего сердца усердие, прося на просьбу мою благоснисходительно воззреть, с отличным высокопочтением пребываю и проч.

1779, Окт. 28. Москва.

P. S.

Милостивый Государь мой!

По Высочайшему Её Императорского Величества к Князю Михаиле Никитичу Волконскому письму, публике в соборной церкви объявленному, мы с радостнейшим чувствием совершили торжество о рождении Великого Князя Константина Павловича, сего Мая 5 дня. Я служил, отправлял молебен и говорил проповедь. Того ж месяца 9 числа на день Вознесения Господня, пред самым тем временем, как собирался ехать к празднику в Вознесенский монастырь служить, получил чрез почту от Его Императорского Высочества своеручное письмо, которым извещая о рождении Великого Князя, и что как он, так и высокая родительница Великая Княгиня, слава Богу! здоровы, изволил просить принести Господу Богу благодарственный молитвы. Я почёл за долг, по совершении в том монастыре литургии, и по сказывании мною проповеди, отправить благодарственное о здравии Её Императорского Величества и Их Императорских Величеств молебствие; и чтоб предстоящий народ мог знать, о чем сие молебствие имеет совершаться, и в радостнейшем о здравии Её Императорского Высочества и новорождённого Князя извещении имел бы со мною участие, приказал оное Его Императорского Высочества письмо в той церкви прочесть; что и принято с величайшим удовольствием, как по лицам предстоящих видеть было можно. Но со всем тем слышу, что некоторые, не знаю, почему, оное Его Высочества письма прочтение ставят мне в предосуждение. А как, может быть, таковые толки дойдут и до Петербурга, как то и самым делом Князь Михаила Никитич Князю Александру Алексеевичу Вяземскому писать, яко молву некоторых здешних толкователей: то прошу покорнейше Вашу Светлость, яко моего благодетеля, таковых толков предосуждение от меня отвратить, и представить мой поступок не инаковым, как происшедшим от верного Её Императорская Величества подданного, принявшего чувствительнейшее участие в общей радости, которую всяким образом и пастве моей сообщить считать я особливym своим и общим удовольствием.

А с письма Его Императорского Высочества прилагаю при сем копию. (Копии сей не достаёт).

Светлейший Князь, Григорий Александрович!

«Радостная весть о взятии Очакова сюда достигла ещё Декабря 18 дня. Весь Царствующий град казался подвижимся от радости. Притекли мы в первенствующий храм, и, преклонив колена, приносили Верховному Господу сил благодарения искреннего жертву. Потом достойно воспрославляли мужественного победителя и благоразумно им управляемое воинство. Я, по особенной духа моего к Вашей Светлости привязанности, почитал за долг немедля принести вашей Светлости поздравление; но по отдалённости не был известен о точном места Вашего пребывания. Вчера, о счастье для меня восхитительное! удостоился я получить от самой торжествующей десницы дражайшее начертание с обстоятельным славной победы извещением. Всеусерднейше за сие благодаря, поздравляю Вашу Светлость с сею славною победою. Подлинно Бог Вас не оставлял никогда и не оставляет. И сей знаменитой победы, столь скоро и столь малою тратою полученный, случайным тому есть доказательством прошедший год, толико имя Ваше вознеся славою. Желая и молю и молить не престану Вышнего, да и настоящий год главу Вашу совершенно увенчает. Я тому верую; ибо ведаю и благоразумие и мужество и веру Вашу к Богу. Ему препоручаю дражайшую жизнь Вашу и все Ваши дела, с моим высокопочитанием и душевною преданностью пребываю и пр.

1789, Января 11 дня

Москва.

М. Рескрипт Императрицы Екатерины II

Преосвященный Митрополит Московский Платон!

Другое уже истекает десятилетие, как Ваше Преосвященство подъямете бремя правления вверенной вам Паствы: к славе Божией, к пользе Церкви и к особливой нашей благодарности, проходили вы сие возложенное на вас служение, а потому и сожалительно нам видеть из писания вашего от 2-го числа сего месяца, обстоятельства, нудящие вас просить увольнения от епархии. Но мы находим, что и без увольнения можете вы быть свободны. Время пребывания вашего в Троицкой Лавре предоставляем мы вашей воле, правление же епархиальное можете вы поручать Викарию, вам данному, всегда, когда немощи ваши того требовать будут; чрез что и облегчатся труды ваши. Мы уверены, что вы примите сие за новый опыт Монаршего Нашего к вам благоволения, с которым пребываем.

Екатерина

1782 года, в С.-Петербурге.

Н

Ваше преосвященство!

Сего утра Бог даровал мне сына Николая. Зная участие, которое принимает Ваше Преосвященство во всём касающемся до меня, извещаю Вас, пребываю Вашим благосклонным.

Павел

1796, Июня 25.

О. Письма В.К. Павла и В.К. Наталии

Ваше Преосвященство!

Отправляю письмо сие с Армянином Иваном Лазаревичем, который едет в Москву. Прошу извинить меня, если столь долго умедлил ответом на столь приятное мне письмо ваше. Вы меня тронули, сказав мне в оном, что вы не забудете последнего разговора нашего, и то, что вы от нас обоих тогда слышали. Вам известно, что я всегда так отзывался о тех вещах, которые ныне пренебрегают. Бог сохранил меня в сих мыслях, да и осчастливил меня союзом дружбы самой искренней и любви самой непорочной с женою моею, которая, будучи воспитана в тех правилах, всегда подкрепляет меня в оных. Если бы вы случились и целый день с нами, то бы слышали нередко в течение одного подобные тому разговоры. Ваше Преосвященство разделите несомненно печаль нашу общую о потере почтенной и толь любезной тещи моей. Смерть её тронула нас обеих, и едва не поколебала здоровья жены моей; но Богу благодаря, теперь она оправилась и поручила мне вам поклон свой отдать, и благодарить за приписанное в письме ко мне, равно как и за то, что вы мне писали. Прошу быть уверенным в дружбе моей к вам. По желанию вас видеть, как можно скорее, остаюсь на веки вашим верным другом.

Павел

Царское село, Мая 27, 1774 года.

Я приношу Вашему Преосвященству благодарность за то, что вы мне писали в письме к Великому Князю; чрезмерно радуюсь, что нахожу случай Ваше Преосвященство в кратких словах о совершенном моем к вам уважении и отменном почитании, какое я во всю жизнь к вам буду иметь; а вас прошу сохранить ко мне вашу дружбу.

Наталия

Мая 27 ч., сего 1774 года.

Последние тома сочинений ваших получил я с благодарностью чрез Богоявленского Архимандрита и с тем уважением, с каковым приемлется обыкновенно всё от воспитавших нас, помня, что то продолжение преподанных однажды познаний. Вскоре за сим получил также и письмо Вашего Преосвященства от 12 текущего месяца. Если бы позволительно было иметь самолюбие: то бы я имел два удовольствия; но оного действие не должно примечено быть к происходящему от дружбы и желания пользы Отечеству своему, когда увидел я перемену намерения вашего. Я довольствуюсь чувством сего последнего рода и сердечно вас и себя поздравляю; а как почти всегда перемена сферы идей сколько-нибудь действует и над образом мыслей: то и уповаю, что она заставит забыть первую вашу мысль и тем прилежнее упражняться станете настоящим делом, оставляя мечты тунеядцам. Сие уже в человеке и его слабости менее видеть вещь, беспрестанно под глазами находящуюся, пока близ её, и наконец, совсем перестать; а как скоро что-либо выведет тебя из сего морального сна, так скоро зачать находить, как будто совсем новые в оной достоинства, который, в самом деле, ни больше, ни меньше существовали. Сие примечу вам, дабы того же не случилось с уважением дружбы, с каковою есмь и буду ваш верный.

Павел

Декабря 19, 1774 года.

Поделите со мною радость мою, Вы участвующий во всём том, что до меня касаться может, Вы, знающий чувства мои и притом расположение моё к отечеству моему: второгонадесять сего месяца даровал мне Бог сына, который назван Александром. Хорошие признаки и здоровое сложение его подают надежду о нём. Желаю, чтобы он усердием к Богу и отечеству своему походил на меня. При принятии на себя бремени воспитания его, первый мой предмет будет в него поселить сие усердие и к тому и к другому. Благодарю В. Пр. за принесение Всевышнему молитв о счастливом разрешении от бремени жены моей, которая поручила мне Вас за оное также

благодарить и притом кланяться. Прося В. Пр. благословения сыну моему, пребываю Вашим верным

Павел

1777 г.

Благодаря вас за желания и поздравления ваши с новым годом; зная их искренность, мне оные тем приятнее. Продолжайте ваше ко Мне расположение, и будьте уверены, что вы меня всегда найдёте вашим верным.

Павел

1777, Марта 25 дня.

Благодарю вас за поздравление меня с праздником Святой Пасхи и притом за молитвы, принесённые вами Богу, как о упокоении души покойной жены моей, так и о мне. Просите Бога, чтоб сохранил меня и жену мою в той непорочной совести, которую вы во мне старались насадить. – Сообщу вам хорошую весть. Услышал Господь, в дом печали послал помощь от Святого Духа и от Сиона заступил. Я имею большую надежду о беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мне и патриотические ваши расположения, сообщаю вам сие, дабы вы вместе со мною о сем порадовались. Продолжайте не сомневаться о дружбе моей к вам и будьте уверены, что я есмь и буду ваш верный.

Павел.

Царское Село

5 Июня, 1777.

Всем сердцем благодарим как жена моя, так и я, за желания и выражения ваши, заключающиеся в письме вашем от 18 Июня. Сколь я сожалею, что обстоятельства препятствуют вам быть участником радости моей, которую ожидаю к Декабрю месяцу. Будучи уверен о расположении ко мне, уверен и в том, что место не уменьшит участия, вами принимаемого, и что вы будете уверены всегда в дружбе моей к вам, с которою пребуду навсегда вашим верным.

Павел

Петергоф. Июня 15, 1777.

Письмо Вашего Преосвященства, несколько дней тому назад полученное, с обыкновенным бы удовольствием было мною принято, если б вы не открыли своего намерения оставить место своё. Сие намерение не только меня удивило, но и опечалило, как любящего своё Отечество, и как друга вашего; я нахожу его и с той и с другой стороны осудительным. – В необыкновенном течении вещей качества душевные показываются; а при трудностях, где они испытываются, тут прямое их достоинство и цена им узнаётся. Извините, если противоречу вам, но к сему долг меня обязывает. Если чему-либо научило меня путешествие: то тому, чтобы в терпении искать отрады во всех случаях. Исправляя свою должность, взирая спокойным оком, на те вещи, которые собою исправить не можем (ибо слабости повсюду существуют), мы можем на всяком месте иметь безмятежную совесть; а сия на всяком месте владычествует. Не знаю, предупредю ли в моём предприятии отвратить вас от вашего намерения; но иного во мне быть не может, как сообразного вашему добру; ибо вас люблю и есмь ваш верный друг.

Павел

С.-Петербург, Декабря 7, 1782

Уже известно Ваше Преосвященство о посетившей нас печали смертью Графа Никиты Ивановича (Панина); известны вы и о всём том, чем я ему должен: следственно и обязательствах моих в рассуждении его. Судите же, прискорбно ли душе моей? Я привязан по долгу и удостоверению к Закону, и не сомневаюсь что получающему награждение в той жизни за добродетели всеконечно отрада и покой; но поскольку души, остающиеся ещё со слабостями тела соединены: то нельзя нам не чувствовать печали от разлуки; разделите оную со мною, как с другом вашим.

Павел

1785 года. Апреля 11.

Благодарю от всего моего сердца Ваше Преосвященство за содержание последних писем ваших. Примите за всех их искренние пожелания на новой и притом и на всякой год. Вы узнаете источник. Между тем поделите мою радость. Бог мне даровал вчера дочь, весьма счастливо на свет пришедшую, к тому же и названа была по бабке и по сестре моей. Принесём вместе наши благодарственные молитвы мысленно. Продолжите свою дружбу, я же со своею есть ваш верный

Павел

С.-Петербург, Января 8 дня 1795.

С радостным восторгом поздравляю Ваше И. В. с благословенным плодом, с Богодарованною дщерию, Великою Княжною, Анною Павловною. Се колико Бог благодетельствует Вам! Такового благодатного племени быть коренным источником, не есть ли то, что между благословениями Божиими поставляет Слово истинны. Все славные дела, каковыя Вашим родом узрит свет, первым будут именовать Павла, яко родоначальника. Милостивейший Государь; ежели чего, по мнению міра, для Вас ещё недоставало, почтите сие таковым Божиим благоволением, которое гораздо превышает другие, и Имени Вашему доставят бессмертие, и более и славнее, нежели все другое, в міре почитаемое славным. Благодаря за сие вкупе с вами Богу благодетельствующему Вам и воссылая к нему о сохранении здоровья и долголетствия Вашего искренние моления с моим высокопочитанием и душевною приверженностью пребываю и пр.

Платон.

**П. Санкт-Петербургские ведомости № 43, в
понедельник, 31 дня Мая, 1731 года**

В С.-Петербурге, 31 дня Мая, 1731 года

Понеже тела Высокоблаженного и Вечнодостоного памяти Его Величества Императора Петра I и Её Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны поныне в церкви Святых Апостолов Петра и Павла на амвоне стояли, то оные по присланному из Москвы к Его Превосходительству господину Генералу Графу фон Минниху всемилостивейшему Императорскому указу в прошедшую субботу (29 Мая) пред полуднем, в 11 часу, в приуготовленное нарочно к тому Императорское кладбище, с особливою учреждённой церемонией, по окончании Божией службы, которую господин Архимандрит Александроневского монастыря отправлял, поставлены. При оной церемонии присутствовали господа от Генералитета и Адмиралтейства и многие здесь обретающиеся коллежские члены. Во время постановления помянутых Императорских тел выпалено с Санкт-Петербургской крепости из 51 пушки.

Письма Платона к Князю Потемкину и графу Остерману

Всемиловейше пожалованную Её Императорским Величеством в Московскую Кафедру панагию я получил, и оную в книги ризницы Архиерейской Московской вознести приказал. Когда оную буду носить на персях: тогда высокое Имя дражайшей Благотворительницы содержать буду в сердце. А милостивого к Престолу её предстателя Бог да сохраняет всегда под покровом Своим!

Вашего Высокопревосходительства,
Милостивого Государя
усерднейшей богомолец и покорнейший слуга
Платон, Архиепископ Московский.
1775, Апреля 18.

Получив почтеннейшее Светлости Вашей письмо о показании Его Светлости Князю Понятовскому Патриаршей ризницы и прочего, имею честь на то донести. Его Светлость меня посетил и Ваше вручил письмо. В Благовещеньев день у меня в Чудове был у обедни: высматривал всё и слушал проповедь со вниманием. Нынешний день Патриаршу ризницу и Соборы смотрел, где и я был, даже что вместе и на Иване Великом были. Кажется, любопытство его удовольствовано. Радуюсь, что ваше приказание мог исполнить. И препоручая себя благосклонности Вашей, с моим усерднейшим почтением пребываю и пр.

1777, Марта 27. Москва

Признаю в Вас и устами и сердцем благодетеля своего, любовью и милостями премного одолжившего, не имею чем за оное воздать, как токмо одним моим к особе Вашей усердием, моими от глубины души происходящими желаниями, моими молитвами. Таковым одушевлённым расположением, поздравляю Вашу Светлость с наступающими праздниками. Вы и благочестия любитель и общественного благополучия споспешник. Почему желаю и молю, да наполняет Вас

спокойствием радости, и да утвердит счастье Ваше Тот, Который и любящих Его любит и споспешествует им во всём во благое. Прося при сем продолжения Вашей ко мне любви и милости, с искреннейшим почитанием пребуду и пр.

1780, Декабря 20.

Сиятельнейший Граф Иван Андреевич!

Чтоб известную книгу перевести на наш язык, и напечатать, выкинув всё то, что составляет одно пустое мудрование иезуитское, я не токмо почитаю полезным, и едва ли не нужным; но и признаю, что ваша патриотическая и проницательная ревность достойна всякой похвалы. Поистине новопроникшие философические начала, угрожающие не токмо религии, но политической основательной связи, требуют всеприлежной предосторожности. *Post mortem sero medicina paratur.*

Впрочем, имея всё к особе Вашего Сиятельства уважение, с истинным моим почитанием, при желании благословения Божия, пребываю

Вашего Сиятельства

Милостивого Государя моего,

Усерднейший богомолец и слуга.

Платон Московский.

1802, Марта 17 дня. Вифания.

Его Сиятельству, графу Фёдору Андреевичу усердно кланяюсь.

Часть 2

Совершив в Троицкой Лавре слёзное моление об упокоении души преставившегося Государя, своего ученика и друга, Митрополита Московский поздравил письмом Императора Александра I с восшествием на прародительский Престол и удостоился получить от него благосклонный ответ; вслед затем прислан манифест о Короновании Государя в Москве.

Сколько обстоятельства и люди ни отдаляли Платона от покойного Императора и сколько разные случаи ни обнаруживали охлаждение к нему последнего, однако же не могли совершенно погасить в сердце Павла I дружбы и уважения к бывшему наставнику своему, – в чём удостоверили Платона завещанные ему Императором в духовной: трость с набалдашником, осыпанным бриллиантами и изумрудами, и любимая вызолоченная карета, в коей ездил покойный Государь. Сии дары принял Платон со слезами, и завещал, после смерти своей: трость Троицкой Лавре, где она и доньше хранится в ризнице, а карету Императорскую – назначил Чудову монастырю⁸⁸.

Помышления о вечности не могли отвлечь Архипастыря от временных отношений, в какие поставили его высокий сан, место, старшинство и соединённые с ними права на первенство при торжественном и величественном священнодействии таинства, каково Миропомазание Всероссийского Царя на царство. Вскоре прибыли из С.-Петербурга и других городов в Москву Синодальные Члены: Митрополит Новгородский Амвросий и Архиепископ Ярославский Павел и прочие Архипастыри; одни из них были питомцы Платона, другие, – давно ему знакомые. Прибыл и он из Троицкой Лавры⁸⁹. В это время Викарием Московской Митрополии был Преосвященный Серафим Глаголевский, избранный на это место Платоном – его покровителем.

Первенствующим тогда в Св. Синоде был Амвросий, пожалованный в Митрополиты Новгородские и С.-Петербургские за день до кончины Императора Павла I. Несмотря на своё

старшинство и другие права, Платон, не без искушения душевного, сомневался, кто будет первенствовать при Короновании: он или Амвросий. В этом вопросе участвовали и паства его и Двор и Синод. Архипастырь первого царствующего града, как человек, мог бы оскорбиться понижением пред бывшим учеником и викарием своим, младшим по службе и меньшим ещё по заслугам. Тогда же, неизвестно почему, Митрополит Московский, как старший Член, не приглашён был в заседание Св. Синода, коего младшие его Члены даже не входили с ним в сношения по делам и не требовали его советов. Хотя Платон не остался равнодушным при невнимании и холодности к себе собратий, и опасался, что опять лишат его первенства при Короновании Государя, однако, заплатив сию дань слабости человеческой, он успокоил себя преданностью водительству Промысла Божия. Между тем как Иерарх, таким образом, приготовлял себя к новым испытаниям, неожиданно получил он от Обер-Церемониймейстера Графа Головкина церемониал, с назначением его, по воле Государя, первенствующим при Коронации и Миропомазании, кои должны были совершиться в Москве 15 Сентября 1801 г. За победою над самим собою последовало торжество Архипастыря над совместниками и недоброжелателями, которые, против воли своей, приготовили ему славу.

При совершении Коронования, Архипастырь, на шестьдесят четвёртом году, покрытый сединою, показался столетним старцем для иностранцев⁹⁰, бывших при этом священнейшем торжестве⁹¹. Не ослабев ни голосом, ни духом, он чувствовал себя вдохновенным любовью к Царю и Отечеству; его услаждала надежда на будущее благосостояние России и мысль, что венчает на царство того, которого рождение некогда ознаменовал он счастливым предсказанием⁹². Весь народ исполнен был радостным упованием, и самое наступление тогда светлых дней, после туманных, принял за благое предвестие. В первопрестольном храме, Сентября 10, Платон встретил Александра I словами: *Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная и внидет Царь славы*⁹³. Потом поздравил его речью в Кремлёвском дворе с благополучным

прибытием в Москву. В день св. Коронавания и Миропомазания Успенский собор был свидетелем торжественного, блистательного и умирительного зрелища, которому сочувствовал народ, наполнявший Кремль: Архипастыри Церкви, Цесаревич Константин Павлович, Великая княгиня Елена Павловна и Великие княжны: Мария, Екатерина и Анна Павловны придворные чины, знатное дворянство, чужестранные министры и почётные лица из купечества предстояли юному Царю Всероссийскому, окружённому юною Супругой Царицей и вдовствующею Императрицею Матерью.

Александр I вступил в первопрестольный храм с возгласением певчими псаломских слов: *милость* и *суд*, в ознаменовании того, что сии царственные добродетели должны ему сопутствовать в правлении. После чтения Евангелия Государь облечён был в порфиру, поднесённую, по его соизволению, Митрополитом Платоном, который, возложив руки главу его, молил Царя царствующих «помазати его елеем радования, облечь его силою с высоты, положить на главу его венец от камне честна, даровать ему долготу дней и скипетр спасения, посадить его на престол правды, оградить его всеоружием Святого Своего Духа, покорить ему все варварские языки, всеять в сердце его страх свой и к послушным – сострадание, показать его известного хранителя святой кафолической Церкви догматов да судить люди в правде, нища в суде спасёт сыны убогих» Затем Митрополит Московский поднёс Императорскую корону, которую Александр I возложил на себя при возгласении молитвенных слов Платоном, который приветствовал венчанного Царя такою речью: «Благочестивейший, Самодержавнейший Великий Государь Император Всероссийский! Видимое сие и вещественное главы твоей украшение явный образ есть, яко Тебе главу всероссийского народа венчает невидимо «Царь славы Христос, благословением Своим благостынным, утверждая тебе предержащую и верховную власть над людьми Своими». Подав Императору в правую руку скипетр, а в левую державу, Платон произнёс: «О, Богом венчанный, и Богом дарованный, и Богом преукрашенный, Благочестивейший, Самодержавнейший

Великий Государь Император Всероссийский! Приими скипетр и державу, еже есть видимый образ давшего тебе от Вышнего над людьми Своими самодержавия к управлению их и ко устройению всякого желаемого им благополучия!» После того как Император коснулся своею короной головы Императрицы, на Государыню возложена была меньшая корона. Звон колоколов и гром пушек возвестил народу о совершении коронавания, после коего Царь и Митрополит вознесли коленопреклонные молитвы о благословении царствования; Архипастырь приветствовал Богом венчанного Царя таким словом, которое навсегда останется назиданием для Государей и блестящим Памятником русского витийства. В напоминание священных обязанностей Повелителя народа, Платон, между прочим, сказал: «Предстанет лицу Твоему пространнейшая в свете Империя, каковую едва ли когда видела вселенная, и будет от мудрости Твоей ожидать во всех своих членах и во всём теле совершенного согласия и благоустройства. Узриши сходящие с небес весы правосудия, со гласом от Судии неба и земли: да судиши суд правый, и весы Его да не уклониши ни на шее, ни на десное. Узриши в лице благого Бога сходящее к Тебе милосердие, требующее, да милостив будеши ко вручаемым Тебе народам. Достигнут бо Престола Твоего вдовицы и сироты, и бедные, стесняемые во зло употреблённою властью и лицепрятием, мздоимством лишаемые прав своих, и вопить не престанут, да защитиши их, да отреши их слёзы, и да устроиши их везде проповедовать Твою промыслительную Державу. Предстанет и самое человечество в первородной своей и ногой простоте, без всякого отличия порождений и происхождений: взирай, возопиет, общий Отец, на права человечества! мы равно все чада Твои. Никто не можете быть пред Тобой извергом, разве утеснитель человечества и поднимающий себя выше пределов его. Наконец, благочестию Твоему предстанет и церковь, сия мать, возродившая нас духом, облечённая во одежду, обагрённую кровию Единородного Сына Божия, – и к Тебе, Благочестивейший Государь, яко первородному Сыну своему, прострёт руки свои, и ими объяв Твою любезнейшую выю, умолять не престанет: да сохраниши не для себя токмо,

но паче да явиши собою пример благочестия – и тем да заградиши нечестивые уста вольнодумства, и да укротиши злый дух суеверия и неверия».

По окончании причастного стиха, Архиепископы Павел и Варлаам возвестили Государю о наступлении Царского Миропомазания и причащения Св. Тайнам, Государь, отложив знаки царского величия, кроме порфиры, приступил к принятию в помазании св. миром даров Св. Духа и вслед затем к причащению Божественных Таин, для укрепления себя на подвиг царственный. Государь шествовал с трона, и за ним следовала Императрица прямо к отверстым Царским вратам. По совершении св. Миропомазания на челе, очах, ноздрях, устах, ушах, груди и на руках, Государь Митрополитом Платоном введён был чрез царские врата внутрь алтаря и приобщён у Престола Св. Таин, по чину Царскому, особо тела и особо крови Христовы. Императрица же помазана была св. миром только на челе от Митрополита Московского и в царских вратах приняла св. причастие обыкновенным порядком.

По совершении священнодействия, таинственно утверждавшего союз Царя с подданными, как отца с детьми, Митрополит Платон приветствовал Венценосца следующими словами: «Радуйся, Помазанниче Господень! радуйся, утверждённый печатью дара Духа Святого! радуйся, благодати ковчег! радуйся, благоуханием помазания всех нас усладивший! радуйся, сопричисленный к Иерархии небесной! радуйся, Церкви красото! радуйся, всея России утверждение!»

Император, при Короновании, не возлагавшей на себя Царского далматика⁹⁴, по примеру родителя своего, шествовал в порфире и короне, среди торжественных восклицаний ликующего народа, на поклонение предкам своим в Архангельский собор и святыням в Благовещенский собор. Платон, с крестом в руках, вёл Помазанника; разделяя с народом восторг и слёзы умиления, он сказал, указывая на Венценосца: «Посмотрите, православные, каким Бог наградил нас Царём – прекрасен и лицом и душою!» И действительно, тогда двадцатичетырёхлетний Александр блистал красотою лица и любезностью взора, в котором народ читал свою судьбу,

ожидая возвращения времён Екатерины II, тем более, что юный Император в манифесте своём обещал следовать её примеру. На другой день после Коронации Митрополит со знатнейшим духовенством поздравлял Государя речью во Дворце⁹⁵.

Когда одни восхищались словом Архипастыря при Короновании, тогда другие предсказывали ему опалу за смелость высказанной в лицо Монарху правды и тем приводили его в сомнение и беспокойство; зависть и недоброхотство, готовые всегда давать превратный толк чистым намерениям и прямым выражениям истины, замечали: *«Как можно напоминать Царю о человечестве в нагой простоте, без всякого отличия порождений и происхождений? Как предвещать, что окрест Престола будут пресмыкаться ласкательство, клевета и пронырство? Как предсказывать, в присутствии двух Императриц, что появится роскошь, со всеми видами нечистоты к нарушению святости супружеств*⁹⁶ и пр. Но посланный от Государыни Императрицы Марии Феодоровны за этою речью успокоил Платона, который одновременно с Новгородским Митрополитом получил наперстный крест, украшенный алмазами, а другие Архиереи награждены были орденскими знаками. *»Видите, – сказал наш Иерарх окружавшим его, с обыкновенного искренностью, – люди с лихостью, а Бог и Государь с милостью»*. По Высочайшему повелению, слово Платоново было в то же время напечатано и переведено на Латинский язык самим сочинителем и другими – на Греческий, Итальянский, Французский и Немецкий. Вся Европа читала это слово.

На память Преподобного Сергия, 25 Сентября, по благочестивому обычаю венценосных предков посетил св. обитель Император с Императрицею – Матерью и Супругою, с Цесаревичем Константином Павловичем, с Великою Княгиней и с Великими Княжнами. Накануне сего праздника там они слушали всенощное бдение, а на другой день – Божественную литургию, молебен и проповедь Митрополита – Настоятеля Троицкой Лавры, который занял внимание Августейших богомольцев показыванием всех в Лавре церквей и ризницы; в Семинарии высоте посетители приветствованы были речами и

стихами. Не оставлена была без внимания и семинарская больница устроенная Императором Павлом I. Толпы народа стеклись в Лавру.

После обеденного стола у Платона, Государь с обеими Императрицами и фамилией ещё приложился к св. мощам Преподобного Сергия в Троицком соборе, где Преосвященный благодарил Государя речью за посещение и благословил св. иконою. При торжественном возглашении многолетия Царю за столом у Митрополита, в мирных стенах Лавры раздался с колокольным звоном гром пушечный. Прежде отбытия своего в Москву, Государь посетил Митрополита в его Вифанском уединении, и новоустроенную им Семинарию, коей питомцы выразили чувствования свои к Самодержцу в стихах и речах. В этом училищном монастыре Императрица Мария Феодоровна пожаловала основателю оного полное Архиерейское облачение своей работы. Незадолго перед отъездом Царской фамилии в С.-Петербург, Платон совершал в большом Успенском соборе Божественную литургию, в день рождения вдовствующей Императрицы, 14 Октября, и произнёс приветственное слово, коим она столько была довольна, что, в знак особенного своего благоволения, пожаловала проповеднику бриллиантовую панагию с портретом своим.

После отбытия из Москвы Двора и Синода, Платон пребывал более в древней столице, неослабно занимаясь устройением дел своей епархии как достойный и опытный пастырь хозяин, поддерживал и поправлял старинное здание, или строил новое. По тесноте, сырости и темноте Богословской палаты и столовой для семинаристов в Троицкой Лавре, он рассудил всё вновь построить на месте дворца Царя Иоанна Васильевича, за Царскими так называемыми чертогами. Здание это, 1803 года, сооружено им в два этажа на 22 саженьях, с аудиторией и библиотекою вверху, столовой и кухней – внизу. В Махрищском монастыре, вместо сооружённой Царём Иоанном Васильевичем церкви, уже обветшавшей, построена и в следующих годах освящена Платоном новая, во имя Св. Троицы⁹⁷.

С 1803 года особенно стали тревожить Преосвященного разные недуги, искушавшие его терпение; они напоминали ему о кончине, о коей ещё тогда не мог он равнодушно помышлять, хотя уже и написал, как мы видели, духовное завещание, и хотя говаривал: «Со «смертью надобно несколько заранее подружиться, дабы «с меньшим страхом её встретить». Его мучили то желудочный кашель, то зубные боли и почечные камни, то беспокоила десятимесячная глухота правого уха и трёхмесячная левого; но та и другая в Июле 1803 года миновалась, к утешению Архипастыря; сие событие исповедовал он, как совершившееся над ним чудо Божия милосердия.

У Платона было давнее желание посетить Киев, как для поклонения св. угодникам Божиим, так и для удовлетворения любопытства своего в Российском Иерусалиме; притом он надеялся укрепить сим путешествием расстроенное своё здоровье, найти новые материалы для Русской церковной истории в колыбели отечественного Христианства, где Митрополитом тогда был прежний его викарий и друг Серапион Александровский, неоднократно и убедительно приглашавший к себе Платона. С такою целью, Московский Архипастырь, по приезде из С.-Петербурга викария Московской Митрополии Августина, испросив себе дозволение Государя Императора, отправился в Киев из Москвы, 28 Мая 1804 года, через Можайск, Гжатск, Вязьму, Смоленск, Могилев и Чернигов. Спутниками его были Андроньевский Архимандрит Феофан и племянник его, Московского Казанского собора Протоиерей Иван Дмитриев.

На пути своём в Киев, Платон не мог не утешаться любовью и уважением, какое оказывали ему жители городов и селений, «так что – по собственному его замечанию в путешествии – везде жадно теснились окрест его, яко свойственно добрым Христианам, увидев служителя Церкви Христовой и, с любовью взирая, добродушно испрашивали от нас благословения Божия».

Как муж любознательный и благомыслящий, он осматривал встречавшиеся в продолжении пути своего старобытные

памятники веры и благочестия, места достопримечательных событий, списывал древние надписи, беседовал с раскольниками для их исправления; он хотел быть полезным Отечеству и Церкви своими замечаниями о нравах и обычаях народных заведений общественных и о местных злоупотреблениях. Смоленская стена, сооружённая Борисом Годуновым, остановила заботливое внимание Архипастыря, который с каким-то предчувствием сожалел, «что она не «поддерживается и во многих местах уже разваливается». «Желательно – замечает он в Путевых Записках – чтобы, хотя, она в целости осталась, яко монумент древности, для удовольствия любопытствующего потомства, а может быть, преобразование времён, столь веку сему свойственное, когда либо пользу и нужду в ней возымеет». Сии слова прозорливого Платона, как увидим в 1812 году не мимо прошли.

За пять вёрст до Киева Митрополит Московский встречен был и поздравлен тамошним духовенством и гражданскими чиновниками. Толпы народа на берегах Днепра ожидали его прибытия. Со слезами душевного умиления Платон обнял прежнего своего друга и сотрудника Серапиона – и, приветствованный в Киевской Академии учащими и учащимися, сам отвечивал благодарным словом. В Киево-Печерской Лавре духовенство почтило знаменитого Архипастыря, через кафедрального Протоиерея Леванду, известного витию, следующею речью:

«Преосвященнейший Владыко! Слава всегда писала и на нашем сердце то, что писала на всех, а именно, что ты, для Христа и Церкви Его, во днех пастырской жизни своей творил и твориши. Коль громкою ушам, коль любезною ты истину Христову очам и сердцу соделал! Коль любезен ты сам истине, народам, Царям, Христу! Коль радовалась и радуется тобою Церковь! Коль награждались подвиги твои на земли! С какими наградами ждёт тебя вечность! Мы не так удалены, чтобы не знать сего; зная и быв счастливы лицезрением твоим, позволим ли быть себе немыми, и чувствий своих не сказать? Мы и то, что ты по следам Царей – следам, коль ни древним, но всегда для нас новым и неизгладимым, грядешь видети у нас бессмертие

смертных, нетление тленных – относим к ревностной любви твоей к Богу и Святым, Да наградит же и сей подвиг твой Бог наш милостями Своими, да испросят тебе у Бога долготу дней! Дни твои Церкви нужны; её надежды не все свершились. Она, по десяти талантам, много ждёт от тебя. Да возьмут и приложат небожители воздыхания наших сердец ко воздыханиям своим. Вышний человеколюбив! Да светится ещё и не угасает с жизнью свет твой пред человеки, да видят ещё сии дела твой и да прославят Отца нашего, иже на небесех, толико нам в Пастырях, толико в хранении тебя милосердствующего о Церкви Своей».

Это сердечное слово Киевского витии столько понравилось маститому Архипастырю, что он просил повторить его.

Всё время шестидневного пребывания своего в Киеве Платон посвятил на поклонение св. мощам Печерских угодников Божиих и на обозрение тамошних достопамятностей и книгохранилищ, привлекавших просвещённое его любопытство; он с благоговением поклонился гробнице просветителя России Евангельским учением, первого летописателя нашего, который указал ему следы древнего Киева, сохранив предания о первобытной России; он осматривал древнейший Лавры Николаевский монастырь, Софийский храм с гробницею В.К. Ярослава, Десятинную церковь и место Перуна, освящённое храмом Христианским во имя В.К. Владимира, Крещатик и другие достопримечательности. В пещерной Церкви и в Печерском соборе Митрополитом Московским совершена была Божественная литургия, на коей не доставало места для многочисленного народа, стёкшегося из Великой и Малой России и Польши: все желали видеть и слышать Платона, и принять от него благословение, какое он охотно преподавал всем требовавшим. Обозревая церковь Спаса на Берестове, сооружённую просветителем России, её древнюю иконопись и надписи, Архипастырь Московский сказал провожавшим его лаврским монахам: «Всё у вас на древних развалинах новое, выключая сей церкви; она только остаток времён Св. Благоверного Князя Владимира, и достойна всякого сохранения»⁹⁸. В память тридцатилетнего служения своего на

Московской пастве, и в самый день, как вступил на неё, Платон дал вкладу сей церкви Св. Евангелие, обложенное серебром, с собственноручною на нём надписью: *В Киевскую, состоящую при Киево-Печерской Лавре, называемую Спаса на Берестове церковь, яко древнейшую в Киеве и в древних летописцах поминаемую, посылает сию книгу священного Евангелия вкладом смиренный Платон, Божиею милостью Митрополит Московский*, 1805 г. Января 21. Москва.

В Киевской Лавре встретили его не одни воспоминания о древностях матери городов Русских, но и воспоминания о юности своей; там он увидел на одре немощи свидетеля юности своей, 82-летнего старца Иннокентия Пашкевича, прежнего келаря Троицко-Сергиевой Лавры, который принимал ещё молодого и непостриженного Платона, когда он прислан был из Московской Академии в Лавру учителем; беседуя с ним о старине, Митрополит уверился в твёрдости его памяти, не изменившей ему в старости и болезни.

Остальное время, перед отъездом своим из Киева, Платон провёл в беседе с Митрополитом Серапионом, «почитая, – как они, сам пишет – что едва ли не в последний раз здесь на земле с ним беседует». Пользуясь этим случаем, сии два представителя духовного просвещения обдумали и решили дело, коему суждено было осуществиться преобразованием главнейших духовных училищ в России. «Просвещения слишком много – писал потом Иерарх Московский к Киевскому, – разумею мнимого, а начало премудрости – страх Господень уменьшается и порча нравов усиливается по мере того, как возрастает оное просвещение мнимое». Чтобы поставить преграду распространению этого зла, ревностный о существенном благе своего отечества, Платон задумал возвести духовные Академии на степень всеучилищ, справедливо убеждённый в том, что вне учения Церкви Православной для России нет и быть не может истинного просвещения. Он представлял Митрополиту Серапиону на рассмотрение проект свой о преобразовании, какое намеревался произвести в подведомственной себе Московской Академии, и просил совокупного его участия в этом истинно полезном для

отечества и святом деле⁹⁹. Леванда, при прощании 6 июня, проводил Московского Архипастыря следующим словом: «Где же нам видеть тебя после сего? Мы задумались. Ежели бы ты на сердце наше воззрел: о отрада! ты бы, о Архипастырь, увидел, сколь оно занято тобою. Ежели бы спросил, каково ему, когда видеть тебя ещё желает и видеть уже не будет, когда лишаться не хочет, и уже лишается, – нашёл бы, что оно в положении жалком, что, помочь себе не умея, терпит. Что же остаётся для него? Благодарить Провидение, носить образ твой в душе, любить имя, почитать, воспоминать благи сердца твоего, иногда невинно погордиться тем, что мы обрели тебя; – остаётся, чтобы мы желали ещё быть счастливыми, ещё видеть тебя один и бесконечный раз там, где слава Христова, святых предместников твоих новыми солнцами озарившая, обымет и тебя». Киевский Митрополит проводил бывшего своего начальника и друга до самого Днепра, и когда Платон, достигнув на пароме другого берега, увидел Серапиона, стоявшего вместе с Киевскими жителями на противоположной стороне, оттуда послал к нему благодарное письмо с нарочным. Так расстались два Архипастыря и расстались навсегда, как им обоим сказало предчувствие. Обратный путь Платона из Киева в Москву был через Батурин, Глухов, Орёл и Тулу.

В продолжение пути своего вёл Платон *Записки*, кои желал было издать при жизни своей, но не успел потому, что не захотел опустить и переменить некоторые выражения о веротерпимости и злоупотреблениях местного начальства, показавшиеся нетерпимыми тогдашней цензуре. Сии *Записки*, как увидим, изданы были в С.-Петербурге, 1813 г., уже после смерти сочинителя.

По благополучном возвращении на паству свою, Платон возблагодарил в молебствии Бога за благословение пути своего; с Июня по Июль он жил в Москве, потом отправился в Вифанию и Троицкую Лавру, где не переставал заниматься учёными, хозяйственными и епархиальными делами; то доканчивал *Церковную, Российскую Историю*, которая напечатана им в 1805 году, то обозревал церкви, монастыри и учебные заведения в своей епархии, то священнодействовал и

проповедовал в праздники. К великой радости своей, найдя в патриаршей ризнице облачение и посох Св. Алексия Митрополита, Платон исходатайствовал у Св. Синода соизволение отдать их в Чудов монастырь, где Московский Архипастырь, в сих священных ризах совершив Божественную литургию на память св. предшественника своего, поставил посох Святителя при его раке, а облачение его положил в устроенном месте, на стене, для созерцания народу. По его же распоряжению украшено жемчугом и драгоценными камнями обретенное им в монастырской ризнице, писанное на пергамене собственною рукой Святителя Алексея Св. Евангелие и тщательно исправленное им с Греческого подлинника: оно поставлено при св. его мощах, как памятник его просвещения и благочестия¹⁰⁰. Также у раки Преподобная Сергия Платон положил его убогую ризу, посох и другие остатки земного его быта, на поклоненье верующим и созерцание любопытствующим. В день Св. Пасхи 1805 г. пред мощами Св. Сергия, с его жезлом в руке и в облачении Святителя Алексия, он произнёс приветственное слово.

«Христос воскрес! Преподобне Отче Сергие!

Се предстал пред святыя мощи Твои недостойный преемник Твой? предстал облеченный в одежду Святителя и Чудотворца Алексия: он сию утварь возлагал на Твою достойную особу, но Ты, по смиренномудрию и кротости Евангельской, прияти оную не благоволил. Ныне неисповедимыя судьбы Божии определили сему жребию пасть на меня недостойного, а посему и Ты не совсем избежал того, облекся и Ты в сию утварь хотя не в своём лице, но в лице преемника Твоего, и сей жезл правления святительского соединил Ты с жезлом правления обители Твоея. Не вознегодуй на меня, Святче Божий что я дерзаю своё грешное лице совокуплять воедино с Твоим лицом святым! К сему понуждает меня необходимость моя. Сам я, не имел довольно сил к ношению бремени сего, уповаю, что егда Ты благоволиши прияти участие в сем звании моем, тогда бремя мое облегчится и недостатки дарований моих дополнятся.

Ведаю, друзи Божии, колико Вы Богу любезны! Он любуется, егда есть дивен во Святых Своих. Как не дивен? Егда не токмо святые тела Ваши, но и самые ризы Ваши почтил нетлением. О блаженнии на небеси, славные и на земли! исходатайствуйте молитвами Вашими от Великого и Вечного Архиерея Иисуса Христа, да сподобивый меня облещи милостию Вашою облечет мя Вашими и духом и силою».

Сей ревнитель Православия и любитель отечественной старины в обителях благочестия, соединяя святыню с древностью, старался быть для одних поучительным, а для других занимательным.

Посвящая время своё на Богослужение и епархиальные дела, он не выпускал из виду и хозяйственных: в 1805 г. им начато строение особых Архиерейских покоев в Перервинском монастыре и каменной плотины на пруде в загородном Архиерейском Черкизовском доме; покрыт Троицкий собор и церковь Преп. Никона медными позолоченными листами, в следующем году обита была золочёною медью средняя глава на лаврском Успенском соборе; и на Предтеченской церкви вновь приделаны в готическом вкусе святые ворота. Все такие постройки стоили до 60.000 р.

Здесь несколько уклонимся от подвигов общественной жизни сего Архипастыря и заглянем в его келейную жизнь на Перерве, вместе с Кембриджскими Профессорами, из путешествия коих представляем выписку¹⁰¹:

«При посещении нашем Московского Митрополита Платона, мы удивлены были противоположностью великолепия, среди коего прежде видели сего Архипастыря. Давно я искал случая говорить с сим знаменитым мужем; он был наставником Павла I; его переписка с Дютинсом давно сделала его известным в Англии».

По приезде нашем в монастырь, нам сказали, что Платон прогуливается в саду, обрабатывание коего составляло его главное удовольствие, – что показывало невинность и простоту его нрава. В саду мы нашли его сидевшим на дерновой скамейке под окнами монастырской трапезы, с престарелым Епископом, его Викарием, Настоятелем монастыря и

несколькими монахами; я не верил своим глазам, когда мне сказали, что это *Платон*. Как я его часто видал в Архиерейском облачении, то мне невозможно было его узнать в простой одежде, которая его совершенно переменила. Он был в полосатом шёлковом халате, (подрячнике), в шапочке на голове; на ногах были шерстяные чулки, а сверх оных носки самой грубой работы; он тогда был без туфель; в некотором расстоянии я заметил жёлтые туфли, а возле него на той же скамейке лежала шляпа с широкими полями, похожая на шляпы Альпийских пастухов, и в дополнение сходства с ними, букет увядших цветов приколот был к шляпе. Его седая борода, кротость и одушевление в чертах лица придавали ему самую приятную выразительность. Он пожелал знать, кто мы таковы, и, узнав, что мы Англичане, сказал: *Как! все Англичане? Дивлюсь, что могли найти столь занимательного в России ваши соотечественники, дабы оставить свою родину*. Сказав это по-французски, он обратился к монахам и спросил их с некоторым беспокойством, понимали ли они по-французски; но уверившись, что этот язык им был совершенно неизвестен, он посадил меня возле себя, а другие сделали около нас кружок, и он начал с нами разговор, в коем показал свою учёность, ум и чистосердечие, удивительные для всех путешественников в такой стране и в такое время. Едва ли моя память удержала и часть разговора, который относился к нравам его соотечественников. – *«Вы может быть, на меня смотрите, как на предмет любопытства, и находите меня в сию минуту готовым к вашим наблюдениям, – сказал он мне, – указывая на шерстяные чулки и странный свой наряд. Вы видите старца, согбенного под бременем лет и недугов»*. Я отвечал, что имел честь видеть его окружённого отличным великолепием в ночь Светлого Воскресения, в Успенском соборе, в Кремле. – *«А что вы думаете об этом торжестве?»* – «Я о нём думаю, как о самом великолепном, какое я только видел, не исключая и благословения в Риме». – *«И трогательном?»* – примолвил Платон. – «Конечно», – отвечал я. Услышав это, он с улыбкой сказал: *«Вы провели только одну ночь, чтобы видеть обряд*

той веры, коей не исповедуете и называете этот обряд трогательным!"

Так изобразили чужеземцы сего Архипастыря в его уединении, в коем он не преставал заботиться о своём отечестве и следовать мыслью за юным Помазанником на великом поприще его испытаний, какие встретили его в первые годы царствования.

Тогда как безначалие и буйство революции во Франции заменено было военною властью Наполеона, Император Французов, исключивший Главу Римско-Католической Церкви из списка владетельных Князей, раздавал Европейские короны своим родственникам и полководцам, – Император Александр I с Австрией, Пруссией, Швецией и Англией ополчился против хищника Престолов, который втайне готовил ковы для России¹⁰². Невыгодное для сей последней сражение при Аустерлице прекратило войну Пресбургским миром, за коим вскоре утверждено основание Рейнского Союза, а с ним вместе распространение Наполеонова владычества в Европе. Тогда одна Россия оставалась сильною преградой его властолюбию.

Платон, проникая намерение Наполеона, замышлявшего основание всемирной Монархии, и видя унижение своего отечества, подверженного опасности, сокрушался духом, оплакивая и войну пагубную и мир ненадёжный, к коему применял слова Св. Апостола Павла: *»егда бо рекут мир и утверждение, тогда внезапно нападет на них всегубительство«*. Этого печальника о всей земле Русской¹⁰³ тревожило предчувствие коварных замыслов Наполеона. Среди таких прискорбных чувствий, 22 Июля 1805 г., его постиг первый апоплексический удар, от коего ослабли у него язык и правая рука, так что он едва мог говорить и писать; хотя на другой день и почувствовал облегчение, но уже с того времени и языком и пером владел не с прежнею твёрдостью. В надежде движением восстановить своё здоровье, он часто переменил место жительства, переезжая из Москвы в Вифанию или на Перерву, но болезни его всюду преследовали; геморроиды производили в груди и спине жар и давление, от коих мало помогало ему и кровопускание. Чувствуя опасность своего положения, он почти

до самой смерти испытывал почерк руки своей, ежедневно подписывая своё имя и число месяца на особенной тетради. Не проникавшие чистоты намерений его и такое действие приписывали некоторому тщеславию, тогда как оно только было поверкой руки и сил телесных. В слове своём на память Преподобного Сергия, 25 Сентября 1806 г., обращаясь на самого себя, он сказал с чувством умиления: «Я воспитанник его обители, и в ней яко отродивыйся духом, и уповая с перстию священного места сего смешать свою тленную персть. Дожив до старости, ежели в жизни своей имел я какие удовольствия, выгоды и пользы телесные и душевные, все то по справедливости должен по Богу приписать сему благословенному месту и святым Угодника Божия молитвам. С самых младых лет моих, по особенному Божию провидению, призван я был в обитель сию неожиданным случаем, ни по намерению моему, ни по чаянию. И се уже близ пятидесятый год, а настоятельства моего минуло уже сорок лет как долготерпение Божие благоволило пребывать мне в месте сем».

К телесным скорбям сего Архипастыря присоединились и душевные. Как ревнитель о благе своего отечества, он не престававал следить за его судьбами; всё заботливое его внимание обращено было на возникшую тогда новую войну с Францией, против коей Россия заключила с Пруссией союз; но союзница эта, после роковой битвы при Иене и Ауерштете, вынуждена была отступить от России и покорствовать Наполеону. Обстоятельства побудили Александра I к ограждению своего Царства учредить временное земское ополчение, или государственную милицию, которая состояла из 612 тысяч воинов. Все сословия вызывались к пожертвованиям. При этом случае и Платон – от имени Троицкой Лавры, Чудова монастыря и от себя принёс на сие ополчение 20.000 рублей, в пользу избираемых казённых крестьян, за что и получил благодарный отзыв от Государя Императора.

Когда же сражение при Фридланде довело многочисленного врага до самых почти пределов России, тогда, после личного совещания Императора Александра I с Наполеоном, заключён

был, 1807 года Июля 27, между обеими державами мир, который, по выражению Платона, – «если основан на коварстве и обмане, то скорее, нежели в открытой войне, всех до единого погубит нас. Мир сей опаснее для нас, нежели война, ибо в устах Наполеона – достижение всеобщего мира на твёрдой земле было основание всеобщей Монархии. Не верьте – писал знаменитый Архипастырь к Государю своему – не верьте ложному миру его; и коль скоро ещё будем верить, то падём, падём бедственно, и слава наша затмится так, как затмилась слава несчастной Трои»¹⁰⁴. Таким миром решив судьбу Западной Европы, Наполеон остановился на России, как бы на обречённой его властолюбию жертве. В 1807 году, когда Платон, Июня 29, вступив на восьмое десятилетие своей жизни, начал новолетие проповедью¹⁰⁵ после Божественной литургии в Чудове монастыре – его кафедре, изъяснив, что, по слабости своего здоровья, прекращает проповедание Слова Божия, при этом случае он торжественно благодарил Господа, что помог ему продолжить сей спасительный подвиг ровно пятьдесят лет. От душевного умиления Архипастырь плакал вместе с паствою своей, привыкшею делить с ним чувствования и любившего его как отца; но в этом же году он плакал и от скорби. Смерть родного его племянника, И.О. Нестерова, единственного у него помощника в хозяйстве, столько опечалила старца, что он едва мог утешиться, призывая себе на помощь рассудок и веру. После сего, в Вифании, 8 мая, Митрополит утвердил первое и написал *второе завещание*, для распоряжения принадлежащими ему вещами:

«Книги все, какие после меня останутся, в библиотеку Спасо-Вифанской Семинарии, в которую уже вся моя библиотека и отдана.

Денег после меня других не останется, и потому и прошу во изыскании их не трудиться, ибо какие были деньги от жалованья и доходов, те все, по желанию моему, распределены, а именно:

1. Положено 10.000 р. в Банк на Лавру для поминовения моего, на что и билеты из Воспитательного дома в Соборе есть с моею надписью.

2. Положено на Семинарию и на учеников Платоновых 10.000 руб., на что и билет есть в Соборе с моею надписью.

3. Положено ещё 10.000 руб. на богадельных Вифанских и на монастырь Спасо-Вифанской и на Семинарию Вифанскую, на что есть билет с моею надписью.

4. А как разделять с сих 30 тысяч рублей получаемые проценты, и как их распорядить – предоставляю будущему Начальнику и Учреждённому Собору, с тем, что они могут и весь капитал потребовать, ежели какая по какому месту польза или необходимая нужда принуждать будут. Положено ещё 10.000 рублей – на Московскую Академию 4.000 руб., на Чудов 2.000 руб., на внуков моих 4.000 руб., на что есть и билет в Соборе с надписью моею».

Среди разных испытаний и превратностей жизни Митрополит Московский готовился в путь к вечности. Хотя дела епархиальные, по видимому, и предоставлялись его Викарию, однако, по привычке к занятиям и по усердию к общему благу, он не мог оставить их без своего участия, ибо деятельность была необходимою пищей великой души его. Сколько ни изнемогал он телом, тогда удручённым и старостью и недугами, но духа *не угашал*. Даже самая перемена места, как то переезд из Вифании в Махру и Лавру, имела у него целью не один беззаботный отдых и приятное развлечение, но и полезное занятие. Окончив строение в Махрищском монастыре, он покрыл и украсил остальные главы Успенского собора в Троицкой Лавре медными листами, наподобие звёзд; на Перерве кругом обстроил монастырь. Между тем как Платон поддерживал и устраивал св. обители благочестия и рассадники просвещения, учреждённый при Св. Синоде Комитет Духовных училищ, в 1808 году, сделал начертание правил о преобразовании таких училищ и о содержании духовенства, служащего при церквях. По этому плану, 1809 года, открыта С.-Петербургская Академия с округом своим; но до открытия Московской Академии, последовавшего уже в 1814 году, не дожил Митрополит Платон; он, – по собственному его выражению, – *оставался при старых делах*¹⁰⁶. Когда комиссия духовных училищ истребовала, между прочим, из Троицкой

Семинарии известных по своей способности учителей: риторики – иеродиакона Филарета Дроздова (впоследствии Митрополита Московского), и греческого языка – Семена Ершова Платонова, Митрополит Платон, отпуская их, в донесении своём Св. Синоду 28 Декабря 1808 года, просил возвратить их ему на прежние места: «как они, учителя Дроздов и Платонов, изъявили своё нежелание отправиться в С.-Петербург, а остаться по прежнему при Троицкой Семинарии, каковое нежелание изъявляли пролитием слёз: то я, особливо о иеродиаконе Филарете усердно прошу Св. Правительствующий Синод обратить его паки в Троицкую Семинарию, где он, яко сходственно с его желанием, может лучшей успех оказать для общей пользы: и как я об нем особое прилагал, в рассуждении воспитания его, отеческое старание: то сие много послужит к утешению моей старости; а его единого отбытие удобно может вознаграждено быть из других училищ»¹⁰⁷.

В 1810 году Платон просил Св. Синод о возвращении к нему бакалавра иеромонаха Филарета в Ректоры Троицкой Семинарии; Синод отвечал ему, что он не может уволить сего иеромонаха, который предназначен Комиссией Духовных училищ в С.-Петербургскую новоустроенную Академию бакалавром Богословских наук. Хотя Митрополит и огорчён был таким, отказом, но утешился соизволением Св. Синода на определение в Ректоры Троицкой Семинарии иеромонаха Евгения, бакалавра философских наук в С.-Петербургской Духовной Академии.

После Фридрихсгамского мира со Швецией, положившего Торнео пределом России, неожиданно прибыл из Твери в Москву Император Александр I, с Августейшего сестрою Екатериною и супругом её Герцогом Ольденбургским Георгом. Тогда Митрополит Московский, слабый в силах, сперва было отказавшись встретить и приветствовать Государя в Москве поручил то и другое викарию Митрополиту Августину; но его усердие, преодолев немощи, вызвало старца из уединения, и когда уже Епископ Августин готовился встретить и приветствовать Императора, Платон, к радости народа, является в Успенском соборе, приветствует словом своим Царя,

им помазанного¹⁰⁸, и, по совершении благодарственного молебствия за победу над Турками и взятие Браилова, благословляет Государя св. иконой и просфорой. Это происходило в день Святителя Николая, (3 Декабря 1809 года¹⁰⁹. Тогда Платон в последний раз виделся с Императором Александром I и в последний раз произнёс пастырское к нему слово в первопрестольном храме, где, – как говорят свидетели события, – на привет Царя отвечал он: *Ныне отпускаеши раба Твоего с миром*. Сколько народ восхищён был лицезрением Монарха своего, столько же вместе с ним приведён в умиление и видом и речью маститого Иерарха своего. Когда Платон шёл из собора и от слабости сил своих не мог всех благословлять, то народ теснился облобызать не только его руку, но и одежду; многие восклицали: *Как же ты, батюшка наш, постарел!* На сие Иерарх сказал им: *Благодарю вас, православные, за вашу любовь! Бог вас да благословит и сохранит!*

Император, внимательный к усердию Платона, благодарил его, дважды приглашал к столу своему и при особенном разговоре в кабинете, посадив его, начал сими словами: «К вам публика имеет слепое уважение и, между прочим, спросил его – доволен ли он своим викарием? – «Совершенно доволен, – отвечал Митрополит, – и буду счастлив и утешен, если Ваше Величество оставите его при мне – похоронить мои кости». – Государь обещал, но Платон не остался спокойным, боясь, чтобы у него не отняли Августина, особливо, когда молва нарекла было сего последнего Епископом Воронежским, и в 1810 году о том же просил Государя, который через Князя А.Н. Голицына отвечал ему, что «обращает сей случай в доказательство всегдашнего своего к нему благоволения, и согласно с желанием его оставляет Преосвященного Августина викарием Московским»¹¹⁰.

Такой опыт благоволения Императора успокоил и обрадовал старца, равно как и соизволение на просьбу его о возвращении взятых Св. Синодом из ведомства его придворных церквей. В довершение уважения к нему Государя получил Платон *первой степени орден св. Кн. Владимира*. Это за старую мою службу жалует меня Государь, – сказал, – а

*теперь я не слуга*¹¹¹. На поздравление из СПб. Архимандрита Евгения Казанцева, он отвечал ему следующее: «Если что может для меня быть приятным, то подлинно не должно относить к внешним преимуществам; это далеко от моей души и желанья; но к тому, что клонится к благосостоянию Церкви и к сохранению её в неизменном её праве».

Ревность ко благу отечества, которую всегда питало сердце Платона, внушила ему мысли, с честною смелостью сообщённые им своему Государю, о следствиях Тильзитского мира с Францией и войны с Швецией, в которую тогда вовлечена была обстоятельствами Россия, а также о гибельных замыслах Наполеона и о духе правления его народами. Платон принимал Бонапарта за исполнителя уроков царства эппотов¹¹², которые, выдавая веру за суеверие, начальство – за тиранство, под видом равенства, свободы и всеобщего мира в целом мире, покушались уничтожить, вместе с Христианством, все средства к возвышению души человеческой. «Пятьдесят лет – писал Архипастырь» – как они во мраке таинств своих составили в основание такому царству уложение, коего правила рассеяли во всех народах, и между нами, через своих адептов, представленных в учителя и воспитатели юношеству, дабы учинить их нечувствительными ко благу отечества, благо их в себе содержащего, дабы лишить их отличительного характера отцов их, их славу и величие составляющего, дабы влить в них разрушение всех союзов между отцом и сыном, между мужем и женою, между Государем и его подданными, между Богом и человеком. И десять лет, как Наполеон, соединяя в одном себе всю власть их, явил себя исполнителем сего их предположения и быстрыми шагами идёт от единого народа к другому, от другого к третьему, и далее, для совершения сего плана». Изобразив в живых и резких чертах все бедствия и ужасы политики Наполеона, он говорит, что «нет другого средства спасти себя и всех от порабощения, как только войну иметь с Французами и победить их, и потом общим согласием всех народов, населяющих Европу, наказать злоумышленников, разрушивших все союзы в народах и предположивших царствовать над вселенною истреблением всех именитых

людей, ниспровергнуть во вселенной все изящные человеческого разума произведения, не оставив даже и памятников ни успеха в науках, ни храбрых дел, ни отличного благочестия в вере, разграбляя все имущества общественные, царские, украшения Божиих храмов, уничтожая торговлю, прекращая всякое между людьми сообщение, которого они многими веками, тысячами многих лет достигали, истребляя алтари истинного Богослужения и подавляя самые семена познания о Боге, Они не преставали и не престают во вред нам действовать, вести войну с нами, доколе не покорят нас – нас, коих они наисильнейшими почитают врагами; действуют против нас руками своих союзников – Турок, Персов и пр. Когда же Наполеон соделает нас без всех средств к сопротивлению против нашего неприятеля, когда он покорит народы, теперь ещё ему противящиеся, тогда нападёт со всеми народами Европы на нас»¹¹³.

Среди таких опасений Иерарха, Наполеон отнёсся через Сенатора Грегора, прежнего Епископа Блоаского, к Платону, известному для завоевателя по Европейской славе, о средствах соединения Церкви Восточной с Западною, как предуготовления к покорению народа. Гонитель Пия VII вздумал воспользоваться давнею политикой Римских Первосвященников, для уловления Митрополита Московского. Грегора, сделавшийся из Епископа Сенатором и Графом, в Мае 1810 года, из Парижа писал к Платону следующее письмо, из коего видны коварные его умыслы:

«Не знаю, доставит ли вам удовольствие письмо моё с печатными к нему приложениями; но, вероятно, возбудит в вас удивление. Если учёные мужи вообще обязательны и сообщительны: то духовные ещё более; потому что они беспрестанно почерпают в Евангелии побуждения любить своих ближних и благотворить им. Московский Митрополит известен с той и с другой стороны; слава, какою он пользуется в этом отношении, ручается мне, что я могу с доверенностью прибегнуть к его благодущию в том деле, о коем намерен с ним говорить.

Вам известно, что когда Царь Пётр был в Париже, тогда учителя Сорбанские представили ему записку о соединении Церкви Греческой с Римскою. Российские Архиереи, находившиеся при С.-Петербургском Дворе, сделали в следующем 1718 году ответ, который не привёл к желанной цели: они хотели, по их словам, иметь совещание с Греческими Патриархами Восточной Церкви. Думать надобно, что совещание сие уже было; но во Францию не сообщены ответы Греческих Патриархов, а меня уверяли, что оные находятся в архивах Св. Синода в Москве. Не почтите с моей стороны нескромностью, В. В., просьбу о списке с оных. Таков предмет сего письма. Я желал бы взаимно иметь возможность сделать Вам что-либо приятное. К сему присоединю обет об исполнении этого соединения, которое могло бы утешить Церковь и которое сближение умов и сердец доставило бы им новые средства к низложению неверия и к торжеству откровенных истин. Это будет всегдашним предметом молитв моих. Вы увидите при сем приложенный экземпляр актов национального собора, бывшего во Франции 1797 года, и два сочиненьица: одно против нечестия поэмы Коломбиада, а другое моё пастырское послание при увольнении моём; сверх того, писанное одним из сочленов известие о моём сочинении. Удостоите всё это благосклонного принятия. Для наук духовных будет любопытно, чтоб занимающиеся оными в различных странах Христианского мира, имели по сему предмету сношения, кои познакомят их с произведениями чужеземными. Примите, В. В., чувства моего к Вам уважения, и почтите меня своим ответом».

Митрополит препроводил послание бывшего Епископа на рассмотрение в Св. Синода через Обер-Прокурора, Князя А.Н. Голицына, который показывал оное Государю Императору. По соизволению Его Величества, Платон отвечал Грегору на французском же языке следующее – и уже в 1811 году:

«Я получил письмо, коим вы меня почтили, Сиятельнейший Граф, вместе с приложенными к оному книгами. Мне весьма было бы приятно ответить той доверенности, какую мне изъясняете и на то лестное мнение, какое мне посчастливилось вам внушить. Но все поиски в архивах, для открытия требуемых

вами документов, остались тщетными; в них даже не найдено ни малейшего следа совещания Восточных Патриархов. С царствования Петра I деланные покушения касательно сближения двух Церквей остаются безуспешными; потому что надобно убедиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа Русского. Это до сих пор ещё не решено: народ наш столько привязан к своей вере, столько проникнут обязанностью сохранять оную во всей целости, что всякая в ней перемена может сделаться для Русских оскорбительною и пагубною. Не мне теперь, среди недугов старости и при конце своего земного странствия, начинать дело, столь важное и великое; а мой удел приносить молитвы о мире Церкви и о благоденствии своего отечества» и проч.¹¹⁴

Тем и кончились сии сношения поверенного Наполеона с Архипастырем Московским о соединении вер, тогда как втайне уже готовился разрыв и война с Россией, обречённой на гибель тем самым, который в Ареопаге нечестивых был первым орудием, в Египте пред Мамелюками выдавать себя за посланника Божия, в Сирии пред жидами за обещанного Мессию¹¹⁵.

Увидим, что и в 1812 году Наполеон не забыл Платона, в котором мечтал для себя найти Пия VII.

На восьмом десятилетии жизни ощутительное изнеможение сил телесных и душевных, напоминая Платону об успокоении от трудов, сближало его с могилою. Уже и в последних проповедях своих он исповедовал свои слабости и немощи, просил паству свою, чтобы она молила Бога о даровании безболезненного и мирного конца земному его странствию и повторял слова Пророка; *Пришельствие мое продолжися*; но долго не мог сей Архипастырь быть равнодушным при мысли о смерти, которая устрашала и многих святых мужей. Хотя ещё лет за 12 до кончины своей, Платон приготовил себе могилу в устроенной для сего пещере при Вифанской церкви Лазарева Воскресения и лет за девять сделал себе кипарисный гроб; но долго боролся с ужасом смерти, и даже не любил воспоминания о ней. Однажды, сидя у ворот на лавке с Вифанскими богадельниками, он жаловался на болезнь свою в ногах; и когда один из

богадельников простодушно сказал ему, что «у него отец от этого пошёл в гроб» – Архипастырь тем огорчился и жаловался Вифанскому Архимандриту на старика, что «он со свету его сживает» и даже велел было его удалить; но потом приказал оставить его в покое, примолвив: «Бог его простит!» Не более, как за год до смерти, у Платона болели глаза. Хотя его лечил Д. Оппель; но он, призвав к себе на совет профессора и доктора Мудрова, спросил его между прочим, можно ли ему при лекарстве читать паремию в великую субботу? Когда же врач на это отвечал Вергилиевым стихом: *Jam sat prata biberunt*, т. е. «луга твои уже довольно напоены тобою». Митрополит принял это в том смысле, что «пора уже костям на место» – и более не приглашал к себе Мудрова. Но чувствуя постепенный упадок сил своих и приближение к концу земного бытия своего, он принуждал себя к размышлению о смерти, нередко тайно уходил на Вифанское кладбище, которое называл скудельницею своею, и там, на могилах, заставляли его в молитвенных слезах; в церкви останавливался подле гроба своего и глядел на него молча и неподвижно; когда же, по его приказанию, за несколько месяцев до кончины, вынут был из могилы и вымыт гроб его, он сам ложился в него и велел при себе ложиться старцу слепцу Симону. Окружавшие Платона слыхали часто слова его: *Время отшествия моего наста*. Так свыкался с мыслью о кончине своей и готовил себя к вечности сей Архипастырь. Чувствуя себя неспособным заниматься епархиальными делами, кои были всегдашним предметом ревностных его попечений и забот, в 1811 году Платон просил Государя Императора об увольнении своём от епархии впредь до выздоровления своего; тогда все дела Митрополии поручены были его Викарию Августину, на которого он полагал надежду паствы своей. В письмах своих к сему Преосвященному иногда подписывался он его *послушником*, а в письме к Обер-Прокурору Св. Синода, Князю Голицыну, назвал себя малограмотным. Осматривая обители, им устроенные и украшенные, училища, им заведенные и благодетельствованные, Платон молча глядел на них и плакал, как будто предвещая слезами свою скорую разлуку с теми местами, где он жил душою и сердцем. В последнее посещение

своей Перервинской обители, при выходе уже из св. ворот, прежде, нежели сел в карету, Митрополит остановился, с умилением поцеловал ворота, заплакал и потом уехал; провожавшие его братья монастыря и питомцы Семинарии, при этом трогательном прощании, не могла удержаться от слёз. Так умел Платон сильно чувствовать и быть красноречивым даже в своих мановениях и движениях, величественно умилительных!

Наступило другое уже столетие, как после Карла XII не было следа иноплеменных врагов на земле Русской; настал 1812 год – последний для Архипастыря Платона, тридцать семь лет управлявшего Московскою епархией. После увольнения своего от управления паствою, занимаясь только в Троицкой Лавре и Вифании молитвою, хозяйством и лечением своих болезней, он надеялся спокойно кончить дни свои.

В последних числах Мая 1812 года Платон отправился в Махрицкий монастырь и оттуда в Берлюковскую пустынь, как для поправления здоровья, так и для обозрения хозяйственных дел от коих не отвлекла его и болезнь. В Москву он прибыл тогда, когда уже Наполеоновы полчища перешли через Неман и внезапно вторглись в западные пределы нашего отечества. Европа не видела подобного воинства, состоявшего из двадцати народов, им предводительствовал сам Наполеон, который смотрел на Россию, как на богатую и верную добычу, почитал её опасною для себя соперницею – одною в свете преградой ненасытному его властолюбию.

Москва ещё не ведала о коварном вторжении врагов, не предвидела своего жребия и того всегубительства, которое готовил ей Наполеон под личиною мира и о коем Платон предсказывал по заключении Тильзитского мира; она с восторгом встретила своего Архипастыря, прибывшего в неё поклониться св. мощам Святителей Московских и преподать пастве своей благословенье; но, ещё не предчувствуя близости исполнения своих предвещаний, он уже благословлял древнюю столицу как бы на страдания за Веру, Царя и Отечество. Июня 19 он уехал в Вифанию, где тогда Ректором Семинарии был Архимандрит Серафим Колосов, которому, подобно, как и Ректору Троицкой Семинарии, Архимандриту Евгению

Казанцеву, маститый Архипастырь любил передавать свои мысли и чувствования. Московскою Митрополией управлял тогда Викарий Августин, действовавший в духе Платона, как его питомец.

Когда достигла в Вифанию сия весть, убийственная для сердца Платона, в котором и самая болезненная старость не могла охладить пламенной его любви к отечеству, тогда он воскликнул: *Боже мой, до чего я дожил!* И как в этом, так и в других случаях для Церкви вредных, он повторял сии слова св. Поликарпа: *Bone Dens! Ad quae nos tempora reservasti?*¹¹⁶ т. е. «Благий Боже! до чего мы дожили?» и горько плакал, так что никто из окружавших его не мог и не смел утешать.

Это сильно подействовало на здоровье старца, и без того уже слабое, но не лишило его сродного ему присутствия духа. Любовь к земному отечеству одушевляла всё его существо, и этот угасавший светильник ещё вспыхивал время от времени то мыслью, то чувством такой любви.

Среди общего опасения упования жителей древней столицы, среди противоречивых слухов, прибыл Государь Император на 12 Июля, в полночь, и на другой день явился пред народом вестником и мира и войны. В Успенском соборе, принесся благодарение Богу о мире с Турцией, столь неожиданном и столь важном в тогдашних обстоятельствах, со слезами молился об успехе Русского оружия против Наполеона, который уже в Русском народе прослыл *антихристом*, а во Франции – *непобедимым*.

При выходе Александра из Успенского собора, взоры всех устремлены были на лицо его и все прочитали на нём в глубокой скорби судьбу свою. Царь плакал, и тысячи голосов воскликнули: *Веди нас Государь! умрём, или истребим злодея!* На третий день своего прибытия в Москву, Государь, в Слободском дворце, среди всех сословий Государственных, объявил, что «Отечество в опасности» и что «нужна помощь и защита». Единодушный вызов был: *Всё Царю в ноги – жизнь и имущество!*

Александр не напрасно уповал встретить в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в

каждом гражданине – Минина, в каждом крестьянине – Сусанина. Москва тогда, как и назад тому два века, обречённая жертва за спасение России сделалась средоточием сил Государственных; на неё обращена была надежда всей России внимание всей Европы; в ней снаряжалось ополчение под знаменем Креста и под хоругвями Церкви¹¹⁷. Между тем как Августин именем св. Веры увещевал паству свою к защите Церкви и Отечества, Московский Главнокомандующий Граф Раstopчин народным языком внушал жителям древней столицы верность к престолу и твёрдость духа к предстоявшей напасти. Платон, для свидания с Государем, собрался ехать в Москву, столь его любившую, что и самое появление его одно мановение, среди народа, пред Царём, в минуты общего беспокойства и страха, могло бы принято быть за отрадное предвестие и сильно подействовать на сердце Русских, благоговевших к имени Платона. Может статься, на душе у него было что-либо передать Государю, помазанному им на Царство. Для сего несколько раз приказывал он готовить себе карету для отъезда и несколько раз доходил до неё, но обессилев, возвращается назад, с прискорбием, что никак не может видеть ещё раз своего Монарха и благословить его на подвиг, от которого зависела судьба России. Сколько он ни слабел телом, но дух его бодрствовал в молитве за Царя и Отечество. Подобно Св. Сергию, некогда благословившему В. К. Димитрия на брань с Мамаем, Платон, 14-го Июля, послал с Наместником Троицкой Лавры Самуилом в благословение к Императору Александру образ Преп. Сергия, устроенный из гробовой его доски и сопутствовавший Петру I в походах и сражениях¹¹⁸. Вместе с этою достопамятною иконой Митрополит препроводил к Государю следующее писание: «Всемиловитейший Государь Император Первопрестольный град Москва, новый Иерусалим, приемлет Христа своего, яко мать, во объятия усердных сынов своих, и сквозь возникающую мглу провидя блистательную славу твоей Державы, поёт в восторге: Осанна, благословен грядый! пусть дерзкий и наглый Голиаф от пределов Франции обносит на краях России смертоносные ужасы, но кроткая Вера, сия праща Российского Давида, сразит внезапно главу

кровожаждущей его гордыни. Се образ преподобного Сергия, древнего ревнителя о благе нашего Отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Болезнью, что слабеющие мои силы препятствуют мне насладиться любезнейшим Вашим лицезрением. Тёплые воссылаю к Небесам молитвы, да Всесильный возвеличит род правых и исполнит во благих желания Вашего Величества».

Наместник Троицкой Лавры Самуил, с образом Преподобного Сергия и с писанием Платона, представлен был в Москве Преосвященным Августином к Государю Императору, который, приняв оное с особенным благоговением, спрашивал о здоровье и местопребывании Митрополита Московского и желал ему облегчения в болезни. С живейшим участием об Архипастыре наведывались у Наместника многие вельможи и придворные.

Государь вручил св. икону Московскому ополчению, как бы желая, чтобы Преподобный Сергей был предводителем оному; из Твери, уже 19 Июня, он отвечал следующее на письмо Платоново:

«Преосвященнейший Платон! я получил от вас письмо и при нем образ Преподобного Сергия. Первое принял я с удовольствием, как от знаменитого и много столь уважаемого Пастыря Церкви, второе – с благоговением. Образ св. поборника Российских военных сил велел я отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополчению: да сохранит он его своим предстательством у Престола Божия, и да продлит молитвами своими украшенные честью и славою дни ваши. Препоручаю себя молитвам вашим, пребываю к вам благосклонный» и проч.

Тогда Платон в духе пророческом писал к Императору из Вифании своей, 23 Июля: «Августейший Монарх, Государь Всемиловитивейший! Старец Симеон имел в жизни блаженнейший удел – приять на руки свои Предвечного Младенца, и из глубины восхищенной души воспел священный гимн Владыке мира. «Я недостойный удостоен ответа Августейшей особы Вашей, в восторге лобызаю Высокомонаршую десницу; ношу бремя скучной старости, но как

бы юнею в сладостных чувствах, благоговя к любезнейшему имени Александр. Государь! Вы по духу Христианского благочестия, благословили нововооружаемых, героев принесённую Вам от меня иконою Чудотворца Сергия. *Много может молитва праведна споспешествуема.* Покусится алчный враг простерт за Днепр злобное оружие – и этот Фараон погрязнет здесь с полчищем своим яко в Чермном море. Он пришёл к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку – страшно выговорить – реку крови человеческой! О! каждая крови капля воззовёт от земли к Небу. *Крови брата твоего взыщу от руки твоея.* Франция познает в Боге Господа отмщений, а Россия восчувствует, исповедует, воспоёт к Нему: Авва! Отче! Царю Небесный! Ты изведеши яко свет правду Монарха и судьбу России яко полудне».

Итак, Московское ополчение, за неимением знамён, выступило в поход с благословением Митрополита Платона и с хоругвями из церкви Спаса во Спасской, известной Иерарху с детских лет его; при ней хранился прах отца его. Услышав об этом, Митрополит со слезами воскликнул: *С нами Бог.* Чем глубже проникал враг в недра России, тем сильнее воспламенялся дух любви к Отечеству в Русских вместе с духом воинственным, который охрабрил все сословия: настала война народная, подкреплённая верою в Бога, преданностью к Царю и любовью к родине. Юноши и старцы готовились на брань; отец вёл детей, дед внуков; мирный поселянин орудия земледелия обращал на истребление врага хищного, которого поражали даже и руки женщин; пастыри и служители Церкви с прихожанами своими шли на битву против неприятелей, которые нередко искупая кровью своею кусок себе хлеба и шаг земля, приблизились к берегам Днестра, оставляя за собою трупы и пожарища. Было время жертв, подобно самой войне, беспримерных и славных. Тогда все сословия жертвовали деньгами, имуществом и чем кто только мог, никто не хотел уступить другим в усердии и ревности. Но прежде, нежели последовало к Москве воззвание от Государя о собрании ополчения и приношениях на оное, Платон советовал: «не щадить для сего никакой собственности». Из Св. Синода послан

был указ о пожертвованиях со стороны духовенства; тогда и Митрополит Платон принёс от себя значительную сумму денег¹¹⁹ и вызвал на это Троицкую Лавру, Вифанский и Махрицкий монастыри, Троицкую и Вифанскую Семинарии¹²⁰.

Все охотно жертвовали по возможности, и Митрополит остался весьма доволен таким усердием своих подчинённых; между тем не переставал заниматься и хозяйством, как бы во время мира: успел покрыть железною кровлею ограду в Лавре с восточной и южной стороны, сделал для Чудова монастыря серебряный хорос и Архиерейское кресло и готовил такие же для Лавры своей. Апреля 21, памятного старцу днём рождения Императрицы Екатерины II, он служил в домово́й своей церкви и там поставил в Иеродиаконы Никанора Клементьевского, впоследствии Митрополита С.-Петербургского. Это посвящение было последним, потому что после этого он уже никого не рукополагал, Данное новопосвящённому наставление было предсказанием будущего его служения в соборе Иерархов¹²¹.

В день Преображения Господня – храмовый праздник в Вифании – Платон совершил там в последний раз св. литургию в нижней церкви Лазарева воскресения, где приготовил себе могилу; он возносил к Небу со слезами трепещущие длани, поддерживаемые, как некогда у Моисея, сослужившими с ним. В этот праздник он назначил было посвятить в иеромонахи иеродиакона Никанора Клементьевского, но по слабости сил не смог, и память его изменяла ему, так что Архимандрит Евгений Казанцев, впоследствии Архиепископ Ярославский, должен был ему в служении подсказывать.

После обедни Митрополит поехал в дрожках на Корбуху, где его встретили сослужившие с ним и высадили его у крыльца загородного дома. Тут он остановился, и, обращаясь на все четыре стороны, как будто вслушиваясь в чьи либо слова, нисколько раз повторил: *«Ключ к Москве взят – злодей в Смоленске!»*¹²² Окружавшие его не знали, что подумать, и даже приписывали слова сии действию его воображения, встревоженного мыслью о враге, который действительно стремился к Смоленску, твердому, по видимому, оплоту, соединённому с твердейшим ещё – русскою грудью. Не менее

того они приуныли. Заметив печальные их лица, Платон промолвил: «Но Бог милостив: мы все вооружимся и всё пройдёт».

На третий день после того достигло в Вифанию известие, что не устояли и стены Смоленские, о коих, назад тому восемь лет, заботился Платон, с каким то предчувствием, что и *они будут нужны и полезны для России*. Долго удерживали они превосходного в силах неприятеля, и облитые кровью достались ему в руки, вместе с пожарищем города, в самый день Преображения Господня; но здесь Наполеону не удалось воспользоваться важным пунктом, на коем мог бы решиться жребий войны и России¹²³. Наши войска, под предводительством Михаила Илларионовича Кутузова, отступили на выгодное положение, чтобы готовиться к новой, решительной битве на полях Бородинских, справедливо названных *полями убийства и жатвою смерти*; от неё зависела участь Москвы, которая была целью голодных войск Наполеона.

Уже поля Бородинские дрожали от грома орудия и оглашались воплем и стоном раненых. Московские жители выезжали, а государственные и церковные сокровища вывозились из Москвы в отдалённые города России: в это самое время Платон непременно хотел ехать в древнюю столицу, воспоминавшую о своём Архипастыре и среди угрожавших ей бедствий. Сколько окружавшие Митрополита ни представляли ему об очевидной опасности, он не отменил своего намерения, и когда, наконец, спрашивали его – долго ли он изволит прожить в Москве? – «Пока не выздоровлю», – отвечал он. Вероятно, Архипастырь желал и надеялся своим прибытием утешить и ободрить свою паству в предстоявшей напасти. В самый день Бородинской битвы, Августа 26, прибыв в Москву, Платон остановился на Троицком подворье. Слух о его приезде поселил новую надежду в жителях Московских, которые помышляли о битве под стенами Москвы; многие, обрекая себя на смерть за родину, по долгу Христианскому напутствовали себя Св. Тайнами. По призыву Графа Растопчина, которого Французы выдавали за *воспитанника*

Митрополита Платона¹²⁴. Москвичи с хоругвями из церквей готовились идти на Три Горы, защищать священную для них столицу; толпы народа приходили в Кремль к арсеналу за оружием, которое там раздавалось желающим, и уже многие, вооружившись чем кто мог, конные и пешие явились было на Трёхгорном поле и тщетно ожидали там Главнокомандующего¹²⁵. Тогда разнёсся слух, что и сам Платон явится на Три Горы или на Поклонную гору за Дорогомиловской заставой благословить Русское воинство к решительному сражению с неприятелем, и что Русские искупят Москву своею кровью или за неё положат головы. Может статься, такая мысль народная и таилась в сердце Архипастыря, который готов был душу свою положить за паству свою, но память ему изменяла, соображение терялось, язык его уже коснел, глаза тускнели, и он едва мог передвигать ноги; он скорбел на бессилие своё и прибытие его в Москву, только обнаружило последний порыв его любви к Отечеству и пастве. Желаниям его не соответствовали силы его. Услышав о движении войск наших от Можайска к Москве, после лютой битвы Бородинской, наполнившей столицу обозами раненых, Преосвященный весьма встревожился и целый день не вкушал пищи, но из Москвы не хотел выезжать, несмотря на убеждения своего викария Августина и на просьбы родных и близких к нему людей. Говорили ему, что наши войска отступают к Москве, а неприятели идут следом за ними, что для спасения России, вероятно, и столица будет сдана Наполеону, но он твердил: *что они мне сделают?* – и оставался ещё в пустешей Москве, тогда как таборы неприятельские недалеко были от Дорогомиловской заставы и зарево от бивачных огней виднелось в столице, как бы предвестие её пожара, который должна была тушить кровь нечестивых врагов. В это время явился к Митрополиту Префект Перервинской Семинарии Лаврентий, впоследствии Архиепископ Черниговский, и, как он сам рассказывает, Платон болезненным голосом спросил его – всё ли вывез он из Перервы? На ответ Лаврентия, что «лучшее и драгоценнейшее всё, кроме серебряных лампад в церкви, чтобы не сделать какого волнения в народе». – Митрополит сказал: «Когда тать идёт, тогда на что такие расчёты? Ступай

скорее, возьми всё и увези»¹²⁶. Между тем викарий Августин, по сношении с Графом Растопчиным, приехал к Митрополиту почти за два дня до вступления неприятеля в Москву и убеждал его удалиться в Вифанию. Долго не соглашался Платон; казалось, ему легче было расстаться с душою, нежели с Москвой; наконец он упал на колени пред образом Спасителя и долго молился со слезами; сам не мог встать, его подняли; карета уже была готова, его посадили в неё и повезли вечером 31 Августа с Троицкого подворья прямо в Вифанию.

1 Сентября, когда Церковь празднует начало нового лета, на Филях под Москвой держан был Кутузовым военный совет для решения жребия древней столицы, который судил ей быть искупительною жертвой за Отечество. На другой день в понедельник, Сентября 2, неприятели заняли Москву, оставленную войском, Сенатом, Градоначальником и всеми властями духовными и светскими. Страшное зарево пожаров возвещало и в Вифании скорбевшему Платону об участи Москвы; выходцы из столицы подтверждали, что она сделалась жертвою пламени и врагов и что 3 Сентября Наполеон вступил в Кремль Московский. Привыкнув к торжественнейшим встречам в других столицах Европы, Император Французов не дождался её в опустелой Москве, полной пламени, дыма и смрада. Ужасный вихрь, спутник пожаров, бушевал в ней, разнося повсюду пылающие головни и срывая горящие кровли; пламя лилось рекою, искры сыпались градом по улицам четырёхградной Москвы, пожирая вековые труды; стены каменных домов и мостовые так раскалились, что от жара камни трескались. Языки пламени, свившись клубами, летали над городом, как метеоры, падали на уцелевшие здания и зажигали их. Жители, задыхаясь от жара и дыма, бросались из дома в дом, из улицы в улицу, из огня в полымя, и многие живые сгорали. Такой пожар продолжался три дня и три ночи непрерывно, потом утих, наконец, возобновился, Москва превратилась в необозримое пожарище, долго кутившееся. Тогда разноплемённые враги, жители просвещённой части Европы, внесли в древнюю нашу столицу грабёж, убийство и насилие: дети умерщвляемы были пред глазами родителей, а

родители – пред глазами детей; жены предавались позору и бесчестию при мужьях, а дочери при матерях; просили помощи – а некому было помочь. Не давалось пощады ни полу, ни возрасту, ни сану; пастыри Церкви, падая под ударами у дверей святылища, окропляли его помост своею кровью, как жертвою своему долгу; другие терпели раны и побои, обременялись тяжкими ношами и работами¹²⁷. Церкви обращены были в амбары, бойни и конюшни, где с лошадьми водворялись и всадники; образа употребляемы были или на биваки, или на топку печей, церковные утвари – вместо столовой посуды, священные ризы – на прикрытие наготы пришлецов, святотатцы искали сокровищ даже в могилах, откуда и мертвецы выкидывались из гробов своих¹²⁸. Словом – *была мерзость запустения на месте святе*. И когда всё это происходило, Наполеон торжественно объявлял жителям Москвы, что *позволяется в церквах отправлять беспрепятственно божественную службу*; а между тем наведывался о Митрополите Московском, столь ему известном по слуху; говорят, насильно заставлял при себе одного старого иерея, Михаила Пылая, облачаться в Архиерейские ризы среди Успенского собора, чтобы видеть подобие Митрополита, и сам, надев на него митру, надвинул её на глаза. Кто знает, какие виды имел он на Московского Архипастыря и что готовил ему?

Митрополит очень заботился об отправлении некоторых из лаврских сокровищ в Вологду, но, по тогдашним обстоятельствам, сделалась остановка в подводах, и он не мог успокоиться до тех пор, пока драгоценности ризницы не были вывезены в сопровождении казначея. За недостатком казённых лошадей, он велел отправить ризницу и казну на монастырских. Из Вифании не хотел он выезжать, в твёрдом уповании на милосердие Божие и на заступление Преподобного Сергия, и даже убеждал Наместника Троицкой Лавры, Самуила, не оставлять её, говоря, что «если куда-нибудь из неё удалится, то и без неприятеля найдутся свои враги, ещё хуже его». Самуил послушался, но окружавшие Митрополита, смущённые разными слухами, столько оробели, что 4 Сентября почти насильно увезли его в Махрищский монастырь, Слышав же, что ни в

Лавре, ни в Вифании нет Наполеоновских войск, он, вопреки убеждениям окружавших его, через восемь дней возвратился в Вифанию¹²⁹, где и пробыл до 30 Сентября.

Между тем получено было известие в Вифании, что значительный отряд неприятельской пехоты и кавалерии по Троицкой дороге доходил до Малых Мытищ, в 48 вёрстах от Лавры, с другой стороны, по Владимирской, достиг Богородска, а по Дмитровской выжег село Марфино и занял самый Дмитров, в 40 вёрстах от Лавры, где Французы, как видно из собственных их описаний, ожидали найти сокровища вековые, и не ошиблись бы; ибо хотя важнейшие из них увезены были в Вологду, но прочие оставлены на своём месте, по приказанию Платона, который был твёрдо убеждён в том, что неприятель не будет в обители Сергиевой, и часто повторял окружавшим его, что *если нечестивцы прикоснутся в Москве к образам Божиим, то погибнут*. Как во время нашествий вражеских скрывали св. мощи в тайниках, то Митрополиту предлагали убрать св. мощи Преп. Сергия в сокровенное место. Он на это не соглашался, но советовал окружавшим его старцам усердно просить Бога, чтобы он открыл им в сновидении, как поступить с св. мощами. Духовник его Аарон видел во сне восставшего из гробницы Преп. Сергия и преподавшего благословение. «Вот вам решение! – сказал Платон, – если Преподобный явился восставшим, то он за себя постоит и врага не допустит к себе». Мощи остались на прежнем месте неподвижными. Во время пребывания в Дмитрове пятитысячного отряда Французов, которому дано было повеление идти на беззащитную Троицкую Лавру, никто не оставлял сей обители; в ней даже искали себе убежища и жители Московские, избежавшие насилия неприятельского. Тогда в народе распространилась молва, будто неприятелям на Троицкой дороге мечтались многочисленные полчища, коих грозный вид остановил их на пути к Сергиевой Лавре; но достоверно, что густые туманы, то неведомый какой-то страх, то слухи о многочисленном войске, стоящем в засаде, двукратно преграждали путь врагам в Сергиеву обитель. Невзирая на угрожавшую опасность и на всеобщее смущение, Митрополит не хотел выезжать из своей

Вифании, в той уверенности, что врагов не допустит Преподобный Сергей в своё достояние; но как некоторые из окружавших его отважились намекнуть ему, что они оставят его, если он не выедет в Махру, то Платов вынужден был уступить таким настояниям и отправился из Вифании в Махру; при нём были Архимандрит Ираклий и некоторые из него келейных служителей. Когда только Митрополит вспоминал о бедствии Москвы, которое занимало его беспрестанно, тогда слезами прерывались слова косневшего языка его; он беспрестанно наведывался о положении дел своего Отечества, нетерпеливо ждал известий, какие доставлялись ему летучею почтою казаков, наблюдавших по Троицкой дороге за движениями неприятелей, и заставлял повторять себе несколько раз одно и тоже известие. Сам расспрашивал выходцев из бедствующей столицы и вместе с ними делил скорби, как добрый пастырь. Почти каждый день слушал он Божественную литургию в этом монастыре, им возобновлённом и украшенном; тогда уже и глаза, и голос, и ноги стали ему совершенно изменять, и жезл его не поддерживал; его водили, или лучше сказать, влекли под руки; он начинал терять соображение, иногда не узнавал окружающих его, принимая одного вместо другого. Бывали, впрочем, минуты, когда Платон пробуждался от самозабвения и дремоты душевной, слёзы, более чем слова, выражали его чувства. Сознывая сам Своё положение, он говаривал: «Каков бывал прежде Платон, а теперь хуже богаделенного старика. Вот слава наша!» Тогда в этом старце, согбенном и дряхлом, едва передвигавшем ноги, говорившем косно и отрывисто, можно ли было узнать того Платона бодрого, сановитого и в сединах, который не давно перед тем священнодействовал во всем величии святительского сана и со всем достоинством и воодушевлением, поразительным и для предстоявших и для сослуживших, гремел с амвона церковного словом истины? Видевшие и слышавшие его прежде теперь невольно спрашивали: «неужели это Платон?» Так старость и скорбь его изменили!

Архипастырь одевался в поношенный тёплый полурясок тёмного цвета, не возлагал уже на себя ни панагий, ни орденов,

и вместо Митрополичьего клобука с бриллиантовым крестом, украшавшего седины его, надевал на голову шапочку вроде скуфьи; по видимому, во дни общей печали России, хотел он носить, по старине, *смирное платье*¹³⁰. По какому то предчувствию, которое редко обманывало его, он твердил, что *умрёт на ногах* но, казалось, не хотел умирать прежде решения судьбы своего Отечества, тогда ещё сомнительной, – ибо кто думал, чтобы с падением Москвы устояла Россия? В конце Сентября Платон слушал в Махрищском монастыре вечерню, иногда сидя, иногда стоя у левого клироса; надобно было петь стих Дамаскина: *Твоя победительная*, запели по ошибке другое. Тогда Платон вдруг встал, как бы оживлённый какою-то утешительной мыслью, и воскликнул: пойте *Твоя победительная*, но вдруг зарыдал; все предстоявшие тронулись сим его движением и заплакали¹³¹. Недолго оставалось гореть светильнику этому на свещнике.

Наступил Октябрь месяц и с ним вместе морозы, каких давно не запомнили в России. Наполеон ещё гнезвился в Москве; отряды войск его в Дмитрове и Богородске разоряли, грабили и жгли по дорогам, ведущим в Троицкую Лавру, где в праздник Покрова Божией Матери учреждено было крестное хождение вокруг Сергиевского посада, по просьбе жителей оного и по соизволению Платона. Толпы окрестных жителей Московские и Можайские выходцы стеклись по звону, начатому в 7 часов утра. В этом священнодействии, соединяясь с братиею лаврскою, приходские священники из Троицкого посада и из Москвы совершили с коленопреклонением и слезами молебное пение всемилостивому Спасу, Божией Матери и Преподобному Сергию. Вера и упование их не посрамились. В этот самый день, назад тому два века, Поляки отбиты были от ворот Московских, и в этот же день Французские отряды оставили Дмитров и Богородск. Таково было начало их бегства и гибели! Октября 6 они поражены Русскими в одно время под Тарутиным и Полоцком; сии победы ускорили истребление полчищ Наполеоновых. Одиннадцать дней Октября сделались достопамятнейшими в 1812, как и в 1805 году, ибо были

причинами таких явлений, коим нет подобных в новейшей истории.

Минуло уже сорок дней пребывания Наполеона в древней столице – срок его торжеству и терпению Русских, как пришла отрадная и вместе ужасная весть в Махру, что неприятель, отчаянный и смятённый, оставил Москву и что нет Москвы. Потрясения от взрывов Кремля, отозвавшихся в окрестностях столицы, подтвердили такое известие, отчасти только оказавшееся справедливым. Московский Кремль, творение веков, краса древней столицы, блюститель святыни и древности, представлялся воображению одною безобразною грудой камней, в какую и намерен был Наполеон превратить его, при внезапном своём выходе из Москвы, где не дождался ожидаемого им мира и раболепства. Всё и было приготовлено к совершенному разрушению, чтобы не оставить камня на камне, чтобы истребить все священные памятники веры и благочестия, все воспоминания, драгоценные для сердца Русского; но в самую полночь, при октябрьском безоблачном небе, вдруг ливень быстрым потоком разлился над самым Кремлем и остановил дальнейшее действие подкопов¹³², древние стены его дрогнули, но не пали; только некоторая часть стен, три башни, Филаретовская колокольня, часть Никольских ворот и арсенал были взорваны; соборы, церкви и монастыри уцелели вместе с Митрополичьим домом, построенным при Платоне, и впоследствии обращённом в Николаевский дворец. В тот самый день, как неприятель оставил Москву, Платон, сидя за обедом, вздремнул, что под старость с ним нередко случалось, но вдруг проснувшись, сказал довольно громко: *вышел, вышел*, и опять впал в забвение; обедавшие с ним не поняли значения этого слова, но на другой день узнали, что неприятель вышел из Москвы¹³³. Вскоре после занятия нашими войсками Москвы, под предводительством Иловайского, 11 Октября, начальствовавший тогда Тверским ополчением Князь А.А. Шаховской отправил своего Адъютанта, подпоручика Палицына в Вифанию к Митрополиту Платону с известием об изгнании врагов из древней столицы¹³⁴. И весть, и фамилия вестника, напоминавшая доблестного келаря Троицкой Лавры, где вера и

любовь к родине, назад тому два века, устроили спасение России, столько восхитили Платона, что от радости он заплакал и перекрестясь сказал: *«Слава Богу, Москва свободна и я теперь умру спокойно!»*

Узнав же фамилию радостного вестника, потомка Авраамия Палицына, Платон спросил его – не знает ли он, где погребён помощник Пожарского и Сухорукова в спасении России? Мог ли он тогда воображать, что прах Палицына сокрыт на острове Соловецком!

В самый день взрыва Кремля Платон возвратился в Вифанию из Махрищского монастыря, где пробыл 12 дней; он чувствовал себя лучше, утешаясь сими известиями, и между тем, как пастырь отец, заботясь о духовной пастве своей, спрашивал: *Где то теперь бедные мои духовные?* Говорят, он намеревался на время поместить в Троицкой Лавре Московских священников, лишённых приходов и пристанища, пока они могут обстроиться на своих пепелищах, а прихожане их – собраться. Тогда как остававшееся при врагах Московские обыватели, не желая расстаться с драгоценным для них местом, гнездились, одни – на пожарищах, в землянках, другие¹³⁵ в подвалах обгорелых зданий и даже на папертях и в самых церквях, кои, большею частью, обнажены были от своего благолепия и не призывали на моление благовестом, – бежавшие из Москвы и укрывшиеся в окрестных сёлах и городах, прослышав, что нет уже в ней неприятеля, обратились туда для отыскания родных и друзей и для разведывания, не уцелели ли их имущества от расхищения, а дома – от пожара.

Платон в Вифании своей благодарил Господа за чудесное сохранение сей обители и Лавры, радовался, что сподобился увидеть прежде кончины своей освобождение Москвы от врагов, и собирался ехать в разорённую столицу, – конечно, для того, чтобы оплакать её развалины и пожарища, чтобы своим приездом утешить паству свою. Он торжественно исповедал и утвердил сии чудеса последним в Св. Синод донесением:

«Святейший Правительствующий Синод! Острое лезвие кровавого меча извивалось над несчастными сынами первопрестольной матери; огонь, возгнетённый адскою злобою,

пожирал всюду сопредельное; новорождённый Иулиан бешенствовал против Неба и потрясал в Москве самое сердце земли; между тем Лавра и Вифания, по судьбам Провидения, не испытали на себе пагубоносных перунов. *Падет от страны твоя тысяща и тьма одесную тебе, к тебе же гибель не приблизится.* Это суть места, идеже мир и тишина положили селение своё. Это суть остатки гроздия, восхищавшего здесь благопопечительные взоры Российского Вертоградаря! И – странное чудо! от Москвы, где огонь истощил силу, к Лавре и Вифании не более расстояния, как с одной стороны – к ним от Дмитрова, а с другой – до Богородска, где меч пресёк свои действия: в расстояниях разности совсем нет никакой или самая малейшая. Дивен Бог во Святых Своих – дивен в Преподобном Сергие! *Аще не его ради, Азь погубил бых вас.* Сему верую, на сем утверждаюсь, сие исповедаю»¹³⁶.

Замечаемое в Платоне спокойствие духа и некоторое поправление в здоровье, по-видимому, обещали продолжение дней его и в дряхлой старости; приятные известия из отечественной армии оживляли черты лица его мгновенною радостью; но за всяким сильным движением духа следовало у него ослабление сил телесных и душевных. Естественным тогда его занятием была молитва, для коей он напрягал душу свою, часто исповедовался у духовника своего, добросердечного и благочестивого старца Аарона, почти безотлучно при нём находившегося, вместе с Архимандритами Евгением Казанцевым и Ираклием, слепцом Симоном; приобщался Св. Таин в церкви и в келье, смотря по тому, как позволяли ему силы. Приучив себя к мысли о смерти и молитвою, и телесным страданием, и частым размышлением, наконец, Платон удалил от себя страх, прежде столь к нему доступный и столь естественный. Окружавшие его слышали часто повторяемые им слова: *Доколе пришельствие мое здесь продолжится?*

Уже наступило 11 Ноября; накануне этого дня, вечером, Платон при других сказал духовнику своему; *теперь всё решится*; на другой день, поутру, вышедши из моленной, повторил те же слова Симону слепцу и келейному иеромонаху Никону. Окружавшие разное толковали это выражение, относя

его-то к решению судьбы России и Европы, то к обстоятельствам жизни Архипастыря. Между тем время клонилось к полудню. В третьем часу пополудни в Вифании ударили двенадцать раз в большой колокол, то же повторили и в Лавре, как то бывает по кончине Архиерея. Сначала не поняли, что это значило. Ничто не предвещало в Платоне опасности; та же дряхлость, то же ослабление, та же забывчивость, как и прежде, и то же по временам оживление духа, в коем старец что-нибудь промолвит. Был уже полдень понедельника. Митрополит сидел в задумчивости на софе, и уже по третьему извещению от келейника о столе встал и пошёл, поддерживаемый внучатами своими, детьми племянницы своей, Нестеровой; но, проходя комнаты в столовую, каждую, оборотясь, осенил крестом; потом сел за стол с Архимандритом Ираклием и внучатами. При конце обеда, за последним кушаньем, он почувствовал в себе что-то необыкновенное, вдруг встревожился, встал с кресел и взял со стола графин с водою, чтобы ею освежить себя; вероятно, он почувствовал последний удар; ноги у него подкосились, он тихо стал опускаться на пол и видимо изнемогать; его отнесли в залу, положили на софу; он дышал томно и глядел мутными глазами, как будто чем испуганный; уста его двигались, хотели что-то промолвить – конечно, молитву, при молитвенном желании души его. Человеческая помощь была тогда тщетна. При виде опасности, позвали духовника его, Аарона, который стал читать отходную; не более часа Архипастырь томился, и в два часа пополудни так тихо угас, что даже не заметили последнего его вздоха.

Тотчас разнеслась весть в Вифании и в Троицкой Лавре, что Платона не стало. Тогда почувствовали великость потери питомцы Лаврской и Вифанской Семинарии, монашествующие в сих обителях, им благодетельствованных, и жители Троицкого посада. Московские жители вместе ними толпами шли оплакивать бездыханные останки своего Архипастыря, который кончил жизнь с окончанием испытания Москвы.

Между тем тело Архипастыря приготавлилось к погребению, по чину Архиерейскому, при священном пении и каждении

фимиамом; на усопшего, поддерживаемого диаконами, возложено было давно приготовленное им облачение, потом он положен был в кипарисный гроб, сделанный им лет за девять до смерти своей. Покрытый Митрополичьею мантией и осенённый св. рипидами гроб поставлен был в зале небольшого его дома. Вскоре прибыл из Москвы Московский викарий Преосвященный Августин. 11 Ноября Лаврская братия с Архимандритами, Наместником, белым духовенством и питомцами Лаврской Семинарии отправились к своему Священно Архимандриту в Вифанию в два часа пополудни. Звон колокольный продолжался во время сего священного хода, который принят был в воротах Вифанского монастыря братией оною; здесь две обители и два училища соединились для того, чтобы оплакать своего отца и благодетеля. После панихиды, совершенной Преосвященным Августином в покоях над усопшим, Архимандриты понесли на руках своих тело Митрополита, встреченное в св. воротах речами и стихами питомцев Вифанских; слёзы их, смешанные с рыданиями, выразили то, чего слово не могло высказать и что выше и дороже всех славословий. При унылом колокольном звоне, при надгробном пении началось печальное шествие от места смерти и погребения Платона к месту его отпевания; в предшествии св. хоругвей, запрестольных икон и крестов оно открывалось питомцами Троицкой и Вифанской Семинарий, за ними белое духовенство, потом братия обеих обителей. Пред гробом несли на подушках крест, панагию, орденские знаки, над гробом св. рипиды, за гробом шли Архимандриты и прочее духовенство в печальных облачениях. По прибытии печального хода в посад Сергиевский, перед самою Лаврою встретил тело Преосвященный Августин и, совершив литию, шествовал за тленными останками своего благодетеля до св. ворот обители Преподобного Сергия, где после литии студенты Троицкой Семинарии выразили в стихотворениях своих чувства признательности, скорби и благоговения, кои довершались слезами юношей, духовенства и предстоявших сему трогательному зрелищу. От св. ворот Лавры несено было тело Священно Архимандрита её и поставлено в Троицком соборе на

приготовленном месте, под балдахином, среди всех знаков отличий духовных и гражданских, какие получил Платон от трёх Монархов Российских в полвека служения своего Церкви и Отечеству. Там ещё повторено и заупокойное моление, и произнесены стихи питомцами Лаврского рассадника наук. 16 Ноября назначено было отпевание Митрополита Платона. Несмотря на общее расстройство окрестных и Московских жителей, рассеянных в отдалении, несмотря на дурную дорогу и ненастную погоду, стечение народа было многочисленное, и тогда, как всякий более опечален был своими утратами, плакали о Платоне, как дети могут плакать об отце, хотя он давно уже не действовал на пастве своей и часто разлучался с нею по немощи.

Литургия совершена Преосвященным Августином с двумя Архимандритами, двумя Иеромонахами и двумя Священниками; надгробное слово пред окончанием литургии произнёс Лаврской Семинарии Ректор и Архимандрит Евгений Казанцев, столь любимый Платоном¹³⁷ и до самой кончины сего последнего при нём находившийся. Он и себе и слушателям напомнил, кого лишились в Платоне и сам, до души растроганный, заставил предстоявших не только плакать, но и рыдать, ибо говорил в том храме, где священнодействовал, и с того места, где проповедовал Платон, бывши Архимандритом обители, столь знаменитой в Истории нашей; драгоценный предмет слова его и слёз был перед глазами.

Перед окончанием отпевания, произнесены две надгробные речи – одна Префектом Троицкой Семинарии Неофитом, впоследствии Епископом Архангельским, а другая – учителем Риторике, Иеромонахом Никанором, впоследствии Митрополитом Новгородским и С.-Петербургским¹³⁸. Все они были питомцы Платона, впоследствии достойные Архипастыри. Слёзы и рыдания ещё повторялись, так что Преосвященный Августин едва мог выговорить последние слова отпуска. Не читано только было при отпевании духовное завещание Платона, на коем собственноручно он подписал: «Прошу сие завещание прочесть в церкви при погребении, по прочтении

Евангелия, перед молитвою разрешительною». Сия рукопись находилась тогда с ризницами в Вологде.

После прощальных песнопений, произнесённых питомцами Семинарии в соборе, после отпевания и в св. воротах, бездыханные останки благодетельного Настоятеля, 46 лет правившего Троицкою Лаврой, несены были Архимандритами на место погребения в Вифанию, при унылом колокольном звоне и надгробном пении. Всё шествие простиралось более версты. Преосвященный Августин, в сопровождении Симоновского Архимандрита Герасима, подходя к воротам Вифанской обители, воскликнул со слезами:

«Вифания! грядёт к тебе родитель твой,
Но ты всегда пребудешь сиротою!»

Здесь, по совершении литии и по внесении тела в церковь, питомцы Вифанские произнесли стихи над гробом, а Ректор их Серафим и Префект Вениамин – речи. С общими слезами гроб опущен был в приготовленную могилу¹³⁹ в пещере нижней церкви Лазарева Воскресения; над могилою поставлен скромный из дикого камня памятник, на коем начертана сочинённая самим Платоном надпись:

Здесь погребён телом Преосвященный Платон, Митрополит Московский. Архимандрит Троицкой Лавры и сея Вифанской обители и при ней Семинарии основатель.

И следующие стихи:

Читатель! вспомни всех судьбу,
Пролей о нём свою мольбу:
Да в Бозе дух его опочивает,
Восстав, и тело с ним да воссияет.
Вся на земле суть временна и тленна,
Непостоянна вся и переменна;
Един покой на небесах;
Лети в них веры на крылах!

Москвичам памятен стих князя И.М. Долгорукова, из его песнопения на кончину Святителя Платона:

Собор Владык велик, но ах! – Платона нет.

Над памятником поставлено верное изображение Митрополита Платона во гробе, а в шкафах за стеклом его

митра и дикий с трикирием, полное облачение, шитое золотом по бархату, белый клобук, мантия и посох. Перед гробницею, осенённою образом Спасителя, теплится неугасимая лампада. На месте гробницы Платоновой прежде стоял дубовый гроб Преподобного Сергия, в коем опочивали его св. мощи, теперь этот свидетель нетления помещён близ усыпальницы основателя Вифании.

Так кончил на пастве своей многотрудную и знаменитую жизнь свою Митрополит Платон! Ему суждено было родиться на свет вскоре после Троицкого пожара в Москве¹⁴⁰, вступить на Иераршеский престол древней столицы после великих бедствий, постигших её вместе с Архипастырем, и на века оставить её после огненного и кровавого её испытания – Московского пожара в 1812 году. Утешенный изгнанием врагов из любезной ему Москвы, Платон смежил глаза в то самое время, когда занималась уже отрадная заря спасения и славы России, столь близкой к сердцу сего великого Россиянина.

Обозрев кратко поприще жизни его училищной, монастырской, придворной и епархиальной, общественной и келейной, попытаемся вывести из его деяний и сочинений и из свидетельства современников его – хотя некоторые характеристические черты свойств нравственных и умственных сего Святителя. Он столько был отличен и превосходит внешними и внутренними качествами, что справедливо удивлялись ему современники из соотечественников и чужестранцев.

Начнём с его внешности. Роста Платон был среднего, именно двух аршин, шести вершков с половиною; лицо имел круглое и белое, которое и при седирах, блистая румянцем и какою-то особенною светлостью, сохраняло черты прежней красоты. Чело у него было возвышенное, гладкое, посреди его полумесяцем рубец от ушиба в юных летах. Нос и уста соразмерны лицу; щёки полные; глаза серо-голубые, светлые, средней величины, устремлялись более горе вместе с его умом; они осенены были бровями высокими, не густыми, черноватыми, и округлялись, когда он обращал на что либо зоркое внимание. Взор, по большей части, весёлый или тихо

приятный, редко помрачался гневом, но отражал в себе какое-то величавое спокойствие и присутствие духа, пронизательность внутреннего его ока. Борода у него окладиста, но не длинна и не густа; усы небольшие, непротягновенные. Волосы на голове в молодых летах у него были светло-русые, густые, продолговатые, в пятьдесят только лет стали короче, и начав седеть, потом уже пожелтели. Осанка в его поступи величественная, смелая, а в движениях свобода с приличием; походка его была непринуждённая, не медлительная, почти скорая. Весь стан его был не толст, но умерен и ни в чём не выходил из природного размера. Во всём теле статность соединялась с ловкостью, сановитость с приятностью. Хотя теноробасистый и гибкий его голос был нежен и светел, но вместе с тем громок и мужествен. Как любитель и знаток чтения и пения церковного, он, осмысливая слова, придавал им особенную силу и выразительность. Речь его, по большей части, живая, свободная и одушевлённая; разговор его приятный, растворяясь улыбкой, а иногда смехом, сопровождался движениями рук, соответствующими словам и мыслям. В священнодействии и проповедовании слова Божия вся осанка у Платона была особенно величественна и привлекательна, все мановения торжественны и одушевлённые; служил ли он в убогой ризе Преподобного Сергия и в богатой митре Князя Потемкина, или в древнем архиерейском облачении Святителя Алексия, благовествовал ли, держа в руках священные сосуды, дары Екатерины II, перед св. мощами основателя Троицкой Лавры, или вещал перед венчанным на царство Александром I, – Платону равно прилично было и древнее пустынноческое убожество, и новейшее великолепие, и богатство в облачении. Служение его столь было умирительно и благоговейно, что сослужившие с ним и предстоявшие в храме не могли оставаться равнодушными: с ним вместе молились, с ним плакали; всех глаза устремлялись на него и всех слух ему был послушен. В проповедании слова Божия все переходы и движения были у него непринуждёнными и казались не выисканными, но приличными лицу, месту и времени.

В келейной жизни, особенно во время своего пребывания в Вифании, Платон любил простоту¹⁴¹, которая могла показаться несовместною только строгим блюстителям внешних приличий, но которую находим мы в жизни великих Святителей. Не знаящие его, встретив в описанной нами его домашней одежде, в какой нашли его и Кембриджские Профессора, принимали его за простого монаха или служителя. Случалось, что приезжие спрашивали его самого: «где Платон?» – а он, шутя, указывал им на своего повара или кузнеца Платона. Самое ненастное время и дождь не удерживали его от прогулки: *который Бог вымочит, – говаривал Платон, – тот и высушит*. В торжественных выходах и в праздничном служении он любил возвышать величие своего сана великолепием; тогда он являлся в богатой и красивой одежде, возлагая на себя драгоценные кресты, панагии и ордена; было время, когда Митрополит ездил в парадной, шестистёкольной карете, запряжённой шестью белыми лошадьми в красных сафьяновых шорах с серебряным набором, с двумя вершниками в зелёных кафтанах, красных камзолах и треугольных шляпах. Такая церемониальность принадлежала не одному Платону, но его веку, и составляла приличие.

Как враг роскоши и расточительности, Платон держался умеренности и простоты в пище и питье: предпочитал русское кушанье, между прочим, редьку, которую ежедневно употреблял, как пишу и лекарство. У него диететическою пословицей была: *душа мира*. Для гостей, которых редко у него не бывало, готовился особый стол, который скрашивался радушною приветливостью и сладкою беседою хозяина.

При всей бережливости, к какой Платон приучен был с детства нуждою, и которую иные называли скупостью, основатель Вифании гнушался корыстолюбия, презирал постыдные способы к обогащению, и до того был разборчив, что если кто от усердия своего принесёт ему какой маловажный дар, например, фрукты и тому подобное, спрашивал наперёд: «Нет ли какой просьбы?» И когда уверялся, что без просьбы ему приносят, – принимал с благодарностью и сам отдаривал¹⁴². Хотя к бережливости хозяйственной и расчётливости он был

весьма склонен и всегда смотрел за тем, чтобы чего излишнего и понапрасну для себя не истратить, но на доброе и полезное дело не жалел денег. Устройство богаделен при монастырях, искупление христиан из плена неверных, справедливое призрение вдов и сирот – не служат ли доказательством его великодушной щедроты! Не явная милостыня тунеядцам и попрошайкам, но тайная помощь истинно бедным свидетельствовала о милосердии сего Архипастыря, добродетельного и по природе, и по правилам. Его благотворения простирались на честность, заслуги и таланты, но в них предпочитал он светским духовных, как присных себе.

В самых поступках Платона мы уже видели выражение чувствительного и доброго его сердца, способного к высшим ощущениям. Из этого благодатного источника проистекла его любовь к родителям. После смерти отца своего, он почитал мать свою, как нежный и покорный сын. Приезжая из С.-Петербурга, как Архимандрит Троицкой Лавры, а из Твери, как Архиепископ, на праздник Препод. Сергия, в Лавру, он посылал в Москву за родительницею своею и из монастыря сам провожал её до квартиры в посаде. Уже он был Архиепископом Тверским. Мать приехала к нему туда. Когда, после обеда, он её проводил только до святых ворот, но старушка хотела, чтобы он довёл её до самой квартиры, – «Матушка, – сказал Платон, – теперь мне неприлично провожать вас в посад, я уже Архиепископ». – «Как, да разве ты уже не сын мой?» – возразила огорчённая старушка. Архиепископу стоило большого труда и многих поклонов, чтобы успокоить и умиловать её; наконец он её проводил до самой квартиры, у Пятницкого монастыря. Во многих случаях он спрашивался совета и благословенья матери своею, веруя в силу его. Могила её была для него свящею; когда он служил в Новодевичьем монастыре, то, всегда её посещая, знаменовал заупокойною молитвой и кропил слезами. Память доброй и нежной матери, его воспитательницы, была для него столь драгоценна, что, когда спрашивали у него благословения на освящение в Московском Университете храма во имя священномученицы Татианы, ангела его матери, то он сам, не званный, приехал

совершить освящение и сказал почти без приготовления слово на текст: *Премудрость созда себе дом*. До самого конца жизни своей он сохранял нежную привязанность к матери. На гроб отца своего, погребённого при церкви Спаса во Спасской, он приезжал также совершать панихиду. Такой назидательный пример Платона был красноречивейшей проповедью о детском почтении к родителям. Родных своих Иерарх любил и наделял; особенным же предметом заботы и расположения его были племянница его Нестерова и её дети.

Всё, что только касалось до чести, славы и пользы России, наполняло его душу и сердце; всё вредное и опасное для отечества тревожило и озабочивало его. Сему преемнику Святителя Алексия и Преподобного Сергия, по справедливости, принадлежит прозвание: *печальника о всей Русской земле*. Это доказывали вся его жизнь, его сочинения, его предсмертные слова и действия, даже самая болезнь. Любя отечество, мог ли он не любить Отца его, Царя, как преданнейший ему сын отечества? От этой приверженности не отделялось в нём всеобщее человеколюбие и доброжелательство.

Благодарность была отличительным свойством благородной души Архипастыря. Платон помнил своих благодетелей, учителей и добрых товарищей, и не забывал оказанных ему услуг и одолжений, стараясь отплатить за них. Признавая все таланты свои, все подвиги и отличия даром Божиим, благодарность свою Царю царей выразил он в духовном завещании и в заимствованном у Златоуста девизе своём, вырезанном на любимой его панагии с изображениями св. Апостол Петра и Павла: *Слава Богу о всём*. Сам же, благодетельный и благотворительный, часто испытывал неблагодарность, которая, впрочем, не отвлекала его от стремления делать добро.

Платон, от юности своей до старости, много терпел от зависти других, но великая душа его чуждалась этой губительной и убийственной страсти, столь близкой к ненависти, которую Св. Писание называет человекоубийством. Он уважал и любил таланты и достоинства даже в тех, которые ему почему-нибудь не нравились и к нему были не расположены: его не устрашало,

не тревожило, но радовало и восхищало превосходство в других. Мы уже представили его отзыв об Амвросии Протасов. Один из товарищей Платона по учению, глубокомысленный богослов, муж просвещённый того времени, но пылкий характером, Феофилакт Горский, Епископ Переславский, почитал его своим соперником в Богословии и врагом себе. Платон это знал и умел его привлечь к себе великодушием. Когда Феофилакту, для излечения его болезни, присуждено было жить в Москве, тогда Митрополит, поместив его в Высокопетровском монастыре, велел ему оказывать все подобающие его сану почести и нередко сам посещал его. «Мы с ним сживали на одной скамейке рядом, – говаривал Платон, – проходили по одним классам. Горе было бы мне теперь, если бы я был в классах его ниже: он бы мне этого не простил и не подружился бы со мною».

Наушничество он почитал более вредным и опасным, чем полезным и необходимым средством для начальствующих, тем более что сам убедился из опыта других, что оно лишает спокойствия и начальника и подчинённых, вводит в заблуждение одного и часто невинно оскорбляет других. Если кто донесёт ему на кого, то он, доносчика и обносимого поставив, как говорится, *в очи на очи*, обличит того или другого; после этого прочие уже не осмеливались, под личиною усердия и преданности, являться к нему с ложными доносами и наветами. Кто из начальствующих лиц утаит от него какой-либо неприятный случай по своему ведомству и скажет на вопрос Владыки, что он не смел донести до его сведения, тогда Платон обыкновенно спрашивал: как он смел не донести ему? Охуждал ли кто кого перед ним, Платон, выслушав его, обыкновенно говаривал: «Ты показал мне дурную его сторону; покажи же теперь и хорошую!» Нестерпимо было для него лицемерие, наглая клевета или несправедливое порицание достойного человека; он обличал их, не смотря на то, от кого бы они ни происходили. Из многих ограничимся здесь одним примером. В разговоре с Митрополитом Платоном, Московский Главнокомандующий Граф Брюс охуждал некоторые поступки его друга, Графа З.Г. Чернышев, «Каков Граф Чернышев, –

сказал Платон – такие люди рождаются веками, а каков Платон да Брюс, такие часами, Платон да Брюс, Брюс да Платон».

От природы зоркий и проницательный, он не опровергал многоречиво лукавых хитросплетений, но ударяя в самый корень страсти, обнаруживал и приводил в ужас коварство. Светлая душа Святителя чуждалась тех низких и коварных происков и подъясков, кои называются на чуждом вам языке интригами, мистификацией и политикой. Любовь к справедливости внушала Архипастырю такие меры, кои с первого взгляда могли бы показаться жестокими, как например, отказ в отцовском месте сыну, оставшемуся для пропитания своей матери с малолетними детьми; но строитель Таин, защитник прав Церкви и духовенства, не хотел для снисхождения отступать от справедливости предоставлением места недостойному, ибо чуждался несправедливого милосердия. Его мнение было: «милосердие с нарушением правды есть слабость и обида»¹⁴³. Находя выборы прихожанами священно- и церковнослужителей, по большей части, пристрастными или вынужденными просьбою и домогательством других, не всегда их уважал; так, его ответом бывало крестьянам, просившим себе избранного ими священника: «ваше дело орать да пахать, а моё – вам попов давать». При всём правдолюбию своём, если замечал он раскаяние в виновном и надежду к исправлению, охотно прощал, и, видя слёзы сокрушения душевного, нередко сам проливал их с виновными. Для Платона тяжело было лишиться сана или места, прискорбно было сделать человека несчастным на всю его жизнь, и унижением перед всеми убить в виновном чувство самоуважения до невозможности к исправлению. Милость у него предшествовала и последовала суду, разве только справедливость не отменно требовала, для примера другим, наказания преступному. Когда же что признавал он несообразным с законами и совестью, тогда не могли переменить его приговор ни ходатайство знатных¹⁴⁴, ни просьбы, ни слёзы. Выговоры его были, хотя строги и сильны, но не язвительны и не доводили до отчаяния.

Он не любил пьяных, но старался отвращать от этой губительной слабости мерами кротости и Христианского сострадания; таким средством иногда удавалось ему спасать погибавших, и где бы строгость могла довести до отчаяния, там его милосердие и отеческое сердоболие внушали решимость к исправлению. Однажды приходит к нему бедная женщина с просьбой об излечении мужа её, подверженного пьянству; Платон, выслушав её, уединился на несколько времени для молитвы, потом дал ей молитвенник с тем, чтобы муж её всякий день читал его, и чтобы она веровала несомненно, что сие духовное врачевство поможет. С одной стороны послушание, а с другой вера произвели спасительное действие над несчастным, который совершенно освободился от этой болезненной страсти. Заметив в старом келейнике своём утаиваемую им страсть к пьянству, он велел, в отсутствие его, поставить ему в келье бутылъ с вином. Тот, увидев бутылъ, подумал, что нарочно хотят его опоить, и отстал от пьянства. Так знал сердце человеческое Платон и так умел на него действовать всевозможными средствами: «да всяко некия спасет»!

Хотя Платон от природы был вспыльчив и более сангвиник, чем меланхолик и холерик, но, родясь с добрым характером, образовал в себе нравственный, владычествовавший в нём над страстями. Несносна была для него медлительность и косность в неисполнении его приказаний, но как скоро он замечал, что она происходит не от нерадения и лени, но от недоумения и неловкости, то терпеливо выносил её. Оскорбив кого-либо в пылу гнева, он добродушно сознавался в своей несправедливости; бывали примеры, что Архипастырь при всех смиренно прашивал прощения у обиженного им, у младшего и меньшего себя, стараясь его утешить услугою или ласкою. Удалённый от той поблажающей снисходительности, которая всё извиняет, он чуждался и той суровости, которая ничего не прощает. Однажды, певчий его, известный сочинитель церковной музыки, Иван Матвеев Коломенский, пришедши нетрезвый в кельи Митрополита и думая, что его нет дома, запел песню; Платон, прогневавшись на дерзость, велел было

его отвести в съезжий дом; когда же служители взяли Коломенского и повели, он тут же запел ирмос: *Безумное веление мучителя злочестивого люди поколеба*. Платон улыбнулся и приказал его оставить. Но один ли этот пример его великодушия и снисходительности к немощам человеческим? Приведём здесь два примера, сообщённые близким к Платону человеком. Однажды в Вифанской церкви Преосвященный стоял на клиросе за обеднею, читал и пел за дьячка. Настало время малого входа; на ту пору не случилось пономаря, которому надобно было выносить свечу пред Евангелием. Митрополит оглянулся и, увидев за клиросом монаха (то был приезжий из какого-то монастыря), велел ему вынести свечу, Тот, поклонясь ему, сказал: «Я Иеромонах». – «Извини, пожалуйста, я этого не знал», – отвечал ему Митрополит, и сам, взяв свечу, вынес её. – В Лавре один из монахов принёс к нему кусок чёрствого, заплесневелого хлеба, с жалобою, что их кормят таким хлебом. Митрополит, взяв этот кусок, стал его есть, между тем заставив монаха рассказать ему, когда, где, от кого родился, когда и отчего поступил в монашество, и т. п. Потом, съевши весь кусок, спросил жалобщика, будто забыв его жалобу: «Да, зачем же ты пришёл ко мне?» – «Жаловаться на дурной хлеб».

– «Да где же он?» – спросил Владыка. – «Вы скушали его», отвечал тот. – Ну, и ты иди, твори такожде», заключил Платон, умевший собственным примером учить смирению и терпению.

Все душевные свойства Платона трудно с точностью описать и определить; но заметим более известные. Главными его свойствами были прямодушие и чистосердечие.

Из прямодушия его проистекали любовь и верность к порядку и подчинённости; посему он, и по характеру, и по своим правилам, гнушался происков и домогательств в получении отличий, высокие почести сами доходили до него, как заслуженные награды, кои он почитал дарами Провидения. Не терпел Архипастырь домогательства мести и почестей и в своих подчинённых через посредство светских, называя это действие, противное правилам Церкви, пронырством и пролазничеством: *прелазаяй инуде*. Когда же сам находил достойного, всегда

искал случая и средств наградить и отличить его. Дальновидный и честный ум его способен был различить истинное смирение от подобиюстрастия и раболепности, прямодушие и благородство сердца от надменности и заносчивости. Неприятны были для сего Архипастыря переходы из одного звания в другое, разводы и неравные, на корыстных расчётах основанные, браки между людьми из разных сословий и неравных возрастов; противным ему казалось вмешательство духовных в светские дела и неуважение младших к старшим, учеников к учителям, подчинённых к начальникам, – потому что и в его время начинало уже появляться разделение поколений на старое и новое. Против этого он часто вооружался словом своим. Свидетельством сему многие резолюции его, сохранившиеся в делах Консисторий Тверской и Московской. Однажды просил у него совета и благословения первостатейный купец, желавший выйти в дворянство и достать себе чин; Платон ему прямо на это сказал: «Ты в своём сословии первый, и я, Митрополит, тебя сажаю вместе с собою, а в новом звании ты будешь последний – и я тогда тебя не посажу».

Оскорблённое самолюбие и гордость, или пристыженный порок, часто выдавали прямодушие его за грубость, а чистосердечие за обиду. «Соединяя вкупе и остроту ума и твёрдость духа к обузданию своевольтва и к усмирению надменных, – замечает Преосв. Евгений Казанцев, – руководствуясь словами св. Апостола Павла: *согрешающих пред всеми обличай, да, и прочии страх имут* (1Тим. 5:20), – он поражал всенародно гордость и буйство, в кратких словах, но с такою силою истины и благочестия, что после взор его был назидательнее длинных поучений». Из ревности к благочестию, иногда, Иерарх, чуждый лицемерия, ласкательства и потворства, торжественно обличал явные соблазны или наглость, хотя бы встретил их в знатных особах и среди храма; посему ни одна дама не осмеливалась принимать его благословение или антидор в перчатках и явиться к нему в нескромном одеянии, какое иногда предписывало иноземная мода женскому полу в России; никто не отваживался

разговаривать во время Богослужения или проповеди его. Одно слово, а чаще строгий взгляд вразумляли неосторожного. Остановкой среди проповеди он прервал однажды разговор двух вельмож в Успенском соборе. Когда же убеждались, что Архипастырь так действовал из ревности по вере, из любви к благочинию церковному, то его не охуждали даже и те, которым он выговаривал, или останавливал в нескромном поведении. Рассуждая о должности Пастыря, в слове 1803 г., Платон говорит: «*Добрый Пастырь* горит огнём ревности Божией, и всё, и самую жизнь за мало поставляет, только бы обличить и посрамить дерзкое преступление. Блажен есмь, аще поносят мя».

Этот поборник православия не чуждался благоразумной терпимости и был внимателен к гласу человеколюбия, когда мог оказать снисхождение без нарушения своей обязанности. Один из Лютеранских пасторов в Москве, известный Пробст Гейдеке, в 1802 г. напечатал в книге своей *Anastasis*, будто Русские священники иногда хоронят живых, Митрополит, оскорблённый таким изветом г-на Гейдеке, восстал против его сочинения; когда же сочинитель, видя неприятные для себя последствия от неосновательности своего отзыва, сам принёс извинение Митрополиту, и даже вызвался уничтожить своё сочинение, как оскорбительное для Греко-Российской Церкви и духовенства, тогда Иерарх оказал ему всё снисхождение и даже ходатайствовал за него у высшего Начальства. В изъявление своей благодарности Платону, Гейдеке перевёл на немецкий язык его Церковную Российскую Историю. Приведённый нами поступок его с Мельманом обнаруживает с одной стороны ревность по православию, а с другой великодушие¹⁴⁵.

Сколько был обходителен, словоохотен и ласков сей Архипастырь с простыми и добросердечными, столько несносными казались ему те, в которых он примечал надменность; с ними обращался холодно и презорливо, думая тем унижить высокомерие. Такие то люди почитали гордым сего Иерарха, который был всегда всем доступен, охотно беседовал с убогим поселянином, простым причётником и богадельником, подробно входил в их нужды и скорби, с участием

сердобольного отца, помогал им то советом, то делом, подавал им слово утешения в несчастиях, с терпением умел уговорить в случае упорства. Толпы простого народа следовали за Иерархом, ехавшим на служение, желая его видеть, слышать и принять от него благословение. Ничто столько не привлекало его внимания и благосклонности, как чистосердечие и добродушие. *В простоте сердца Бог опочивает*, говаривал Архипастырь. Его окружали, по большей части, люди неучёные и простосердечные, каковы были: Архимандрит Ираклий, о. Нонн, Аарон, Никон; с ними он молился и беседовал в старости своей. «Посидите со иною, друзья мои, пока я жив; а как умру, все разойдётесь и всё пойдёт иначе». Прежде мы сказали о Симоне слепце, который читывал наизусть в церкви Часы, Апостолы, Шестопсалмие и Кафизмы. Митрополит сам выучил его Русской грамоте посредством наклепленных из воску на линейке, потом вылитых из свинца, выпуклых букв, так что после слепец, легко разбирая надписи на колоколах и надгробных камнях, сообщал их любознательному Архипастырю. Сколь было умирительно видеть великого мужа, радушно беседующего с меньшего братией, и одному подающего совет в недоумении его, утешение в скорби, а другому милостыню в скудости!

Если честолюбием можно назвать стремление к великим подвигам и желание заслужить себе уважение, то в этом смысле Платон не чужд был любочестия, от коего едва ли может совершенно освободиться высокий ум с чувствительным сердцем. Но дух его, напитанный истинами Евангельскими, противился суетному тщеславию. Когда родные и друзья утешали его, при изнеможении сил его, приобретённую им славой, тогда он обыкновенно говаривал любимое своё слово: *Услышу что речет о мне Господь Бог*. Сии же слова он всегда писал при пробе пера, когда хотел что-либо сочинять.

К несправедливому злословию не всегда Архипастырь был равнодушен, обнаруживая или презрение, или негодование против злоречивых и клеветников; но злопамятность не тяготила доброй его души. Хотя высказанная им в резких словах правда иногда навлекала ему вражду, но даже и тайные

враги не могли отказать ему во внутреннем и внешнем уважении; порицавший его за глаза, перед его взором и словом смирялся и благоговел невольно, или, побеждённый его правдивостью, добродушием, чистосердечно мирился с ним. Когда же видел сей Архипастырь ополчение на себя зависти и злобы или наглое попрание справедливости, то всегда ограждал себя упованием на правосудие Божие, повторяя при сем любимое изречение своё: *Quis ergo contra nos, si Deus pro nobis?* т. е.: Аще Бог по нас, кто на ны? Такое предание своей воли в волю Божию всегда успокаивало его.

От младенчества склонный к благочестию и набожности, воспитанный в твёрдых правилах доброй старины, этот зоркий вождь на пути к спасению верен был апостольскому православию без примеси суемудрия, и во всю свою жизнь был проповедником истинного благочестия и блюстителем чистоты веры; смело опровергая вольнодумство и кощунство, восставал против суеверия ханжества, полагая, что «ничем столько не унижается истина веры, как примесью лжей суеверных»; внутреннюю же свою набожность, сколько возможно, скрывал, дабы она известна была единому Сердцеведцу, веруя, что «во всех искушениях и превратностях ничто столь человека не может утешить, как «простое и чистосердечное упражнение в благочестии». Его любимым словом, которое видим в подписи на нескольких портретах его, было изречение Св. Апостола Павла: *Вем бо, Ему же веровах, и известихся, яко силен есть предание мое сохранить в день онъ*. Ничто его столько не радовало, как многочисленное стечение народа в храме. «*Теснота*» – говаривал он, – *церкви красота*»: ничто столько не утешало его, как успехи духовного красноречия, кои он всегда поощрял в духовенстве.

Плоды его забот и попечений о благолепии храмов Господних, о благоприличии в служении, видим и в церквях и в монастырях Тверской и Московской губерний; при всей бережливости своей, он не щадил на это издержек, охотно отдавая свои вещи на утвари церковные. Внешнему богослужению придавал он более торжественности образованием отличных певчих и чтецов, и сам, из детства сведущий во всех

почти напевах, как то: Столповом, Знаменном, Болгарском и Киевском, как выше мы заметили, был примером: в Чудове монастыре сам читывал на первой неделе канон покаянный, нередко Паремии в Великую субботу, в Троицкой Лавре и Перервинской обители – Кафизмы за всенощную и утреню, Часы и Апостолы за обеднею; часто певал с монахами на клиросе¹⁴⁶. Почти всякий раз при пении *символа Веры* и *Молитвы Господней* заливался слезами от душевного умиления. Столь глубоко проникнут был его дух священными и высокими истинами Христианского исповедания и Молитвы Спасителя! В служении Иерарх почти всегда со слезами приступал к Божественной трапезе. Таким образом, он был для паствы своей правилом и примером порядка, деятельности и благоговения.

Сколько полезен был для Церкви и Отечества ум¹⁴⁷ сего Архипастыря, украшенный науками и освящённый благочестием, о том свидетельствуют дела его – письменные и неписьменные памятники.

Природа одарила Платона умом высоким и многообъемлющим. Так как сфера его понятий была выше других, то мысли его не всегда согласовались с мнениями, других, хотя величию души и доброте своего сердца находил он общее сочувствие. Но ум его, окрылённый верою, способный обнимать и наполнять собою круг своей деятельности, освобождён был от пристрастия и самолюбия, так что Платон умел быть внимательным и снисходительным к мнениям других, не бывши с ними согласным.

Как, изощрённый опытностью мореплаватель, по движениям моря, по течению облаков и светил небесных и другим приметам, легко предугадывает погоду, так и сей остроумный муж, обогащённый опытами жизни, столь долго наблюдавший свет и людей, руководимый благодатью, редко ошибался в своих заключениях и выборе, имея то предвидение и прозрение, которое иногда служит нам вождём, хотя не всегда может открыть вполне тайну грядущего. «Знаю только то, по многим опытам, – говорит один почтенный Иерарх, – что Платон имел обыкновение при первом взгляде замечать наружность,

слова и поступки детей, и чего можно ожидать от них, предузнавал ли, предчувствовал ли, или как иначе захотят назвать сие, только замечания его нередко оправдывались с удивительною точностью¹⁴⁸. С такою то предусмотрительностью Платон в юношах предъизбрал себе трёх сряду достойных преемников своего Архипастырского престола: Августина, Серафима и Филарета; так предназначил на высокую чреду в духовенстве Михаила, Никанора, Евгения и других. При служении своём в Московском Успенском соборе, заметив юношу, бедно одетого, не спускавшего с него глаз, Платон, после обедни, дал ему просфору и, благословив его, сказал: *Эта хороша голова!* Потом спросил: «Умеешь ли ты петь? – Нет, – отвечал юноша. – Так будешь писателем, коли станешь учиться». Это был Мерзляков, приехавший тогда из Перми учиться в Москву¹⁴⁹. Одарённый остроумием, он любил его и в других, так что острое слово, сказанное хотя бы на его счёт, не смущало его; он даже с удовольствием к случаю повторял его и как бы любовался им. Столько приведённых нами примеров прозорливости его, только предсказаний, оправданных самыми событиями, показывают, что в нём способность прозрения в будущее была не только естественная, но и благодатная. Доброе и чистое сердце его было способно к предчувствию, которое предузнаёт без соображений ума и опытности, по одному предощущению будущего; преисполненное же веры и благочестия, оно могло предузнавать и по внушению благодати. При оскудении уже сил своих, Платон часто говаривал сбивчиво, неопределённо, более намёками: иногда указывая на волосы свои, повторял; *«Когда этот снег растает: много грязи будет!»* Однажды в Махрищском монастыре, в 1812 году, он надел было наизнанку свою шубу, и когда ему сказали об этом, он промолвил: «Так ныне всё идёт наыворот» и т. п. С остроумием неразлучна в нём была проницательность, которая проявлялась и в обыкновенных случаях келейной жизни. Предание, между прочим, приписывает Платону следующий поступок. Однажды застаёт он шумный спор у печников, которые у него клали печи в покоях. Узнав, что причиною спора пропажа денег у них, велел им прийти вечером – к себе; они

явились; тогда Митрополит читал вечерние молитвы вслух и, увидев их, приказал им молиться вместе собою. В продолжение чтения Платон спрашивал несколько раз: *Молитесь ли ей? – Молимся, батюшка!* отвечали. Наконец опять спросил: *Молится ли вор? – Молюсь* – сказал один из печников, и тем сам себя обличил.

Счастливая от природы его память обогащена была многими сведениями. Дорожа всегда отечественною стариной, он любил кстати вспоминать разные из оной события, анекдоты и предания; им отысканы и восстановлены многие памятники древности и благочестия, как мы заметили; он сочинил и выставил приличные *надписи* в св. обителях и церквах, где желал соединить воспоминания о благочестии и вере предков с признательностью и благоговением потомков; при нём сделаны и поставлены в Архангельском Московском соборе на гробницах Государей Российских медные доски с надписями, кроме трёх, доселе неизвестных, гробниц. Многие места из Св. Апостола Павла, из Св. Отец, или классических Греческих и Римских писателей, Платон знал на память, и к случаю с верностью приводил; также сказывая проповеди наизусть, без тетради, тем придавал более выразительности своему произношению и без того одушевлённому; часто без приготовления, по внушению обстоятельств и по вдохновению сердца своего, говорил поучения и речи приветственные и поздравительные. Только после случившегося с ним первого нервного удара, память его стала тупеть и ослабевать. Глубокая чувствительность, сродная душе Платона, в старости более проявлялась слезами, кои проливал он при Богослужении, проповедании и при всяком умиленном случае.

Силы души своей возвысил и укрепил он учением и опытом жизни; высокий и многообъемлющий ум его, любя деятельность, как необходимую свою пищу, скучал без неё. Мы видели, что школьное образование своё он дополнял собственным упражнением, распространяя круг своих познаний; был самоучкою в древнем и новом Греческом и во Французском языках. На Греческом языке Платон вёл переписку с

Восточными Иерархами и Митрополитами, которые нередко относились в нему с просьбами или с приветствиями.

Пользуясь инославными богословами Римско-Католической и Реформатской Церквей, он всегда крепко держался догматов и уставов Греко-Российской Церкви, как неизменного основания своего вероисповедания; к мистицизму незаметно было в нём склонности. По его мнению «Вера состоит в соединении духа нашего с духом Божиим и в отношении всего к Богу; а добродетель есть непрменный плод такого благословенного древа таковой веры. О вере судить должно не столько по догматам, сколько по житию; где более любви, там есть и истина веры. – Сия-то любовь и благочестие одушевляли сего Архипастыря в делах его и учении, коими он старался быть полезным для паствы своей. Уже в старости своей он преподавал Богословие в дружеских беседах знаменитому старцу и вельможе Графу Ф.А. Остерману, что доказывают найденные после смерти их тетради, писанные собственною рукою Платона и переписка с братом его, Канцлером Графом И.А. Остерманом¹⁵⁰. Сношения его с Куратором Московского Университета И.И. Мелиссино и Директором оного И.П. Тургеневым, равно и с другими учёными и знаменитыми людьми, служат верным свидетельством любви сего Архипастыря к истинному просвещению и благочестию. Не только в живой личности, но и в письменных произведениях проявлялось существо сего великого мужа, которое усваивается современникам и передаётся потомкам непостижимыми для нас путями.

Платон был плодовитейший духовный писатель своего времени; своими сочинениями он дополнил недостатки учебных пособий в России или проложил путь к дальнейшему совершенствованию оных. Некоторые из его творений писаны только для его века, другие для всех веков; в них видны разные степени духовности, какие он проходил в жизни своей. Одни из них принадлежат к *систематическому Богословскому учению*, другие к *Церковному красноречию*, третьи к *Истории* или к *Литературе*.

К первому роду относятся:

1. *Катехизис*, или первоначальное наставление в Христианском законе, толкованное всенародно в 1757 и 1758 гг., 2 части. М. 1781 г., в 8 д.

2. *Краткий Катехизис* ради обучения малолетних детей Христианскому Закону. М. 1775 и Вена 1773 гг., в 8 д.

3. *Сокращённый Катехизис* для обучения отроков, с присовокуплением молитв и Христианского нравоучения. 12 д.

4. *Сокращённый Катехизис* для Священнослужителей, с приложением мест из Слова Божия, правил Св. Апостол и Св. Отец и Духовного Регламента и Присяг. М. 1775 г., 12 д.

5. *Православное учение* или сокращённое Христианское Богословие, с прибавлением молитв и рассуждений о Мелхиседеке. СПб. 1765 г., 4 д.¹⁵¹

Не только соотечественники учёные, но и иностранцы отзывались с уважением и похвалою о Катехизисе и Богословии Платона, кои написаны, как судит один из знаменитых богословов нашего века, Преосв. Макаров, «просто, общенародно и без строгой системы, но с довольною последовательностью». Святой современник его, Тихон, Епископ Воронежский, советует белому духовенству читать «изрядно протолкованные Платоном десять заповедей Господних»¹⁵². О некоторых предметах как например, о браке, Платон имел личное своё воззрение, которое разделяли с ним многие из его современников. Один учёный Англичанин, напечатав (в *Anecdotes of the Russian Empire* Lond. 1784) сокращение его Катехизиса, говорит, что «оный во многих местах не только дышит благородным и благочестивым духом, но сочинён с великою простотой языка и изложения». Впрочем, замечает, что в 1-й части оного не упомянуто о первородном грехе. *Evangelical Magazine* 1815 г. (в переводе Пинкертоном на Английский язык *Платонова Православного Учения*) пишет, что «сия книга содержит в себе изящнейшее «Изложение Богословских понятий Греко-Российской Церкви Бакмейстер (Russ. Bibliothet. В. 2 St Sept. 1772), при рассмотрении Немецкого перевода сего сочинения, заключает, что «оно составляет эпоху для Церковной Истории», и будто «изложенное в нём учение более отделено от Римско-

Католической, нежели от Лютеранской Церкви, и даже во многом согласно с последнею». Платон вместе с Феофаном Прокоповичем и Феофилактом Горским, как оригинальные Богословы отечественные, при изъяснении созерцательной Богословии, могут с пользою занимать и наставника и наставляемых¹⁵³.

Сия учебная книга переведена была на Латинский, Греческий, Армянский, Грузинский, Немецкий, Английский, Голландский и Французский языки.

К Каноническому праву относятся его:

а) превосходная *Инструкция Благочинным Священникам*, М. 1775 г., впоследствии принятая Св. Синодом за общее правило.

б) *Увещение раскольникам*, с чиноположением, как принимать обращающихся из них к православной Церкви, СПб. 1766 г., 12 д. «Это сочинение», – говорит Преосв. Макарий, – проникнутое духом кротости и убеждения, нашло себе доступ к сердцам многих, желавших познать истину. Оно дышит самою сердечною материнскою скорбью о заблудших чадах и исполнено самыми трогательными убеждениями к ним»¹⁵⁴.

Из Российских Святых прославлены его *Акафистами* преподобный Сергей и благоверный Князь Даниил; оба *Акафиста* со службою и житиями напечатаны. М. 1795 г., 4 д.

Памятниками церковного красноречия служат *проповеди, правительственные и надгробные слова Платона*, кои, составляя XX томов, оканчиваются 1807 годом. Последнюю проповедь свою на этот год заключил он следующими словами: «Я уже, по Промыслу Вышнего, достиг летами своими предела жизни, Пророком назначенного, и уже 50 лет Пастыреначальник Христос благоволил употребить меня орудием проповедания истины Евангельской. О, когда бы семя его святое было не бесплодно! *Азь насадих, Аполлос напоил, а Бог возрастит*»

Восемь приветственных *речей* его, при коронации Александра I и после оной, напечатаны в Москве, 1801 г., в 4 д.; из оных превосходная *речь по совершении коронования* переведена на Греческий Евгением Булгаром, Архиепископом Славенским, на Немецкий Бароном Николаи, Президентом СПб.

Академии наук, также на Французский, Английский, Итальянский и Армянский языки. Сам он, как любитель Греческой словесности, произнёс слово на Греческом языке в Греческом Николаевском монастыре в день Святителя Николая¹⁵⁵.

Платон вновь сокращённо перевёл на Русский с Греческого помещённые в его проповедях: *три слова Св. Иоанна Златоуста, одно Св. Иоанна Дамаскина на Успение Божией Матери, одно Св. Епифания Кипрского и три поучения Св. Григория Богослова*, а с Французского – Фенелоново слово на день Успения Божией Матери, напечатанное в XIII т. Поучительных слов. В 1776 г. вместе с Митрополитом Новгородским Гавриилом изданы им, в трёх частях, на все годовые воскресные и праздничные дни *поучения*, донныне читаемые в церквах¹⁵⁶.

Проповедание его было одушевлённое и живое, проникнутое участием и любовью к истинам христианским; исходя не только из уст, но и из сердца оно вносило слово жизни и в слух и в сердце слушателей, Современник его, Сумароков, так о нём отзывается: «Платон есть последователь Златоуста: его имеет дарования, его свойства, вкус. Сей Российский Бурдалу исполнен силы, пламени и быстроты; преемник Феофанов приводит в восхищение слушателей, а читателей ещё больше; Платон подобен реке быстротекущей и всё, что ей ни встретится, влекущей с собою»¹⁵⁷.

В проповедании своём сей строитель Таин старался более сделать истину Христианского учения ясною и доступною к сердцу своих слушателей; отличительный его характер – ясность, основательность и назидание. Немногие из проповедей его принадлежат к догматическим, но более к пастырским беседам и поучениям, в коих он предлагал нравственное Христианское учение о человеке вообще, об отношении человека к общежитию и к Церкви. Как ревнитель о благе отечества, он касался в проповедях своих о предметах общественного благоустройства, и даже за полвека до нашего времени говорил о необходимости устройства путей сообщения в России. Торжественными словами Платона ознаменованы почти все великие происшествия его времени: в них летопись

его сердца и души. Прежде его весьма немногие из отечественных проповедников умели с таким достоинством и пользою рассуждать о важнейших правилах жизни и отношении их к религии; его наставления касались тех обязанностей, коим должны следовать люди в известных обстоятельствах; его советы, предостерегая добродетель от преткновений и соблазнов, подавали к достижению оной благоуспешнейшие средства. Сострадательный к немощам человечества, сей проповедник всенародно поражал словом свои пороки, тем не менее преследуя оные и при Царском дворе и на пастве своей. Нередко в проповедях он восставал против расколов или вооружался против пагубных заблуждений своего века – вольнодумства и кощунства, кои распространила Философия XVIII века в Европе и успела забросить свои семена и в Россию, под обольстительным видом моды, воспитания и просвещения, через воспитателей благородного юношества, В слове 1803 года Мая 15, Архипастырь говорит: «О, православные Россияне! возьмите сие святое честолубие, чтобы нам тщательно хранить святую древность и св. её законы. Пусть иноплеменные престанут нам быть наставниками, а паче от нас да научатся вере к Богу и благим делам!»

Правилам Христианской нравственности учил Архипастырь не в утончённых отвлечённостях, не с одним желанием блистать умом и учёностью, но с убеждением сердца в предлагаемых им истинах, с применением слова своего к смыслу слушателей: *душа его изыде в слово его.*

В первых томах его проповедей заметно некоторое желание отличаться красноречием, а в последующих видно более Христианской простоты и духовной убедительности, какою он сам проникнут был и хотел проникнуть в сердца своих слушателей и посеять в них семя духовное. Беседовав же об одних предметах при одинаковых случаях, не мог он избежать повторений – и некоторые его поучения написаны без всякой отделки. «Признаюсь, – пишет он сам – об испещрённом слого я никогда много не заботился. Таковой словами играющий и надменный слог может быть для светских сочинений когда-либо пристоеен и нужен, но на священном месте, где устами

проповедника беседует вечная Истина, почитал я, что оный есть излишен. Притом церковный проповедник должен беседовать к людям различного состояния и понятия, а потому необходимость требует, дабы духовная беседа была всякому удобопонятна, – удаляя от себя сколь возможно то подозрение, что будто проповедник более ищет хвалы слушателей за своё красноречивое слово, нежели ревнует о насаждении добродетели и страха Божия в сердцах слушателей. По сим причинам, о витийственном и испещрённом слоге я никогда много не заботился, а всё моё внимание и старание обращал на то, дабы в слоге моем ничего не было тёмного, невразумительного или сомнительного или обоудный разум имеющего, чтобы притом всё было поставлено на своём месте, сходственно с порядком естественным, доказательства на всякое предложение были бы приличные, неоспоримые и ничего бы того между ними не было, что бы слушателю показалось сомнительным или бы он на что возражение сделать мог. К сему единственно простиралось всегда всё моё внимание, и при том я всегда себя уверял, что если слово с таковым духом будет сочинено и произнесено, более может подействовать в сердце слушателя и больше к его пользе послужит, нежели то, которое надымается одною разнovidных выражений пестротою и токмо производит один громкий шум слов, ни силы, ни духа не имеющий. Если же я и в сем не успел, то не для того, чтобы не доставало моего к тому намерения и тщания, но не доставало сил и возможности.

В слоге Платова заметна мудрая середина между высоким и простым, между Славянским и Русским языком; он удалялся пестроты Славяно-малороссийского слога своих предшественников: Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Димитрия Сеченова и других, которые примешивали в библейский слог простонародные и чужестранные слова. Но в строении его речи ещё заметно влияние Латинского языка. Стремясь к свету и уклоняясь темноты, Платон писал ясно и просто, достойно важности предмета; в некоторых словах, по справедливости, образцовых, как то: при гробе Петра I¹⁵⁸, на коронование Александра I, в надгробном В.К. Наталии

Алексеевне, и в других, он был высоким без напыщенности и трогательным без притворства. Говорят, что проповеди Платона лучше было слышать из уст его, нежели читать. Хотя они действительно не все одинакового достоинства и не все счастливы по изложению, однако все составляют назидательное чтение, как курс Христианской нравственности и училище благочестия и добродетелей, так что сам Св. Синод, признав их достоинство, многие из них включал в число годовичных поучений для всех церквей. Платон, по видимому, не знаком был с немецкими проповедниками, но не зная их языка, не оставил без исследования Французских и Английских витий; последних читал во Французском переводе, но почти во всех западных писателях, но свидетельству Архиепископа Евгения Казанцева, его собеседника, «находил красноречие не сердечное, но более искусственное, чешущее только слух, а не назидательное к Христианской жизни. Что если он приобрёл какую-либо способность писать, то почерпнул её из Греческих Св. Отцов, особливо из Св. Иоанна Златоустого, которого изучал во всю свою жизнь». Во многом подражал он Гедону Кринову, которого почитал образцом Русского ораторского слога, и Феофану Прокоповичу, нашему также Богослову полемику, историку и витии, как видим из *следующего слова Архиепископа Феофана Прокоповича в день коронации Императрицы Анны Иоанновны, в Москве, Апр. 28, 1731 г.* «Твой престол тебе беспокойство, а нам покой подаёт; держава твоя тебе тяготу, а нам облегчение делает; скипетр твой тебе труды, а нам беспечалие приносит; корона твоя больше уязвляет, нежели украшает главу твою, бесчисленными наполняя попечении; но для чего? чтобы главы подданных твоих в тишине и веселии пребывали». *Слово Московского Митрополита Платона на коронование Императора Александра I, в Москве. Сентября 15, 1801.*

«Сей венец на главе твоей есть слава наша, но твой подвиг. Сей скипетра есть наш покой, но твоё бдение... Сия держава есть наша безопасность, но твоё попечение. Сия порфира есть наше ограждение, но твоё ополчение», и пр.

Так подражал, или лучше сказать, так сходилась Платон в мыслях со знаменитым предшественником своим в витийстве. Он не пренебрегал и других источников, желая быть назидательным и полезным¹⁵⁹. Из *полемических* его сочинений известно: *Увещание раскольника*, сочинённое по случаю сжѣгшихся самовольно в Зеленецком монастыре исступлённых суеверов, 1765 года Июня 4. Оно написано по препоручению Св. Синода и напечатано в СПб., 1766 г. с чиноположением, как принимать раскольников в Православную Церковь. По внушению его, написана Протоиереем Иоанном Кандорским, для так называемых старообрядцев, книга: *Нравственный пластырь*, напечатанная в Москве церковными и гражданскими буквами, в 1811 году. Полемическое это сочинение посвящено имени М. Платона, который надписал на нём: «Сие сочинение есть полезно и ревности духовной исполнено. Платон, Митрополит Московский. 1809 г. Сентября 12 дня»¹⁶⁰. Сверх того, Платону приписываются:

а) *Примечания на книгу Г-на Дютенса о Греко-Российской Церкви*, 1793 г.,

б) *Примечания на Энциклопедические вопросы Г-на Волтера*, и

с) *Мнение о Тильзитском мире и умыслах Наполеона*.

Библия, исписанная примечаниями Платона на Русском и Латинском, также служит доказательством тому, с какою неусыпностью изучал он Слово Божие¹⁶¹.

По желанию Императрицы Екатерины II, Платон, для первой Азбуки Русской, изданной в пользу народных училищ, сочинил Христианское Нравоучение, донныне печатаемое в букварях: *Буди благочестив, уповай на Бога*¹⁶², Молитвы: 1) Восстав от сна, 2) Отходя ко сну, 3) Перед обедом, и 4) После обеда, помещённые в VI т. его поучительных слов, и пр.

В таком же смысле написал он для отрока, окрещённого им из Турок, Магмета, в св. крещении Моисея Петровича Платонова, следующее:

Наставление моему Моисею

1. «Помни непрестанно Бога, люби Его и бойся преступать Его Закон; всегда Его в помощь призывай. Никогда не оставляй

службы в Воскресные и Праздничные дни: поутру и ввечеру молением к Нему обращайся; а ежегодно исповедью и святым причащением себя очищай и против страстей укрепляй.

2. Будь к должности прилежен.

3. Обходись с добрыми людьми, а с худыми обращения убегай.

4. Но ко всем будь ласков и приветлив.

5. Храни воздержание в пище, в питии, во сне и в языке и в страсти плотской.

6. Наблюдай малое своё хозяйство, чтобы ни на что излишнее не тратить, а только на нужное и полезное.

Сие храня, Божию милость заслужишь и счастлив будешь, – я тебе от сердца того желаю».

Истории Платон в школе не учился; но как сам говорит, «знание её приобрёл всегдашним чтанием исторических книг, к чему прилежал чрез всю свою жизнь, и не было для него приятнее упражнения, как чтение истории всей вообще и своей отечественной».

К историческим сочинениям Платона принадлежат:

1. Его *Церковная Российская История*, оконченная XVII веком. М. 1805 г., в 2-х частях. Рассматривая Русского, как гражданина и как Христианина, историк одушевил её любовью к Отечеству и благочестием. Она достойна внимания по оригинальным взглядам на лица и события, по остроумным замечаниям и догадкам, оправданным впоследствии фактами, по беспристрастным суждениям о состоянии духовенства в России, об иезуитах, о Лжедмитрии, как их орудии, и пр. Не имея под руками исторических материалов, из коих для нас очевидно – чьим произведением был самозванец, Платон, руководимый единственно своим проницательным умом, пришёл к тем же самым заключениям, кои в исторических материалах представляются, как факты, и кроме того выразил много других замечательных мыслей»¹⁶³.

«По моему мнению, – говорит Платон, – кажется, что сие изобретение было Иезуитов».

В ней обнаруживается личное предубеждение сочинителя против Папжества и вообще Римского Католицизма, так что он

даже полагает, что «Папезство наиболее всего развратило Христианскую веру и для неё есть опаснейшая зараза». Он даже называет Католиком Гедемина, бывшего язычником. В проповеди своей, 1803 г. Мая 15, на день Царевича Димитрия, сочинитель высказал мнение своё о духе Папезства в следующих словах: «Злобный и коварный Запад, всегда враждебный, хотя на добро слеп, но на зло весьма остроумен и дальновиден, беспредельным и антихристовым властолюбием возбуждаемый всё на вашу Св. Церковь испустил разожжённые стрелы лукавого». Несмотря на некоторые недостатки, свойственные тогдашнему времени, когда ещё не установилась историческая критика, и зависевшие от неизвестности источников, впоследствии открытых, сей старческий труд, как первый замечательный на Русском языке опыт, достоин уважения и подражания. Преемник Платона на этом поприще, писатель Истории Русской Церкви, через 43 года после сего труда, Преосв. Филарет Гумилевский, замечает, что Платонова Церковная Российская История, «в отношении беспристрастия, может служить образцом для историка Русской Церкви». Пробст Гейдеке перевёл её на Немецкий язык!.. Сею книгою пользовался Г. *Штраль* в своей «Geschichte der russ. Kirche. II Th. Halle, 1836»; он её признаёт «весьма важною для Русской Церковной Истории, по её прямым основаниям». К этому присоединим отзыв о ней Императора Александра I¹⁶⁴, 1806 г. Января 2: «Преосвященнейший Митрополит Московский Платон! С особенным удовольствием получил я писание ваше и приложенное при нём сочинение, в котором столь достойно изображаете происшествия Церкви Российской. Будучи одним из знаменитейших Пастырей оной, вы почтили память предшественников, которых славу разделяете. История сохранит подвиги ревности вашей, между тем как красноречивые творения ваши доставят потомству те же утешения, которыми услаждали они современников. Желая Вам усерднейше всякого блага, пребываю навсегда доброжелательный», и проч.

Второе издание сей книги было в 1821 г., а третье в 1834 г. напечатано в Москве с некоторыми опущениями и переменами,

с присовокуплением Слова на коронование Императора Александра I, Духовной и Предисловия.

2. Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, Митрополита Московского и разных орденов Кавалера, в Киев и по другим Российским городам в 1804 году, собственною рукою, с замечаниями его, писанное. СПб., 1813 г., в 8 д.

3. Путевые записки о путешествии в Переславль, Ростов, Ярославль, Кострому и Владимир, 1792¹⁶⁵.

4. Краткое историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1790 г., в 4 д.¹⁶⁶.

5. Исторические надписи на разных памятниках.

Под надзором М. Платона, по Высочайшему повелению, сочинён Мих. Ильинским Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда престол Великокняжеский перенесён и отчего сей город получил тогда своё возвышение, и пр.

6. Выше приведённые Записки о жизни М. Платона, писанные им самим до 1807 года, и доведённые Наместником Лавры, впоследствии Епископом Костромским, Самуилом Запольским, до 1812 года¹⁶⁷. В них виден Платон, как человек, который действовал прямодушно и говорил искренно.

Из переводов его известны: XXXI письмо Св. Григория Богослова; в Перервинской Семинарской библиотеке находился опыт его перевода из Тацита. Платону даже приписываются некоторые стихотворения.

По указу Св. Синода, в другой раз переведены были на Русский язык Беверегиевы Pantaeta Canonum, Козловским и Полетикою. В рукописи многие места собственноручно исправлены М. Платоном¹⁶⁸.

В Вифанской Семинарской библиотеке хранятся рескрипты к Платону Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I и Александра I, Императрицы Марии Феодоровны и Великой Княгини Наталии Алексеевны; письма **Греческие**: Великого Князя Константина Павловича, Греческих Патриархов и Митрополитов; Русские: Преосвященных Амвросия Каменского, Дмитрия Сеченова, Гедеона Кривова, Парфения Сопковского, Князя Потемкина, Графа З.Г. Чернышева, Графов И.А. и Ф.А.

Остерманов и других знаменитых особ, духовных и светских, из соотечественников и чужестранцев. К некоторым из оных приложены и отпуски черновые, писанные, по большей части, собственною рукой Митрополита Платона. Всех писем более 300. В С.-Петербурге, в 1776 г., в 8 д., напечатаны 36 Латинские письма к нему духовных и светских особ, с краткою его биографией, под заглавием: *Fasciculus litterarum, quas variæ condition isextranei, præcipue Russi, erudition et doctrina præclari viri dederunt ad eminentissimum D. G. Archiepiscopum Mosquensem*. Из соотечественных здесь помещены письма:

1) Митрополита Новгородского Димитрия, Архимандрита в Амвросия, Ректора Троицкой Семинарии Варлаама Синьковского, Префекта Парфения Посникова, Иакинфа Карпинского, Настоятеля Новоспасского, Симона, того же монастыря Архимандрита, Давида, Иова Епископа Переяславского, Архимандрита Курского монастыря Виктора, Префекта Дамаскина, Ректора Моск. Семинарии Греко-Лат. Академии, письма Куратора М. Университета, И.И. Мелиссино и сотрудника Шлецеру, Семена Башилова;

2) из иностранных: Доктора Мед. Гингиосси, Геттингенского Профессора И.Ф. Муррая, Доктора Богословия В.Ав. Бертлинга, Томаса Новелла;

3) Дерптского Пастора Ф. Олдекопа, Библиотекаря Нирембергского Хр. Рикеля, Рижского Пастора Густ. Бергмана, И.В. Паррата, Профессора Маттеи.

Ответных писем М. Платона здесь помещено только два: к Профессору Маттеи и к какому-то Епископу, 1767 г. Как образчик Латинского слова, приведём здесь первое, присоединив к нему и Греческое письмо М. Платона к Архиепископу Никифору Феотоки¹⁶⁹.

Если б собрана и известна была вполне переписка Митрополита Платона, тогда вернее можно было бы судить о его сношениях и образе мыслей, а вместе с тем и о духе того времени, в какое он жил и действовал. По свидетельству Порошина, у Платона было до ста писем друга его, известного проповедника Гедеона, кои он намеревался издать в свете.

Богословские его сочинения, напечатанные особо, помещены в полном собрании его творений.

Многие из знаменитых писателей, как Русских, так и чужестранных, отзывались с отличным уважением о достоинствах и заслугах Московского Митрополита Платона, которого несколько сочинение переведено почти на все Европейские языки и приняты были с похвалою. Самые чужеземцы, не православные и противники веры Христианской, Дидрот и Волтер отдавали ему должную справедливость; последний из них пишет, что Греко-Российская Церковь имеет проповедника, по имени Платона, такие сочиняющего проповеди, коих не постыдился бы признать своими и Греческий Платон¹⁷⁰. На Альпах раздавались рукоплескания при имени Платона; на пастве Московской нередко народ встречал его с торжественными восклицаниями. Доктор Берви видел портрет сего Митрополита Московского в Южной Америке рядом с изображением Франциска де Солано, в аудитории Лимской Коллегии Езуитов¹⁷¹; в Италии писали и гравировали его портреты. Доныне изображение Платона встретите и в городах и сёлах по всей России. Сего Архипастыря воспевали Державин, Костров, Петров, Князь И. Долгорукий, Мерзляков, В Гёттингенском и Оксфордском Университетах торжественно в академических речах ему произносимы были похвалы. По введении Медицины в Академию Славяно-Греко-Латинскую, С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академия 1808 г. наименовала Платона своим Почётным Членом; но известно, что он не принял предложения Председательницы Российской Академии, Княгини Дашковой, быть ему Академиком¹⁷². Верх славы сего Иерарха составляют уважение к нему Римского Императора Иосифа II, доверенность Екатерины и, поручавшей ему на рассмотрение свой Наказ, тогда как ещё Платон был Иеромонахом, дружба Императора Павла I и обеих его супруг; в своей переписке, сей Государь, бывши ещё Наследником Престола, поверял Наставнику своему горести, надежды и радости свои: он первого его в Москва уведомил о рождении Великого Князя Николая¹⁷³. Бывши Наставником и Духовником Царственной Четы, он помазал на Царство августейшего их

Сына Александра I. Уважаемый многими из великих мужей, которыми славился век Елисаветы, Екатерины II и Александра I, Платон своими деяниями соединил в Истории с их именами и своё имя.

Как ревностный строитель внешней и внутренней Церкви, Платон возобновил, поддержал и украсил многие монастыри и церкви, а некоторые и вновь основал; старался умножением средств к просвещению духовенства распространить учёное монашество и вообще просвещённое в отечестве духовенство, которое бы способно было действовать на нравы народа, искоренять в нём предрассудки и пороки. С апостольскою ревностью противоборствуя нечестью, вольнодумству и суеверию, водворял Архипастырь наш истинную веру и благочестье. Сам вития и Богослов, он был великим покровителем талантов¹⁷⁴; примером и поощрением содействуя успехам духовного красноречия и классической Словесности, возвёл в своё время на высокую степень просвещение духовное; воспитал, как мы уже видели, многих достойных Пастырей. По всей справедливости, дано ему название *Отца Московского духовенства*, ибо, по словам одного из питомцев его, «он вырастил вокруг себя как бы целый рассадник – все из своих учеников, занявших первопрестольные кафедры¹⁷⁵. Вся жизнь Платона, во всех её направлениях, проникнута была глубоким и горячим чувством Христианской правды и любви; не напрасно же именовали его *светлою душою*, Таков был сей строитель Таин, страж дома Господня, проповедник слова Божия, покровитель и ревнитель просвещения в духовенстве, Отец Отцов, Наставник Царей и *печальника о всей земле Русской!* Духом, сердцем и словом он так сблизился с Русским народом, что между ними было сердечное сочувствие; влияние сего Архипастыря не ограничивалось его веком, но простёрлось и на потомков.

Обозревая жизнь сего доброго, правдивого, мудрого, прозорливого, просвещённейшего в своё время и благопопечительного о пастве своей Архипастыря, не удивляемся – что в питомцах науки была к нему такая безграничная преданность, что при нём духовное просвещение

так быстро подвинулось вперёд, что из школы его вышло столько знаменитых Иерархов, что родилось и укоренилось всеобщее к нему уважение и любовь во всех сословиях без исключения, что питали к нему такое высокое доверие Царственный особы, что наконец слава о нём перешла за пределы отечества и имя Платона до сих пор живёт и долго будет жить в преданиях Русского народа, – ибо он принадлежит к числу тех знаменитостей Русской земли, *иже оставиша имя, еже поведати хвалы* (Сир. 44:3–4).

Конец

Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, Митрополита Московского, в Киев и по другим Российским городам в 1804 году

Собственною рукою с замечаниями его писанное

Мая 22 дня, призвав Бога, дабы путешествующим нам спутешествовал, отправились мы из Москвы по Можайской дороге. Любовались на пути красотою мест, какова есть свойственна окружностям царствующего града. Места более ровные подымались некоторыми небольшими возвышениями, на коих открывались то приятные рощи, то поля, различным хлебом усеянные и зеленеющие. Красоту сию умножали часто встречающиеся каменные, а несколько и деревянные, но хорошо устроенные церкви, помещичьи дома с регулярными садами. Проезжая без мала две тысячи вёрст, хотя многие встречались хорошие и красивые места, но чтобы они превосходили окрестности Московские красотою своих положений церквей, домов помещичьих и поселянских, нигде сего видеть не могли. Из селений, по Можайской дороге, наибольшие были два села: *Перхушково и Вяземы*, в первом хорошая церковь каменная, с немалым числом домов поселянских, порядком поставленных, а второе отличалось каменным господским домом с регулярным садом и прекрасными окружающими селение рощами. А паче обратила на себя внимание наше в Вяземах церковь каменная о двух ярусах, довольно великая, строения ещё Царя Бориса Годунова. И снаружи и во внутренности её, по счастью, вся древность соблюдена, даже внутри; хотя расписание возобновлено, но ничего не переменено из древнего. Примечательного в ней усмотрели мы, что в церкви на стенах, в некоторых местах на подмазке, вырезаны, или начерчены были ножиком, или каким другим острым орудием, слова Польским языком, а литерами Латинскими, кои хотя мы разобрать не могла, однако видны изображённые цифрою 1611, 1618 и 1620 годы, и некоторые имена Польских панов.

Рассуждая по годам и по именам, сии надписи были во время мятежей от самозванцев, когда Поляки под сими злосовестными предложениями причиняли России величайшее разорение, делая по всем почти России местам пагубные набеги и опустошения. Сии надписи мы поручили спасать, и приложим старание, не можно ли их разобрать, что послужит к некоторому Российской истории о времени мятежей от самозванцев объяснению. Дорога от Москвы до Можайска, по большей части, гладкая и ровная, и лесами страна сия не скудна. Земля плодородием средственна; однако, может быть плодородна, ежели хорошо обработана и обнавожена будет. Селения крестьянские не редкие, прямые и не малолюдные, и везде порядком устроенные, и своим наружным видом доказывают, что жители не истощены и не бедны. В тот же день вечером приехали мы в *Можайск*, и стали в монастыре, близ города стоящем, *Лужецком*. Город посредственной величины; положение его на разных возвышениях, или холмах. Строением ещё не совершён, однако выстраивается порядочными улицами и домами, и много уже хорошо построено, – и надёжно, что через некоторое время он себя откроет в лучшем виде и устройстве. Церквей в городе каменных и деревянных десять. Но особо примечательна соборная церковь, довольно везде известная изваянным образом Святителя Чудотворца Николая, куда не малое от ближних и дальних стран число богомольцев собирается, и собору доставляет нескудное к содержанию снабдение.

Теперь сия церковь, с пристроением новой тёплой церкви, из церковной казны обделывается вновь белым камнем, готическою искусною архитектурю и её бедною рукою. И когда будет окончена, представит она вид редкой и необыкновенной узорчивости. Сия церковь стоит внутри вала, который был окружён крепостною каменною стеною, немалою и высокою, которую мы видели прежде, хотя уже обветшавшую; но она вид придавала городу важный и приятный.

Отслушав в соборе Божественную литургию и осмотрев несколько улиц города, возвратились в монастырь *Лужецкой*. Сей монастырь есть весь каменный, четыре в нём церкви, и

кельи, и ограда каменные довольно устроены, и внутри церквей благолепие непостыдное. Стоит на высоком и красивом месте, на берегу Москвы реки, откуда почти и весь город виден. Жители города, кажется, не очень имущественны, но к благочестию Христиански все расположены, и нас приняли усердно, и таким принятием утешили и обязали нас возслать благодарение Богу.

23 дня, после обеда, мы из Можайска выехали, желая сему граду, чтобы он благословением Божиим возрос в прежнее своё величие, ибо в древности был он из знаменитых городов и имел своё особое положение.

Выехав, тотчас усмотрели мы как бы иную страну и как бы иной климат. Стали являться нам селенья гораздо меньшие и малолюднее, и редко, и наружностью своею доказывали бедность жителей, что до самого Смоленска продолжалось, и далее, о чём упомянем после. Изыскивали тому причины, и слышали отзывы, что много владельцев малопоместных, – а что сие значит, понять мы не могли. Дорога продолжалась ровная и гладкая, и мосты и гати, редко где случались, даже до самого Киева, исправны, что делает честь Правительству и доставляет ему благодарность от путешествующих.

На дороге видели мы вершину Москвы реки, и пожелали ей, дабы благословение Божие всегда сей источник напоевало и умножало к удовольствию и красоте царствующего града. Вершина её выходит из низкого места, яко родник, и делает небольшой ручей, и так далее, принимая в себя ручьи и реки, умножается.

На той же дороге посетили мы Колоцкий монастырь, известный почитаемым чудотворным образом и бываемым при оном богомолием. Строения в нём не шло каменного, церковь посредственная, а величиною и утварию; оградой обнесён не малою каменною, но живущими в нём иноками скуден.

Проехав город *Гжатск* 24 Мая, сверх чаяния нашего, поскольку было позднее ночное время, нашли мы многих граждан и Г. Городничего, вышедших встретить нас. Мы, изъявив благодарность за таковое их усердие, и признавая себя не заслужившими такой почести, и сожалея, что они себя

столько отяготили, особливо в такое ночи время, поехали в город, и взошли в отведённый нам хороший и великий каменный купеческий дом, которого внутренний нового вкуса убор ещё превосходил самую его наружность, да ещё и удивил нас, поскольку не весьма сходствен был с их к древности почтительною привязанностью. В доме нашли множество первостепенных жителей, которые все приняли нас с особенным доброхотством и усердием. Много упрашивали нас, чтобы мы остались у них ночевать, но как нашего путешествия план не позволял нам взять тут ночь, то мы через несколько часов, возблагодарив им за любовное их приятие, пустились в свой путь, сожалея, что более любовным их к нам расположением воспользоваться не могли. *Гжатск*, сколько мы по ночному времени видеть могли, стоит на ровном месте; посреди течёт река *Гжать*; хотя не велик, но очень хорошо устроен, весь в порядке, домов много каменных, и нескучною рукою воздвигнутых, а где улицы есть и деревянные, но дома порядочно и все в линию построены, и заслуживает между хорошими городами помещён быть. Церквей каменных только две, что по пространству города и многого числа домов кажется быть недостаточно; но уповательно, что время и со временем возрастающий вкус и образ мыслей и сей недостаток дополнит. Сверх градских две ещё за городом каменные для кладбищ церкви.

Жители достаточны, известным при портах торгом. Выезжая из города, любовались красотою рощей, по разным местам, яко руками насаждённых и распоряженных, и хорошею дорогою.

В тот же день пред полуднем приехали мы в город *Вязьму* и стали в Предтечеве монастыре, который при конце города к Смоленску. *Вязьма* есть не малый город, и многолюден, по большей части хорошо устроен. Много каменных домов, и деревянные не худые. Улицы все почти в порядке; церквей более 20, все каменные, утварью украшены многие отлично. Соборная церковь на высокой горе, или крепостном валу, откуда весь город и окрестности его с приятностью взору представляются. Тут посетили мы Господина Городничего, который принял нас благоприятно. Среди города течёт река

Вязьма; жители примечаются быть достаточны и в довольстве, а паче богаты благочестием и усердием к церквам Божиим и к упражнениям благочестия. Приняли нас с любовью добродушною и везде жадно теснились окрест нас, яко свойственно добрым Христианам, увидев Служителя Церкви Христовы. Город стоит в середине на ровном месте, а с обоих концов с некоторым гор возвышением. Известен он торгом отличных и вкусных пряников.

Монастырь *Предтечев* строением церквей и келий и ограды каменным доволен и обширен, но святыми отцами скуден, и на время по смерти настоятеля другого не было. Жители, по набожности, привержены к обители, и желают лучшего устройства и вещественного и духовного. Бог да исполнить их желание, и да благословит град!

Пополудни обзрев по некоторым улицам град, и в монастыре ночевав, поутру рано, Мая 25 дня, отправились в свой путь.

На пути нас удивляло, и в сожаление приводило, что до Смоленска и далее мало видели селений, и нередко и встречались, и то несколько избышек бедных: всё доказывало и бедность, и малолюдность жителей, так что и в окрестности, сколько взор объять мог, мало селений и помещичьих домов открывалось.

Дорога ровная и гладкая; земля плодородием кажется средственна, однако с хозяйским рачением и при достатке жителей быть может нескудною. Также местами показывается в лесах нескудость.

От Можайска до Смоленска в некоторых местах представилось нам необыкновенно, что и женщины пашут, а притом они же вскачь яко летят верхом на лошадях.

Около вечере приехали мы в *Дорогобуж*, который стоит на Днепре, и мы сию славную реку, ещё не доезжая Дорогобужа, за несколько вёрст встретили, или она нас встретила. Дорогобуж городок небольшой, однако устроен деревянными небольшими домами в порядке; встречаются дома и каменные, и составляют одну улицу и долгую и пространную, которая лежит под высокою и крутою горою; но и на самой горе есть две церкви,

каменные, хорошие, в несколько там домов. Внизу, в слободе, церкви каменные же хорошие, и за Днепром есть церкви, а всех шесть.

И здесь обыватели нас приняли и любопытно и добродушно; не примечается, чтобы они были много достаточны, однако кажутся, по весёлому виду, состоянием своим быть довольны и благочестием успокоенные. Принял и угостил нас того города Протопоп, человек благоразумный и почтенный.

Также снабдил нас на одну станцию своими хорошими лошадьми, того уезда и помещик и предводитель г. Ваксель. Каковое пособие тем было для вас обязательнее, что лошади, коих нам в сих местах на почте давали, были слабые и истощённые, и с трудностью нас везти могли, несмотря на гладкую и ровную дорогу, каковое медление не столько нас трогало, сколько в жалость приводила бедность жителей.

Выехав из Дорогобужа пред вечером, с приятностью взирали мы с возвышенного места на положение Дорогобужа и на окрестность его, Днепром орошаемую. Как, напротив, трогались, находя по дороге селения скудные, и то редкие. Хотя земля к плодородию казалась быть не способна.

По сему пути, влево, недалеко от проезда, увидели мы *монастырь Болдин*, третьеклассный, рассудили его посмотреть. Он ограждён стеною каменною, не худою, и церковь в нём немалая и пространная, другая трапезная, каменные, вид имеют хороший. Кельи деревянные, есть и каменные. Монастырь сей, для жилища Богу себя посвятивших, приличен, яко стоит в уединении и окружается водою, и близ протекает река Уфа. Но живущих в нём число скудное. Пожелав лучшего сему святому месту устройства и продолжая путь, увидели в правой стороне дороги, яко вёрст на семь, на возвышенном месте белеющийся *Бизюков монастырь*, который в сие самое время уже был упразднён и Архимандрит той обители, сдав монастырь, по случаю встретился с нами, и с нами вместе продолжал свой путь до Смоленска. Сожалели об упразднении сего монастыря, тем более что, может быть, самая живущих в

нём скудость и несоответственное их святым обетам благоустройство подали к тому случай.

В продолжение пути перевезлись мы через реку Днепр в ночной темноте, и поутру рано воссиявшее солнце открыло нам лицо *Смоленска*. К Смоленску за несколько вёрст встретили нас немалые горы. Но путь проложен между горами, по большей части, по берегу Днепра. Между гор на низких местах трудности проезда облегчили хорошо обделанные гати, и мы, проезжая между высокими горами, из сих ущелин, яко из окна, прежде всего усмотрели обширную по высокой горе устроенную каменную крепость. Въехав в город 26 дня поутру, в седьмом часу, нашли в нём строение деревянное, мелкое, и то, по большей части, обветшалое; только, близ самой крепости, ряды торговые не худо устроены; ибо вообще примечается, что жители в нём не весьма достаточны.

В крепость въехали по мосту, через Днепр, по весьма крутой горе, с которой вниз спуститься не без опасности, и стали в *Троицком монастыре*, близ самого Архиерейского дома, который монастырь строением не худ, и церквами и оградой каменными, и числится третьеклассным.

Увидевшись с духовным того града хозяином, Преосвященным Епископом Димитрием, который нас принял ласково и благоприятно, пошли в собор и слушали в нём Божественную литургию. Соборная церковь строения огромного вида, величественного и весёлого, и хорошо убрана, и едва ли где, и в самом Киеве лучше её обрести можно. Много в укреплении и украшении её потрудился блаженной памяти Преосвященный Епископ Парфений, муж благочестивый, добродетельный, и нам по духовной любви и дружбе известный. Усладившись зрением её, смотрели и другую соборную церковь каменную, для зимнего времени тёплую, устроенную Преосвященнейшим же Парфением, довольной обширности и хорошо украшенную, имеющую царские врата среброкованные, а потом и третью церковь, домовую Архиерейскую, немалую, от строения отдельную, где показывали нам и ризницу Архиерейскую, весьма нескудную и многими дорогими и древними утварями отличную.

Архиерейский дом велик, высок, на высоком месте, и немало обширен и не худо убран. В нём есть ещё домовая церковь. Кроме сего, есть и деревянные Архиепископские покои, близ саду, где Преосвященный и жительствоует, где и нас прежде приветствиями семинаристов почтил, а потом и обеденным столом любовно угощал. После обеда, от пути отдохнув, ездили мы по крепости, в которой, по обширности её, много строения и улиц, и дома новые, каменные, немалые и красивые, все почти из казны в порядке устроенные, и для Государственных дел и Правительствующих лиц определённые; мало тут домов партикулярных, а которые есть, и те также хорошо и по регуле устроены; но есть же против собора овраги глубокие, в коих есть ещё некоторое старинных деревянных домов число, и с плодовитыми садами. В сей крепости посетили мы *Авраамиев* второклассный монастырь, который и церквами и строением каменным довольно снабжён.

Возле сего самого монастыря, особым двором устроена и семинария, каменная, немалая, где обучающихся духовного чина детей немалое число. Пожелав им благоуспешного просвещения к пользе Церкви и Отечества, возжелали посмотреть и женского *Вознесенского* монастыря. В нём церковь каменная изрядная, высокая, вверху летняя, а внизу зимняя; кельи, по большей части, деревянные, однако содержатся опрятно. Посетили Игуменю и послушницу, по фамилии Воеводскую, искусную в шитье художницу, и нашедши их житие набожное и добродетельное, возблагодарили Бога, что таковою драгоценною доброго жития утварью благословил место сие.

Потом паки посетив Преосвященного и простившись с ним, препроводили ночь в Троицком монастыре.

Стена около крепости весьма великая; говорят, что окружности имеет около 7 вёрст, что, смотря на неё, и кажется быть вероятным; довольно высока и со многими башнями; строения Царя Бориса Годунова, которую он сам, быв ещё Боярином и Правителем Государства, закладывал. Стена построена, как требовало положение горы. Возвышается ли гора или понижается, то и стена потому же возвышается или с

наклонностью горы ведена сходственно. Сожалением трогались, что сия огромная стена не поддерживается и во многих местах уже разваливается. Желательно, чтобы хоть она в целости осталась, яко монумент древности, для удовольствия любопытствующего потомства; а может быть, преобразование времён, столь веку сему свойственное, когда-либо пользу и нужду в ней возымеет.

Жители сего града примечены нами ко благочестию быть усердны. Они теснились около нас, и с любовью взирая, добродушно испрашивали от нас благословения Божия, каковое призвав мы от горячей души на благочестивый град сей, и чтоб они, храня древнюю святую набожность, новостями различными не были заражены. Выехали из Смоленска Мая 27 дня, поутру рано. Проехав последний Смоленской губернии небольшой новоустроенный городок, называемый *Красный*, который ничего примечательного в себе не заключает, вступили в губернию Могилёвскую, бывшую прежде под владением Польским.

Скоро в сей губернии усмотрели мы местечко, называемое *Ляды*, и удивились, нашедши, что оно наполнено жидов, чего мы прежде никогда не видели. Домов их немалое число, смешаны с малым числом домов христианских, и одни от других удобно можно было отличить. Ибо жидовские, хотя деревянные, но снаружи не худо выстроены, а внутри неопрятны и нечисты, христианские же дома весьма бедны.

Увидев церковь Христианскую деревянную, среди селенья стоящую и окружённую со всех сторон в самой близости домами, пошли, желая рассмотреть церковь, и спросили, где священников дом? Нам сказали, что он живёт за сим селеньем далее в поле, а сии дома, церковь Христианскую окружающие и почти прикосновенные, все суть жидовские. Услышав мы сие вздохнула с прискорбием. Переменив лошадей и поехав далее, остановились в местечке, называемом *Дубровна*. Местечко сие очень хорошо и порядочно устроено, и многими домами и улицами и лавками наполнено, и расположено наподобие города. Принадлежит оно Князю Любомирскому, а ныне его сыну, по фамилии матерней Нарышкину. Жители в нём почти все жида и промышляют от свойственным жидам торговли

проворством; а Христиане бедны; однако есть и церкви Христианские православные нехудые. По предубеждению ли какому или по самой истине не могли мы на жидов смотреть без отвращения, ибо нам казалось, что на лицах их написаны злость и хитрость, и они представлялись нам виновниками бедного тамошних крестьян состояния, как от сих самых бедных крестьян таковые отзывы мы везде с прискорбием слышали¹⁷⁶.

Выехав оттуда и приехав в *Оршу*, нашли другого рода людей. Орша малый город и скудный, и строения немного, а весь почти город состоит из монастырей папистических, разных орд, или орденов: яко то – Иезуитов, Доминиканов, Францисканов, Кармелитов, Бернардинов, Тринитариев и прочих двух Базилианских, мужеского и женского: всех 8 монастырей, которые все строением каменные, очень немалые, а некоторые могут похвастаться и великими, яко то Иезуитский. Из них некоторые рассудили посмотреть, яко Тринитариев, Иезуитский, Базилианский и Бернардинский. Люди почти все молодые и дородные, живут кажется в довольствии, поскольку имеют деревни; кроме некоторых церковных кратких обрядов, другого упражнения у них не заметили; разве может быть, есть некоторые сокровенная, коих не можете видеть, разве око примечательное. На сие смотря, сожалели: 1) что терпимы монастыри Базилианские, которые не что иное суть, как бывшие наши православные монастыри, но под владением Польским насилием и хитростью в Унию превращённые; 2) что есть и наши два православные монастыря, мужеские и женский, в сравнении папистических бедные, да и те стоят за городом к лесу. Однако ныне, по крайней мере, наши под нашим Правительством не терпят более явного от Папистов гонения и ругательства. Есть же две небольшие православные церкви, которые мы посетили с пролитием слёз, ибо православных жителей мало и бедны, а более жидов. Испросив от Бога лучшего благоустроения, выехали и на дороге проехали славное местечко *Шклов*, но оно не осмотреть не могли, ибо то было в самую полночь, а только слышали, что зрением таковых жителей оскорбились бы и взор и дух наш. И так достигли града *Могилева*, куда приехали весьма рано, Мая 28 дня. Дорога от

Смоленска до Могилева и от Могилева почти до самого Козельца весьма ровная, крепкая и гладкая, и никаких почти и малых гор не имеет. Она отлична тем, что по обеим сторонам в два ряда обсажена берёзами, которые, уже довольно возросши, делают яко некоторую садовую аллею, и по большей части проведена в прямую линию. Мы, любовавшись её зеленью и тенью, осмелились делать некоторое на оную примечание, что она сделана узка, и берёзы посажены между собою очень часто, почему проезжающего держат яко взаперти и препятствуют видеть окрестности дороги. Сие, думаем, причиною есть, что уже далее к Козельцу и к Киеву начали дорогу гораздо шире, противу той и деревья сажать также реже, что когда вырастет, думаем, будет лучше и удобнее.

Въехав в *Могилев* остановились в *Братском Крестоносном* монастыре, близ Архиепископского дома, почти в середине города. Город Могилев средственной величины, однако, и не мал, на гористом положении, некоторые улицы прямые и с хорошим строением, особливо казённые здания. А другие к полю и позади за рекою Днепром ещё её в совершенном устройстве. Наиболее город отличен Римскими монастырями разных орденов и церковью с домом Римского Арцыбискупа. Соборная наша церковь довольно обширна, но внутри украшением средственна. Возле собора Архиерейский дом немалый, вновь выстроенный, каменный, и при нём Семинария каменная, довольная, на высоком и красивом положении, на берегу Днепра.

Духовный града хозяин Преосвященный Анастасий принял нас ласково в своём загородном небольшом деревянном доме, где он, по большей части, живёт яко в уединении. В городе много папистов, униатов и жидов; но немало и православных и благочестивых, церквей в городе каменных и деревянных до 16, да вновь устроен собор Императрицею Екатериною, в коем внутреннее украшение и расположение очень хорошего вкуса.

Приметить могли, что православные жители, чем более находят вокруг себя противников, тем горячее ревнуют по благочестии. Потребен только для них добрый и благоразумный руководитель.

Примечательно, почему монастырь, в коем мы пристали и с коим смежен Иезуитский, называется *Братский Крестоносный*. По объяснению того монастыря Архимандрита Иоасафа, он назван Братским для того, что во время владения Польского, когда Уния сильно восставала и гнала православных, тогда в сем монастыре согласились, и в согласие привели многих и мирских, чтобы всякими образцы противиться, наглости и гонению Папизма. И сии согласившиеся составили общество и назвали себя *Братством* и вписывали свои имена в книгу; а чтобы себя ознаменовать и союз свой соблюсти, носили на себе кресты, каковой крест из многих один Архимандрит подарил и нам. А потому и монастырь назван *Братским Крестоносным*, и достоин уважения за таковую ревность и веры своей защищение против усилия и хитростей.

В сем монастыре церковь весьма великая и обширная, и внутри хорошо расположена, и больше соборной; и другого в монастыре каменного и деревянного строения немало; однако требует поправления и подкрепления.

По сей ли самой причине и в Киеве, как мы думаем и другие утверждают, монастырь, где Академия, называется братским.

Переночевав в монастыре, рано поутру Мая 29 дня отправились в путь, который был весьма хорош.

На дороге ничего не встретилось, кроме окружающих дорогу аллей густых; а селений, вёрст на двадцать, никаких или очень мало, и то состоящих в невеликом числе избышек бедных на дворе, плетнём сокрытых.

На дороге от Могилева к Чернигову слушали мы Божественную литургию в селе *Кутке*, яко в шестую неделю по Пасхе; священник отправлял службу порядочно и пели не худо. Прихожане крестьяне стояли благоговейно. Похвален обычай и достоин примечания. Усмотрели мы, что священник, после отпуска литургии, в царских дверях возгласил народу, что в следующий четверток праздник Вознесения Господня, и «вы, православные, должны в тот день приходить на службу Божию». Мы посетили священника. На сей же дороге в селе *Рабовичах* мы нашли церковь Униатскую с попом их. Крайне желалось

посмотреть отправление Униатской обедни, но уже не застали; поп их и волосы стрижёт и бороду бреет, ходит он в сюртуке, а не в рясе. Поговорив с ним и с прихожанами, заметили, что они недалёки от соединения с нами, но опасаются своих владельцев Поляков, кои всемерно их при Унии удерживают, а в противном случае угрожают. Сии отщепенцы там называются Униатами, а наши православные – благочестивыми. И утешало нас, что когда Униатов опрашивали, что такая то церковь не Униатская ли? они отвечали, нет! и живут де не Униаты, но благочестивые. Столько-то они от нас не удалены, если бы только препятствие к тому было отнято.

От сего села Рабович до самого Чернигова началась и продолжалась дорога местами песчаная.

Продолжая путь, нашли мы немалое селение, называемое *Пропойск*.

Тут наиболее униаты и жида; однако, церковь православная, каменная хорошая, устроена, бывшим помещиком Князем Александром Михайловичем Голицыным. Другое, называемое *Чечерск*, принадлежащее Графу Захару Григорьевичу Чернышеву, а ныне супруге его. Устроено весьма хорошо и многолюдно, со многими правильными улицами, и может сравнено быть с не худыми городами.

Дом господский и другие господские строения во вкусе. Соборная церковь и другая церковь каменная построены вновь в хорошем вкусе, ибо известно, сколько покойный Граф к строению был охотен и в том искусен. Но то нас удивило, что им же построена такая же, как и соборная церковь, в самой близости в прямо против её, и для Иезуитов, и Иезуитов несколько, говорят, содержатся на его коште. Сию противоречивость мы не могли иначе решить, как что сие произошло от новомодного образа мыслей, называемого *терпимостью*, т. е. чтобы все веры смешать воедино и утешаться, когда он яко на театре представляются в разных, но совокупных явлениях. Дух Евангелия никого, особливо за веру, гнать не дозволяет, однако по тому же Святому Духу должно быть видимое истинной православной веры от других заблуждающих отличие. Впрочем заслуживает покойный Граф

похвалу, что, как нам сказывали, а ежели то справедливо, не потерпел он в своём немалом владении быть Униатам, а объявил свою волю, чтобы им всем ходить в православные церкви, что они охотно и исполнили. Однако жидов и в сем месте немало, и управляющие нам говорили, что они ни к чему более не служат, как к истощению крестьян.

Оставляя Чечерск, не можем забыть тамошнего отца Протопопа, человека благоразумного и честного, и по благочестию ревностного. Проезжая путём далее, въехали в другое местечко, называемое *Гобля* (или *Гомель*), принадлежащее Его Сиятельству Графу Николаю Петровичу Румянцеву. Место обширное, многими улицами правильно разделённое, хорошими деревянными домами украшенное и торжищем снабжённое, хотя и здесь бóльшая часть торговли, к сожалению, предана в руки жидовские. Дом господский вновь выстроен каменный, изрядною архитектурой, на прекрасном месте, на высоком берегу большой реки *Сожи*, к удивлению, узрели возле самого сего дома деревянный монастырь униатский, а с ним смежна православная наша церковь, Рассуждали – почему бы терпеть сей монастырь, зная, что он был прежде православный, а одним насилием и хитростью похищен на Унию и одной помещичьей воли довольно, чтобы им оставить Унию, а принять православие. Кольми же паче крестьяне его, коих, сказывают, в его владении униатов весьма немалое число, и они удобно могут Унию оставить, ежели только на то будет воля помещика. *Restituatidoptimus, quodabstulitpessimus*. Слышали мы и, ежели то правда, порадовались, что некто, в недалеком оттуда расстоянии, выгнал жидов из своих владений, да также едва ли и униатов, как некоторые уверяли, не расположил ходить в церкви православные, за что благодарили Бога.

После таковых размышлений выехали мы из Гомля хорошим мостом через реку *Дожь*, и с другой стороны берега любовались красотой местечка Гомля. И скоро въехали в новоучреждённый город *Белицу*, который только что порядочно устраивается и населяется раскольниками, почему и церкви тут нет. Поговорив мало с раскольниками, скоро выехали в другую

большую слободу, называемую *Добрянка*, которая вся весьма многолюдная; в ней дворов до 800, населено раскольниками, и имеют церковь, и служат в ней попы наши беглые. И здесь, побеседовав с сими заблуждающими, и пожелав им христианского с нами соединения, и продолжая путь, окончили губернию Могилёвскую и вступили в губернию Черниговскую.

Доехав дорогою ровною до древнего града *Чернигова* поутру, Мая 30 числа, в седьмом часу, усмотрели множество около города *курганов*, сколько нигде почти не видели. Как по истории известно, что при Чернигове было браней и битв несметное число, то и почли, по вероятности, что сии курганы не иное что, как могилы победных на разных битвах и тут погребённых, и сии остались памятники несчастья человеческого рода. Остановились мы в монастыре *Елецком*, близ города, в конце одного к Киеву стоящему.

Скоро посетил нас духовный хозяин города, Преосвященный Михаил, приняв со всеми знаками искреннего усердия; поехали мы с ним в собор и слушали в нём Божественную литургию. Соборная церковь каменная, великая и внутри довольно уборна; построена без столпов, а вокруг, начиная от иконостаса, к полуденной стране, и по западной и по северной сторонам, основаны на арках с перемычками и со сводами, называемые хоры, а самую вещь они суть украшение или место для женского полу, ибо, по древнему восточных церквей обычаю, мужчины стояли внизу, а жены на таковых хорах вверху. И сии хоры от полу весьма возвышены и придают особую церкви красоту; по сему образцу, и везде, начиная от Смоленска, и в Могилеве, и в Лавре Печерской, и в Киеве, и в Киусаре Софийской, и в монастырях большие церкви устроены. Нет нигде столбов, как в больших Велико-Российских церквях, кроме, что мы подобные же видели в Нове-городе, и во Владимире, и в Переславле Залесском; сказывают, что и в Цареграде славная Софийская церковь, ныне в мечеть обращённая, таковым же образом устроена, и можно заключить, что как вера к нам перешла из Царьграда, то и церкви наши по образцу Софийской Цареградской церкви были устрояемы. О Черниговской соборной церкви для того мы особенно здесь

поминаем, что она едва ли не всех в России церквей древнее, ибо заложена, по Несторовой повести, Великим Князем Мстиславом, Владимировым сыном, в 1024 году, и в ней сей Князь погребён. А Киевская Софийская, по тому же Нестору, в следующем 1025 году основана. С пристойным к древности сея церкви уважением осмотрели её и другую соборную же церковь, возле её стоящую, не столь великую, которая также почитается древнею и в которой есть среброкованные царские двери, и с финифтью, работы древней и хорошей. В ней есть склеп, в коем погребены некоторые бывшие Черниговские Епископы, в числе коих почитается, по святости жития, бывший Епископ Феодосий, прозываемый Углицкий. Потом осматривали крепость, окружённую высоким валом, который, к сожалению, раскапывается, и место сравнивается. С сего валу приятный вид на окружности града и на протекающую большую реку Десну. В крепости нехудой каменный дом, бывшей Архиерейский, но ныне взятый в казённое ведомство. Других казённых строений есть несколько, но не много.

Из крепости выехав, были мы в Семинарии, которая в конце города, с северной стороны, где нас почтили ученики приветствиями на разных языках. Строение каменное, но для Семинарии, имеющей немалое число семинаристов, потребно большее пространство.

Несколько посмотрели и на загородный бывший дом Архиерейский, и с великим садом близ самого города, с восточной стороны; но ныне он взят в употребление светских Правительства особ.

Потом поехали в *Троицкой Ильинской монастырь*, который стоит близ града с западной стороны, где Преосвященный и пребывание имеет. Монастырь довольно обширен и строением каменным доволен, особливо Архиерейский дом, и немал, и хорошо убран, и на красивом месте, ибо стоит монастырь на горе, откуда окрестность далеко видна, и великая река *Десна* зрение своими стремлениями увеселяет. А паче в монастыре сем достойна похвалы церковь соборная, великая и хорошим иконостасом и утварью довольно украшена, и сделана таким же образом с хорами, как и городская соборная. Не оставили

осмотреть и ризницы Архиерейской, которая, хотя небогатая, однако довольная, и некоторые вещи по своей редкости примечание заслуживают. Хозяин угостил нас обедом усердно. Пение певчих его при столе обратило наше внимание, ибо согласие их и искусство заслуживают особую похвалу и пред другими преимущество.

По обеде желали мы осмотреть близ Ильинского монастыря в городе пещеры, ископанные преподобным Антонием Киевским, но не удалось, а возблагодаря хозяина, возвратились мы на свою квартиру в Елецкий монастырь. Монастырь весьма обширный, и стена и другие строения почти все каменные, но особо церковь, и велика, и красива, а хорошо и внутри и извне украшена, и устроена, похожа во всём на соборную Ильинскую. Только прочие монастыря строения требует немалого поправления. Простившись в сем монастыре с Преосвященным Михаилом и возблагодарив за его одолжительное принятие, препроводили ночь в монастыре, а поутру рано в свой путь пустились.

Город *Чернигов* средственной величины; одна его часть на возвышенном месте, где крепость и где немало улиц порядочных и с хорошими деревянными и каменными домами; а другая часть за небольшою рекою ещё устраивается, и надёжно, что через несколько лет весь в совершенном устройстве будет. Церквей в городе каменных и деревянных 8.

Жители города благочестию привержены, и нас везде провожали с видимыми знаками любви христианской. Но по имуществу, кажется, не могут они почестся вообще достаточными.

Г. Губернатор одолжил нас, что дал приказание, дабы для нас лошади на станциях были изготовлены, и мы посему везде находили лошадей готовых и хороших, за что мы Его Превосходительству чувствительно благодарны.

Выехав из Чернигова за несколько вёрст от города, перевозились через большую реку Десну паромом; здесь увидали мы большие лодки, называемые *дубы*, из одного дерева выделанные, на коих может поместиться человек до 50, а есть, говорят, и такие, на коих помещается человек до 100, и

на них перевозят повозки и кареты. Удивлялись мы таковых дерев величине, и на таковых, конечно, лодках древние Россияне Чёрным морем под Царьград плаванием доходили, как точно о том в истории пишется, и потому они и по-гречески называются *μονοζυλον* (одно деревко), а Могилёвская губерния, особливо к Полоцку, лесами изобильна. Продолжая путь свой, начали нам нередко на дороге встречаться песчаные места, которые ещё до Чернигова, отъехав вёрст с 80 от Могилева, стали показываться.

По Черниговской дороге до Козельца мало что примечательного видели, кроме, что дорогу, берёзами обсаженную, по коей, как по садовой аллее, ехали; одно село Чемерь попало, принадлежащее Г. Будлянскому, которое строением домов сельских не мало, и не худо; особливо хороша церковь, хотя деревянная; земля, кажется плодородна; но примечается, что рук, оную могущих обрабатывать, недостаёт, ибо селений везде очень редко, и малолюдны, и бедны. Заставило нас замечать и то, что по всей дороге, начав от Можайска до Киева, хотя встречались нередко большие реки, но малых речек, ручьев и родников очень редко, так что иногда вёрст по 20 и более никакой воды нет, и по большей части употребляют воду колодезную или прудовую, или из малых озёр.

Приехав в *Козелец* приняли нас чиновники града с учтивостью, и мы, быв в соборной церкви, где нас встретили Протопоп со Священниками градскими, кои нам показались, по пристойной осанке и учению, звания своего достойными. Церковь не малая, каменная и довольно хорошо украшена, строения нового; и другие есть церкви не худые каменные и деревянные, коих всех шесть.

Город не великой, строением деревянным средствен, место ровное; на реке, которая запружена плотиною, на коей мельниц до пяти, и сия спруда составила немалое разлитие воды, яко небольшого озера.

По перемене лошадей, продолжали путь, по большей части песчаный, почти без всяких селений и доехали до села *Бровары*, где две церкви; село не малое, бывшее Печерской

Лавры; отселе дорога почти голый песок до самого Киева, без мала за 20 вёрст, по обеим сторонам кустарник и мелкий сосновый или дубовой лес, и вид представляет невесёлый, и на коем никакого селения, ни воды нет. Вёрст за 20 увидели мы колокольню Печерской Лавры, но как было время к вечеру и несколько мрачно, то она казалась нам некоторым высоким столбом. А прочего ничего не видно было.

Перед Киевом за 5 вёрст стоит трактир, где нас встретили некоторые духовные от Преосвященнейшего Митрополита Киевского, а от Г. Губернатора чиновники.

Приехав к реке Днепру в 3 часа пополудни, с помощью одного чиновника, для сего присланного, перевезлись мы через сию большую и славную реку паромом. А между тем взирали на город, которого на Подоле мало видно было, а всё взирание наше обнимала Печерская Лавра, прямо против перевоза на высокой горе стоящая и возвышающая свою величественную главу над всем тамошним высокими гор, или высокого весьма крутого берега, положением.

Перебравшись на другой берег, ехали под самую подошву горы, дорогою самую затруднительною и для повозок опасною, более версты; однако, между тем с удивлением усматривали некоторые маленькие по местам домики, обмазанные глиною и выбеленные, на крутизне береговой горы от подошвы её сажень на 4 или на 5 возвышенные, и яко птичьи гнезда в горе прилепленные.

Проехав трудный под горою путь, поехали в крепость Печерскую, между гор дорогою уже урвненною, однако ещё довольно крутою, и так въехали в крепость, и скоро в *Печерскую Лавру*, в 5 часов утра Июня 2 дня, в самый Вознесеньев день.

Тут обрадовались, узрев давнего знакомца и друга, Преосвященнейшего Серапиона, Митрополита Киевского и друг друга обняли с лобзанием святым. Причём и от других духовных, Его Преосвященству подчинённых, приветствованы, и мы взаимно их благодарили и восприветствовали; отведены нам спокойные кельи, и мы тут на несколько дней расположились со всяким нашим удовольствием.

По приспелости времени к литургии, пошли мы в соборную Успенскую церковь, где оную и слушали, а монашествующие крылошане пением своим доставили нам приятное слышание.

Приложились ко главе святого Владимира, просветителя крещением России и к мощам блаженного первого Митрополита Михаила, и первого веры и учения Христианского насадителя, и к мощам Преподобного Феодосия, основателя со святым Антонием сея обители и пещер.

Церковь великая и высокая с куполом красивым и весёлым, довольно пространная; но пространство её особливо в ширину умножалось двумя немалыми придельными церквями.

Иконостас резной, хороший и сам собою и окладами многими сребропозлащёнными, также и многими паникадилами и лампадами серебряными. Вся церковь и алтарь расписаны по местам с позолотою. Столпов в ней нет, но вместо того хоры или гинекион, со всех трёх сторон, с перилами чугунными, позлащёнными, возвышенными, стоящими на арках со сводами, на коих хорах многие довольно пространные храмы устроены. Приятно во время служения взирать на хоры, наполненные народом. Алтарь также пространен и светел, утварью украшен. Престол и жертвенник среброкованные, и на престоле дароносица, бриллиантами убранная, немалой цены стоящая. Горних мест в Киеве, и нигде, начав от Смоленска, нет, а вместо того два ряда окруженных лавок, и все почти полукружие алтаря иконостасом украшено. Прочая утварь сему соответствует.

Осмотрев сие, пошли в покои Архимандрита, где нас с Преосвященным Митрополитом посетили господа Военный и Гражданский Губернаторы, со многими знаменитыми особами в Киеве, особые должности имеющими. Также и Духовенство Киевское почтило нас приветствием через отца кафедрального Протоиерея Леванду, коего имя, к отличности его достоинства и просвещения, нам и прежде было известно. Имели же мы удовольствие видеть и г. Киевского Войта с некоторыми гражданами, и их посещением признавали себя быть обрадованными и одолженными. После сего почтенный хозяин угостил нас щедро изобильным столом, за коим были почти все

отличные духовные Киевские. После обеда отдохнув, ходили на ближнюю и дальнюю пещеры, где исходив все пещеры и отдавая почтение подвижникам святынь, тут телом опочивающим, рассуждали, что, сколько бы им ни воздавать нам почитания, но мало оно для тех, *их же не бе достоин весь мир*. Проходы в пещерах тесные, только что человеку пройти, и вышиной только что с человека средственного. Сырости в ближней пещере не видно и не слышно, но в дальней несколько есть, и хотя кажется воздух заперт, но в пещерах не душно, и никакой воздушной противности не чувствовали. Есть в пещерах несколько малых церквей, из той же земли выделанных. Свойство земли есть желтоватое и несколько яко каменистое, сушительное, при лёгком трении перстами рассыпается в мелкую желтоватую пыль.

Исходив пещеры около двух часов, посетили кельи тех пещер начальников; ибо над пещерами есть особые, не малые каменные церкви и кельи для братии, и составляют яко особые небольшие монастыри. Восхитила нас келья ближней пещеры начальника, ибо она стоит на крутой высоте горы, и под нею весьма глубокий ров, или дебрь, а напротив другая высокая гора: и она и дебрь обросли плодовитыми и другими деревьями, и виден оттуда Днепр. Положением своим сия келья и величественна и уединённа; к восторгу и весёлому и унывному восхищает.

Другое, что нас усладило, есть кладезь на ближней пещере, обруб сверх земли аршина на два вышины, – в нём яко в чаше, стоит вода чистая, и видно дно. Вода втекает из ближнего источника через деревянную трубу, среди обруба стоящую, из которой вода всегда льётся и вытекает, но никогда не убывает. Вода сладкая и приятная.

Окончив, таким образом, сей день и, успокоившись на другой день, Июня 3 дня, слушали литургию в больничной церкви, которая не мала и хорошо убрана иконостасом и расписанием.

Только кельи больничных монахов не соединены с церковью, но особо, кои мы посетили, и строителя, и церковь над воротами входными в Лавру не малую, с пятью главами

позлащёнными, также утварью и расписанием убранный, которая стоит возле самой больничной церкви.

Потом возжелали посмотреть и ризницу лаврскую, которая различною церковною утварью весьма довольна и богата, а особливо шапками, панагиями, крестами, сосудами златыми и серебряными, из коих многие и не малой цены стоят, и некоторые редкостью примечание заслуживают; изобильна также и ризами и облачениями церковными, из коих много материй самых лучших, а есть нисколько и жемчугом унизанных. Видели и библиотеку, и хотя она не мала, но никаких древностей не заключает, а книги более Латинские и Греческие, более духовные и классические, и то печатные.

В сей день ездили мы перед обедом в близ Лавры стоящей *Николаевский монастырь*, коего положение на набережной Днепра высоте горы столь возвышенно, что кажется выше всех мест на горах Киевских. По нём высотой можно почитать Андреевскую церковь, а Андреевской – Печерскую Лавру. В монастыре Николаевском церковь не малая и внутри довольна украшением, и похожа на лаврскую, только величиною и утварью ей уступает. Монастырь обширен, есть строения деревянные и каменные. Внизу монастыря, по наклонности набережной Днепровой крутизны, есть малая каменная церковь, уже к ветхости склонна, однако строения не старинного. О ней сказывают, что тут была Оскольдова могила, на которой ещё при жизни святой Ольги построена церковь во имя святого Николая. Следовательно, на сем месте бывшая церковь должна почитаться первою в России Христианскою, что вам, соображая все обстоятельства и местоположение показалось быть вероятным. Почему и Николаевской монастырь можно почитать древнее самой Лавры. поскольку Преподобный Нестор поминает о многих монастырях в Киеве, прежде, нежели воздвигнут Печерский монастырь. Принадлежат к Николаевскому монастырю и другая на дороге в старый Киев стоящая каменная церковь, где и служба производится. Полюбовавшись из Архимандричьих келий высотой и красотою крутого берега Днепровского, и рекою и дальним видом за Днепром, возвратились в Лавру.

В ней от пыли вымывшись и пообедав, слушали в домовой церкви вечерню и утреню, готовясь к служению в ближней пещере, в которой на другой день, Июня 4 дня, и сподобил нас Бог совершить литургию и Святых Таин причаститься в пещерном храме Введения Пресвятой Богородицы, поутру рано. После обедни посетили любимую келью начальника ближней пещеры.

После сего, мы вместе с Его Преосвященством Митрополитом Киевским отправились в его Митрополитскую кафедру, куда приехав, во-первых осматривали сей древний в России храм, устроенный Великим Князем Ярославом, Владимировым сыном, и нашли:

1) Входные двери медные позлащённые.

2) Церковь обширна, весьма сходна с Печерской во всём, но в ширину пространнее, прибавкой многих приделов, коих внизу и наверху на хорах считают до 18; но вместо того, кажется, несколько Печерской короче, и пристройкой многих приделов по сторонам – темновата.

3) Иконостас такой же, как и в Печерской, велик и хорошою древнею резьбой украшен, и на образах местных оклады серебряные, не бедные.

4) Храмовый праздник Софии Премудрости Божия представлен во образе Богородицы с храмом седмистолпным, в премудрости Соломоновой поминаемым. Но тот же образ Софии, в храме соборном Софийском в Новгороде, представлен символическими знаками изображающими Премудрость Божию; а что из сего есть сходственнее, представляется Богословам на рассуждение.

5) Алтарь, в нём престол, так, как и в других церквах, весьма широк, более кажется трёх аршин, но в длину короче, и в алтаре на горнем месте, вверху, на своде, достойна зрения и примечания древняя *мусия* или *мозаика*. Она составлена и в клейкую материю вклеплена, состоит из маленьких четверугольных камешков позлащённых, кои кажутся быть состав, на подобие стекла прозрачного, и сими камешками убрана земля; а где лица и одежды, из них же составлены, и те подведены под цвет, какой для сего потребен был. Такой же

мусии остаток примечается и выше иконостаса, под куполом, на четырёх его изгибах, где Евангелисты изображены. Сия мусия и ныне есть, только в остатках, а всего целого нет. Не время, ибо она крайне тверда, а какая-нибудь хищная рука всё то повредила; можно себе представить, что великую красоту сия мусия делала, когда она была вся цела и нова; и ныне, кажется, можно сыскать таких художников, кои таковую же мусию сделать и недостаток дополнить могут.

6) Смотрели гроб, или надгробный камень Великого Князя Ярослава; он находится в приделе соборной церкви, по левую сторону; он достоин зренья и примечания. Вышины от полу около двух аршин, а в длину до трёх, из одного камня крепкого, синеватого, с некоторыми пещринами белыми; однако, кажется, не мрамор; сведён остротою. На нём по всему камню вырезаны кресты со словами ІС. ХС. НИ–КА, птички, деревья, яко ёлки, и другие фигурки. Хотя сия резьба грубою рукою делана, но весьма доказывает древность и вкус древний. Жаль, что почти целая сего камня половина вделана в стену. Мы советовали, чтобы его, коли можно, весь открыть, нет ли и с другой стороны какой резьбы и надписи; а сей камень почитается гробом, в коем Ярославово тело доложено, или только надгробным камнем, сего узнать мы не могли.

7) В соборе есть мощи, открытые, Священномученика Митрополита Киевского, от татар убиенного.

8) В соборе же есть склеп под полом, где открытые гробы бывших Митрополитов Киевских; Рафаила, Арсения, Гавриила, Самуила и Иерофея. Все из недавно бывших; а древних Митрополитов гробов никаких нет. Сказывали, что они погребены в Софийском соборе, что и по истории известно, а иные в Печерской Лавре. Но ни в том, ни в другом месте ни гробов, ни надписей никаких нет; к сожалению, время всё сокрыло.

9) На хорах есть иконостас, который состоит из одного по резьбе корня Иессеева, с надлежащими к тому по резьбе расположенными лицами, что нам показалось изобретением ума несредственного.

10) Весьма примечательно, что хотя церкви Софийская, Печерская, Николаевская и прочие, не только в Киеве, но и в Чернигове, и в Могилеве, и в Смоленске, суть древние, и иные более 700 лет, и где бы мы ожидали найти следы древности, но явно видимо, что во всех тех церквах образа, иконостасы, расписания стенные – все не показывают древность, а представляют, что они или недавно писаны и деланы, или в 17 или в 18 столетии. Много в Москве и в других городах около Москвы можно найти образов, иконостасов, и расписаний, которые более изъясняют древность, нежели все оные, где была колыбель веры. Видно, что разные вражеские разорения всё древнее уничтожили и заставили всё вновь соорудить, особливо, когда под благословенную России державу подошла Малороссия. Одну только нашли приходскую церковь каменную, небольшую, стоящую близ входных ворот Печерских, называемую *Спаса на Берестове*, где в церкви расписание Греческое, алфреском, и подписи над святыми Греческие: сию церковь можно почесть остатком древности Киевской; да она же своим именованьем явно доказывает, что место, где теперь Печерская Лавра и Николаевский монастырь, и окружность их, было то *Берестово*, о коем в летописце Несторе часто упоминается.

11) Осмотрев всё в соборе, введены и в палату ризницы Архиерейской. Она очень не бедна и облачениями, и панегиями, и шапками, и есть между ними немало утварей древних, по фигуре и работе достопамятных. Помнить будем мы орлец Архиерейский большой и омофор, шитые Греческим древним искусством, и зрелища достойные.

12) Выйдя из собора, обозрели мы Митрополитский дом, каменный, к коему недавно пристроены покои деревянные, и другие связи строения каменного, и церковь монастыря бы в шаге кафедрального Софийского. Всё, хотя составляет довольное к нынешнему прожитию, но величию древних Всероссийских Митрополитов не весьма соответствует. Новгородский и Ростовский, но и Смоленский, и некоторые другие Архиерейские дома едва ли не превосходят своим обширным зданием. Всё Митрополии здание окружено

небольшою каменною стеною, и вокруг вал земляной, составляющий крепость Софийскую. И сей окружённый вал делает, что Софийский собор и дом Митрополитский мало видны издали, так как и из дома обозрение не дальновидное.

Приглашены быть Преосвященным Митрополитом в дом его, угощены изобильно столом, со многими отличными духовными. А после обеда взялись паки за любопытное обозрение.

1) Смотрели близ кафедры стоящую, *Св. Григория*, что близ *золотых* врат, приходскую церковь небольшую, строения нового; да и врата близко к валу видели, о коих нам говорили, что на них стоял Ангел позлащённый, что было, и ныне есть, герб Киевский.

2) *Десятинную церковь* недалеко же от кафедры стоящую. Она небольшая низкая, каменная, с пристройкою деревянною, никакого ни внутреннего, ни внешнего великолепия не имеет, да в строении, кажется, не самое древнее. А потому она ли есть десятинная оная славная, и на сем ли месте была, предоставляем другим тамошним учёным любопытнее в сие взойти. На полуденной внешней её стене некоторые слова есть Славянские, не соединённые, но довольно одно от другого отстоящие, выделанные выпуклостью. Что они значат, разобрать не могли, и просили тамошних учёных, чтобы они о разбирании их старание употребили.

3) В сем же месте неподалёку есть *Васильевская* приходская церковь, о коей тамошние думают, что на сем месте был Перун идол, и что на сем месте сокрушив Владимир идола воздвиг церковь во имя Св. Василия, своего Ангела. Сходственно ли сие с истиною, утвердить не можем. Нестор пишет, что Перун был поставлен на холме, а тут теперь таковой высокий холм не примечается.

4) Выходили на гору, видеть новопостроенную *Андреевскую церковь*, где, по преданию, Апостол Андрей воздвиг крест с пророчеством. Сия гора выше всех, кроме где Николаевский монастырь. Церковь немалая, в новом вкусе, изрядным иконостасом украшена, и откуда вид весьма дальновидный на все стороны, и Подол стоит яко под ногами Её. Откуда видели

несколько места, где был *Межигорский монастырь* и *Вышгород*.

5) С горы на *Подол* по крутизне сходили пеши. Подол, где есть жилище граждан Киевских, состоит из строения деревянного, весьма мало где каменного, невидного, тесного, ещё в порядок не приведённого, и низкости места, и по тесноте улиц по местам грязного; несколько отличное строением каменным ратуша, которой на башне сделан Ангел с копием, который, сказывают, ударяя копием, означает часы; но при нас сего не случилось. Подол стоит по набережному и низкому месту Днепра.

6) Тут посетили мы *Федоровский женский монастырь*. Стоит в тесноте, окружён строениями. Кельи деревянные, небогатые, но церковь каменная не худа¹⁷⁷.

7) Против его бывший *Петропавловский*, ныне *Греческий монастырь*: в нём строения мало, кроме церкви, которая строением довольна, и говорят, что тут был Доминиканский монастырь.

8) Посетили мы и *Братский монастырь*; церковь не малая каменная и не худо убрана. Академия вид имеет хороший, своими особливо переходами с колонами. Величиною в два этажа, длиною до 85 сажень, с церковью. Быв приглашены в Академию, почтили нас там приветствием на разных языках, прозою и стихами, с инструментальною музыкою. Чем, быв обязаны, изъявляли своё обрадование, что узрели ту Академию, которая столько учёными людьми прославилась, и особливо почли себя одолженными возблагодарить на самом том месте, откуда, по большей части, были взимаемы учителя в Московскую Академию, от коих и мы имели счастье некоторое получить просвещение. Таким образом, возблагодарив и посетив покои Ректора той Академии и Архимандрита братского, видели и жилища Префекта и учителей, кои показались нам гораздо меньшими, нежели древность и заслуги сей Академии требовали.

9) Выехав из Академии, не оставили осмотреть и кладезь *Крещатик*, который стоит во рву, между двумя крутыми горами, и куда мы сходили пеши. Ныне недавно сей Крещатик обделан

камнем и над ним поставлен монумент: во образе обруба поставлен столп, из коего, яко из трубы, течёт проведённая из источника вода, и после изливается малым и мелким ручьём в Днепр, ибо он очень близко к Днепру стоит. Крещатиком называется потому, что, по преданию, в нём крещены дети Владимировы. По нынешнему положению погрузиться тут почти невозможно, разве что он тогда или был более, или яко купель из сей воды на сем месте была ископана; однако, предание сие древнее нельзя не уважить.

10) Река Почайна, о коей Нестор поминает, что в ней крещение Киевлян происходило, ныне составляет за Подолом вне города, к северу, малую реку, которая течёт в Днепр.

11) После сего заехали мы и в *Михайловский* монастырь, который стоит в так называемом *старом* Киеве, окружённом особым валом. Здесь пребывание имеет Преосвященный Викарий Киевский. Церковь в нём лучшая по Печерской и Софийской, но меньшая, однако таким же образом сделанная. Посреди церкви, с левой стороны, стоят открытые мощи Святой Великомученицы Варвары. Строения в монастыре немало, и покои Преосвященного деревянные, хорошо обделанные, где нас Преосвященный и принял благоприятно. Мало у него побыв, ибо утомились, особливо я, по старости, от хождения по многим местам; но и Преосвященный Митрополит Киевский, хотя мы крайне его упрашивали, чтобы он себя, сим нам принадлежащим любопытством, не отягощал; но он, по особенному к нам усердию, нас оставить не соизволил, – возвратились поздно в вечер в Печерскую Лавру. Тут выслушав всенощную в домовой церкви, приуготовлялись наутро совершить литургию в соборной Печерской церкви, и 5 Июня, в Воскресенье, в оной церкви Бог сподобил отправить Божественную литургию и Святых Таин причаститься, при многочисленном народе; ибо каждый день по приезде видели мы в монастыре очень много простого народа из Велико- и Мало-России и Польши, где они и ночевали. Любезный хозяин, Его Преосвященство Митрополит Киевский, изготовил изобильный обед, куда пригласил и Г. Военного и Г. Гражданского Губернаторов, и других из Генералитета, и

чиновных людей и начальных из граждан Киевских и отличных духовных. Удовольствовавшись угощением хозяина, все гости, в том числе и мы, по беседе после обеда не малой, прочие в дома свои разъехались, а мы, препokoившись, ездили в ближний *Выдубицкий* монастырь, который потому назван Выдубицким, что на сем месте идолу Перуну, изверженному и в Днепр брошенному, граждане Киевские, по привычке сожалея о несчастьи прежнего бога своего, кричали с берега: *выдубай, выдубай*, т. е. выплывай, выходи. Монастырь сей имеет церковь не малую каменную, и другие церкви, и келий каменных и деревянных довольно число. Монастырь стоит на самом крутом берегу Днепра в дебри, куда мы пеши сходили, между двух крутых гор, которые снизу покрыты плодовитыми деревьями; а выше берёзами, дубом, и другими, и делают вид прекрасный и для монашествующих место весьма способное, яко тихое и от мятежа мирского закрытое.

Оттуда возвратились в Лавру и вечер препроводили в дружеской беседе с любезным хозяином. Успокоив себя ночью, на другой день, Июня 6 дня, слушали литургию в трапезной церкви, которая трапеза меньше, нежели требует величие Лавры.

После обедни осматривали палату, где книги печатные лежат и типографию, где на семи станах печатают. Строения довольные и не худые, все каменные. Также посетили мы кельи наместника и соборных, с их задворками, и братские. Нашли их выгодными и опрятными, также и линию экономических келий, где обрели одного старца 82 лет, на одре от старости лежащего, нам знакомого, Иннокентия Пашкевича: ибо он, будучи Келарем в Лавре Троицкой, меня молодого и не постриженного, присланного из Московской Академии в учителя в Троицкую Лавру, принимал. Тем более ему удивлялся, что он, быв всегда здоровьем слаб и в непрестанном лечении, мог ещё дожить до 82 лет и память имеет обо всём удивительную.

Осмотрев всё сие, и церковь над воротами экономскими, и церковь приходскую, что близ Лавры, называемую *Спаса на Берестове*, поехали с Преосвященным Митрополитом Киевским и с Викарием в загородный дом Митрополитский,

называемый *Шулявицино*. В нём строение деревянное, не худое, но небольшое, и с церковью, и с небольшим садом; есть и пруды небольшие, на речке, в летописцах поминаемой, *Лыбеди*; окружено сие место изрядною рощею, и Киевским жителям даёт лучшую прогулку; впрочем, место более уединённое, нежели открытое. Тут взяв завтрак, поехали в *Китаевскую пустыню*, которая Лавре принадлежит и отстоит от неё вёрст 10. Она положением весьма сходна с Выдубецким монастырём, кроме что не близка к Днепру и строением меньше того монастыря; однако церковь имеет хорошую. Тут жительствоует Игумен Киприан, бывший наместник в Лавре, и который много нам в рассмотрении разных мест усердия и услуг оказал. Он угостил нас обеденным столом; и по столе препokoившись, возвратились к ночи в Печерскую Лавру.

Июня 7 дня, отслушав в большой соборной церкви святую литургию, и приложившись к святым образам и мощам, возблагодарили Богу, что нас сподобил видеть древние следы, возродившиеся в отечестве нашем благочестивой веры, и первой её державы, и день сей употребили на приуготовление в возвратный путь, препроводя остающееся время в беседе с Преосвященным Митрополитом Киевским, почитая, что едва ли не в последний раз здесь на земле с ним беседуем.

Заутра Июня 8 дня рано отправили мы экипаж свой на Днепр, для переправы, а сами, быв благосклонно напутствованы от Преосвященного Митрополита, не могли его склонить, чтобы он оставил нас препровождать. И так с ним в карете доехали до Днепра, где, простившись с ним самым дружеским образом и возблагодарив за усердие и угощение искреннейшим сердцем, сели на паром и достигли другого берега, откуда с берега Днепровского ещё письменно Его Преосвященству возблагодарили, поскольку увидали его ещё стоящего на противном берегу, ожидающего доколе мы от берега не поедем. И так сядши в свои повозки отправились в путь, и на станциях переменив лошадей в тот же день часу в пятом пополудни приехали во град Козелец.

Тут нашли совсем противное прежним сделанным нам почестям. Г. Городничий... объявил, что лошадей нет, и мы бы

здесь ночевали и дождались до утра. Сколько ни упрашивали мы его, чтобы он нам не делал остановки и доставил бы лошадей, что мы тут ночевать никак не намерены, однако он не сделал сего удовольствия, и мы принуждены часов в двенадцать по улицам бродить со стыдом и негодованием, и едва дали лошадей поутру на рассвете, но столько худых, что едва небольшую станцию нас провезти могли, и мы для облегчения их принуждены были много идти пеши. Но избавившись сей досады, уже везде находили лошадей готовых, и никогда нигде от Киева до Москвы подобного случая не видели. На дороге наехали мы два местечка, где немало строения и похожи на городки: одно *Козары*, другое *Носовка*; в Носовке до 5 церквей, и оба принадлежат, по большей части Графу Безбородке; в Носовке же посетили мы Протопопа, человека почтенного. Также местечко принадлежащее Графу Румянцеву.

Потом приехали в город *Нежин*, который строением немал, и улицы многие порядочные с хорошими деревянными, а несколько и каменными домами. Жители в нём видятся быть не скудные. Немалая часть жителей есть из Греков, давно тут поселившихся, большая часть из Малороссиян, но, к несчастью, есть немало и жидов. Остановились мы на несколько часов в *Нежинском Благовещенском* монастыре; церковь в нём большая, но несколько поправления требует. Строения в монастыре каменного немного, и сам монастырь невелик. Посетили Греческую церковь, близ монастыря стоящую, и Греки для нас пели по-гречески. Церковь каменная не худая, но устроится другая вновь во вкусе новом. При церкви Греческой четыре священника Греческих и один монах Псаллис; были и в церкви соборной, которая немала и внутри не худо прибрана. Протопоп человек престарелый и почтенный. В городе церквей до 10 каменных. Жители благочестивые приняли нас любовно и теснились около нас с жадностью Христианскою, испрашивая благословение, когда по Большой улице мы прохаживались, рассматривая город.

К вечеру отправились из Нежина и приехали в небольшой город *Борзну*, где нас Г. Городничий почтил своею учтивостью. В

городе четыре церкви. Далее проехали *Батури*, местечко немалое, особливо видное домом Графа Разумовского, и ему, по большей части, сие место принадлежит. В нём четыре церкви каменные; местоположением по берегу не малой реки *Сейма* красив. Здесь приятного вкуса реки мы отвеживали. Часа два побыв в Батурине, продолжали свой путь и доехали вечером до города *Глухова*, где было прежде всей Малой России правление. Город не мал, есть улицы с порядочным строением, более деревянным, а несколько и каменным. Соборная церковь не малая, а всех приходских семь каменные да две деревянных кладбищных. Несколько похажив по хорошей улице в крепости, которая на высоком месте и в которую въезд и выезд каменными воротами, и ночевав у Священника, отправились поутру рано 11 дня Июня.

Проехав небольшой город *Кролевец* вёрст через пятнадцать, оттоле кончится Малороссия. От Глухова, а паче от Кролевца, начинается дорога весьма гладкая и ровная, и продолжается даже до Орла и далее до Мценска. А от Киева до Глухова по большей части песчана, а инде и грязна, и большие гати, которые в дождливое время немало затруднительны для проезжающих.

Земля в Малороссии чернозём и плодоносна; однако сей кряж земли продолжается и до Орла, и через Мценск до Тулы. Но и в ближних к Москве местах, где земля хорошо обработана и обнавожена, примечал хлеб, мало уступающий Малороссийскому. Места от Киева и до Орла более ровные, мало гор, мало лесисты, но встречаются инде и рощи и леса в довольном количестве, Положение мест есть красивое, но вообще селений мало. Однако от Козельца начинает побольше, нежели в Смоленской, Могилёвской и Черниговской губерниях. Но от Севска и далее и далее селения становятся чаще, и чем ближе к Москве, тем селений более и воды более, начиная от Тулы. Ибо по всей доселе дороге, хотя встречаются реки немалые, но малых речек, ручьев и родников весьма редко, так что инде вёрст на двадцать и более воды нет, и довольствуются водою колодезною или прудовою.

Приехав в Севск 11 дня Июня к обеду, остановились в Архиерейском доме, версты две от города к Москве, для наступающего праздника Святой Троицы, где приняты хозяином, Преосвященным Досифеем, ласково, и пообедав и отдохнув, выслушали всенощную, а поутру рано встав, осмотрели дом и семинарию, что всё нашли не в худом и не в малом устройении; выслушали Божественную литургию и вечерню, и несколько на дороге укрепившись пищей, отправились в десятом часу поутру по дороге весьма ровной.

Город Севск величиною и строением средствен; однако, есть улицы не худо и порядочно выстроенные; в нём 8 церквей более деревянных, и женский монастырь; город на положении высоком и гористом. Протекает при нём река Сев.

На пути к Орлу, проехали новый город *Дмитревск*, который не велик, но строение и улицы хотя деревянные, но все порядочные и хороший вид показывают. Стоит на месте ровном, и заметно, что жители промышленные. Стоит при реке Дмитровке, которая запрудю своею делает большой пруд и красоту города.

Далее проезжая, достигли древнего города *Кромы*, при реке Кроме. Город не великий, однако, строением, по большей части, приходит в лучший вид. Церквей Каменных и деревянных до 7. Местоположение не худо.

Жители видятся быть достатком средственны, однако приняли нас со всяким усердием и добродушием. Испросив благословение Божие, и продолжая путь, приехали во град Орёл поутру рано, и остановились при конце города в *Успенском мужеском монастыре*, Июня 13 дня. Взошед в кельи, тотчас увидали перед окнами реку Оку, которая, по случаю быв мелка, стала наводняться, понеже спустили воду сверху плотины, и суда начали по прибывшей воде отправляться.

В своё время слушали Божию службу в монастырской церкви, которая не худа и вновь ещё увеличивается. Монастырь пространен, с каменною оградой, и строения каменного довольно, и на прекрасном и не шумном месте, откуда и весь город виден.

По случаю нашего прибытия стеклось множество народа, и жадничали испрашивать благословение, мужеский пол и женский.

Потом посетил нас Г. Губернатор и с чиновниками, также и граждане и духовенство, и мы, возблагодарив им за усердие и сделанное почтение, проехали до обеда несколько улиц по городу, и, побыв в соборной церкви, которая невелика, а новая строится, осмотрели женский монастырь, который внутри строения и церковью и кельями не худ, и посетив Игумению, возвратились в свою квартиру, где пообедав и отдохнув, отправились в часу пятом пополудни.

Орёл город большой, строением деревянным и каменным исполнен, улицы порядочные и широкие. Церквей каменных более 20, и видно, что жители достаточны и обхождением вежливы.

От города Орла до Тулы дорога гориста, и местами, особливо по близости к Туле, грязнее, так как и от Тулы до Москвы на несколько десятков вёрст. На дороге к Орлу, города *Мценска* Г. Городничий, граждане и духовные встретили нас перед градом, со всяким изъявлением любви Христианской, и доколе лошадей переменяли, теснились во множестве видеть нас и испрашивать благословение, и притом нас в почтовом доме, сколько можно было по краткости времени, потчевали с великим усердием и провожали до конца города, с сожалением краткого нашего в их граде пребывания. Жители к благочестию зело привержены, за что да благословит Господь град их. Город величины посредственной, но устроен не худо и порядочно, церквей 10, все каменные, и из них есть хорошего и видимого строения. Стоит при реке Зуше, где начинают нагружаться суда с большею удобностью, нежели в Орле на Оке, через что промысел жителей умножается. Близ града есть заштатный монастырь, где нам быть не случилось.

Пожелав им в том успеха и благопоспешества от Бога, отправились в вечеру по дороге гористой до *Тулы*, куда и приехали *Июня* 14 дня, по полудни в 2 часа, и остановились в *Архиерейском* доме. Хозяина не застали; он поехал по Епархии.

Были в соборе, который строением велик и внутри иконостасом и прочею утварью благолепно украшен и светел. При нём другая соборная тёплая небольшая церковь.

Тула город большой, строением хорошим деревянным и каменным исполнен, в улицах порядочных; на положении, одна часть, возвышенном, другая на низком. Среди города крепость каменная с башнями, к обрадованию нашему, в твёрдости; она городу, а ей, при самых её стенах, запертая плотиною и делающая яко порядочный канал, река Упа придаёт много красоты. Церквей каменных в городе до 24, кроме кладбищных. В Туле есть славный железный оружейный Государственный завод, на коем мы были, и увидели, как выделяется различное военное оружие, действием воды и машин, через что премного труд человеческий и цена вещей облегчается. Дом Архиерейский вновь построенный средственной величины; в нём есть небольшая церковь и несколько старых покоев каменных. Есть и женский монастырь посреди города; были в нём и нашли тщательно хитростным и в порядке.

Жители города известны своим довольным достатком, принимали нас с любопытным удовольствием. По всему путешествию нашему лучших городов не видели, как Орёл и Тула. Ночевав в доме Архиерейском, поутру рано оттуда выехали, дорогою грязною. Но с половины к Серпухову пошла лучше. Места более открытые и красивые, с небольшими возвышениями, но местами есть леса, и селения пошли чаще, и речки встречались более.

На дороге остановились, близ Серпухова, в селе *Липицах*, где было в младенчестве моё пребывание. Осматривая всё, много нашёл в таком же виде и положении, как было отселе лет за 60, и некоторых стариков, кои меня помнят, что особенно меня утешало.

Потом въехали в *Серпухов* Июня 15 дня, и стали в *Высоцком монастыре*, который строением не худ, весь каменный, на месте стоит красивом, при конце города. А город не малый, строением не худым деревянным и каменным весь расположен в улицах порядочных. Крепость на превысокой горе, вся из белого камня, но сожалели, что она разваливается.

Под нею через город протекает река Нара, Есть другой монастырь мужеский заштатный, *Владычный*, оградю каменною обведён, и церкви каменные, на месте хорошем.

Ночевав на другой день после обеда приехали в *Давидову пустыню*, от Серпухова в 25 вёрстах отстоящую, на реке Лопасни, где также препроводив ночь, приехали к обеду в *Екатеринскую пустыню* Июня 17 дня. А оттуда прибыли в тот же день к вечеру в монастырь *Перервинский*, отстоящий от Москвы 7 вёрст, и, принесли Богу благодарственное моление за путешествие наше. Ибо при Его милосердой помощи во весь путь все были здоровы, довольны, спокойны и никаким неприятным случаем наше удовольствие и спокойствие не возмутились, и потому обязаны были благословить Господа, исполняющего во благих желания наши.

Из всего, что видели мы в путешествии нашем, можем заключить:

1) что примеченная нами по большой части бедность сельских жителей сожаления достойна, тем более, что сей род людей есть первый в Государстве своею многочисленностью и упражнением своим самый полезный и нужный¹⁷⁸; простотой же своих нравов меньше всех развратности подвержен! А потому желательно, чтобы на сию неповинную и многоплодную Государственную отрасль правительство с большим вниманием воззрело и отняло бы все те пагубные причины, кои приводят их в бедность, и улучшило бы их состояние.

2) Жиды, где они есть, признаются быть первою сего истощения бедных Христиан причиною. Удивлялись мы до непостижимости, почему бы сему роду, известному по всему свету своею к корысти жадностью, и злостью от природы расположенному против Христиан, почему бы помещики Христиане могли иметь более доверенности к ним, нежели к своей братии, к Христианам. Ежели более от них прибыли могут получать, нежели от своих подданных Христиан, то неужели бедные Христиане в жертву предаваемы жидам, для малого умножения своего прибытка? А притом, получая большой прибыток от жидов, а через то истощевая своих крестьян, более теряют, нежели приобретают владельцы. Ибо истинное

богатство помещиков состоит в том, когда крестьяне их довольны и достаточны. Но ежели бы желали сохранить и прибыль в той мере, в какой ныне от жидов доставляется, то, кажется, нашлись бы и кроме жидов, кои бы торговлю и откупы взяли на таких же условиях; но от них, яко не столь злостно против Христиан расположенных, не уповательно такового для Христиан изнурения, или, по крайней мере, не столько бы выходило соблазна, с сохранением чести веры Христианской, хотя по наружной благопристойности.

3) Униаты, известно, что в бывшем Польском владении были все православного Греко-Российского исповедания, но насилиями и разного рода хитростями от Папистов привлечены они на Унию, которая и сама собою ни что иное есть, как хитрый и злосовестный вымысел. Теперь, когда они, по провидению Божию, все взошли под благословенную и благочестивую Российскую державу, кажется, Сам Бог открыл случай, чтобы снять с них то насилия иго, и хитрость коварных показать тщетною. Да и не могли мы без удивления размышлять, что господа Паписты, быв зело ревностны к распространению Христианства, почему не обратили паче всё своё внимание и ревность на жидов, в столь великом числе в Польше бывших, чтобы их обращать в Христианство; но они, оставив их, всё своё усилие обратили на Христиан нашего православного исповедания; которые пусть заблуждают, по их мнению; однако Христиане святым крещением просвещены в Бога и во Христа Спасителя веруют, и тайны Церкви Христианской приемлют. Однако они, оставив жидов, ревнуют Христиан в неизвестно какое Христианство привести. Причина тому для просвещённых известна, но бесчестна.

Путевые Записки Преосвященнейшего Митрополита Платона, Московского и Калужского в Ярославль, Кострому и Владимир, 1792 года

Выехали из Вифании Августа 18 дня 1792 года, в 6 часу пополудни, на почтовых подводах; приехали в Переславль 19 дня, в 6 часов пополуночи, нигде не останавливаясь, а только переменяя на дороге лошадей. Время было через всю дорогу ненастливое и холодное; поутру был дождь великий; дорога несколько грязна и гориста, однако же горы не крутые и потому незатруднительны; лесов по дороге немало; земля плодородием посредственна и сел знатных по дороге нет.

Въехав в город, посетили монастырь девичий Феодоровский, штатный, 3-го класса, который с проезда города стоит первым на месте возвышенном и открытом: обширностью не мал; ограда каменная и всё почти строение каменное; иконостас в приделе Адриана и Наталии примечателен отличною фигурою, и весь вообще монастырь не худ. Из сего монастыря поехали в Данилов монастырь, мужеский; тут остановились и слушали раннюю обедню и молебен в приделе настоящей церкви. Церковь старинная о двух столбах величиною средственна; стенное писание обыкновенное старинное; в ней мощи преподобного Даниила, основателя монастыря, которые положены недавно, сверх общего обыкновении, не в земле, но на поверхности оной; потом смотрели трапезу, которая немала и была бы гораздо более и красивее, если бы настоятели, для расширения своих келий, оной не уменьшили. Кельи же настоятельские сами по себе не малы и не худы. После сего прохаживались по монастырю и за монастырём. В монастыре нашли старые архимандричьи кельи, в коих, в одной стороне от ворот, ныне Духовное правление: способны и приличны для жительства, но они запущены. Прочее здание каменное, немалое, но также не в устройстве. За монастырём пруд небольшой и луг, также монастырю принадлежат; за монастырём же деревянная большая конюшня, которая развалилась и пуста; жаль, что она брошена. Колокол

большой более 500 пудов, звука не худого; вообще монастырь местоположением на месте возвышенном к городу и половиною своею к полю, а с другой окружён строением; ограда каменная, обширностью, кажется, около 300 сажень. В нашу бытность монастырь сей назначен для пребывания бывшему архиепископу Астраханскому Никифору Греку; но его в монастыре не было.

В сей монастырь игумен Никитского монастыря и священники городского собора приходили поздравлять нас с приездом, но из граждан никого видеть не имели удовольствия, может быть, за весьма ненастною погодою. Из Данилова монастыря, пообедав в нём, выехали в пять часов пополудни того же дня и были в бывшем Горитском кафедральном соборе, который собор построен по новому вкусу и отлично хорошим расположением и украшением прекрасен и достоин быть кафедрою епископскою. В нынешнем его положении нельзя на него смотреть без чувствительности; жаль также, что Гефсимания, здание немалое, твёрдое и красивое, даже не покрыто и брошено, а потому удивительно, что никто из бывших епископов не вошёл, чтобы сие здание окончить, тем паче, что она не иное что, как назначена быть трапезою собора, и без неё собор представляется как бы неоконченным, да и всей линии, поскольку она стоит в середине собора и дома Архиепископского, делает безобразие. Но ныне, как кафедра, так и дом Архиерейский упразднены и всё в обветшание приходит; удивление сие уже место не имеет и сие как будто бы было предвидено, когда Гефсимания не была отделяема. Были также в церкви в архиерейских каменных покаях, кои не худы и веселы; в ней иконостас не худ и с отменным мудрованием. Монастырь Горитской местоположением весьма красив, стоит на высоком месте, а город самый стоит весь внизу; в нём, говорили нам, приходских церквей 22; двадцать каменных, из коих пять строения не худого, две деревянных. В городе соборная старинная церковь небольшая, и стоит, как сказывали, около 600 лет; вся из белого камня; в алтаре оной гробница Димитрия, сына Александра Невского; за правым клиросом – Иоанна Димитриевича, его сына. Две же новые городские

церкви устроены из девичьего монастыря, который упразднён, но ныне и тот собор обращён в приходскую церковь. В приходской церкви Андреевской, обращённой в приходскую из девичьего монастыря, почивают князя Андрея Смоленского мощи под спудом. В самом городе делает хороший вид заштатный, мужеский, Никольский монастырь; ограда каменная хороша и церковь изрядная, впрочем, строением скуден. Озеро Клещино в длину, как говорили, 10, а в ширину 8 вёрст, подходит под город и с одной северной стороны городское строение по нём расположено; славится особливо сельдями и лещами; глубиною оно, как сказывают, местами около 25 сажень; вода в нём чистая.

Из Горитского монастыря поехали в Никитский монастырь, который отстоит от городского строения версты с две; были во всех церквях. Настоящая церковь, в которой мощи преп. Никиты под спудом, хороша и немала; по далее к западной стороне столп каменный, мерою такой, в каком оный преподобный спасался; в нём вериги железные, пуда в два, лежат; трапеза в оном монастыре и с церковью хорошо прибрана и уютна; из неё прямой ход в игуменские кельи, которые довольно выгодны. Монастырь на месте высоком, открытом, весёлом, над озером, от жилья несколько удалён и монашескому житию пристоеен; ограда кругом каменная, не худа и келий каменных довольно; обширностью, кажется, более 300 сажень. Переславль город положением на ровном месте, с одной стороны к озеру, посредственной величины и строения; только фабрика одна каменная великая и вид хороший делает; вид имеет не худой; жители не кажутся быть к людскости привыкшими и незажиточны.

Выехали из одного монастыря в тот же день, в 7 часу пополудни, в погоду средственную; до половины дороги леса были по обеим сторонам небольшие, а с половины к Ростову безлесно, дорога гладкая, грунт земли крепкий, только к Ростову земля несколько болотиста и потому в ненастье грязна. На половине дороги стоит новый город Петровск, но, по несчастью, мы проехали его в полночь и потому не видели и ничего сказать о нём не можем. В Ростов приехали прямо к

Яковлевскому монастырю, 21-го числа, в 6 часу по полуночи, где приложившись к мощам, поехали в бывший Архиерейский дом, где остановились. В Яковлевском церковь величиною посредственна; расписание по стенам старинное; иконостас новый, по новому вкусу, и потому древности не соответствует; рака, где опочивают мощи, серебряная, и над нею клеймо с образом Митрополита Димитрия серебряное же, новой фигуры и немалой цены по количеству серебра стоящие; ризница в нём новыми облачениями и утварями не худая. Ограда кругом каменная и кельи каменные о двух ярусах, расположены порядочно и новой архитектуры, делают вид красивый; окружностью монастырь, кажется, до 300 сажень, на месте низком, на берегу озера, а с других сторон окружён строением градским.

В соборе кафедральном были у ранней обедни в тот же день; по выслушании оной и по входе в дом, приходили с поздравлением многие священники, городничий с прочими судьями и гражданами; граждане приходили с хлебом и солью. После сего ходили по ограде Архиерейского дома, по церквам и по палатам, к дому Архиерейскому принадлежащим, а какие и какого строения того Архиерейского дома церкви и прочее здание, замечено:

Соборная церковь Успения Божией Матери, немалая, сажений кажется около 15 в длину; иконостас хороший, резной, велик; стенное писание старинное же, но возобновлено несколько по новому. Сказывают, что она построена около 600 лет; вид имеет величественный и древностью достопочтенный; кафедру епископскую быть достойна. В ней погребены, по повествованию тамошних: 1) Иона Митрополит, 2) Варлаам Митрополит, 3) Кирилл Митрополит, 4) Иона Митрополит, 5) Варлаам Митрополит, 6) архиепископ Феодор, 7) между столпами, на той же стороне, епископ Афанасий. На левой стороне: 1) гроб Иосифа Митрополита, 2) Иокима архиепископа. Под собором, сказывали, многие владетельные князи погребены, но мы того видеть не могли, ибо вход туда закладен.

В Архиерейском доме церквей:

1) при входе в Архиерейский дом, над св. воротами, церковь каменная и высокая, Воскресения Христова, вокруг с папертями, о пяти главах. В той церкви и на паперти кругом расписано древним стенным, хорошим, ярких и ещё свежих красок письмом, и вместо иконостаса самая стена расписана Святых изображениями; только два местные образа Спасителя и Богородицы, в киотах деревянных раскрашенных; она заслуживает, по своей величине и украшению, почтена быть соборною.

2) Одигитрия Пресв. Богородицы у ограды, об одной главе, внутри иконостас деревянный местами золочёный, и вся подмазана штукатуркой.

3) Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, на воротах, что к конюшенному двору, о пяти главах, с папертями вокруг; внутри и на папертях расписано древним стенным хорошим письмом, и на нем краски весьма яркие и нимало вида своего не изменили; вместо иконостаса, стена расписана, а только две местные иконы Спасителя и Богородицы в киотах столярных, раскрашенных, деревянных, на медных точёных столбах. В ней крылосы столярной искусной работы, покрытые шатром на медных точёных столбах. Примечания достойно, что в сей церкви пред царскими дверьми, на двух кирпичных золочёных столбах, сень со сводом, вся расписана хорошим письмом, и такая же точно сень на горнем месте в алтаре: делают вид отличный и хороший; в церкви появляются немалые расседины.

4) Св. Григория Богослова, о пяти главах; в ней иконостаса никакого нет и служения не имеется; только подмазана штукатуркой по стенам, с клеймами, в коих написаны праздники живописной работы. Сказывают, что тут прежде был монастырь, и в том монастыре пребывал св. Стефан, епископ Пермский.

5) Всемиловитого Спаса, что на сених об одной главе, церковь преузорочная, величины средственной, но высока. Вместо иконостаса стена вся хорошо расписана; местных образов только два, в киотах; сень пред царскими дверьми и на горнем месте, так же как и в церкви Воскресенской выше описанной. Сверх того, примечания достойно, что место пред

царскими дверьми, во всю широту церкви, от царских дверей, яко сажени на три, возвышено на 8 ступеней и представляет восхитительный вид, и всё то покрыто арками открытыми; арки кирпичные, все росписаны прекрасно, поддерживаются столпами кирпичными, червонным золотом сплошь вызолоченными. На сем же месте и крылосы покрытые, хорошо отработанные; около царских дверей столбики и прочее украшение обито медными листами, через огонь золочёнными. Церковь по всему достойна содержания яко некая редкость. Во всех оных церквах, кроме Георгиевской, полы чугунные.

6) Церковь в покоях архиерейских деревянная подвижная, недавно построенная. При Спасской церкви прежде была великая, называемая Столовая Белая палата; в середине поддерживается большим столпом каменным; вся внутри подмазана штукатуркой и убрана искуснейшею мелкою лепною работою; к сожалению, оная лепная дорогая работа уже много отвалилась, и ныне та палата обращена на содержание значков цеховых, коих до десятка стоит. Также без всякого уважения оставлены настоящие здания в Архиерейском доме: в особом положении корпус каменный; в нём великая палата, называемая Красная, поддерживаемая в середине большим столпом, росписана вся церковным древним хорошим письмом, с живыми красками, и всё росписание весьма кажется ново. В сей палате, сказывают, принимали государей; но ныне в ней пол чугунный выломан. Покои Архиерейские деревянные, на каменном фундаменте, невелики; в них пребывание имели новейшие. Дом Архиерейский новый, из старого переделанный и в вышину прибавленный, о трёх этажах, саженьях на тридцати: был бы хорош и доволен, ежели, бы он был окончен, но он только отделан вчерне и покрыт, а внутри не обработан и в таком состоянии ныне остался. У Архиерейского дома ограда каменная, с переходами, по углам с башнями, окружностью, кажется, до 250 сажень.

Близ собора колоколья, небольшая, но широкая; на той колокольне колоколов: 1-й в 2.000 пудов, звон гвостовский, 2-й в 1.000 пудов, 3-й в 500, а всех 13 колоколов; звон удивительный и нигде примера не имеющий, ибо устроен по

инструментальной музыке и пресладостно вызванивают три порядочные концерта: первый называется Георгиевским, 2-й Якимовским, 3-й Арсениевским, и все колокола к тому прибраны способные, и звонари звонят со вниманием друг на друга и на ударение колоколов смотрят. Собор обнесён каменною небольшою оградю. Приходских церквей в Ростове 25, из коих, кажется, до 8 деревянных. Монастырей в городе 7; первый Богоявленский Аврамиев, штатный, близ города, посредственный величиною и строением, на месте открытом низком и невыгодном, 2-й Борисоглебский, за 15 вёрст от Ростова, где мы не были; 3-й Яковлевский монастырь, о коем прежде писано; 4-й штатный Петровский, близ города, строения средственного, ограда кругом каменная, положением сходен с Аврамьевым; 5-й Белогостицкий заштатный; в оном не были, но кажется не худ, и с дороги виден был; от города отстоит верстах в пяти; 6-й Троицкий заштатный; 7-й девичий штатный монастырь, третьего класса, в самом городе, строением средствен, в худом положении и окружён городским жильём. При самом городе с полуденной и западной сторон большое озеро, называемое Неро, а кажется, надлежит называть Меря, как видно из летописцов, которое, сказывали, вёрст 15 в долготу, а в ширину семь. Озером протекает река Сара, и к удивлению, услышали, что озеро столь великое; окружающее город, принадлежит всё одной какой-то помещице, а из граждан никто, никакого участия в нём не имеет; и в нём рыба вкусу не противна, только кажется, дряхла и малосочна; город средственной величины, но больше Переяславля; положением на низком и ровном месте. Строение весьма средственное и много пустырей, но много уже построено каменного строения по новому плану и не одну улицу видели хорошо устроенную и прямую. Жители показались нам набожны и благонравны. Пообедав, выехали из архиерейского дома Ростовского в пять часов и заехали в Богоявленский Аврамиев монастырь, где встречены архимандритом с братиею. Он отстоит от городского строения версты с две: были в церкви; из церкви посетили архимандричьи кельи, кои вновь построены и показались немалы, в сравнении монашеских скудных келий, в коих живут

монахи, именуемые архимандриту братья. Из сего монастыря заехали в Петровский монастырь; были в церквах, где показываемы были золотые деньги, называемые Петра апостола, серебряные же Павловыми, якобы от них данные Петру царевичу; они похожи на старинные копейки, и кажется, не золотые, а золочёные.

При выходе из монастыря, отправились в путь в Ярославль, в 7-м часу пополудни; от Ростова до половины дороги нет совсем лесов, и представляется степь, а с половины дороги леса местами есть небольшие. Дорога ровна и гор нет и не грязна. Погода в дороге была холодноватая и пасмурная. В три часа за полночь, 21 числа, в Ярославль приехали через каменные, вновь построенный ворота, и стали в архиерейском доме, который в бывом Спасском монастыре. Вид города красив, ибо город положением ниже, а с приезда выше место. В самом монастыре смотрели церкви и ризницу. Настоящая церковь старинного здания, не велика, о двух столпах, росписана обыкновенным древним письмом: другая возле неё церковь также невелика, где обретаются мощи благоверного князя Феодора и чад его, в одной раке открытые. Ярославская ризница архиерейская, как и Ростовская, довольна старинными саккосами, особливо двумя алтабасными с жемчугом. Панагии древние изрядные и немалоценные и их немалое число, да шайки две или три хорошие и не малоценные. Монастырскую ризницу смотреть позабыли; ещё не худы золотые сосуды немалого веса, особливо хороши на потире финифтяные на золоте штуки и хорошо камнями убраны. Весь монастырь, немал, кругом около 350 саж.; ограда каменная; немало в нём строения, лучшее же в нём строение архиерейские покои; при них трапезная церковь велика была; но ныне от неё несколько отделено в покои с архиерейскими соединённые. Семинарская линия не худа и не мала. Положение монастыря не лучшее; ибо почти в середине города и окружено строением приватным. Ездили в городской собор слушать литургию раннюю. Приезжали в архиерейский дом господин губернатор и другие чиновные поздравить с приездом. Граждане приносили хлеб и соль и поднесли 9 живых стерлядей. Обедали мы в

архиерейском доме. Собор в городе древний такой же, как и Ростовский, только меньше; иконостас резной, не худой. При нём старый архиерейский дом, каменный, не худ был; но ныне запущен. Изрядный и довольно новый архиерейский дом, сажений до 30, о двух этажах, на красивом месте и со службами, который, соединив со старым архиерейским домом, был бы выгоднее нынешнего архиерейского дома в Спасском монастыре и притом пристойнее, яко близ самого собора состоящий; но он ныне, так как и старый архиерейский дом, отдан светскому правительству. В сем городе церквей, сказывали нам, 42; все каменные, не худые. В городе строения много каменного нового; гостиный двор, лавки и постоялые дворы каменные, хороши; прочее строение старое деревянное средственное. Весь город на месте ровном и возвышенном; ибо на берегу Волги стоит, и положение места хорошее. Волга местами имеет острова, близ версты; в ней ловятся стерляди, небольшие осетры, белая рыбица и прочая рыба. Город не столько велик, как прежде мы слышали, ибо он по берегу имеет длины до трёх вёрст, а ширины от реки до двух вёрст, или с половиною. Жители не так по наружности расположены, как бы от такого города ожидать надлежало. Извозчиков нигде не видели столько нахальных и мало стыда знающих. Ездили мы до обеда в Толгский монастырь, вёрст 7 сухим путём; но как он стоит на другом берегу Волги, то не могли переехать реки, по причине немалого волнования и сильного ветра. Шедши берегом, заметили, что по берегу растёт, не саженое, называемое божье деревцо, что кажется в других местах необыкновенно.

Выехали из Ярославля в Кострому, в 6 часу того же дня, за полдень, переехав Волгу на пароме; проститься приезжал господин Губернатор и провожали духовные и граждане. Дорога до Костромы очень хороша, ровна и гор совсем нет; несколько есть лесов по берегу Волги от Ярославля. Тут же заметили на берегу Волги посаженной капусты столь много, что кажется, на три версты и более капусту одну проезжали. Из Ярославля послан был чиновник изготовить нам лошадей. Погода была хорошая и monthly светлая.

В Кострому приехали в три часа пополудни; въехали прямо в архиерейский дом, что в бывшем Ипатьевском монастыре, который встречается первым с проезда и отделен от города немалою рекою Костромой. Слушали раннюю литургию в домово́й церкви у Преосвященного Костромского, который принял нас любовно. После того приезжали городничий и другие чиновные и граждане; но граждане, хотя всех нами виденных городов жителей достаточно и приборнее, однако обыкновения, чтобы нас почтить принесением хлеба, неизвестно почему, соблюсти не рассудили за благо. Господин Генерал Губернатор Заборовский присылал нас поздравить; но сам посетить отозвался болезнью, а потому и мы его в болезни беспокоить не смели. Посетил нас Губернатор и другие чиновники. После того, ходили по монастырю Архиерейского дома и за монастырём. Настоящая церковь старинная, не худа и росписана по старинному, похожа на все соборы старинные; иконостас старинный, резной, не худой. На местном образе Троицы вещи золотые и похожи на лаврские, что у Троицкого образа; под ним висят три золотые медали с изображением Карла девятого, Шведского Короля, привешены к образу от Царя Михаила Феодоровича, как видно из надписи на золотой дщице. В сем соборе место царское деревянное, не вызолоченное, на коем, говорят, избран Царь Михаил Феодорович, но оно, кажется, работы новейшей, и по немалой резьбе примечается, что в такое короткое время, как тогда обстоятельства требовали, сделано быть едва ли могло. Трапезная церковь не худа и не мала; строение и ограда каменные и окружностью будут около 400 сажень. Ризница Архиерейская, особливо новыми хорошими облачениями, довольна и содержится в порядке. Монастырь с одной стороны стоит по берегу реки Костромы, которая больше Москвы реки и впадает, с полверсты от дома, в Волгу; положение красивое и возвышенное; дом Архиерейский покоями доволен, коих будет до 30, и прочего здания каменного в нём немало; но выгод хозяйских имеет весьма немного. Преосвященный угощал нас обеденным столом; в 5-м часу ездили мы через Кострому, в шлюпке, в городской собор; соборная церковь с Ярославскою

сходна фигурую, иконостас новый хороший; в нём образ, почитаемый чудотворным, Феодоровской Богородицы, где немало богомольцев бывает. Другой собор новый, зимний, пространен и хорош. Кроме сего, два монастыря в городе самом; первый Богоявленский, второго класса; в нём мы смотрели церковь, ризницу и строение: монастырь, ризница и здание посредственные, в положении невыгодном, ибо внутри жилья городского. Второй монастырь Крестовоздвиженский, женский, третьего класса. Церквей приходских, как сказывали 30, одна деревянная. Каменного строения нового, по плану, выстроено немало, особливо лавки не худо построены; весь город положением красив; расположен на берегу Волги.

В Архиерейском доме переночевав, выехали из Костромы в Суздаль 23 числа, в 8 часов; через Волгу провожал Преосвященный и купечество до села Никольского, которое на полверсты от Волги. От Господина Генерал-Губернатора послан был Капитан-Исправник, проводить, чтобы не имели мы остановки в лошадях; дорога была очень хороша и не гориста до самого Суздаля, которая простирается до 170 вёрст, через село Ивановское. Расстоянием от Костромы 40 вёрст стоит Нерехта город, хотя небольшой, но порядочно по плану весь выстроен, деревянным строением, но порядочным; улицы прямые и сухие, и ибо песчаные, и церкви в нём, коих семь, все каменные, не худые: положение видное и красивое и окружности приятны. Духовенством городским с чиновниками встречены были, не доезжая города; у Протопопа, человека лет в сорок, половина уса белая, а другая половина русая; Городничий провожал до села Федоровского, которое от Нерехты расстоянием шесть вёрст; мы в сей день на дороге обедали. Примечено по той дороге три села до Суздаля: село Писцово, Князя Голицына, которое имеет дворов до 500; дома крестьян очень хороши и более походят на купеческие; две церкви каменные; село Ивановское, Графа Шереметьева, в нём домов до 1000, три церкви каменные, колокольня с часами, дома каменные и деревянные хорошие и много в нём фабрик набойчатых; село Лежнево, разных помещиков, которое около 400 дворов; две церкви каменные; дома деревянные не худые;

есть и каменные и имеются фабрики набойчатые. Заезжали, по дороге, от Суздаля в 30 вёрстах, в пустыню Золотниковскую; ходили в церковь и по монастырю; ограда каменная и церкви две каменные, средственные; впрочем, пустыня недостаточная и в неустройстве; в ней один только строитель, да несколько послушников бельцов. Не доезжая пустыни есть несколько лесов; впрочем, более места безлесные.

В Суздаль приехали в третьем часу пополудни 24 числа; сперва заехали в Спасо-Ефимьевский монастырь, который стоит в стороне восточной города к полю; в нём ходили по церквам и по монастырю; церковь такая же, какая в Ярославле и Костроме, только меньше, а трапеза средственная; кельи архимандричьи старые, а другие новые, каменные, не худые; линии монашеские и семинарские каменные, не малые; монастырь окружностью 575 сажень: положение места при реке и не худое. В нём содержатся в уме повредившиеся за особливую огородкою; в монастыре нет ничего примечательного. Из него были в Покровском женском монастыре, где встречены игуменьей с монахинями; ходили по церквам, в ризницу; настоящая церковь старинная, не велика, благолепием посредственна; на местных образах, есть несколько жемчугу; на образах Богоматери серги старинные, жемчужные, длиною почти вершков шесть. В ризнице есть несколько утвари жемчужной; из оной лучшая есть плащаница; кельи все деревянные, простые; ограда каменная небольшая, да трапезная церковь каменная, над воротами, средственны. Монастырь лежит при небольшой реке Каменке, на низком месте, и возле него строение обывательское. Ходили в церковь соборную, где гробницы разных Князей владетельных и других персон, коим есть особая опись и тут встретились с приехавшим Суздальским Преосвященным Виктором. Из сего монастыря поехали в монастырь Ризоположенский, вместе с тамошним Преосвященным. В Ризоположенском монастыре встречены были священником со крестом и игуменьей с сёстрами. Священник, по входе в церковь, где мощи Преподобной Ефросинии, говорил речь. Церковь старинная малая, монастырь небольшой, ограда каменная, а кельи деревянные и окружён

строением обывательским. Из монастыря поехали к дому Архиерейскому; были в соборе. Церковь фигурую походит на Костромскую; ибо все соборные церкви в Ростове, Ярославле, Костроме, Суздале, в монастырях Данилове, Никитском, Яковлевском, Авраамиеве, Спасском, Спасо-Евфимьеве, Покровском и в прочих, расположением и росписанием стенные сходны на Успенскую Московскую и лаврскую Успенскую и также росписаны; только все сих последних двух меньше, и различествуют между собою только тем, что одни больше, а другие меньше. В соборе в иконостасе образа местные обложены местами гладко серебром с позолотою. В правой стороне лежат мощи Иоанна и Феодора Суздальских. Иоанн был первый Епископ в Суздале. Евангелие перед иконостасом очень велико, писано очень хорошо, и большего мы нигде не видели: во всяком листе четыре листа склеены; обложено серебром и фигура простая, но соразмерная и хорошо расположена. Из собора пришли в дом Архиерейский, потом ходили смотреть ризницу Архиерейскую; в ризнице саккосов жемчужных нет; парчовых хороших весьма немалое число; ибо две ризницы, Суздальская и Владимирская, соединены; лучшая в ней шапка жемчужная с камнями, с золотыми образами, покрытыми финифтью; есть также старинные, не худые панагии Суздальские и немалое их число. По осмотрении ризницы, ходили кругом Архиерейского дома; положение места посредственное, окружено строением, но дом старинный, немалый, и по древности представляет вид важный и Епископскому пребыванию приличный; покоев в нём довольно; зала в длину 10 сажень, а в ширину 8, без столпа каковой палаты величиною едва ли где по древности есть; но жаль, что она перегорожена недавно и тем уменьшена, и что в ней было особенного, через то отнято. Осмотрев всё, что желательно было, ужинали у Преосвященного и ночевали, 25-го числа слушали в соборе раннюю литургию; потом позавтракав, в 9-м часу пополудни отправились во Владимир. Преосвященный Суздальский со Спасо-Евфимьевским Архимандритом и Игуменом, провожали за город. В Суздале, кроме собора и монастырей, приходских, как сказывают, 24 церкви, и все

каменные; место города не высокое, строение деревянное, средственное, и величиною город средствен; нового по плану строения никакого ещё нет; через город течёт небольшая река Каменка.

Во Владимир приехали в 1-м часу пополудни; дорога была не худа и лесов по ней почти нет. Вёрст за пять до Владимира встретил капитан-исправник, а при въезде во Владимир встретил городничий с прочими; два гусара верхами провожали до дома протопопского, в котором мы остановились. В сенях покоев протопопы поставлен был караул для чести. Из одного дома поехали смотреть собор, где встречены были всем того города духовенством при собрании многочисленного народа. Собор велик и высок, о 16 столпах, в длину 15 сажень, в ширину 10; отличен тем, что со всех трёх сторон, кроме восточной, сделаны высокие хоры с Греческого образца, для стояния жёнам, или оглашенным. У собора много отнимает красоты церковь, на правой стороне между столпами, в углу недавно построенная, стеною отгороженная, тёплая, чтобы попам зимою не холодно было служить; он создан Андреем Юрьевичем, сыном Долгорукого, Боголюбским. Иконостас новой фигуры, резной, хорошо вызолочен, высок и величествен, но древности собора не соответствует; образа писаны хорошо, алтарь особливо великолепен, высок, светел, расписан по новому и величественным, большим, деревянным с резьбой, вызолоченным балдахином на столбах осеняется; на горнем месте поставлены большие золочёные кресла, а над ними небольшой, высоко повешенный балдахин; много гробниц, и с открытыми мощами, яко то: Андрея Боголюбского, а прочих, коих описание приложено будет при сем. Собор подлинно достоин смотра и заслуживает быть кафедрою Епископскою. Подле собора другая церковь, Дмитровская, которая прежде придворною Княжескою называлась; она ни что иное как сокращение собора, вся из белого камня; снаружи стены самую старинную украшены резьбой, изображающею разных птиц, зверей и другие фигуры. Внутри на сводах в паперти остатки изрядного древнего стенного росписания, и на старинные других соборов росписания не похожего. Церковь сия есть драгоценный

остаток древности, и кажется, из самых древнейших. Монастырь Рождественский, где была кафедра Епископская, близ собора; церковь в нём не велика, старинная; но ныне пуста, ибо иконостас сгорел. Дом Архиерейский, который ныне обращён на пребывание Генерал-Губернатору, и мы в нём видели немало живущих женщин, не худ и не мал, но ныне ещё пристроено к нему строения не старинного, а нового: стоит на месте прекраснейшем, высоком, на берегах реки Клязьмы; зала в нём прелестнейшая, проспектом. В том доме другой напротив корпус небольшой, где была Консистория. Впрочем, строения в том монастыре немного и окружностью не велик; ограда каменная небольшая и башен мы не заметили. Удивило нас, что монастырь был из первейших, а строения в нём немного. Судебные места, вновь построенные между собором и Архиерейским домом, на берегу Клязьмы, весьма видны и огромны, на 60 саженьях, о трёх этажах, с тремя рядами колонн. Приходских церквей, как говорили, во Владимире 18; все каменные, средственнаго здания. Строение города деревянное, обыкновенно в наших городах, и город не велик, окружностью, кажется, вёрст на пять или на шесть; но на прекраснейшем стоит месте, какого мы не видели, на высоком берегу, с коего весьма далёкий проспект; внизу течёт река Клязьма, шириною сажень на 50, и от города по берегам луга пошли равноты удивительной: нигде ни холмика, ни кочки, ни кустика не видно вёрст на пять, покрытые зеленью. Видно, что сие положение основательно понравилось, яко схожее с положением Киева. По высмотрении всех сих места через три часа без отдыха, возвратились в свою квартиру, где посетили нас господин губернатор и другие чиновники; духовенство и гражданство принесли хлеб и соль. Скоро после сего из Владимира поехали в Юрьев, в три часа пополудни, того же дня. До Юрьева провожал капитан-исправник; до города Юрьева дорога круто гориста и безлесна.

В Юрьев приехали во втором часу пополудни, в Архангельский монастырь; пред городом встречены были городничим с чиновниками, которые приходили в игуменские кельи поздравить; купцы принесли хлеб и соль, Монастырь

Архангельский не богатый и не велик, окружностью 250 сажень с небольшим, внутри городского строения. Город стоит на низком, ровном месте и кругом его места ровные и безлесные; в нём шесть церквей каменных. Строение есть хотя и каменное, но посредственное, а прочее деревянное. В окружности версты три или четыре. Из Юрьева выехали в Александров в три часа пополудни; дорога была не лесиста, но несколько гориста, однако не так, как от Владимира.

Приехали в город Александров в 11-м часу 26-го дня. Иеромонах с крестом, а игуменья с сёстрами, встретили в воротах монастыря; были в церквях и отслушали обедню. Настоящая церковь старинная, посредственная; на образе местном Богоматери оклад и венец золотые; в венце вложен, между крупным жемчугом, большой и хороший бриллиант. В усыпальне, под больничною церковью, гробницы Маргариты Алексеевны и Феодосии Алексеевны, сестёр Петра первого. По осмотрении церквей, были у игуменьи, куда приходили городничий и судьи поздравить. Монастырь не мал и ограда не худа, но ветха становится: кельи монашеские каменные, в две линии, весьма не малые, но в ветхость приходят. Трапеза с церковью не мала. Ещё есть церкви две или три, каменные, не худые. Положение места не худо и одною стороною к полю, а другою к городу: в нём колокольня старинная, не худо построена. По выходе из монастыря, купцы приходили с хлебом и солью. Город Александров, по положению, не худ, но строения каменного и видного нет, кроме государевых конюшен, которые не худы и придают украшение городу. Окружностью меньше Юрьева. Из Александрова выехали в 1-м часу пополудни того же числа; дорога была несколько лесиста и весьма крутогориста и хуже всех дорог, какие мы видели. Не дай Бог ехать тут в ненастье и ночью! В Вифанию приехали в 5-м часу того же дня. Погода была, в продолжение пути от самого Ярославля, очень благополучная. Земли, где мы ни ехали, инде более, а инде меньше хлебородны, но вообще плодородием средственны и гораздо более открытых полей, нежели лесов, и леса видимо переводятся.

Приложения и дополнительные статьи

**А. Письмо Префекта Верхнеальпийского
департамента, Ладусета, Платону, Архиепископу
(Митрополиту) Московскому**

Ваше Высокопреосвященство!

Осмеливаюсь представить Вам *Опыт о старости*, читанный мною в публичном заседании Общества соревнования, при верхних горах Альпийских. Желаю, чтобы конец сего малого сочинения не показался Вам слишком недостойным своего предмета. Общие рукоплескания доказали восторг, который внушало Ваше Имя, Примите, Ваше Высокопреосвященство, жертву моего почтения.

Ладусет

Ган, 1803 г. Февраля 3.

В *Опыте своём о старости*, поднесённом Митрополиту Платону, Ладусет говорит о нём следующее: «Обратите мысленные взоры ваши к стране, близ лежащей к исходищу древнего Бористена; посмотрите на сего священнейшего Патриарха, помазавшего трёх Императоров (?). Он видел их нисходящих во мраке гроба, обременённых величием, повелевавших столь многими народами. Их нет уже более, а он существует. Он возливает миро на главу Наследника сея великия Державы, на юношу, носящего на себе столь славное, столь страшное в историях света имя. Он начертывает народам круг их должностей к Государю, начертывает Государю круг его обязанностей к народу. Это не смертный уже более; он несётся превыше Александра и Его престола. Сто пять лет (?) не ослабили ни его гласа, ни его дарований, ни его бодрости. Слова его не дерзновенны, ни безрассудны, но они были бы и дерзновенны и безрассудны в устах всякого другого Владыки народов! Говоря к одному из вас, он говорит всем вам; ваша польза заставляет вас внимать ему – он имеет великую и достойную своей великой души цель: он хочет дать вам право на любовь подданных и предохранить вас от проклятия

потомства. Имя ему Платон, и он кажется древним Платоном, воскресшим для того, дабы излить небесный свет на землю.

Опытный Первосвященник! О Платон! я повергаю перо своё пред тобою: твоё имя и твоё бытие суть прекрасная похвала старости».

Б

1. Письмо Архиепископа Анастасия

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко!

Помазати Царя да укрепит Господь Вас, своего Аарона, и сыны сынов воссядут на престоле Твоем! Тако благословил Господь бессмертную Екатерину. Тако да благословит и Внука Её Александра I. Божественных же даров благодать, ею же преукрашены и душа, и сердце, и дела, и седины Твои, о Первосвященниче! да будет сугуба на помазуемом Самодержавие. Подлинно о сем пролиется святое сердце Твое пред Богом и Христом, яко миро, вознесутся чистейшие молитвы Твои ко Господу, яко кадило, и слава добродетелей Твоих воссияет во всем величии своём пред Богом и Христом Его. Ещё, ещё бессмертный в Церкви нашей, в России нашей, бессмертствуй в нас, Ангеле Божий!

С таковыми чувствами, желаниями и сердечною преданностью имею честь, долг и счастье быть, и проч.

Анастасий, Архиепископ Белорусский
Могилев, 1801 года.

2. Архимандрита, впоследствии Митрополита, Михаила Десницкого

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь!

Многие из духовных будут иметь удовольствие увидеть Ваше Высокопреосвященство и насладиться личною беседою Вашею и многих. Вы, яко отец, узрите и разделите с ними внутренние чувствования свои. И я бы, по благосклонности Вашей ко мне, без сомнения, имел сие утешение, чтобы видеть Вас лицом к лицу и пользоваться устною беседою Вашею, ежели б не был оставлен здесь по должности, в Корпусе мною отправляемой. Но во всём да будет воля Вышнего Мiroдержца! Теперь же с моей стороны не другое что остаётся относительно к Вам, как сердечно пожелать, чтобы Вы, будучи подкрепляемы свыше, благоуспешно совершили назначаемое Вам священнодействие торжественной Коронации и таинственного Мiroпомазания Благочестивейшего Великого Государя Императора Александра Павловича. Да излиет Господь Бог через Вас на Него силу Свою и укрепит и умудрит Его в прохождении столь великого звания его, Вас же да исполнит духовною радостью!

С сим сердечным желанием, с искренним
высокопочитанием и с сыновнею преданностью есмь

Вашего Высокопреосвященства
преданнейший слуга
Михаил, Архимандрит Юрьевский.
С.-Петербург
1801 г. Сентябрь 2.

В

1. Речь на прибытие Его Императорского Величества в царствующий град Москву при вступлении Его в Успенский собор

Дух Святый повелевает и возглашает нам: *Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и внидет Царь Славы.* Сие сказано о духовном великом Царе, Господе Иисусе Христе, чтобы мы, заключённый грехом сердечные врата ему отверзли и в душе своей устроили бы ему обитель. Но почто же сии самые слова не присвоим мы и к самим себе и к священной Особе Твоей, благочестивейший Монарх! Ты носиши образ небесного Царя: мы в видимой славе Твоей созерцаем невидимую Его славу, а храм сей есть образ сердец наших – ибо Церковь внешняя образует внутреннюю.

Храма сего двери Тебе отверсты, но для того, что ключи их в сердце нашем: и когда внутренний храм наш отверст на пришествие Твоё, то поспешили мы сердечными ключами отверсти и сего храма врата.

Вниди убо, Царю славы! взяты уже врата и внешнего и внутреннего храма. Путь свободен. Вниди к жертвеннику Божию, к Богу, веселящему юность Твою. Пади пред ногами Царя царей. Вниди и вкупе с Собою введи Августейших Особ: едину, осчастливленную ношением Тя во утробе своей, другую, соучастницу святости ложа Твоего, а с ними введи и всю священную Твою кровь. Вниди! а мы, предшествуя и последствуя Тебе, воспоём: Благословен грядый во имя Господне!

Говорена 1801 года, Сентября 8 дня.

2. Речь поздравительная Его Императорскому Величеству, с благополучным в Москву приездом

Всемиловитейший Государь Император!

Не дерзаем мы испытывать неиспытанных судеб Божиих. Ведаем токмо из истинного слова Господня, яко управляющий царствами человеческими Вышний, во гневе Своём, за грехи народов, творит обладателей земных орудиями своего нелицеприемного правосудия. Но Он же, во благоволении Своём о людях Своих, даёт Государей мудрых, человеколюбивых, благодетельных, и духом Своим владычним утверждает их.

Ежели когда, то поистине ныне, должны мы, исполнив дух, отверсти уста свои и восхвалить милосердия к нам судьбы Божи. В священной Вашего Императорского Величества Особе, даровал Он нам Царя кроткого, милостивого, просвещённого, яко поставляющего счастье своё в счастье подданных своих. Да будут убо благословенны щедроты Божи, яко большего нас удостоили, нежели, сколько заслужили мы!

Ты же, Богоизбранный Самодержец наш, успевай и царствуй, истины ради и кротости и правды! Подпора Твоего престола и великолепие суть: благочестие, мудрость, кротость, милосердие, к немощным снисхождение к ожесточённым правосудие. Все мы твои чада или таковыми быть всегда усердствующие. Не иной кто во очах Твоих и любезен и велик, как токмо хранящий веру и совесть; привязанный не толико к выгодам своим, колико любовью к Тебе и к отечеству, и в священной Особе Государя почитающий неприкосновенного Помазанника Господня.

Сими воображениями, сими чувствами быв преисполнены о Тебе, Великий Государь! и о великом звании Твоём, восхищались мы радостью, размышляя о том и в отсутствии Твоём. Но что же теперь сотворим, сподобившись очами своими узреть Ваше Императорское Величество, Высокого своего Посетителя, Посетителя, окружаема пресветлым ликом Всеавгустейшей Фамилии?

Древняя царствующая Столица! подыми главу свою: зри великих твоих Самодержцев, великую и плодоносную отрасль. Да обновится старость твоя, яко юность орля! Веселися, новый Сионе, о Царе своём: и якоже Давид пред сенным ковчегом, тако ты пред всесветлым лицом Царя Твоего, скакая, играй и ликовствуй, ибо мы, сего первенствующего града счастливые обитатели, мы верные истолкователи всея России желаний и усердия. Ты же, Благочестивейший наш Монарх! приими сию должную Тебе от нас жертву, жертву, её же курение никогда не престанет восходить к небесам, с молениями нашими, да принято оно будет в воню благоухания духовного.

Говорена в Слободском Дворце,
1801 года, Сентября 9 дня.

3. Речь на прибытие Его Императорского Величества в Кремлёвский дворец

Всемиловитейший Государь Император!

Се древнее высоких и преславных Предков Твоих обиталище! вниди и обнови его! Все они сретают Особу Твою. Здесь Иоанн, первый во Царех, и сын его Феодор; тамо Михаил, возобновитель России; тамо и Алексей, утвердитель Её, и Феодор. Но здесь и Великий Пётр. От великих подвигов своих в месте сем они обретали себе покой. Отсюда суд и милость изливали на лице всея России. Видя они в Особе Твоей плодоносную отрасль свою и славный род свой продолжаемый, сретают Величество Твоё и радуются, почитая себя в лице Твоём живущими, и препоручают Тебе великий залог Российского царствия, и желают, вкупе с нами, да славу имени их не токмо сохраниши, но и да умножиши зело, зело!

4. Речь, по совершении Августейшего Его Величества Коронования

И так сподобил нас Бог узреть Царя своего венчанна и превознесенна. Что же теперь возглаголем мы? что сотворим, о Российские сынове? Возблагодарим ли вышнему Царю царей за таковое о любезном Государе нашем и о нас благоволение? и мы благодарим всеусерднейше. Вознесём ли к Нему моления, да доброте сей подаст силу? и мы молим Его всею верою нашею. Принесём ли что-либо в дар Господу? и Он благих наших не требует, – а и сей самый Венец, и Скипетр, и Державу, и Россию, и всех нас сердца и утробы приносим Ему и вручаем Ему. Приветствовать ли Ваше Императорское Величество с сим облечением славы? и мы приветствуем всеподданнейше. Изъявлять ли нам Вашему Величеству своё усердие и верность? и мы то свидетельствуем пред лицом неба и земли, пред лицом сего алтаря и пред лицом Бога и Ангелов его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливого и долголетнего царствования? О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будем оную воздевать к небесам в жару молений наших. Молиться ли, да Бог сам управляет Тобою, просвещая мысль и удобряя сердце? О! прильпни язык наш к гортани нашей, аще на что другое он будет обращён, а не на таковые токмо моления. Пасть ли нам пред престолом величества Божия, да находя в Монархе своём чадолюбивого Отца, будем мы к Нему привержены любовью, яко чада? и мы падаем, и громко пред Ним вопием: Премудрый Художник, мы пред Тобою – брение. Сотвори из брения сего сосуды не в бесчестие, но сосуды в честь! Таковым образом многообразные обращая в сердцах чувства, усматриваем нечто особого внимания и озабочивания достойное.

Вселюбезнейший Государь! Сей Венец на главе Твоей есть слава наша, но Твой подвиг. Сей Скипетр есть наш покой, но Твоё бдение. Сия Держава есть наша безопасность, но Твоё попечение. Сия Порфира есть наше ограждение, но Твоё

ополчение. Вся сия утварь Царская есть нам утешение, но Тебе бремя.

Бремя, по истине, и подвиг! Предстанет бо лицу Твоему пространнейшая в свете Империя, каковую едва ли когда видела вселенная, и будет от мудрости Твоя ожидать во всех своих членах и во всем теле совершенного согласия и благоустройства. Узриши сходящие с небес весы правосудия, со гласом от Судии неба и земли, да судиши суд правый, и весы его да не уклониши ни на шее, ни на десное. Узриши, в лице благого Бога, сходящее к Тебе милосердие, требующее, да милостив будеши ко вручаемым Тебе народам. Достигнут бо Престола Твоего вдовицы и сироты, и бедные, утесняемые во зло употребленною властью, и лицепрятием и мздоимством лишаемые прав своих, и вопить не престанут, да защитиши их, да отреши их слезы, и да устроиши их везде проповедывать Твою промыслительную державу. Предстанет и самое человечество в первородной своей и нагой простоте, без всякого отличия порождения и происхождения: взирай! возопиет, общий Отец, на права человечества! Мы равно все чада Твои. Никто не может быть пред Тобою извергом, разве утеснитель человечества и поднимающий себя выше пределов его. Наконец, благочестию Твоему предстанет и Церковь, сия мать, возродившая нас духом, облеченная в одежду, обагренную кровию едиnorodного Сына Божия. Сия Августейшая дочь неба, хотя довольно для себя находит защиты в единой Главе своей, Господе нашем Иисусе Христе, яко огражденная силою креста Его, но и к Тебе, Благочестивейший Государь, яко к первородному сыну своему, прострет она свои руки, и ими обняв выю, умолять не престанет, да сохраниши залог веры цель и невредим, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою пример благочестия и тем да заградиши нечестивые уста вольнодумства и да укротиши злый дух суеверья.

Но с Ангелами Божиими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрест престола Твоего пресмыкаться и ласкательство и клевета и пронырство со всем своим злым порождением, и дерзнут подумать, что, якобы под видом

раболепности, можно им возобладать Твоею прозорливостию. Откроет безобразную главу свою мздоимство и лицепрятие, стремясь превратить весы правосудия. Появится бесстыдство и роскошь со всеми видами нечистоты, к нарушению святости супружеств и к пожертвованию всего единой плоти и крови, в праздности и суете¹⁷⁹.

При таковом злых полчищ окружении, обьимут тя истина и правда, и мудрость и благочестие, и будут, охраняя державу Твою, вкупе с Тобою, желать и молить, да воскреснет в Тебе Бог и расточатся врази Твои!

Се подвиг Твой, Державнейший Государь! Се брань, требующая, да препояшеш меч Твой по бедре Твоей, О герой! и наляцый и успевай и царствуй, и наставит Тя дивно десница Вышняго!

Дивно, глаголем; ибо от всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить в мире и благоустройстве, требует сил более, нежели человеческих. Почему судя о Тебе, хотя превознесенном паче всех человек, но яко о человеке, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные в своих пределах удержать.

Удержать! Но что же означает сие днесь над Тобою совершившееся действие? Состоит ли оно в одной наружности? Составляет ли только один простой обряд? Ах, нет! О Давиде, егда избран был он Богом в царя Израилю, и святым елеем помазан, слово Божие гласит: «и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом». Сие Духа Господня ношение в день сей осенило и осватило главу Твою. Не тщетны желания всея России, не тщетны моления всея Церкви. Призирает Господь на молитву смиренных и не уничижит моления их.

Да и самое души Твоя расположение привлекает таковое призрение Господне. Ибо точно можем мы о Тебе, Государь, то же сказать, что сказано о помазаннике Давиде: «и Давид красен и добр очами и благ взором Господеви». И наш любезнейший Давид красен лицом, добр очами и благ взором Господеви, – что само по себе не толико бы было важно, ежели бы оно не было точным знамением Твоя красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечной.

И так, великодушнейший Государь, сим укрепися и ободрися! С таковою помощью небесною, с таковым дарованным Тебе духом владычним, подвиг Твой будет удобен, бдение Твое будет сладостно, попечение Твое будет успешно, бремя легко и ополчение Твое будет победительно и торжественно.

Но со ещё подаёт Тебе Бог своего о державе Твоей промышления печать видимую. Вложил Он в сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнейшую свою супругу, Её Императорское Величество сотвориши участну своя чести и славы венчания и помазания. Сие сходственно с уставом Предвечного. Когда священный супружества союз совокупил вас воедино, и когда уставлено Богом быти жене помощницею своему мужу, то и честь их должна быть нераздельна. Благоразумие же и добродетели Её Величества оправдят благую всех нас о ней надежду; конечно оправдит она слово Господне, дабы быть верною Вашему Величеству в ношении общественного бремени помощницею.

Видя таковым образом отсюда огражденна и укрепленна Тебе, Великий Государь, и радуемся, и торжествуем и приветствуем и благодарим Господу и вопием: Благословен Господь, яко посети и сотвори избавление людям своим и вознесе рог Христа своего!

Но прежде всех и паче всех да возрадуется душа Твоя, Благочестивейшая Государыня Императрица Мария Феодоровна, о благословенном плоде чрева Твоего! О коль сладостен, коль питателен для нас есть сей плод Твой! Святая Твоя кровь течёт по жилам Его, и все, что в ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостол провозгласил: «Аще корень свят, то и ветви». Корень ветви оживляет, а ветви корень украшают. Не есть ли сие в сердце Твоем, Благочестивейшая Государыня, живоносным источником полная радости? Ежели какая была и есть в душе Твоей скорбь, не доволен ли источник сей оную усладить! Ежели какие бурные тучи помрачали мысль Твою, сие воссиявшее от Тебя светило не довольно ли разогнать весь мрак сей? И так, видя днесь, яко мать Соломонова, Сына своего венчанна и превознесенна,

возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посетившему! А мы все вкупе, со всею Россиею, последуя Тебе, яко ликоначалнице Мариаме ударяя в тимпаны и кимвалы наших сердец пред священнейшим лицом Боговенчанного Монарха нашего, возыграем и воспоем, и услышано будет до последних земли: «с нами Бог, разумеите языцы и покоряйтесь, могущи покоряйтесь! «Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете, яко с нами Бог!»¹⁸⁰

5. По окончании всего действия Августейшего Коронования и св. Миропомазания

Здравствуй, всемилостивейший Государь наш Император, на преславном преславных России престоле! Да здравствует вкупе с Тобою вся Высочайшая и Августейшая Фамилия Твоя! Сие всеподданническое поздравление, в лице нас нижайших, приносят Вашему Императорскому Величеству все, всякого чина, состояния и возраста, верноподанные Твоя Державы. Приими милостиво, Боговенчаный и Богопомазанный Монарх! Взирая на чад своих да возрадуется душа Твоя, толико, колико мы радуемся и о Тебе, Главе нашей и Отце отечества! Ты же вышний и вечный Царю, благослови и царство Его в род и род до века!

Г. После Коронации, поздравительная от всего Духовенства, на данной ему аудиенции

Боговенчаннй и Боголюбезнейший Помазанник Господень, Благочестивейший Великий Государь, Император Всероссийский.

Вчера увеселялись мы зрелищем, как невидимая десница Вышняго возлагала на главу Твою венец. Днесь торжественно признаем мы Ваше Императорское Величество, Боговенчанною Главою нашею, Главою всея России. – Вчера священный рог помазанья изливался на чело Твое, на перси, на очи, на уши и руки, и райским благоуханием его усладила вся Церковь. Днесь со благоговением покланяемся Тебе, Помазанниче Божьи! и помазаньем освященные члены Твои духом с любовью лобызаем. Вчера введен Ты внутрь Святая Святых, и сподобился насыщен быти нетленною пищею тела и крове Господни, и окружённй священным ликом, сопричислен Иерархии небесной. Днесь Церковь, восприявшая Тя в недра свои, вручает себя взаимно в покровительство благочестивой Державе Твоей. Вчера с восторгом зрели мы, как Бог Тебе вручал все чины и состояния и возрасты. Днесь все они, благоговая к таковому Божью благоволению, повергаются пред Твоим престолом, и благонадёжно предают всех самих себя Тебе, а в лице Твоём Богу. – Вчера святому подвигу Твоему провозвещаемо было, яко не устрашатся и духи злобы стремиться на ослабление подвига Твоего. Днесь, усматривая они венец Твой, сияющий мудростью и правотой душевною, и чувствуя чудесную силу помазания Господня, бегут и скрываются от лица Твоего: и нехотя, но служат к славе Твоей, взятою над ними победою и торжеством.

И так, Всеавгустейший Монарх! укрепляйся силою Господа Саваофа, умножай славу толико прославленныя России, утверждай блаженство народов Твоих: шествуй исполинскими стопами; буди всегда благодушен и радостен, яко жених исходяй от чертога своего! Мы все верноподданные Твои всеусердно того желаем. Мы с таковым великого Царского

звания восприятием, Ваше Императорское Величество всеподданнейше поздравляем: и что сие желание и чаяние наше благословит Господь, в сердцах пророчески предчувствуем, и сим предчувствием восхищаемые, велегласно провозглашаем: Да здравствует Наш Самодержавнейший и Всемиловитивейший Государь Император, Александр первый, и с Их Императорскими Величествами Вселюбезнейшею Супругою, и Вседражайшею Материю, и со всею Августейшею Фамилиею, на многая лета!

Говорена в Кремлёвском Дворце
1801 года, Сентября 16 дня.

Д. Надгробное слово, при погребении Московского Митрополита Платона

произнесённое в Троицком соборе, Свято-Троицкой Сергиевской лавры Семинарии Ректором и Архимандритом Евгением

Какое унылое молчание окружает безмолвного посетителя! какой глубокий сон смыкает его утомлённые вежды! все боится пробудить его. Когда бывало, чтобы сердце его не сказало ему: Се дочь, тобою любимая, обитель, тобою преукрашенная? Когда бывало, чтобы сердце его не сказало ему: се чада, тобою растущие, тобою блаженные?

Восстани, Иерарх Богоподобный! отверсты врата дому Божия, веселящего сердце твое. Восстани, Пастырь неутомимый! предстоят пастыри, алчущие облобызать десницу твою. Восстани, Герой благочестия! окружают подвижники, ждущие твоего мановения. Восстани, друг истины, наперсник мудрости! твои питомцы¹⁸¹ слетелись к тебе, и жаждут твоего воззрения, проглаголения.

Но ах! тщетно любовь сыновняя столь долго зовёт отца своего. Тот, которого ни какие ужасы смерти, пожиравшей несчастные окрестности, не могли отвлечь и удалить от любезной ему обители, от любезнейшей и вкупе страждущей Паствы, тот, увы! внезапно восхищен и унесён от нас жестокою рукою неумолимой смерти. Лежит пред нами бездыханное тело, с толикою славою послужившее небесному Гостю; но оно не одушевляет, не восхищает нас. Зиждительный дух его, носившийся над душами нашими, воспарил к своему Источнику.

Не стало ПЛАТОНА! закатилось светило, столько лет полночный край освещавшее, и своею зарею проникшее во все страны Европы. Закатилось светило, Венценосцем Российским толико любезное, и нередко в исполинском их шествии предходившее. Закатилось светило Церкви, слава нашего века, удивление потомства, украшение и образец пастырей, пример и утешение народа!

Церковь и Отечество, сообщая друг другу внезапные горести, сокрушаются сердцем, озирая развалины прекрасной Столицы, и видя в гробе беспримерного её Иерарха; там святыню поруганную, здесь блюстителя святыни бездыханного; там храмы безмолвные, здесь истину безгласную; там овцы распуганные, здесь Пастыря неподвижного.

Раздираясь двумя драгоценнейшими потерями, они недоумевают, кого прежде оплакивать: град ли, толикими веками воздвигнутый, откуда почерпали миллионы семейств благоденствие; или гения, в столетиях редкого, миллионы душ к небесному граду руководившего? Столицу ли, венчанием Монархов порфиноносную, или Первосвященника, помазанием Владык знаменитого?

Так! мы человеки, и не можем смотреть равнодушно, когда основа земного счастья расторгается; но мы Христиане, и можем ли не содрогаться в глубине души, когда опоры Церкви, в душах Христианских духовно зиждемой, отъемлются грозным правосудием. Правда, больно лишиться имущества, праведно приобретённого, лишиться друзей, единственного утешения в горести, лишиться детей, надёжной подпоры в старости; словом, лишиться способов к достаточному и приятному жизни проведению; но тот терпит гораздо более, кто лишён способов просветить ум, удобрить сердце, возвысить душу к небесному благу. Сколько дух выше тела, сколько вечность превосходнее тленности: столько драгоценнее утрата зиждителей духовного совершенства, нежели строителей телесного благоденствия.

Притом самое земное счастье зависит от совершенства духовного. Не мудрость ли созывает диких? не витийство ли умягчает их нравы? не дружелюбие ли связует общество? не правосудие ли укрепляет? не прозорливость ли и деятельность творит безопасными и веси и грады и области? И если самое лукавство мира, приемля ангельские свойства, под их знамёнами, хотя на время, но весьма далеко расширяется и возвышается: то удивительно ли, что истинные доблести и заслуги ещё здесь на земле освещаются зарею той невечерней славы, которая их по смерти ожидает. *Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6:33).

Сим царским путём и сам шествовал и нас руководил наш незабвенный Архипастырь. Великий дух его не способен был пресмыкаться, ласкательство сильным земли, потворство предрассудкам и суевериям, личность и своекорыстие в разделении должностей и отличий были ниже высокой души его. В слух всея вселенной вещал он строгие истины могущим мира: не раздражая изуверства, стойким благоразумием умел он привести в бессилье закоренелые буйства черни, в границы державших возлагать огонь чуждый на алтарь Господень, в презрение подлую унижительность извергов духовенства, и дать достойное уважение достойному Священству; не подвергаясь нареканиям жестокости, он уничтожил несправедливое милосердие – недостойных сирот предпочитать достоинству и заслугам, и, поставив в виду награду, одушевил просвещение и деятельность.

Вотще злоречие изобретало тысячу изворотов, дабы обессилить его непременные правила. Скоро увидели, что не угождением миру он восходит к славе; но мудрою неусыпностью и постоянною ревностью, назидая славу Церкви и благоденствие чад её, столько приобрёл провозвестников его славы, сколько открыл путей другим к славе. Он не расточал каждодневных милостей, дабы держать сердца в порабощении; но поставлял бессильных в возможность действовать, и собственными силами, то есть человечески приобретать счастье.

Иные долгою жизнью приобрели уважение: он задолго до старости заслужил и благоволение Монархов, и почтение Двора, любовь народную и уважение подчинённых, не подделываясь под все вкусы, по примеру двоедушных; но истинными достоинствами и заслугами делая себя всем полезным и любезным. Казалось, он не приобретал славы; но родился со славою. Какие ни проходил степени; не он местом, но место им украшалось и возвышалось; ибо все дары, кои в раздельности составляют многих славу он имел совокупности в высочайшей степени. От наружности до внутренности, от простейших до высочайших талантов, всё в нём было образцовое. В теле статность с гибкостью, в движении осанка

без надменности, в лице красота с важностью, в улыбке приятность с целомудрием, во взорах пронизательность с доверием: голос нежный, но мужественный, грудь твёрдая, произношение светлое; а речь его – это Златоуст Российский. На священной кафедре вещал он божественно, в домашней беседе говорил ангельски. Самые его выговоры в грозных выражениях всегда вдыхали какую-то тайную надежду прощения. Таков он был по наружности!

Но к чему плодить описание качеств, всем известных? Кого не пленял он важностью и благолепием священнодействия! Не жалели ни труда, ни иждивения, принимать дальний путь, чтобы видеть Платона в служении: и, увидев единожды, не могли тем насытиться; и приходя с чувственной жаждою, на подобие Самаряныни, отходили упоены духовными чувствами веры и благоговения. Вот способы, кои употребило провидение, дабы превосходный дух его тем удобнее переливался в умы и сердца современников! Каждый взор его, каждое слово столь резко впечатлевались в слушателях, что пускали корни глубокого размышления.

Не говорю о его богатом просвещении и мудрости, могущих быть украшением издавна просвещённых народов. Не говорю о неподражаемом искусстве высокие истины Богословия приспособлять к простейшим понятиям. Не говорю о глубоком и основательном знании Св. Писания, его первой страсти и отличии. Бессмертны творения бессмертного проповедника суть неоценённый памятник и приятнейшее училище истины и добродетели.

Прочие души его качества и обычаи столько же просты, сколько и неподражаемы. Будучи добросердечен и откровенен, любил слушать советы других; но будучи полон совета и разума, редко мог им последовать. Будучи зорек и пронизателен, он не опровергал многоречиво лукавые хитросплетения; но ударяя в самый корень страсти, обнаруживал и приводил в ужас коварство. Соединяя вкупе и остроту ума, и твёрдость духа, к обузданию своевольных и усмирению надменных, а паче ревнуя по славе Божией Илииною ревностью, поражал всенародно гордость и буйство в

кратких словах; но с такою силою истины и благочестия, что после взор его был назидательнее длинных поучений.

Будучи и по природе и по рассудку страстен к деятельности, а посему пылок и стремителен, не терпел малейшего закоснения, когда оно истекало от нерадения: напротив, с глубочайшим молчаньем выдерживал самое несносное медление, когда оно происходило от необходимости. Словом: во всех его словах и поступках являлся дух прямо *Владычней*, и созидательный, так что часто видимая забывчивость и непримечательность было плодом добродушного благоразумия и будто недуманного снисхождения. Но можно ли исчислить все его доблести, измерить мудрость, изобразить благочестие? Самое злоречие, внимательное к одним порокам и слабостям, ища пятен в его уме и сердце, впрочем, признаётся торжественно, что он имел добродетели неподражаемые и был солнцем своего времени.

Душа великая! не престани носиться над нами и вдыхать в сердца наши твои небесные чувства, и укреплять Церковь, твоим отсутствием горестную и осиротевшую. Долго, долго будут искать тебя взоры и сердца наши; и, проводив бренный прах твой в жилище праха, не верить самим себе, чтобы отец оставил детей своих.

Нет, слушатели, он не оставит вас. Чадолюбивый дух в жилище вечной любви измениться не может. Он *спит* (Песн. 5:2) пред нами на земли; но бдит на небеси пред Ходатаем. Христиане! Утешимся упованием веры: он не забудет нас, и вместе с Сергием, остановит паки перуны воскипевшего небесного мщенья. Но дети! восплачем о нём слезами сыновней любви: он отечески любил нас, он часто плакал за нас; и – тогда, когда изнурительная болезнь отняла у него все занятия, по самый последний день своей жизни, не преставал он упадать на трепещущие колена, обливаясь слезами пред возлюбленным Ходатаем за возлюбленного Израиля. А частою исповедью и причастием предсоединяясь со Христом своим, оставил христианам и пример всегдашней готовности к смерти, и свидетельство веры, что для него было и еже *жити Христос, и еже умрети приобретение*. (Флп. 1:21).

Е. Надгробные слова

**1) В Троицком соборе, по отпении
Преосвященнейшего Митрополита Платона,
говорённое Троицкой Семинарии Префектом
Неофитом, в последствии Епископом
Архангельским**

Печальные зрители печального зрелища! Жёны Иудейские, пришедши зело рано на гроб умершего Иисуса, принесли ароматы, да помажут тело Его. – Се и мы пришли ныне на гроб бездыханного Пастыря нашего; пришли не с благоуханными ароматами, да помажем тело его; но со слезами признательности, да оплачем дети Отца своего. Пришли также зело рано. Ибо едва надежда жизни его начала паки рассветать; едва паки утро нашего счастья возвратилось к нам; как вдруг сокрылось за горизонт светило дней наших. Пошли мы зело рано на гроб сей. Ибо мало для нас было сьмидесятилетнего течения его. Наши сердца жаждали, умоляли непрестанно небо: да станет, да станет ещё солнце наше над нами! Но ах! судьбы Превечного не испытанны. Свет его, обнимавший обширные края Отечества нашего, сокрылся во мрак тесного гроба.

Жёны Иудейские не забыли и во гробе небесного Посланника, не забыли Божественного учителя своего, с коим беседовали. Вспомним и мы, как сей Пастырь наш, нося на себе образ Пастыреначальника Иисуса, оглашал гласом своим духовное стадо своё; как словесные овцы слушали гласа его, и вслед ему шествовали. Вспомним, как он, подобно древнему Моисею, чудодействием Пастырского жезла, приводил нас сквозь море житейских бурь в страну небесных обетований. Вспомним, как он на горе Господней, в семь дому Божиим воздевал преподобные руки свои к Небу, со слёзным потоком из очей, да не одолеет сила Амаликова нового Израиля. Вспомним, как он, подобно Самуилу Пророку, возливал елей помазания на главу Давидов, и вещал им торжественно суд и истину Царёву. Вспомним, как он всюду насаждал и удобрял духовные вертограды, да цветут красная их, и да текут ароматы их. Вспомним – но ах! воспоминание неисчислимого прошедшего

тем более растравляет настоящие раны сердца нашего. Да и кто из нас, видя гроб сей, помещающий тело великого духа, не совмещает в мысли своей и бессмертное бытие бессмертных подвигов его?

И так, утешимся, утешимся в сей слёзной потере нашей. Дух его, хотя оставил тело сие; но не оставил нас. Следы его всюду напечатлены неизгладимо. Он жив в нас. Он всегда будет жить в нас своими делами здесь во времени: а там, в вечности, в один бесконечный раз, рано или поздно, соединимся с ним лицом к лицу.

В сих чувствованиях вознесём к Небу, пред лицом гроба сего, последний глас свой: Боже духов! прими в объятия Твои дух Пастыря нашего с миром, и даждь ему царствовать с Тобою во веки!

**2) Говорённое по отпетию тела Митрополита
Платона, в Вифанской Троицкой Семинарии
Риторике учителем, Иеромонахом Никанором
Клементьевским, впоследствии Митрополитом
Новгородским и С.-Петербургским**

Всё уже совершилось; остаётся только положить горсть земли на гроб Его. – Ты преселился в вечность, проповедник вечности. Но скажи нам, Отец наш, для чего ты ещё не помедлил во времени? Мы молили Господа о крепости сил твоих, желали тебя здесь видеть приносящим святыя дары Господеву; надеялись торжествовать с Тобою избавление от врагов, для чего не помедлил ещё во времени? или созрели в тебе плоды веры Иисусовой, и – ты понёс их к небесному вертоградарю; или бедствия, постигшие сынов твоих, положили тебя во гроб; или не было при тебе Господа, как умирал ты? – Он и позвал Тебя в вечность к покою, утрудившегося Пастыря Церкви.

И так, скажем: наши желания, наши молитвы не могли удержать праведника на земле. Скажем: Отец наш, Пастырь наш, ты более не наш! Церковь не престанет плакать о потере своей. Мы не престанем говорить и вздыхать о тебе; ибо не забудем, кто ты был нам, а мы тебе.

Остались сиротами! Уста единого отверсты, но сердца всех повторяют тоже: мы остались сиротами. – В последний раз, в сей обители, в сем храме видим тебя, в последний раз лобызаем благословляющую руку твою. Слезы из очей наших льются во гроб твой, вместо награды нашей, за твои подвиги, достоинства, добродетели.

3) Слово

При случае совершаемых молитв над гробом Петра Великого, по причине одержанным флотом Российским над Оттоманским флотом во Архипелаге славной победы, 1770 года, июня 24 дня¹⁸².

Если мужа праведного память должна быть с похвалами, да и с похвалами вечными, по словам Духа Святого; то, собравшись мы в сей священный храм, ничего прежде вообразить не можем, ни на что прежде с большею похвалою язык наш не должен устремиться, как на Основателя сего храма и царствующего града сего, Петра, глаголю, именем славного, делами Великого, истинного Отца Отечества нашего.

Но при сем случае видя нас преуготовляющих уже мужу сему сердечные приношения, и наши жертвы, уже курящиеся, может, кто, удивившись, спросить: какая бы причина была, которая бы возбудила нас к нынешнему Мужа сего особливому прославлению? ибо имя Его никогда в забвении быть не может. Аще мы умолчим, камение сии возопиют: аще мы умолчим, возопиют о Нём стены града сего, бесчисленные дел и рук Его останки. Ибо на что ни обратим взор свой, всё Ему одолжено началом, всё плод Его благоразумия и просвещения. Он ввёл во Отечество наше художество и науки. Его рука открыла нам завесу видеть случаи света, и в них проникая, предварять все противных замыслы. Его геройский дух привёл воинство в сие состояние, в котором мы его ныне видим и радуемся; в котором его ныне видит свет и удивляется. Его десница открыла нам сокровища земная, и нас обогатила. Его просвещению самая Церковь признаёт себя одолженною: ибо новое от него получило светило. И сие бо самое, что с сего места народу поучения провозглашаем – и сие самое есть плод его благоразумия; словом, всё что ни видим, что ни вообразим, Пётр или изобрёл, или утвердил, или основал, или к тому случай подал.

При толиких Его славных делах и Отечеству великих одолжениях, может ли Россия столь забыть себя, чтоб Петрово

имя всегда не прославлять, и им при всяком случае, не увеселять себя?

Так что же возбудило нас к нынешнему особливому имени Его прославлению?

На сей любопытного вопрос ответ готов: Пётр Великий воскрес, воскрес в Великой Преемнице своей, Екатерине второй. Ибо не может живее изображён быть характер Петрова Божественного духа, как он имеет в Монархии нашей. Дела, коими ныне отечество наше прославляется, можно сказать, что или воскресший Пётр, или паче вселившаяся в Екатерину Петрова душа производит.

Предоставив удобнейшему времени их всех исчисление, коснёмся хотя кратко нынешних славных военных происшествий – происшествий, которые колеблют свет, а Россию заставляют лить слёзы радости.

Удары, которыми сокрушаются рога гордые луны, уже слышны везде по вселенной. Воинство, Петром учреждённое, а Екатериною правимое, прослыло непобедимым. Все страхи, которые бы могли смертного поколебать, суть для него только большое к мужеству поощрение.

Каждое его движение делает новое торжество. Россиянин уже обик не оставлять своих следов, разве со славою; и путь, где проходит, замечает трофеями: ибо руки его яко железны, мышцы медяны, грудь адамантова, а душа геройская.

И для того, не всегда можно и неприятелю нашему в слабость причитать, что он противу лица такового воинства стоять не может и в бег обращается. Ибо иногда от мужественного и победиму быть слава есть.

Но как бы то ни было, слава побед трубою своею непрестанно оглашает уши наши. Не успеем, так сказать, окончить одно торжество, как другое начинать надобно. Новая весть! Какая? Известная: неприятель побеждён, прогнан; Россиянин торжествует, получил величайшую добычу; завладел лагерем, да в нём же Богу и благодарные воссылает молебствия. Летят сюда знамёна: и се их множество пред очами нашими: знак мужества и слабости, слабости сопротивных; храбрости воинства нашего.

Хотел бы я более в сей приятной *материи* удержать слово своё; но се к другому, не меньше приятному, или славнейшему предмету оно стремится.

Помянув мы в начале Петровы дела, прешли было молчанием славнейшее ума и тщания Его изобретение – изобретение. Ему единому свойственное – изобретение, какого и для Него самого ничего не было приятнее и внимания Его достойнее. Сие изобретение есть флот Российский. Известно, что держава наша со всех сторон окружена морями, да и соседями, кои теми морями владычествовали. Россияне, по несчастию тогдашних времён, на сие взирали невнимательным оком. Морское плавание им было несведомо, или и ужасно. И когда мы, таким образом, дремали, недоброжелатели не без удовольствия внутреннего взирали на сие, и чтобы не пробудились мы, крайне опасались.

Сей нужный случай не мог укрыться от доброго ока Петрова. И что не возможно Монарху мудрому, тщательному и любимому народом своим? Божия судьба, Которая уже положила прославить Россию, подала Ему случай видеть малой ботик, который в сем месте хранится, и вечно хранен быть достоин. От сего в пространном Петровом уме великие родились мысли. Начал созидать морские плавающие крепости, и составил из них великий Российский флот: великий не числом токмо кораблей, но великий и силою и славою: ибо в своём, так сказать, младенчестве получил он уже победы над теми, которые давно сею славою превозносились.

Но восстань теперь, Великий Монарх, Отечества нашего Отец! восстань и возри на любезное изобретение Твоё; оно не истлело от времени, и слава его не помрачилась. Восстань и насладись плодами трудов Твоих! Флот, Тобою устроенный, уже не на море Чёрном, не на Океане Северном. Но где? он на море Средиземном, во странах восточных, во Архипелаге, близ стен Константинопольских – в тех, то есть, местах, куда Ты нередко око Своё обращал, и гордую намеревал смирить Порту. О как бы Твоё, Великий Пётр, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы Тебе, как живому вещаем, слыши: флот Твой во Архипелаге, близ берегов Азийских, Оттоманский флот до конца

истребил. Российские высокопарные орлы торжествуя, именем Твоим весь Восток наполняют и стремятся предстать пред стены Византийские.

Сим славным происшествием обрадовано Отечество Твоё, а особливо Помазанница Господня, любезнейшая сродница Твоя по Бозе, сию победу Твоему имени посвящает, и нас чад своих привела пред лице блаженных мощей Твоих, прославить имя Твоё, а в имени Твоём прославить добродетель, в добродетели же прославить самого Бога. Услыши наши сии к Тебе провозглашения; или паче Ты, Господи Боже духов и всякой плоти, упокой в недрах Твоих любезную нам Петрову душу, и в радости вечной и сего торжества, удовольствия чувствовать ей благоволи!

Accepi litteras tuas, quibus tuum erga me significasti amorem, quamvis multis argumentis is ita mihi perspectus est, ut nullatenus de eo dubitare possim. Hoc nomine multum me tibi debere fateor, quod vero in edendis veterum scriptis, praecipue Graecis, tantum ponas laboris et operae. Pro hoc non amore, te sed veneratione dignissimus esse, nullus ibit infitias. Quare, quod te amem, quod, ea, qua dignus es, veneratione prosequor, quodque tuis doctissimis atque solertissimis semper faveam labonbu, te persuasum esse te velim. Vale. a. 1776.

ΠανιερώτατεΔέσποτα!

Ἐλαβον παρὰ τῆς ὑμετέρας Πανιερώτητος τὴν βίβλον Κυριακοδρόμιον, τὴν ὁποῖαν ἐν τόχει καὶ ἀνέγνωσα. Τὸ ὁξύνοον τῆς ὑμετέρας ψυχῆς καὶ γνῶσις τῶ ῥήτορος πανταχῶ κατοπτρίζεται. Δὲν ἀνέγνωσα ποτὲ βίβλον γραικικῇ φράσει μᾶλλον γεγραμμένην, καὶ πρὸς τὴν ἐλληνικὴν κατὰ πολλὰ πλησιάζουσιν, τοσῶτον εὐήκῃσιν καὶ εὐκατάληπτον καὶ διὰ τῶτο ὕχι μόνον τὸ τῶν Ἑλλήνων γένος ἀλλὰ καὶ ἡμεῖς ἐσμὲν πάνυ ὑμῖν ὑπόχρεοι. Ἀκολουθῶς ἐπιθυμῶ, ἵνα ἀκούοντες καὶ ἀναγινώσκοντες λάβωσι τὴν ἐκ τῆς βίβλου ταύτης φερομένην καὶ παρὰ σὺ ἐπιθυμητὴν ὠφέλειαν.

Τῆς Ὑμετέρας Πανιερώτητος
ἀγαθοθελίτης παντοτινός,
Μητροπολίτης Πλάτων.

Ἐκ Λαυρας,
Τῇ 29 Σεπτεμς
1796 ἔτ.

Описание Перервинского монастыря

Перервинский монастырь расстоянием от Москвы в 7 вёрстах на полуденную сторону. Положение его на возвышенном красивом месте, против самого, на другой стороне Москвы реки, в трёх вёрстах от монастыря стоящего, села Коломенского и Государева дворца; откуда и Москва довольно видна. Именуется монастырь Перервинским по общему древнему преданию и по самому слова знаменованию, что река Москва прежде текла близ самого монастыря; но после прервалась, и пошла другою дорогою, в некотором от монастыря расстоянии; какового её прерыва и остались следы: находящееся близ самого монастыря озерко, которое своею узкостью и довольным протяжением показывает бывшее тут реки течение. Да и ныне паки оная река стремится на прежнее своё течение; ибо левый свой к монастырю берег непрестанно обрушивает, и приметно через 80 лет, что уже слишком на десять сажень берег подрыла, и приближается к прежней своей ложе, к помянутому озерку, и вероятно, что через несколько лет едва ли паки не возьмёт своего течения близ монастыря, а тогда уже и именование Перервинского монастыря будет ему несвойственно; но может уже именоваться по-прежнему, Никола Старый, как о сем ниже будет объяснено.

О начале Перервинского монастыря

Когда, в каком году и кем сей монастырь устроен, хотя точного доказательства не обретоено; однако, по общему преданию и согласному старожилов в слободке той по преемническому от отцов, дедов и прадедов сообщению, утверждается, что монастырь Перервинский прежде назывался Никола Старый. Сие наименование открывает обильное о древности сего монастыря рассуждение. Наименование Николы Старого, Перервинским монастырём, когда последовало, хотя точно не видно; но в грамоте Царя Михаила Фёдоровича уже он именован Перервинским. А как по сему полагается несомнительно, что он уже прежде сим наименованием означаем был; то, по вероятности, основательно можно утвердить, что перемену прежнего наименования Николы Старого, на название Перервинским, должно относить ко времени после Царя Ивана Васильевича, по причине прервавшегося прежнего возле монастыря течения Москвы реки, как выше показано.

Теперь приступим к именованию сего монастыря, Никола Старый. В Российских летописях часто поминается монастырь близ Москвы Никола Старый; в 1569 году Филипп Митрополит сослан от Царя Ивана Васильевича в монастырь близ Москвы к Николу Старому (да ещё поминается о том, кажется, в трёх местах). Настоит вопрос: какой сей был монастырь, Никола Старый? Нет никакого близ Москвы монастыря, который бы назывался Никола Старый: да и чтобы когда был, а после уничтожен, ни предания, ни следов никаких нет. Состоит не в близости, но в 15 вёрстах от Москвы монастырь; что на Угреше: но Угрешский монастырь точно по летописцам известно, когда и кем основан и наименованы монастырь Николы, что на Угреше, и везде в летописцах под сим наименованием поминается; а не Никола Старый. Находится в Истории et cet., – что Митрополит Киприан пришёл к Николу Старому, и там облачившись, шёл пеш в Успенский собор: но под сим именем никак не должно разуметь Перервинского монастыря: ибо тот Никола Старый не

назван монастырём, но просто Николаем Старым, а должно разуместь близ Кремля стоящую приходскую церковь, которая называлась Старый Никола¹⁸³. Отсюда весьма удобно было Митрополиту в Кремль пешу шествовать. Да и в явное сего доказательство, и ныне ещё близ Кремля находится церковь Николая Чудотворца, что на старом Ваганькове (не Алганькове ли?). Почему и должно полагать сию церковь в Москве, названною Николою Старым, а не Перервинский монастырь.

О древности Перервинского монастыря

Положим за несомнительное, что Перервинский монастырь, есть тот, который в древности назывался монастырь близ Москвы, Никола Старый, из того прямо выводится древность его: ибо посему он назывался Никола Старый.

По истории известно, что град Москвы стал знаменит и почитаться Княжением при В.К. Данииле Александровиче, сыне Великого Князя Александра Невского. Им основан ныне существующий Данилов монастырь, коему, без всякого сомнения, должно отдать первенство пред прочими монастырями, находящимися в Москве; и ежели бы сей Данилов монастырь так бы был первым, чтоб и близ Москвы старее его не находилось: то или он назван бы был пред прочими монастырями старый, или когда бы Перервинский монастырь устроен был после Данилова монастыря, то не мог бы он назваться старым, поскольку прежде его был бы уже устроен Данилов монастырь. Почему, по всей вероятности утвердить можно, что он прежде Данилова монастыря, но и едва ли не прежде самого града Москвы; ибо по Истории известно, что где ныне град Москва, было селение знатных господ, именованном Кучковых, как в повести о Великом Князе Андрее Боголюбском более об них писано. В том селении, яко Христианском, конечно были церкви: и в то же ещё время, по тогдашнему обыкновению, какой-либо пустынник избрал сие весьма выгодное место, и устроил малый монастырь, или пустыньку. Почему, когда открылся град Москва, и начали в нём устроить монастырь: то сей ныне Перервинский монастырь и стали называть Николою Старым, яко старейшим вновь устрояемых монастырей.

Теперь следовало бы повествовать о его происхождении; но сего ожидать не можно: ибо известно, как Поляки завладели Москвой и всё в Москве и около её разоряли и жгли, а паче свирепели против нашего благочестия и монастырей; почему нет сомнения, что и сей монастырь Николы Старого от них не пощажен, почему и всё, до сведения сего монастыря

надлежащее, истреблено; да и мнить можно, что и самый монастырь предан на жертву ими, а после возобновлён.

Вести. Евр. 1829, № 2

сравни Историю Росс. Иерархии ч. V.

I

Преосв. Митрополит Филарет показывал Государю Императору Николаю Павловичу 25 Сент. 1826 г., в ризнице Троицкой Лавры, следующее письмо Его родителя к Митрополиту Платону о рождении Его:

Преосвященнейший Владыко!

Сего утра Бог даровал мне сына Николая. Зная участие, которое принимает Ваше Преосвященство во всём, касающемся до меня, извещаю Вас, пребывая Вашим благосклонным.

Павел.

1796 г. Июня 25.

Записки о жизни Платона, Митрополита Московского, им самим писанные, и оконченные Самуилом Костромским Епископом

Родился 1737 года июня 29 дня, посвящённого празднованию первоверховных апостолов Петра и Павла, при самом восходе солнечном, и в самый тот час, когда отец его, по должности своей причётнической, ударил к утренней службе и, услышав в ту же минуту, что родился ему сей сын, оставив звон, пошёл от радости узреть родившегося. Сие другие услышав, то есть что начался звон и вдруг перестал, удивились, и узнав тому причину, сорадовались обрадованному отцу; а может быть, что-либо из того и заключили. Но, по крайней мере, Пётр (ибо он, яко родившийся в день празднуемых Петра и Павла, Петром, по желанию отцовскому, наименован), а после Платон, что он родился в день великих Церкви учителей и проповедников, что при самом восходе воссиявшего солнца, что при звоне, созывающем всех христиан на службу Божию и что после он удостоился быть и учителем Церкви, и проповедником Евангелия, и пастырем Христова стада, с некоторыми против других отличными обстоятельствами, через всю жизнь свою почитал сие особенно счастливым и благодатным судеб Божиих предзнаменованием. А что при том отец его, услышав о его рождении, оставил звон и пошёл к родившемуся, о сём рассуждая часто, Платон уподоблял таковой случай *отроковице Роди*, в Деяниях упоминаемой (Деян. 12:13), которая услышав у врат стояща апостола Петра, не отверзла дверей от радости, но притекши в дом, возвестила о прибытии его.

Родился же Пётр в селе Чашникове, которое отстоит от Москвы на 40 вёрст, на большой Петербуржской дороге, от отца Георгия, который был тогда в селе том при церкви причётником, а после в другом селе, в Клинском уезде, Глухове, священником и от матери Татьяны.

Отец Платона, Георгий был свойства горячего, но простосердечного и откровенного: лести не знающий и отвращающийся оной; также не корыстолюбив; особливо низким образом корысть приобретать почитал себе противным и в других предосудительным. А мать Татьяна, быв благоразумна и рассудительна, была горяча к детям и о добром их воспитании и опрятном содержании весьма пеклась; наипаче, быв сама набожна и благочестива, и детей приобучать богомолью и страху Божию первым долгом почитала. Была домостроительная хозяйка и щадила малое дома содержание, чтоб ничего не издержать на что-либо излишнее. Через что, хотя дом был и небогатый, однако ни в чём нужном, что до пищи, питья и одевания, не скудный; почему и детей своих в лучшей содержала опрятности, нежели другие, содержанием быв богаче. Нравов была благородных, не любила низкости, и чтобы во всём сохранить свою честь, и от других почитание заслужить, была всегда расположена. Службы Божией почти никогда не оставляла; нищих, по возможности, всегда оделяла, с некоторым своим удовольствием, и едва когда просящему отказывала. Была трудолюбива и воздержна, а тем и здоровье хранила; и продолжила жизнь до 70 лет; и долее может быть продолжилась бы жизнь её, ежели бы свирепевшая в 1771 году в Москве заразительная язва жизни её не пресекла, и погребена в Москве, при церкви приходской у Спаса во Спасской.

Поминается здесь о свойствах родителей Платона, дабы изъяснить, что оные родителей свойства и во нравах рождённого от них некоторым образом были видимы: о чём после будет помянуто.

Быв младенцем, как мать неоднократно сказывала с удовольствием, всех взоры и любования на себя привлекал. Ибо дитя было лицом красное, ласковое, миловидное, здоровое и состава по всему самого порядочного. Почему, когда мать его на руках пред людьми, или дома или на улице держала, или кормила, или пестовала, все привлекались брать его к себе на руки, пестовали и им со услаждением любовались, так что иногда мать приводило сие в опасность, чтобы брав все его на руки какого вреда по неосторожности ему не причинили, и для

того остерегалась пред людей всегда его выносить. Таким образом, возрастал младенец под заботливым воспитанием матери, которая на него взирала, яко на дар Божий. И как начал он говорить, тотчас начала внушать ему имя Божие и научала молитвам, младенцу свойственным, отзываться к общему Отцу всех тварей.

На шестом году от рождения начали Петра обучать грамоте: азбуке, Часослову и Псалтыри, а потом писать, каковый общий был тогда обучения порядок для всех всякого состояния отроков. Пётр был весьма понятен: и удобно, и скоро всё изучивал. И хотя иногда к отроческим играм и резвостям был несколько склонен и от учения затем в некоторые часы удалялся; но зато от отца был наказыван, с большею, может быть, строгостью, нежели бы возраст лет и живость младенческого свойства дозволяли; однако, сию строгость матерние ласковые увещания приводили в умеренность. Изучился младенец грамоте и писать через два года, и на восьмом году уже в церкви не только читал, но и пел церковные обыкновенные стихи, ибо и в пении по одной наслышке столько успел, что на том же году мог уже один без помощи другого, на клиросе отправить всё пение Божественной литургии. Ибо и голос имел светлый и приятный, и к пению особую склонность, и в церкви, на всякой службе Божией быть, его особенно веселило; о каковой его к церкви и к службе Её отличной склонности после не умолчу. И за таковое в таковых летах преуспеяние, и охоту к чтению и пению, и прибежище к церкви, а притом за свой всегда весёлый и ласковый нрав, и от родителей и от сторонних был любим и похваляем и выхваляем.

На десятом году от рождения был он отдан в школу. При сем нельзя умолчать некоторого особенного случая. Отец его, священник Григорий, был потом, по некоторым превратным мира сего обстоятельствам, священником в Серпуховском уезде, в селе Липицах, что близ реки Оки в Коломенской епархии. Требовано было от Духовного правительства, чтобы все священно- и церковнослужители детей своих приводили в семинарию в Коломну. Отцу Петра крайне сего не хотелось. Ибо

он в Коломенскую епархию, в помянутое село переселился не по охоте своей, но по принуждению обстоятельств: и желалось ему, чтобы из той епархии выйти в Москву, куда после вышел, и был священником викарным у церкви Николая Чудотворца, что слывёт Красные Колокола. А сын его больший Тимофей и брат Петров, был уже определён в пономаря, в Москве, у Софии Премудрости Божия, что на берегу Москвы реки; который Тимофей был после дьяконом в Москве, у Иакова Апостола, что в Казённой; а потом у Спаса в Спасской, где умре и погребён. Отцу Петра желалось, чтобы и другой сын его, сей Пётр, и другой брат его, Александр, определены были в московскую епархию, в тамошнее училище, почему и просил московскую Духовную Консисторию, чтобы детей его, сего Петра и другого брата его Александра определить в Московскую Академию по причине брата его, находящегося в Москве, помянутого Тимофея. Но секретарь сего прошения не принимал, говоря, что ему, яко находящемуся в Коломенской епархии, надлежит своих детей отдать в семинарию Коломенскую. Но отец неотступно просил: секретарь два и три раза настоял сильно. Напоследок секретарь, и утруждённый и удивлённый таким настоянием, перед всеми сказал: *Ну! Ты прямо отец детям; здесь мы не можем обирать денег от священников, кои просят, чтобы их детей в школу не брали: а от тебя не можем отвязаться, чтобы детей твоих в школу определить.* И так, принял прошение, доложил присутствующим. Послано сообщение в Коломенскую епархию, что увольняются ли они для обучения в Московскую Академию? Там охотно уволили и прислали в сей силе соответствие. Итак, Пётр и брат его меньший, Александр (который после был дьяконом в Москве у Спаса в Спасской, а потом священником у Николая в Хамовниках, а после протопопом у Спаса на Бору, а наконец протопопом Большого Успенского Собора и Синода членом и кавалером, который там и преставился, 1798 года) определены в Московскую Греко-Латинскую Академию, а жительствоваали при брате своём Тимофее, при церкви Софии Премудрости Божия.

По приведении в Академию, предстали перед префекта, который тогда был Иоанн Козлович, после бывший Донский

архимандрит и наконец Переяславский епископ, и тамо умре. Префект ободрил представших перед него отроков, сказав: детки, учитесь, после протопопове будете. И сие сбылось его пророчество: один и подлинно стал протопопом, а другой протопопов начальником. По определению в Академию, изучился Пётр в две недели писать и читать по латыни. Потом переведён в Фару, или низший грамматический класс, где быв год, переведён в Грамматику, по прошествии года в Синтаксиму или высший грамматический класс, через год в Пиитику; по прошествии года в Риторику, где быв два года переведён в Философию; а через два года уже и в Богословию. Учители его были в Фаре – Григорий Афанасьевич Драницын, который в монашестве Геннадий, после был Академии префектом и Ректором, и потом Суздальским епископом, где и преставился. В Грамматике иеродиакон Лаврентий Чепелев, который в Иркутске в изгнании преставился. В Синтаксисе помянутый же Драницын. В Пиитике иеромонах Амвросий Юматов, который после был архимандритом в Китае, в Пекине, где и преставился. В Риторике иеромонах Кирилл Григорович, который окончил жизнь свою несчастливо. В Философии и Богословии, помянутый же Драницын или Геннадий.

Обучался Пётр Левшинов (ибо так он прозывался) латинскому языку и помянутым наукам: Пиитике, Риторике, Философии и Богословию. Притом обучился сам собой Географии; а знание Истории приобрёл всегдашним чтением исторических книг, к чему прилежал через всю свою жизнь, и не было для него приятнее упражнения, как чтение Истории, всей вообще и своей отечественной.

По тогдашнему в Академии порядку, греческому языку обучались ученики особо, через два года по окончании Синтаксиса, и из греческого класса переводимы были в Пиитический, через что латинского языка учение прерывалось. По желанию учителя Пиитического, чтобы Петра иметь у себя в классе. Греческий класс он миновал; а через то и лишился знания греческого языка. Но дойдя до Философии и увидев, что по многим встречающимся греческим словам языка сего знание нужно, а притом приметив, что некоторые товарищи его,

впрочем, в успехах учения и худшие его, но греческий язык хотя несколько знают и тем перед ним преимуществуют, сим чувствительно тронут был Пётр, что он, товарищей в науках превосходнее, но знанием сего языка перед ними яко унижался, почему горячо принялся, чтобы сие желание своё выполнить. Но много встречалось затруднений. Не было грамматики греческой, купить было не на что; да и учить некому. Но чего не преодолевает горячее прилежание и тщание? Выпросил на время у товарища грамматику греческую на латинском языке, сочинённую архимандритом Варлаамом Лашевским, и оную всю переписал, а через то и писать по-гречески научился, как бы срисовывая буквы греческие с печатных: почему и почерк его письма по-гречески был сходен с греческим печатным. Достав, таким образом, Грамматику, начал сам себя по ней учить; сам себе уроки задавать; сам себя выслушивать; сам себя или похвалить за прилежание, или осуждать за нерадение. А как места случались, кои он выразуметь не мог, о том, приходя в школу, у товарищей своих, знавших греческий язык, спрашивал и через то вразумлялся. Потом и задачи к переводу с русского на греческий сам себе задавал, а о словах греческих спрашивал у товарищей и записывал и потом, дома сочинив, показывал товарищам, кои прочитавши или похваляли или поправляли, через что помалу и успевал Левшинов. Но как сего было недовольно, ибо затруднительно, то вздумал он ходить в Греческий монастырь, близ самой Академии стоящий, на службу Божию, сколько время позволяло, и со всем вниманием прислушивался к чтению и пению Греков, и сие много Петра воспользовало. Ибо и слова некоторые понял, и некоторые их сложения приметил, а паче правильное их произношение перенял, да и пению их несколько научился. А потом, когда стал учителем в Академии, имел свободный случай с Греками нередко обходиться, а через обхождение, разговаривая с ними, хотя худо по-гречески, но через то себя поправлял, и нечувствительно больший успех приобретал. Ибо уже мог некоторые не трудные на греческом языке книги читать и разуметь, и с греками сколько-нибудь, хотя не совершенно, разговаривать, не попросту, εἰπλὰ, как Греки говорят, но по-

еллински. А потому, уже будучи в Академии Пиитики учителем, обучал учеников греческой грамматике и всегда с удовольствием Пётр о себе говорил, что он на греческом языке αὐτοδίδακτος, т. е. сам себе учитель; и сие услаждение была истинная награда за немалые его в изучении греческого языка труды. В прочих же во всех науках, в Академии преподаваемых, был Левшинов отлично успешен, и из всех товарищей почитался первым. Почему и от учителей и от товарищей всех был особенно любим. От учителей за прилежание, за всегдашнее в школу хождение, за отличный во всём успех и за благонравие. А притом, как он изучился партесному пению, и имел голос приятный, и знал в пении искусство, то и сие любовь к Петру учителей умножало. А товарищи его любили за добрый и весёлый нрав и словоохотливость, с некоторую всегда пристойною шутливостью. Но Бог его сохранял, что никогда ни с кем он не ссорился и не бранился. Ибо имел нрав мягкосердечный, и в случае уступчивый и стыдливый.

Но как между тем Пётр поступал в домашнем обхождении и в чём упражнялся? Жил он при помянутом брате своём Тимофее, который был дьяконом у Спаса во Спасской, где вместе жили и родители его. Пётр, исправив задачи, назначенные от школы, дома упражнялся в чтении книг и в хождении в церковь на службу Божию. Всегда он, через всю жизнь, сожалел, что тогда в Академии другим наукам и языкам не обучали, в коих он конечно сколько-нибудь предупел бы. А паче сожалел, что превеликую имел охоту к чтению книг, но книг дома никаких не было, купить было не на что, из Академии никаких книг не давали. Почему Пётр, чтобы утолить жажду свою, читал все книги, какие в церкви могли найтись, яко то: Четьи минеи, Прологи, Камень Веры, Маргарит, Обед Духовный, Вечерю, Историю Барония, а паче всего послания апостола Павла, коими толико восхищался, что их, может быть, более двадцати раз прочитал, и никто ему столько не нравился, как сей великого имени и духа муж и Святитель Иоанн Златоуст. А к лучшему знанию в латинском языке много ему послужила книжка Цицеронова о должностях: De officiis, которую мать, ходя по площади, и сама не зная, для него купила, а другая История

Курциева , которую он выпросил у товарища для прочтения. Он их с жадностью великою читал, и по особой склонности, и по неимению других книг, многократно их чтение повторял; особливо услаждался пресладостным и остроумным слогом Курция; и казалось ему, что язык, коим говорил Курций, есть яко выше человеческого, поскольку подобной сладости и остроты и умных переверотов ни в каком российском писателе найти ему не случилось, или так вкусу его нравилось.

И так в чтении книг Левшинов препровождал домашнее время, а притом никогда не оставлял ходить в церковь, когда от школы было свободно; особливо во время вакаций ни единого дня не упускал, чтобы не быть на вечерни и на литургии, и на утрнях в воскресные и праздничные дни. В церкви был первый из читающих и поющих; и как в пении был искусен, и ни в чём исправным церковникам не уступал, и устав церковный не худо знал, то любим был до зела священно- и церковнослужителями и прихожанами, особливо кои также охотны к пению. И в сем было его любимое упражнение; и можно поистине сказать, что не знал кроме трёх мест: дома, церкви и школы. Никуда, даже весьма редко, и к сродникам хаживал, и хотя и от прихожан некоторых был часто приглашаем, но по некоторой врождённой стыдливости или застенчивости всегда от того отрицался. На гуляние, также редко куда хаживал. Единственно находился в доме, и вышеупомянутыми упражнениями себя занимал: или урок учил, или задачи сочинял, или читал, или что-нибудь писал, или с домашними и с гостями разговаривал, или гулял летом в маленьком садике, где почти и жил.

По сему свойству Петра мог бы иной подумать, что был он нрава меланхолического, дикого, и грубого и не словоохотливого. Нет, никак! Был он нрава весёлого, словоохотливого, любил свои разговоры прикрашивать шутливыми или забавными словами, и в разговоре своём всем всегда нравился, и находили все удовольствие его слушать, или с ним разговаривать, тем более, что и красота лица и написанная на нём живо неповинность и непорочность нравов каждого привлекали: ибо был откровенен и искренен так, что, казалось душа его на лице его и на устах его; но лукавствовать

и хитровать не знал, а после, когда и узнал, но всегда чувствовал к тому ужасное отвращение.

Но при всём своём таковом свойстве, был крайний уединения любитель, чтоб находиться только у себя дома, или с малым числом верных приятелей и друзей обходиться, с коими бы не иначе мог разговаривать, как сам с собой, без всякого принуждения, со всею откровенностью. И потому всё то, что называется *церемониею*, для него было несносно. И сию к уединению любовь сохранил он во всю жизнь, даже будучи в важных занятиях, архиерейском и при Дворе, наиболее находился в своём доме и весьма редко куда выезжал, разве куда его должность вызывала; чем отличался от всех почти в его время бывших знаменитых духовных особ. Каковая к уединению склонность его побудила и пустыню Вифанию устроить и там поселиться, о чём после сказано будет.

На 15-м или 16-м году начал он впервые чувствовать борение похоти плотской, но Бог от падения сего его сохранил, и всё происходило в одних волнениях и воображениях мысленных. Также стала приходить в мысль заботливость, каким образом впредь ему своё житие устроить и доставить себе собственное содержание, а не всегда от единых родителей и сродников в том зависеть. К женитьбе не только никогда склонности не имел, но даже о том, когда было напоминаемо, и слышать стыдился, не известно почему, по расположению ли какому от природы, или по особенному какому Божию устроению, а единственно был склонен к духовному знанию, а паче к монашеству. И сия склонность в нём открылась ещё, когда он был лет 20-ти. Ибо в сии отроческие лета часто в шутках представлял себя как бы монахом: иногда как Архиерей, обеими руками осенял, иногда чётки перебирал, и прочее подобное. Что тогда принимаемо было не только домашними, но и им самим за шутку; но Богу угодно было тайными своими судьбами вести его к самому делу.

Сия наклонность была причиною, что, когда при открытии в Москве Университета, был он выбран и назначен в студенты в Университет и когда другие не только того хотели, но и искали, Пётр никак на то не согласился, и совершенно от того отрёкся,

так и от других светских ему предлагаемых состояний. Но вот и начало его в духовное знание вступления!

По окончании двух лет в учении в Богословии, Левшинов Ректором и архимандритом и учителем его Геннадием, у коего он и жил, обучая племянников его, представлен был в святейший Синод на Пиитический класс в учителя в Академию, вместе с правщиком типографии, Петром Петровым, который ныне Митрополитом новгородским, Гавриилом. И хотя указом велено его Петрова определить, но с тем, ежели он в монашество вступить пожелает, но как он тогда от сего отрёкся, то и пал жребий на Левшинова; и он определён учителем Пиитики 1757 года, с получением жалования по 170 рублей.

Префектом Академии тогда был Калиграф из Евреев, человек учёный, который после был Архимандритом Спасо-Ярославльским, а умер в Троицкой лавре и погребён; проповедниками: Ириней Братанович, который после был епископом вологодским и там скончался; Феофан Сулима, который был архимандритом в Костроме и там скончался, риторическим, Константин Борковский, который был Архимандритом в Казани и там скончался; сии здесь упоминаются, понеже они были все друзья Левшинову по самую их смерть.

Определённый новый учитель обучал Пиитике и греческому языку. Но притом возложена на него должность, по порядку, принятому в Академии, чтобы толковать Катехизис публично по воскресным дням в собрании Академии и всех со стороны всякого состояния людей, для слушания приходящих. Никогда, можно сказать, во всю жизнь не был столько счастлив Пётр, как при сем случае. Собрание всякого состояния людей столь было велико, что никогда ещё в Академии того не случилось. Хотя палата была не мала, но теснота и духота была чрезмерная. Некоторые из слушателей, малых своих детей приводя, повергали в кафедре к ногам учителя, повторяя им, чтобы они учителя слушали и помнили. Сие умножило ревность в Левшинове, ибо он через два часа и более толкование продолжал, обливаясь и измокнув весь от поту. Усердные слушатели из знаменитых московских купцов в воскресные дни

его посещали и всем не только нужным, но и до изобилия его снабжали, притом провозглашали его в своих разговорах «Апостолом Московским».

Поистине Пётр, а после Платон, сим невиданным зрелищем столь поражён был, что нередко говаривал, что он счастливее был в Москве, был ещё мирским и по двадцатому году, нежели, когда в том же граде Бог сподобил его быть Архиереем. Ибо, быв Архиереем, хотя также проповедовал Слово Божие нередко; и хотя собрания были велики и ревностны, но не заметил он столь великого усердия и жадности в слушателях, как в то время, когда он юноша и мирской толковал Катехизис. Сие приписал он своим умножившимся грехам, коих и толиких ещё в юности своей не имел, а потому и благодать тогда действовала более, нежели после; ибо он всегда утверждал, что учение, дабы было действительно, не столько зависит от остроумия и красноречия, сколько от чистоты и непорочности сердца учителя.

Успех и похвала учительства Петрова, по Москве разнёсшаяся, подвигла к зависти некоторых, а особливо Преосвященного Амвросия, тогда бывшего Епископа Переславского, а после Архиепископа Московского: и разглашено, что акибы Левшинов учит многому Церкви противному; а потому де надлежит его наказать и из Академии изгнать. Сие разглашение дошло и до Петра и немало его смутило. Но он ободрял себя не зазирающею в том его совестью и Ректорским исследованием, который ничего того не нашёл; а паче ревностными слушателями, из которых многие знаменитые, услышав про то, ободряли Петра, чтобы нимало тем не смущался, говоря, что они православные христиане и разумеют учение, и ежели де что воспоследует, они готовы пред всякого и везде предстать, и его учение оправдывать; Но по благодати Божией всё то прошло в одних слухах, без всяких дальних следствий.

И уже годовое течение толкования Катехизиса к концу приходило, то есть к вакациям, к 15 числу Июля, как между тем нечаянный воспоследовал к Левшинову из Петербурга письменный отзыв от Архимандрита Троицкой Лавры,

придворного проповедника и Синода Члена, Гедеона, коим он приглашал его благосклонно в учителя на Реторику в Троицкую семинарию, а немедленно по сем о том же и указ из Св. Синода прислан. Сие Петра не только удивило, но и смутило; ибо он о том и в мысли не воображал, да и не желал в Лавре быть, яко в месте дотоле совсем для него неизвестном, а желал в вакансии пострижен быть в Академии, в Заиконоспасском монастыре: ибо на то уже и указ из Св. Синода дозволительный воспоследовал, да и Ректору, яко любящему Петра, отпустить от себя не хотелось. И потому он даже уговаривал отрещись от пострижения, чем де одним можно от Лавры свободиться, и обещал ему исходатайствовать лучшее в духовенстве светском место. Но Левшинов столь был привержен к монашескому состоянию, что лучше захотел противу воли своей в Лавру переселиться, нежели чтоб монашество оставить; и так, по окончании годового в Академии учения, из Москвы в Лавру отправился, Июля 19 дня 1758 года.

Приезжая к Лавре нечто случилось с ним внезапное и как бы нечто предзнаменующее: пред самыми стенами монастыря увидел он пред собою идущих всех лаврских властей, Иеромонахов и Иеродиаконов, в облачении с хоругвями и со святыми иконами и с множеством народа, был то крестный ход, 29 Июля к приходской Ильинской церкви. Сие после Пётр, став настоятелем Лавры, почитал предварительным судеб Вышнего прознаменованием.

Преселився в Лавру, хотя был принят от всех благосклонно и ласково, особливо от учителей: но крайняя грусть его почти обуяла; даже, что с неделю непрестанно проливал слёзы. Новость места, новость и людей и неизвестность будущего тут жребия своего, в таковое приводили его уныние. Но мало-помалу ободряясь, начал привыкать, и наконец, столь привык, что по самую смерть не было для него милее и любезнее во всём свете места, паче Лавры. Скоро о том от Архимандрита пришёл указ о пострижении Петра и к нему от него же благосклонное письмо, совершить предприятие увещающее, да и предписано наречь его Платоном. Почему Пётр, в сходственность всегдашнего своего желания, без уныния, с

радостью и пострижен в Лавре августа 14 дня 1758 года, на двадцать первом году от рождения, бывшим тогда наместником, что ныне Митрополит Новгородский, Гавриилом, и наименован Платоном. А с ним вместе пострижен учитель Греческого и Еврейского языков, Пётр Постников, наречённый Парфением, коего Пётр, ещё колеблющегося, всю ночь уговаривал к пострижению. Парфений был после в той же семинарии Ректором и тут скончался.

Платон, быв пострижен, успокоился, видево своё давнее желание исполнено. Он о монашестве рассуждал, что оно не может возложить более обязательства на христианина, как сколько уже обязало его Евангелие и обеты крещения; и по духу евангельскому всякий христианин должен быть всегда воздержен, нестяжателен, смирен, послушлив, трезв, богомолен, никакими излишними заботами себя не связывать, а притом, хотя может иметь жену, по слабости плоти, но жить с ней целомудренно и более, по Апостолу, пребывать в посте и молитве, нежели предаваться сладострастию... При таком рассуждении заключал Платон, что тот будет истинный монах, который будет истинный христианин. А хотя почитал он безженство нелёгким бременем для немощи плоти, и чувствовал ее подстрекание; но напротив, всегда со страхом воображал супружеское состояние: каким трудностям, заботам, скорбям, бедствиям подвержен женатый и мирской человек, содержа жену, дом, воспитывая детей, устроая их к местам и всем им во всём сострадая; и ежели какое от того получают утешение и удовольствие, но сия чаша несравненно более горестию растворена. Но что же ещё должно терпеть в мире от соседей, от правителей, от сильных, от клеветников, от завистников, соблазнов и случаев ко греху, от сует и забот, яко непрестанных волнений моря житейского. Всё сие живо воображая, Платон ублажал безженную жизнь и уединённую, а мирскую оплакивал, а через то и борьбу плоти несколько облегчал. Притом уединённая монашеская жизнь, кроме того что подаёт меньше случаев ко греху, а более тишины, много содействует к Богомыслию и к приобретению просвещения,

беспрепятственным упражнением в премудрости духовной и мирской.

Так рассуждал Платон. И потому, когда после Государыня Императрица Екатерина II, избирая его в учителя к сыну своему, Государю Наследнику, спросила: «почему он избрал монашескую жизнь?» – отвечивал, «что по особой любви к просвещению». На сие Императрица: «да разве нельзя в мирской жизни умножать просвещение?» – «Льзя, – отвечивал он, но не столь удобно, имея жену и детей и разные мирские суеты: сколько в монашеской жизни, где он по всему свободен». Сей ответ решил Императрицу в избрании его в учителя. Итак, быв Платон своим состоянием доволен, как бы другие ни рассуждали, жил в монастырском уединении, проходя должность учительскую; ибо определён учить Реторику и Катехизис в Семинарии толковать. Притом, скоро по пострижении, в том же месяце отправлен в Москву для произведения во Иеродиакона, где и посвящён в Московском Успенском соборе Августа 30 дня 1758 года, Преосвященным Тимофеем, Митрополитом Московским, пастырем добродушным.

По возвращении из Москвы, нашёл приехавшего из Петербурга в Лавру Начальника Лавры и своего Архимандрита Гедеона. Архимандрит в первый день, как его увидел, столь его возлюбил, что предпочитал всем и имел его при себе, в бытность в Лавре, через три месяца безотлучно; даже никуда без него не выезжал, и столь ему благодетельствовал по самую кончину свою, что Платон всегда его признавал или первым по родителях, или равным с ними.

Нельзя умолчать, чтобы, хотя кратко, не сказать о сего Платонова благодетеля. Гедеон был родом из Казани: там в Семинарии учился и учителем был, оттуду не могши получить дозволения, бежал и явился в Синод и просил, чтоб его определить в Московскую академию для окончания богословского учения: куда по многим затруднениям и определён; где и учился, быв в недостатке, имев одно содержание монашеское. Но как по случаю вместо учителей прошен он был сказать проповедь в академии, сказал, и тотчас

не только всех усладил, но и удивил; ибо подобного проповедника ещё не слыхивали. Потом ещё сказал, и ещё славу свою умножил: и как многие начали его просить сказать проповедь в праздники по монастырям и приходским церквам, то чем более говорил, тем более похвалы о нём умножались. Слава сия потом дошла до Двора и до покровителя учёных, бывшего при Дворе в отлучии, Ивана Ивановича Шувалова. Он потребован в бытность в Москве Двора ко Двору, где, сказав проповедь, заслужил благоволение от Императрицы Елизаветы Петровны, и по награде определён ко Двору проповедником, где трудился немало в сказывании проповедей, и все его проповеди напечатаны в трёх томах. Потом произведён в Архимандрита в Саввин монастырь и в Синод Членом, а скоро переведён и в Троицкую Лавру, где быв с небольшим три года, посвящён во Епископа в Псков, и там скончался, 1763 года, в младых летах, не более от роду имея, как 33 года, к общему сожалению всех, прямо знавших его. Сей Гедеон имел особенный дар красноречия. Столь приятно и сладостно произносил свои слова, что все слушатели, яко вне себя, от уст его висели и боялись, чтобы не перестал¹⁸⁴. Чему был свидетелем многократно сам Платон. Учения был хотя не отличного, но от природы остроумен и проницателен. Свойства был весьма горячего, сердца открытого, уст весьма свободных и смелых. И сею свободностью много нажил недоброжелателей, и многим бедствиям себя подверг, кои, может быть, подали случай и к сокращению его жизни. Однако то служит ему в похвалу истинную, что даже от тех, кои не любили его за свободу слов, похваляем был за добросердечие. Таков был Гедеон.

А Платон, его любимец, находясь при нём в Лавре безотлучно, кроме должности учительской и сказывания по временам проповедей, исправлял нередко, по должности перводиакона в Лавре, священнослужение, и первую литургию исправно совершил, начальствуя при служении Архимандрита, сентября 5 дня, хотя Архимандрита лаврского служение по многому сходно со служением Архиерейским; и имея Платон голос приятный и светлый, лице лепое и младое, и в служении

по всему исправный, заслужил ту честь, что признавали его лучшим из всех тогда, а может быть и прежде бывших иеродиаконов.

По отбытии из Лавры в Петербург благодетеля своего, Архимандрита Гедеона, Платон в некоторое впал уныние и грусть, по обыкновенным человеческим искушениям: что узнав, Архимандрит дабы его ободрить, потребовал его к себе в Петербург на сырную неделю 1759 года, где пробыв дней с десять, возвратился с большею духа бодростью. Потом в том же году паки, потребован был в Петербург, во время вакаций, и пробыл там недель шесть; да и в 1760 году на время вакаций туда же потребован к 5-му числу Июля; и по случаю праздника преподобного Сергия, в оба года говорил проповеди, в принадлежавшей тогда к Троицкой Лавре и великим её коштом вновь по всему помянутым Архимандритом Гедеоном устроенной, Ново-Сергиевской, что по Петергофской дороге, пустыне, принадлежащей ныне к С.-Петербургской епархии в числе второклассных монастырей.

Не умолчу нечто с Платоном в сей пустыни случившееся. На празднике 5 июля 1760 года, званы были Архимандритом из Петергофа, где тогда Двор находился, знаменитые гости: граф Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов. Они, увидев Платона, и полюбовавшись выгодною его наружностью, вступили с ним в разговор о разных материях. Платон был в разговорах свободен и весел. Они столько его полюбили, что граф Шувалов захотел его представить Императрице, с тем, чтобы его отправить на своём коште в Париж в Сорбонну для усовершенствования, и хотя младому монаху сего и желалось; но Архимандрит на то не согласился. Однако любовь Шувалова к Платону от тогда продолжалась до самой кончины его, или любовными посещениями, или дружескими переписками. Граф Разумовский¹⁸⁵, также его любя, узнав его ещё искусна в пении и с ним поя, влѣк с собою в Петергоф, и хотел представить Императрице, говоря, что она будет довольна сего монаха узнать, однако до того по зависти не допустил находившийся при нём, яко дядька, кривой Шубской.

Быв Платон троекратно в Петербурге, не только узнал сей знаменитый град, но и имел счастье благосклонно принят быть первенствующим тогда Архиереем, Митрополитом Новгородским, Димитрием Сеченовым, который его с того времени, по самую смерть, яко за друга почитал, о чём после будет помянуто, также стал знаем и другим Архиеереям, яко то: Палладию Епископу Рязанскому, Порфирию Епископу Коломенскому, Сильвестру Кулябке, Архиепископу С.-Петербургскому, а Архимандрит Гедеон не только его многим пожаловал, но соблаговолил Платону посвящену быть в Иеромонаха, что над ним и совершил Преосвященный Палладий, Епископ Рязанский, на Троицком подворье, в домово́й Казанской Богородицы церкви, 1759 года июля 20 дня. А притом его Архимандрит определил в том же году префектом Семинарии Троицкой и Философии учителем, и первым Соборным в присутственном в Лавре месте, во учреждённом соборе, управлявшем тогда Лавру и приписные монастыри, и все отчины; в проезды свои в Петербург познакомился с Новгородскими учителями, Симоном, что ныне Архиепископ Рязанский, с Тихоном, первым Епископом Воронежским, умершим там на обещании; с Парфением, бывшим там Ректором, а после Епископом Смоленским, пастырем добрым, с коим по блаженную кончину его имел дружескую переписку. Таким образом, Платон, пребывая в Лавре и отправляя свои должности, был весьма доволен своим состоянием и часто после говаривал, что никогда он столь спокойно и счастливо нигде не жил, как через пять лет своего учительства. Был от всех любим; особливо с тогда бывшими властями обходился дружески; и почти неразлучно. А власти были – Наместник Гавриил, что ныне Митрополит Новгородский, а по нём Иннокентий, что после Архиепископ Псковский, который в сем 1799 г. и преставился в Петербурге. Келарь Иоанн, который был Новоспасским Архимандритом, и там скончался, Казначей Антоний, который был Олонецким Епископом, и там преставился.

Особливо Платону нравилось, что всё в Лавре находил готовое, яко-то всегда довольный стол, и напитки, и выезд: и ни

мало о том не заботился. Должность была для него не затруднительна, всеми любим, с учителями друг, ни в чём неоскуден, здоров и весел, и летом весьма часто, со властями и со учителями, посещали превесёлое и милое загородное место, называемое *Корбуха*, где и баня летняя была. Там прогуливался Платон с товарищами по садам и лесам; плавал по прудам, пристойными играми веселились и в дружеских, нередко учёных, разговорах нечувствительно время проходило; при вкушении благовонных испарений и при оглашении пением разных птиц. Поистине то время было райское и весна лет Платоновых. Всегда он о сём времени с воздыханием воспоминал, яко наступившие потом разные немалотрудные должности, и заботы, и мирские суеты, а притом и болезни нередкие, не позволяли ему уже таковым удовольствием наслаждаться.

В 1761 году по отбытии Наместника и Семинарии Ректора Гавриила в Московскую Академию в Ректора и Архимандрита, Платон определён Ректором и Богословия учителем. В том же году лишился он благодетеля своего, Архимандрита Гедеона, который произведён во Епископа в Псков, а на место его пожалован во Архимандрита, придворных певчих уставщик, иеромонах Лаврентий Хощитовский, родом Белорусец, человек неучёный, но добродушный и учащих и учащихся усердный любитель. Он прибыв в Лавру в 1762 году, столь полюбил Ректора Платона, что он всегдашним и почти неотлучным при нём пребыванием, почитал уже несколько отягощаемым, всегда с ним обедал, всегда ужинал, всегда всюду с ним выезжал, однако, благодеяниями его и ласковостью столь взыскан, что никогда без благодарности имени его поминать не мог.

При сем в первый раз случилось узнать Платону, что есть *придворный нрав*. Видя, что Архимандрит Ректора жалует, все власти, все соборные, все учителя, его яко на руках носили. Но единожды, по некоторому случаю прогневался на него Архимандрит и через две недели его к себе не допускал. Все власти, и соборные, и учителя или холодно с ними стали обращаться, или и совсем отвращались. Но когда паки Архимандрит в прежнее любовное обращение его принял, тогда

и все переменились и стали по-прежнему. Тогда Платон, приметив сие, а после жив при Дворе, сказал, что и в монастырях, есть что-то похожее на придворное.

По Императоре Петре III вступила на престол Императрица Екатерина II. Обнародовано, что будет Императрица в Москву для коронования в сентябре месяце. Архимандрит тотчас отправился в Петербург, вместе с Платоном и, побыв там с месяц, возвратился в Лавру и, заключая, что по Коронации не преминет Императрица посетить Лавру, поручил Ректору Платону сделать надлежащее к тому приготовление. Он по должности сие взяв на себя, изготовил приветствия, оду, канты, иллюминацию и на 40 человек особую торжественную одежду, с венками на главах и пальмами в руках, и речи от себя (чему всему есть особое печатное описание) и в ожидании Высочайшего присутствия, всех занимал в надлежащих упражнениях. Между тем празднован был, как везде, так и в Лавре, день Коронации, сентября 22 дня, а при сем случае Платон говорил проповедь в Лавре. Потом и действительно скоро последовало Императорское Лавры посещение, октября 17 дня. У Креста встречал Наместник, у Лавры встречена была Архимандритом с братиею. На другой день, на литургии проповедь говорил наместник Иннокентий. После обеда Императрица посетила Семинарию,

где, по приветствии от учеников, Ректор говорил Императрице речь, а потом нечаянные были учинены диспуты, по желанию и побуждению графа Григория Григорьевича Орлова, что всё принято Её Величеством благоволительно, и пожалован он с учителями довольно денежною наградою. А в 1763 году, в Марте месяце, по именному Императрицы указу, определён в Лавру Ректор Платон наместником на место Иннокентия, который выбыл во Епископы, Викария Новгородского, в Олонец. Наместничью должность Платон и принял неохотно, и проходил с тягостью: потому что с нею соединено было не только смотрение за монахами и всегдашнее принятие гостей, но и хлопотливое в соборе вотчинными делами приказное Правление: что Ректора отвлекало от приятного для него в школе упражнения, ибо он

оставался притом и Богословия Учителем. Почему и располагался было от Наместнической должности отказаться; но вот что открылось:

Воспоследовал того года в Мае месяце паки Императрицы поход в Ростов, для перекладывания мощей Димитрия Ростовского в новую раку, и далее в Ярославль; почему паки Императрица прибыла в Лавру. Платон яко Наместник встретил Императрицу у Креста с приветствием и по прибытии на другой день говорил проповедь *о пользе Благочестия*, которую Государыня столь приняла благоволиительно, что тотчас повелела оную напечатать, и удостоила его с Архимандритом быть при своём царском столе. Случилось ему за столом сесть с Г. Генерал-Прокурором князем Яковом Петровичем Шаховским, который был тогда в особливой у Императрицы милости, Князь за столом с Наместником непрестанно говорил о разных материях. Императрица, приметив сие, говорит: «Князь: вы никак полюбили Отца Наместника, что с ним, не перестая, говорите?» На то Князь: «Его, Государыня! не человек, а урод». – «Почему так? Какой он урод?» – возразила Императрица. На сие Князь: и, Государыня, с ним о разных материях разговаривал: он на всё столь основательно решает, что меня удивил. И как я его о многом и до иных стран касающемся вопрошал. Он всё так объяснил, как будто в чужих краях учился. Я его спрашивал: не был ли он в чужих краях и где учился? Он говорит, что нигде не был, а учился только в Москве, в Спасской школе. Сие всё, Государыня! меня удивило, что сей монах, в столь молодых летах, столько знания имеет, и потому я его называю уродом». И притом прибавил: «дай Бог, чтобы наши дети, столько учились, и столько издерживая, до такого просвещения достигли».

Таковой ответ князя много увеселил Императрицу, да и всех за столом сидящих взор и внимание на Платона обратил: ибо Князь говорил весьма громко. Сие слыша, Платон внутренне Бога благодарил за таковое милостивое судеб его действие. И потом Императрица приглашала Наместника ехать с собою в Ростов. Но он извинился болезнию груди. Каковой болезни хотя он не чувствовал, но быв разными приготовлениями крайне

утруждён и утомлён, желал сколько-нибудь успокоиться. По отбытии Императрицы в Ростов, куда и Архимандрит отправился, прибыли в Лавру три первенствующие Архиереи, Синода Члены: Митрополит Новгородский Димитрий, Гавриил Архиепископ С.-Петербургский, бывший потом Митрополит Киевский и Амвросий Архиепископ Крутицкий, бывый потом Московский, коим велено быть в Ростове для совершения обряда, куда Архимандрит наперёд отправился. Их встретил с братией Наместник Платон, и приветствовал и угащивал. Причём ему Новгородский Митрополит объявил, что избран де во учителя к Государю Наследнику, друг его Архимандрит, и Ректор Академии бывый потом Митрополитом Новгородским Гавриил: что Платон принял с обрадованием; ибо о себе, чтобы быть ему в сей должности, и не помышлял; да и слухов никаких к нему о том не приходило.

Итак, проводив Преосвященных, паки по некоторых днях их возвратившихся из Ростова встречал и принимал Платон; а Архимандрит ещё не возвратился из Ростова, при нём Митрополит Димитрий Наместнику объявил, что он будет учителем у Государя Наследника. И как сему Платон удивился, и сказал, что сие объявление с его прежним не сходственно. На то Преосвященный объяснил, что Государыня де, быв в Ростове, его Преосвященство об нём Платоне спрашивала; и как де он об нём (Платоне) вызвался с похвалою: то Императрица также похваляя его дарования, сказала, что она положила его взять в учителя к Великому Князю: на что Платон с удивлением сказал, «что он никогда о том не думал, но буди воля Господня».

По возвращении из Ростова, паки Императрица посетила Лавру и, увидев Платона, тотчас благосклонно спросила: есть ли ему легче о груди? Потом паки удостоился быть при Государском столе и пожалован куском бархата рытого и денежною с прочими дачею немалою, и благополучно сопровождали Высокую гостью. Дня через три после сего, Архимандрит отправился в Москву, для принесения благодарения за посещение, и с собою, крайне не хотевшего и желавшего несколько по трудам успокоиться, взял Платона. Но

на дороге получил Архимандрит курьера от Двора с письмом, чтобы приехав ему в Москву, взять с собою Платона Наместника и явиться с ним ко Двору.

Приехав в Москву, в тот же день Архимандрит с Платоном ко Двору явился, где им сказано, чтоб остаться при столе. За столом Императрица с ним благоволиительно разговаривала и разные вопросы задавала, а паче Граф Панин, яко Гофмейстер Наследника, разными предложениями его испытывал, особливо, как приметно было, хотел узнать, не суеверен ли Платон. Причём в первый раз за столом и будущего своего воспитанника, Великого Князя, видеть Платон имел честь. После стола Граф Панин позвал к себе Архимандрита и его и объявил Платону, что Её Императорское Величество определяет его к Государю Наследнику Павлу Петровичу в учителя Богословия, с определением жалованья по тысяче рублей, а о прочем де содержании его положено будет в Петербурге. Ибо тогда Двор отправлялся в Петербург. И как Архимандриту следовало туда же отправиться для присутствия в Синоде, то и просил Граф его, чтобы он, отправляясь в Петербург, взял с собою и Наместника Платона. Причём Платона просил Граф, чтобы он на другой день приехал к столу Великого Князя и с ним бы познакомился. Почему он и был при столе, и с Великим Князем и с другими несколько познакомился и простился благополучно.

А как в тот же день отправлялся в свою епархию благодетель Платонов, Преосвященный Гедеон, Епископ Псковский, то поспешил Платон проститься с ним навеки, с некоторым с его стороны предчувствием и предсказанием, что Бог, де, ведает, увидятся ли они впредь. Что, казалось, сказано быть случайно, но Бог самым делом утвердил. Ибо он, занемогши дорогою и приехав во Псков больной, через несколько дней скончался. Дай Бог ему вечный покой! А Платон, всё исправив, с Архимандритом возвратился в Лавру, где тотчас сдал с себя Наместническую должность, и постарался Богословие кончить и кончил к Петрову дню. Между тем Платон, не имея более никакой должности и хлопот, покоился по трудах, гулял с учителями, особливо в любимом месте Корбухе, и

приготовлялся к дороге до Ильина дня. А после Ильина дня, простившись со всеми друзьями, и любезное Лавры место приветствовав слезами, отправился с Архимандритом в путь. В Петербург приехали в первых числах августа 1763 года, и остановились на Троицком подворье, на Фонтанке.

Как в Ново-Сергиевской пустыне, принадлежавшей тогда Лавре, новопостроенная соборная церковь готова была к освящению, и Архимандрит положил звать к тому Императрицу, то и желал, чтобы при сем случае Платон сказал проповедь, которую он и сказал в присутствии Государыни, августа 10 числа. До того же месяца на Успениев день говорил проповедь во дворце, в Высочайшем присутствии. А между тем Платону определено от Двора жилище и содержание. Покои не худые отведены, в бывшем деревянном зимнем дворце, что на Мойке. Содержания, кроме 1000 руб. жалованья, положено на стол 300 р., по штофу водки на неделю, по бутылке рейнвейну на день, мёду, полпива, кислых щей, дров и свеч неоскудное число, белье столовое и посуда всякая дворцовая, да истопник и работник, а сверх того карета дворцовая с парюю лошадей и с конюхом. Итак, Платон начал жить в новом месте и несколько новым родом жизни. Ибо, привыкши жить в монастырском уединении, тут окружён был мирскими, всякого состояния и пола людьми, в том же дворце живущими, что не очень ему нравилось; но рад был, что тут же была церковь, в которой по воскресным и праздничным дням исправляли службу придворные священники.

Положено Великому Князю учение преподавать три дня в неделю: в понедельник, среду и пятницу, по часу, назначив к тому 12-й час, а по воскресным и праздничным дням пред обеднею читать Священное Писание с объяснением, сколько время дозволит. Итак, призвав Бога на помощь, начал учение Платон с Великим Князем, Августа 30 дня, сказав речь, в коей объяснив пользу сего учения, увещевал Высокого ученика, чтобы прилагал к тому всякое внимание и прилежание. Великий Князь был горячего нрава, понятен, но развлекателен. Разные придворные обряды и увеселения не малыми были препятствием учению. Граф Панин был занят министерскими

делами, но и к гуляниям был склонен. Императрица самолично никогда в сие не входила. Однако Высокий воспитанник, по счастью всегда был к набожности расположен, и рассуждение ли или разговор относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ещё ему внедрено было со млеком покойною Императрицею Елисаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными от неё весьма набожными женскими особами. Но притом Великий Князь был особо склонен и к военной науке, и часто переходил с одного предмета на другой, не имея терпеливого к одной вещи внимания; и наружностью всякою в глаза бросающейся, более прельщался, нежели углублялся во внутренность.

Платон проходил свою должность с надлежащим тщанием, не упуская никогда назначенного дня и часа, хотя сии дни и часы весьма нередко по разным случаям так проходили. Но ободряло его то, что он от высокого воспитанника имел счастье весьма любиму быть. А порядок учения тот точно был следован, какой им издан в напечатанном Богословии.

Между тем Платон, по своей воле и избегая праздности, а времени к тому имея довольно, нередко говорил проповеди, всегда в Высочайшем присутствии, особливо охоту его к тому умножало, что оные всегда заслуживали похвальные отзывы, и те все проповеди напечатаны. Не оставлял также при Дворе в большие праздники служить с придворными священниками, вместо духовника Дубянского, который по престарелости охотно на то соглашался, да ещё и упрашивал. И всякий год в великий пост Платон служил в особой церкви и преподавал Великому Князю святое причастие, к коему всегда набожный воспитанник приступал с благоговением и в тот день был особенно доволен и весел. Когда отсутствие Двора было в Царское Село, Платон там же имел пребывание, а когда в Петергоф, тогда жил в пустыни Новосергиевской и в назначенные дни туда ездил.

Живучи и при Дворе, не оставил своей любви к уединению; редко куда выезжал и то более к духовным. Но вместо того всегда почти у него собрание было иностранных людей, яко то: греков, сербов, далматов, французов, немцев, итальянцев и других. Ибо он с ними обращаться и разговаривать особенную

всегда охоту имел. Собирались они всегда к нему или на обед, или по вечерам. И от такого обращения он много пользовался; ибо из них многие были люди учёные и свет знающие. Почему многих вещей знание, кое через науки получить нельзя, от них приобрёл. А притом как он возымел охоту учиться французскому языку, то обращение с людьми, сей язык знающими, много ему помогало. Почему он и успел в том языке, несколько мог разговаривать, а читать и разуметь французские книги удобно мог.

Таковы Платоновы упражнения и обращения проходили с 1763 до 1766 года половины; а в другой половине, в начале июля месяца, объявлен Синоду Императрицы указ, чтобы Платона произвести во Архимандриты Троицкой лавры на место умершего в том году, в январе месяце, Архимандрита Лаврентия. В каковое звание он и посвящён 1766 г. июля 16 дня в Петергофе, в Высочайшем присутствии, Преосвященным Митрополитом Димитрием Новгородскими. Почёл себя обрадованным Платон через сие производство, поскольку определён в то место, где он постригался, был учителем, соборным, наместником; и которое ему особенно было любезно. А притом умножило его обрадование и то, что он уже имел жить на своём Троицком подворье, что на Фонтанке, где и покоев было довольно, и церковь домовая, и услуга вся людьми и вещьми готовая. А живучи в придворных покаях несколько с утеснением, и между людьми светскими, и в поезде придворном всегдашнее находя затруднение, не без скуки иногда было ему. Следовало новому Архимандриту быть и в Синоде Членом, поскольку было определено всегда Архимандритам Троицкой лавры быть в Синоде членами, но на сей год он до того не допущен, по внушению одного из Синодальных члена, хотя впрочем с ним весьма дружно обходившегося; который зная свободу Платоновского нрава и рассуждения, заключал неизвестно почему, что от него по делам может воспоследовать какое-либо затруднение.

Итак, Платон продолжал своё упражнение обучением Великого Князя тем же порядком; а к тому занимался делами, до монастыря и до семинарии принадлежащими, стараясь и

монашествующих содержать в порядке, и училище в лучшее привести благоустройство, и во всём сохранить доброе хозяйство. Притом новому Архимандриту, по особенному ходатайству Великого Князя, определён, не в пример другим, штат певчих с поддьяками 18 человек, с определением на них жалованья по 1.000 р. в год. А сам Архимандрит получал жалованья архимандричьего по 2.000 руб., с некоторыми от Лавры доходами; да сверх того от Двора всё то содержание, что и прежде получал; да вместо выезда, из Государевой конюшенной суммы 500 р. Такое содержание было неоскудное и Платон был своим состоянием доволен, от всех любим и немало почитаем; имея хороших певчих вольных, утешался музыкою духовною, к которой особенную имел охоту, и сам был в ней небезыскусен. Часто служил и на подворье и при Дворе, и продолжал сказывание проповедей, как и прежде; особливо, что и желаемым здравием Бог его доселе благословил. Но в сем году, скоро по производстве, посетил его Бог болезнью не безтяжкою. Она случилась от простуды, на шее, при ухе, называемая от лекарей паротис и, быв запущена, с трудностью могла от искусных лекарей излечена быть; так что нужно было три раза на шее делать инцизии, с протягиванием заволочки, с весьма чувствительною болью и едва через три месяца от оной освободился. Ослабленный болезнью, в первый раз явился он ко Двору в новый 1767 год, и от Императрицы принят был благосклонным соболезнованием. И как в сей год положено Двору отправиться в Москву, то посему и новый Архимандрит отпущен в Лавру до прибытия Двора в Москву, куда он и действительно отправился в конце января. И быв в Москве, вступил в Лавру в феврале месяце, ещё чувствуя слабость от прежде бывшей болезни. Воспел Богу благодарственная Платон, узрев святую обитель и братию, которые ему все почти были знаемы и, совершив божественную литургию, и сказав слово, как надлежит жить добрым монахам, входил подробно в хозяйственное по Лавре и семинарии распоряжение. И не быв более 10 дней в Лавре (ибо услышал, что между тем Двор в Москву прибыл), отправился в сей царствующий град, на своё Троицкое подворье, что на

Самотеке. И проходя при Дворе свою обыкновенную в обучении Государя Наследника и в сказывании проповедей должность, между тем упражнялся в отстройке каменных на том подворье палат. Оные вчерне были устроены Архимандритом Гедеоном, однако, по отобрании вотчин, остались не конченными. Но скоро по производстве в Архимандрита, Императрица пожаловала Платону на отстройку тех палат 5.000 руб., которые он совсем окончил к августу месяцу, и устроил домовую церковь, которую и освятил 18 августа, и то освящение удостоил присутствием своим Государь Наследник и Его Обер-Гофмейстер, Граф Никита Иванович Панин с прочею придворною свитою и соизволил в новых палатах взять обеденный стол.

В том году имел Платон печальный случай быть на погребениях московского Митрополита Тимофея, своего рукоположителя, а потом благоприятеля своего, преосвященного Димитрия Митрополита новгородского Сеченова, при коего необыкновенной болезни и кончине был почти неотлучен. Но вместо того был обрадован посещением Монархинею Лавры к празднику, июля к 5 числу, и каким образом при сем случае всё происходило, и какими милостями Архимандрит и Лавра, и Семинария от Императрицы взысканы, о сём есть особое печатное описание. В том же месяце прибыл и Государь Наследник в Лавру и, быв в ней около трех дней, и веселясь в загородном Лавры доме, называемом Корбуха, столько был доволен, что весьма часто о том после напоминал, даже некоторых учителей, кои ему особенно понравились, воспоминал по именам.

Таким образом, кончился 1767 год; а в начале 1768 г. в Январе месяце, при отъезде Двора в С.-Петербург, пожалован Архимандрит Платон в Синодальные Члены. И потому поехав на краткое время в Лавру и сделав нужные распоряжения, отправился в С.-Петербург.

По приезде было его упражнение тоже и при Дворе, и в своём доме и таким же порядком, как и прежде. Но сё новое возложено на него звание – присутствовать в Синоде. Горел Платон ревностью ко благу Церкви и духовного чина, и сия ревность была ему яко врождённая. Усердствовал входить в

дела и споспешествовать к лучшему. Но многие узрел он затруднения, кои ревность его или останавливали, или притупляли. Сотрудников своих, по большей части, находил он с теми же добрыми и благоразумными расположениями; но не столько великих духом, и удобно, или силе, или воображаемой опасности уступающих. Были же и такие, кои таковым образом, поступая, искали, да и находили, личные свои выгоды, мало уважая общие.

Сие сильно смущало Платонов дух и оскорбляло: особливо, что несчастливые обстоятельств обороты, не только его останавливали в лучших его намерениях; но и принуждали то подписывать, на что он не только не был согласен; но по возможности противоречил, и что находил бесполезным и вредным; а помочь тому никакого средства не было, ни способа, кроме как только, подвергнуть себя несчастию; но при духе сём добром, плоть была немощна.

И как через продолжение времени, течение обстоятельств и дел, все было таково же; то Платон тогда же к сему, по видимому, знаменитому месту ощутил в себе чувствительное прохлаждение; так, что уже искал случая, как бы от него избавиться; о чем после будет сказано.

А между тем проходил свои знания; прочие с удовольствием; а сие последнее не без отягощения. Почему почувствовал он и ослабление своего здоровья, случающимися частыми коликами, самыми мучительными, и не безопасными, которые нередко приключались ему и во весь остаток его жизни, ослабив совсем желудок.

Но в 1770 году сентября 22 дня, пожалован он прямо в архиепископа в Тверь, и посвящён при Дворе, Октября 10 дня, преосвященными: Гавриилом, Митрополитом Киевским, Гавриилом Архиепископом С.-Петербургским, Иннокентием Архиепископом Псковским и Григорием Митрополитом Унговлахийским, в присутствии Императрицы и случившегося прусского принца Генрика, для которого, чтоб видеть ему сей обряд, отложено было до того дня посвящение. А притом оставлен он был и Архимандритом Троицкой лавры по-прежнему.

Сие последнее, оставленное для него место наиболее его увеселило. Ибо он к месту сему столь был, так сказать, пристрастен, что лучше, может быть, захотел бы при нём едином остаться, нежели быть Архиереем, лишившись его. И сие его расположение как при Дворе было не безызвестно, то оно и послужило, дабы и сие место при нём осталось, к совершенному его удовольствию.

Новое звание получив, Архиепископ Платон и возблагодарив Императрицу пристойною речью, почувствовал всю важность и тягость оногo. Тотчас всей пастве отправил он печатное подобающее послание и начал особо входить в дела Паствы своей, не оставляя присутствовать в Синоде и прежних должностей при Дворе и Лавре; в управлении Паствы единственное его намерение и ревность вся состояла в том, чтобы Духовенство исправить, производя, сколько возможно, лучших Священников, а худых или исправляя, или не исправляемых лишая звания. Был он совсем чужд от мздоимства; не только что почитал то противным совести, но и всегда представлялось ему подлою низкостью, чтобы от другого что-нибудь взять, который его беднее, да и как бы почитать себя ему одолженным; и себя выставлять за такого бедняка, который без того, акибы не имел чем содержать себя. Итак, совсем был чужд от постыдного мздоимства: даже, что когда чем его дарили, приятели его и друзья, стыдился он быть у них как бы в долгу и всегда чем-нибудь их взаимно отдаривал.

В производстве дел не взира́л Платон на сильные лица, ни на просьбы, ни на слезы, коли то находил со справедливостью законною несообразным и с расстройством общей Паствы порядка. Также и выборы от прихожан во священно и церковнослужители не много уважал, ибо находил их по большей части пристрастными или вынужденными просьбою других, не имеющих другого достоинства, кроме что умеют докучать, кланяться и плакать. Таковая Платонова поступка многим была не по нраву, и невыгодные за то слышал он отзывы: но вместо того большая часть всякого состояния людей были тем довольны и должною ободряли его похвалою, видя во всём его прямодушие; и притом и на самом деле усматривая

лучший по Духовенству порядок, как-то и был пастырь тем утешен, что некоторые из дворян отозвались к нему с благодарностью за хороших данных им священников. И как сие Архиепископа удивило, зная, что Священники даны не те, кои ими были выбраны и представлены, и потому им говорил: что он сему удивляется, зная, что многие на сие ропщут; на то отвечали, что подлинно и они роптали, что другие вместо выбранных ими поставляются, думая, что делается то по пристрастию какому, то есть или по мздоимству, или по ходатайству и проискам, как то де прежде и бывало, что нами выбранных лучших не ставят, а дают других худших. Но как де они ныне усмотрели, что даются Священники хорошие и гораздо лучше выбранных нами, то и перестали роптать; а напротив отзывается с благодарностью. Итак, пастырь, сим быв ободрен, продолжал, своё о лучшем Духовенстве попечение. Старался он, сколько возможно, уменьшать причет, чтобы излишних и ненужных не было; а притом и приходы скудные и малочисленные или упразднять, или приписывать к другим приходам, дабы более доставить Духовенству пропитания и излишних трудов избавиться. Ибо приметил он, что чем скуднее причетники, тем более во всякие впадают бесчиния. Также пресекал родство, дабы под сим именем не получалимест; ибо завелось вредное обыкновение, чтобы поступать на места священно и церковно-служительские, не имея никакого достоинства, ни способности; а только для того, что они причетников, или дети, или внуки, или братья, или зятья; а между тем достойные сторонние обходимы были. Сие всячески пресекал пастырь сей, а единственно уважал достоинство и способность и непорочное житие.

Возымел же он усердное старание и о Тверской семинарии, которая на всё содержание своё получала только по 800 р. в год, он у Императрицы испросил прибавки 1200 р. Итак стала она получать по 2000 р. в год. Умножил число учеников. И как Троицкая семинария состояла в лучшем порядке, то он для усовершенствования послал Тверских учеников до 70 в Троицкую и назначил им там содержание.

Притом приложил старание и о благолепии церковном. Тверский кафедральный собор строением довольно обширен и хорош: но внутри были голые стены и иконостас не худ, но непорядочно поставлен. Архиепископ, кое-как собрав сумму, и своими и сторонними мастеровыми, весь собор внутри подмазал и весь живописным хорошим искусством расписал, сделал двои хоры; иконостас привёл в порядок, престол возобновил, и потом освятил, к удовольствию своему и общему всех. И сие новое собора украшение заслужило благоволение и похвалу от самой Императрицы. Она, проездом в Москву 1775 г., быв в Твери и в соборе, изволила пред всеми отозваться, что де вы, Преосвященный, так украсили собор, что я подобно красивого мало видела. Да и не остался сей труд Архиепископа тщетным, ибо неизвестно, почему и кем внушено Императрице, что акибы он собственных своих денег на собор издержал до 5000 р. Она, сказав, что ему на собор своих денег издерживать нужды не было, приказала ему выдать из казны 5000 р.

Архиепископ, по должностям Двора и Синода, более жил в Петербурге в Троицком подворье, но два раза был увольняем и в епархию. В первый раз в 1771 году, на полгода; а во второй раз в 1774 году, на год. В оба приезда жил он в Твери в загородном доме, называемом Трехсвятском, которое место ему весьма нравилось, яко и покоями, хотя не великими, деревянными, довольное; окруженное великим и прекрасным садом и прудами, который сад привёл он в порядок. Также находящуюся тут же Консисторию устроил и Архиву разобрал и распорядил порядочно, и некоторые другие строения или устроил, или поправил.

В первый приезд посетил Кашин и его уезд и Калязин монастырь; а оттуда посетил и Лавру, а во второй посетил с уездами города Старицу, Одоев, Ржев-Володимиров, Осташков, Нилову пустыню и Торжок, делая везде пристойным наставления и увещания, и поправления; и производя разные Епаршеские дела. А к осени паки отправился в Лавру, где и был без мала три месяца. Но как слышал он, что Двор собирается в Москву в конце того 1774 года, то и отправился через Кашин в Тверь. Окончание сего года было окончанием и правления им

Тверской Епархии. Платону крайне понравилась сия Епархия, и он многократно говорил, далее обещался, не только в другую какую Епархию не переходить, но прожив в ней 12 лет и почитая сего времени довольно, чтобы потрудиться для Церкви Божией в сем сане, думал и совсем от Епархии отказаться, и остаток жизни препроводить в Троицкой лавре, особливо, что неусыпным старанием до того довёл течение епаршеских дел, что их чувствительно уменьшилось, и уже мало делами затрудняем был.

В спокойное от дел время любил прохаживаться в саду и в Желтиков монастырь, недалеко от Трехсвятского отстоящий, с ближними своими духовными друзьями. А от больших собраний, и у себя и на стороне, всегда удалялся. Жил как монах, уединенно. А выезд его наиболее был на служение в собор, в приходские церкви, в монастыри, где при служении никогда не оставлял, чтобы не сказать поучения народу. Так-то жил, и так-то было расположился о себе Платон. Но иначе судили неиспытанные судьбы Божии.

В начале 1775 года, в январе месяце 20 дня, прибыла Императрица в Тверь. Принял он архиепископ Монархиню надлежащими образом; так как и сам принят от Неё милостиво. На другой день, 21 января, при самом отъезде Императрица вручила архиепископу два указа, сказав, чтобы он те указы подал, где надлежит. По провождении Императрицы, посмотрел он те указы и увидел, что в одном велено Синоду его перевести из Твери в Московскую епархию, с оставлением и Троицкой лавры по прежнему; во втором велено выдать ему из казны 5000 р., и притом пожалована бриллиантовая с аметистами панagia, которую вручил ему князь Потемкин, бывший в особой милости у Императрицы, а Платону друг.

Увидев Архиепископ, что надобно ему оставить Тверь и переселяться в Москву, не только восплакал, но и возрыдал. Не только не хотелось ему оставить Твери, но и боялся Москвы, зная её многолюдство и знатность жителей, не только воображал умножение забот, но и боялся своего собственного нрава. И зная, и привыкши другим не ласкать, а поступать единственно по собственному беспристрастному разумению и

по уверению незазорной совести, несмотря ни на кого и ни на что, думал, что через то много на себя навлечёт недоброжелателей, чем принудят его отказаться от сей Епархии, или по своей воле, или против воли его. Что после некоторым образом и сбылось, но совсем иначе, о чем в последствие будет сказано.

Однако, как бы то ни было, поплавав, Платон начал собираться в Москву, не для того, чтобы ему быть Архиепископом Московскими (ибо и без того надлежало ему для присутствия в Синод ехать в Москву, поскольку годовой срок отпуска окончался), но чтобы предстать пред Императрицу с прошением о увольнении от Московской Епархии.

Между сим прибыл скоро после Императрицы в Тверь и Великий Князь Павел Петрович и с супругою своею, блаженной памяти, Великою Княгинею Наталиею Алексеевною, которые обе особы не только знаемы были Платону, но и обеим им был он наставником в Законе, а Великой Княгини и духовником. Поздравляли они нового Архиепископа Московского плачущего и приняли с такою благосклонностью, какой только можно ожидать от искренних друзей.

Порядок при сем требует сказать, каким образом кончилась важная должность Платонова при Дворе относительно обучения Закону Всероссийского Наследника. Великий Князь вступил в супружество с Гессен-Дармштадтскою Принцессою, наименованною, при принятии нашей веры, Наталиею Алексеевною. Она приехала в Россию со своею матерью и двумя сестрами. Хотя по некоторым Двора интригам Платон отводим был, чтобы ему не быть учителем у принцессы, но и нехотя принуждены были к тому его определить. Ибо мать Принцессы, как она сама Платону сказывала, требовала от Императрицы, чтобы её дочери никто учителем не был определён, кроме Платона, ибо, как она же ему сказывала, что она читала на немецком языке сочинённую им Богословию, которая ей очень понравилась; да и Принц де Генрих, в проезд его через Пруссию, его же в учителя её дочери рекомендовал. А Принц Прусский, по бытности его в Петербурге, довольно Платону знаком был. Итак и сию должность надлежало ему

принять на себя: и хотя он от неё отрицался, но уже к тому преклонён просьбою. Объяснил и истолковал Платон новой Принцессе учение нашей Православной Веры, и нашёл её к тому благорасположенною. Ибо, быв воспитана с просвещением и довольным знанием Христианского закона, не находила препятствием малые некоторые различия стать членом нашей Церкви. Особливо в том уверении (как мать её Платону изъяснилась): что она не польстилась бы не только на сей брак, но и на все царства мира, ежели бы не была уверена, что дочь её и в сём Законе, яко христианском, спасётся, ежели токмо добродетельно поживёт.

Приуготовив новую святую отрасль ко всему тому, что принадлежало к обряду присоединения её ко святой нашей Церкви, Платон по совершении обряда (который особо напечатан), причастил её Святых Христовых Таин и провозгласил, пристойное на сей случай слово, а потом был и её духовником. Ибо хотя Императрица сего, по некоторым придворным воображениям, и не желала; но Великая Княгиня не пожелала ни у кого исповедоваться, кроме Платона; даже отозвалась, что она скорее без исповеди останется, нежели чтобы кому другому, кроме его, поручила свою совесть. Да и подлинно, столь к Платону была благосклонна, что не иначе с ним обходилась, как со своим искренним другом, и казалось, что она, кроме своего супруга, его всем предпочитала. Совершение брака Великого Князя, 1773 года, было окончанием учения Государю Наследнику. За труды, понесённые Платоном при сем обучении через 10 лет, определён ему пенсион по смерти по 1000 руб. Теперь возвратимся на первое.

По принятии сих драгих гостей в Твери, и удостоившись их посещения в Трехсвятском, и проводив, Платон начал собираться в Москву. Простившись с Тверью и со своею паствою, но не так, чтобы в неё не возвращаться, а надеясь, что он паки в ней останется, отбыл в Москву и прибыл 1775 года января 27 дня, с приметным всей паствы Тверской о нём сожалением.

Тотчас по прибытии явился ко Двору с прошением письменным, чтобы он уволен был от Московской Епархии. Но князь Потёмкин, который был тогда во всей силе при Дворе, и

любя Платона, не хотел от него прошения принимать, даже хотел воспретить, чтобы никто не принимал; но когда Платон представил, что указ у него в руках, и что он его не объявит в Синоде, доколе не будет его прошение представлено Императрице, и не будет на то решения – согласился уже Князь, и послал прошение к Императрице, от которой через несколько минут оное ему возвращено, с надписью рукою Императрицы: «Держусь Моего указа». Итак Платон, не имея что более делать, принуждён был в тот же день объявить указ в Синоде, и провозглашён Московским Архиепископом.

Вступив в правление новой паствы, нашёл многое, что требовало всего его подвига. Перед тем в Москве была жестокая моровая язва; а наибольшая часть в Москве духовенства померла, на их места определены по большей части из разных Епархий бродяги, которые, в своих местах не возмогли ужиться, бросились в Москву, и были определяемы Синодальною конторою. Люди не только по большей части не способные, но и не воздержные, а некоторые бесчинные. Их мало-помалу новый Архиепископ переводил, и на их места лучших и учёных производил, так что, наконец, через 15 лет едва не всю Москву снабдил учёными и добропорядочными Священниками. За что общее от всей публики заслужил признание и похвалу. Перевёл бесчестный Крестец, который состоял в том, что у Спасских ворот всегда собирались попов по 10, по 20 и по 30, бродяги из разных епархий, отрешённые от мест, а иные и запрещённые, и под следствиями находящиеся и нанимались, стоя на Крестце, служить обедни при разных церквах за малейшую цену, копеек по 10 и по 5 к. Делало сие нетерпимый соблазн.

Бог помог Архиепископу всё сие перевести, так что сего и следа не осталось, хотя оно продолжалось, может быть через несколько сот лет и, хотя прежние Архиереи о том же старались, но не успели. А каким образом сие зло переведено, о том всё объяснять многого требует труда и времени.

Также уменьшил число домовых церквей и бывших при некоторых приходских церквах викарных попов. Ибо от сего кроме того, что оно ни с законами, ни с правилами не

сходственно, происходили великие бесчиния и команде многие затруднения, а по уменьшении сего уменьшились и соблазны, облегчилась команда, Священники приходские стали в большем уважении, и содержанием довольнее.

Академия Московская поручена Дирекции Архиепископа Московского, почему он почёл долгом стараться о приведении её в лучшее совершенство; умножил учеников, коих прежде не более было, как 250, а иногда до 300 человек, но после дошло их число даже до 1000 человек, и устроил в ней для бедных учеников особую бурсу. А притом, находя в Перервинском монастыре доходы немалые, издерживаемые едва на что полезное, и между рук уходящие, по указу Императрицы, в том же 1773 году, устроили там училище и содержание оного на монастырских доходах, которые добрым и верным хозяйством весьма против прежнего умножил, так что на одно училище исходит в год более 4.000 р., и оно уже многих произвело успешных учеников и добрых Священников. Притом устроил там школы и кельи для Архиерея и учителей, и башни, и ограду кругом саду, каменные.

Также в том же году завели малые училища в Калуге в тамошнем Лаврентиевом монастыре и построил для школ покои, да в Звенигороде, в Саввине монастыре, и испросил у Императрицы на каждое из сих училище, для содержания учителей и бедных учеников по 300 руб. в год.

Между тем ревностно прилежал к отправлению дел епаршеских судебных, коих было великое множество, и не щадил он ни труда, ни здоровья. Ибо непременно, каждый день, кроме воскресных и праздничных, с 7 часов утра по 1-й, а иногда по 2-й час по полудни, упражнялся в разбирании прошений, в давании на них решений, или письменных или словесных, в рассматривании дел от Консистории, духовных Правлений и Благочинных (коих везде вновь учредил и дал им печатные инструкции) и в решении оных. Доступ к нему был всем не возбранён, и все дела и принимал, и рассматривал, и писал сам собою, без всякого помощника, а подъячий только записывал и куда надлежит отсылал. Особливо же ревновал, чтобы сохранить правосудие, и как сам ни от кого ничего не

брал, то и над подчинёнными, сколько мог, строго наблюдал, чтобы мздоимства не было и злонамеренной проволочки. Стоило ему сие не малого сил истощания; но утешало и ободряло то, что видел на все его труды благословение Божие, с немалым к лучшему порядку успехом.

Но надлежит сказать и о хозяйстве Московского Архиерейского дома. Не только нельзя было в нём жить, но и ничего почти в нём не было: и он принуждён был жить на подворье Троицком, что у Сухаревой башни. Ибо во время мятежа, бывшего в 1771 году, и убиения Архиерея, Архиерейские покои были внутри разорены и разграблены, также и конюшня и экипаж весь. А между тем, по небытии до 1773 года хозяина, не без того, что и от других, или запущено, или недостаток умножен. Заботило сие Платона. Пожаловала Императрица, без просьбы, сама собой, на построение нового дома 40.000 руб. И он построил новый дом в том виде, в коем он ныне всеми зрится. Также и в церквах Чудовских всё поправил и украсил; и ризницу весьма всякою утварью умножил, которая до того времени весьма была недостаточна: как то сие всяк видеть может, кто возлюбопытствует узнать что до Платона в Чудовских церквах и в ризнице было, и что при нём прибыло. Притом, впоследствии времени, устроил новый деревянный дом на подворье Заборовском со службами и оградю кругом каменными. Также и на другом подворье в Хамовниках, деревянный дом со службами и оградю кругом каменными. Также не оставил и загородного Черкизовского дому, который был крайне запущен и к падению склонен. Он его возобновил во всём, пристроил новые, построил службы, сад в порядок привёл и кругом обнёс оградю каменною. Возобновил прорвавшийся пруд, поставил мельницу – и прочее, что всё исчислять трудно. И всё сие производил коштом монастырским; ибо при заведении верного и доброго хозяйства доходы весьма против прежнего умножились и на всё устройство с излишком доставало.

Но между всеми делами, весьма нередко, служил и всегда проповедовал Слово Божие, особливо в Четыредесятницу

каждое воскресенье, служа, поучал народ, что видно из поучительных его напечатанных слов.

Между тем, в том же году – к Троицыну дню Императрица с Великим Князем и с Великою Княгинею посетила Лавру, где Архиепископ принимал и проводив сих Высоких Гостей; и милостиво награждён и с обителию – получив на устройство Лавры до 30.000 рублей.

Препровождая таким образом 1775 год, в начале 1776 г. отправился в Петербург для присутствия в Синоде И хотя сие было против его желания, но надлежало повиноваться верховной воле. Скоро по приезде, в Апреле месяце открылся нечаянный и для Платона поразительный случай. Великая Княгиня Наталия Алексеевна, особая его благоприятнейшая благодетельница, приближась к рождению, при радостной всех надежде, не разрешившейся её утробы, Апреля 15 дня скончалась. Платон её напутствовал исповедью и святым Причастием, и при погребении почтил её святую память надгробным словом.

К сей его сущей печали Императрица приметив, по неотступному его при смерти умирающей Княгини пребыванию, что-то для себя неудобное, (о чем да не возглаголют уста моя дел человеческих); и потому заключив в себе, что-то для Платона не выгодное, прежнее к нему благоволение, примечательно, хотя не отменила, но уменьшила. Что и было последствием многих неприятных для Платона приключений.

При окончании года, не находя Архиепископ удовольствия жить в Петербурге, в разлуке с паствою, о пользе коей он весьма ревновал, и скучая присутствием в Синоде, по течению дел, с его мыслями и началами несходному, и не видя в сотрудниках своих в том содействия, которые поступали по своим видам, ища, может быть более своих выгод, нежели общих, решился просить Императрицу об отпуске в Епархию, и о увольнении навсегда от Синода; почему и был отпущен, но токмо на год.

Но между тем, в течение того же года, Великий Князь обручил себе новую невесту, принцессу Виртемберг-Штудгартскую, Марию Феодоровну, ныне Государыню

Императрицу. Для Платона новый подвиг. Он паки к ней определён был в Учителя для наставления в нашем Законе, и для приуготовления к соединению с православною нашею Церковью. Что им и исправлено точно таким же порядком, как было при покойной Великой Княгине Наталии Алексеевне. Притом, при совершении брака их, провозгласил и пристойное слово. А чтобы быть её духовником, от того отведён Платон, чему и рад был он, ибо всегда боялся, чтобы чем не привязан был ко Двору. Итак, исправив и сию должность, так, как и при покойной Великой Княгине, и не получив ни за то, ни за прежнее никакой награды, кроме собственного удовлетворения, что оказал какую-либо услугу Церкви и Отечеству; получив притом увольнение, отправился в Москву в начале 1777 года.

По прибытии в свою паству, упражнялся в тех же самых делах, и с тою же заботою, как выше сказано; и утешался, видя всего прихождение к лучшему и уменьшение трудов. А притом занимался хозяйством по Чудову монастырю, приводя в окончание и совершенство Архиерейский дом, также строя и на Перерве и на подворьях, а еще более в Троицкой Лавре. Ибо получив на оную до 30.000 р., построил вместо ветхой старой, новую ризничную палату, сделал новый иконостас, обложил весь серебром, в Троицком соборе и росписал по стенам на золоте; тоже и в трапезной церкви, и у Никона, и у Михея и в Сошественской церкви, везде новые иконостасы, и вновь росписав стенным писанием, и в больничной церкви новый иконостас, и у Смоленской вновь росписав по стенам и крыльцо новое у Успенского собора, и две палатки новые, Серапионовскую и Максимовскую; и оградив оградой каменною Корбуху и сад, что при Лавре, и другие многие сделав пристройки и поправки, что всё исчислить подробно не без трудности, да и в печатном Лавры описании то усмотреть можно. Препроводив таким образом 1777 год в Москве и в Лавре, отправился по истечении срока в Петербург, куда и прибыл в начале 1778 года.

По прибытии упражнялся, ездя в Синод, нередко бывая у Их Императорских Высочеств, также получая на каждой почте из Епархии и из Лавры премногие дела и прошения, и, немедленно

реша, отправлял их в свои места. При окончании года, опять скучая тамошним пребыванием, по тем же самым причинам, о коих прежде сказано, просил Императрицу об отпуске в Епархию и об увольнении навсегда от Синода, и получил; но только паки на год.

По прибытии в начале 1779 года в Москву, паки принялся за те же епаршеские дела, и хозяйственные и училищей, и с тою же ревностью, как прежде о том объявлено. По окончании годового срока, не желая отъехать в Петербург, послал к Императрице прошение паки о том же. Почему и отсрочено, но также на год. Итак, остался в Епархии и на 1780 год, и продолжал свое течение дел по-прежнему. А сверх того, во всякую бытность его в Москве присутствовал и в Синодальной Конторе, где как надлежало ему дела производить не одному, но с другими, коих и виды и начала были иные и не беспристрастные, то почти всегдашнее от того чувствовал неудовольствие.

По окончании 1780 года и срока, покусился паки послать вначале 1781 года прошение к Императрице о том же. Но получив в ответ через князя Потемкина, что Императрица отдаёт на его волю или ехать, коли нужных дел нет, или не ехать; и рассудив, что лучше по таковому отзыву ехать, отправился паки в Петербург в конце 1781 года.

Туда прибыв, не нашёл там первого своего утешения – Их Императорских Высочеств, ибо они были в вояже по Европе. Препровождая время Архиепископ, в езде в Синод и в епаршеских и других вышеупомянутых делах, вдруг получил повеление Императрицы, чтобы отправиться в Москву для открытия учреждённого тогда вновь Московского Наместничества. Сему объявлению обрадовался Платон, и как не назначено сроку к возвращению, то сим случаем и рассудил он воспользоваться, чтоб остаться в Москве и более не возвращаться в Петербург.

По прибытии в Москву 1782 года в августе месяце, и отправив обряд открытия Наместничества, в октябре месяце, принялся паки за те же епаршеские и хозяйственные дела и тем же порядком.

Сей год был началом для Архиепископа новых, но удовольственных трудов: заведением Вифании, прежде названной от него пустыню, а после учреждённой Государем Императором второклассным монастырем. Случаи к тому были следующие.

По известности Архиепископу окружностей Лавры, всегда ему сие место, где ныне Вифания, яко на красивом положении и при изобилии вод, но впусте оставленное, особливо нравилось. Хозяйственные строения и в Чудове, и в Лавре, и в Перерве, и в других местах, почти все к окончанию пришли или приходили. А он особливою имел охоту к строениям. Притом начал скучать правлением епаршеских дел, не для того, акибы его и дела отягощали, или паствою был недоволен. Нет! и к трудам был он неутомим и паствою доволен. Ибо хотя и были некоторые недовольные, как то без сего и пробыть нельзя, но большею частью честных и благонамеренных людей таковых недовольных или роптания, или отзывы были заглушаемы, и Платону не причиняли многого смущения, или в трудах ослабления. Но некоторые в главной его команде или завистью подстрекаемы, или в его охудении находя свои выгоды и повышения, или не видя в нём к своему честолобию угождения и уважения, а особливо приметя, что и Императрица, по некоторым также внушениям, хоть не совсем, однако немало уменьшила своей благосклонности; по всем сим причинам начали по команде причинять Архиепископу многие затруднения, досады, приказные привязки, и добрых его намерений и дел в худую сторону толкования.

Всё сие примечая и видя, Платон начал скучать правлением Епархии, имея ко всему ревность, но руки связываемые. Всеми сими обстоятельствами быв побужден и, притом всегдашний уединения любитель, рассудил устроить вышеупомянутое ему милое место с тем, чтобы еще несколько продолжив правление Епархии и, приближаясь к старости, отказаться от оной и уединиться в ту пустыню, и тем окончать последние свои годы в тишине. А чтобы устройство сие не перетолковано было от зложелателей в худую сторону и не остановлено, положил там устроить кладбище для лаврских

монашествующих, кои в Лавре погребались; а указами в знаменитых местах было погребать воспрещено. Итак в 1783 году и действительно приступил к строению во первых церкви, а потом своих покоев, а далее мало-помалу и других строений, так как ныне всё то видимо есть и по причине погребаемых братьев в надежде воскресения, по примеру Лазаря воскресшая, наименовал оную *Вифаниею*, и устроил нижний храм во имя четверодневного Лазаря. И всё строение Архиепископ производил своим собственным коштом. Таково было начало Вифании, а что о ней последовало, о том ниже сказано будет.

Между тем изредка в Лавре бывая, в год раза по два и по три не более недели, пребывал всегда в Москве при своей обыкновенной должности, и никуда почти не выезжая, как только на служения, да на Перерву, а летом в Черкизовский загородный дом, а иногда в Савин монастырь дня на два или на три.

В 1785 году, нечаянно Императрица прибыла из Твери в Москву на несколько дней, не оказав никакого Архиепископу благоволительного знака.

Но в 1787 году, возывев путешествие через Смоленск и Киев в Крым, на возвратном пути посетила и Москву, где приняла Архиепископа благосклоннейшим и ласковейшим образом, в конце Июня месяца, где пробыв до 10 дней, неоднократно удостоив его стола своего, разговаривала с ним и обходилась милостивейшим образом. И вот что случилось! Прежде до того года за два, пожалованы ею Митрополитами Архиепископы Новгородский Гавриил и Киевский Самуил, бывший Архиепископ Ростовский, который всегда был Архиепископа Московского ниже. Положено было тогда и его пожаловать в Митрополита, и клобук белый был приготовлен, как сам Князь Потёмкин Платону сказывал: но помешали злые люди, представляя, что он от сего акибы и более возгордится; а наипаче духовник Императрицы Панфилов. Почему он и обойден. Нельзя не признать, что сие не было прискорбно Платону. Ибо было видимым знаком неблаговоления Императрицы, – но надлежало сносить. Однако, и что судьбы Божии устроили! Когда Платон о том не воображал (ибо ниже

каким-либо слухом до него доходило), и приготовился служить в день первоверховных апостолов Петра и Павла, в Успенском соборе, куда и Императрица с двумя своими внуками прибыла – Александром Павловичем и Константином Павловичем, и совершал литургию, тот самый духовник, служа с ним, который ему не желал Митрополитом быть, вдруг, по Достойне по обряду поминания его, наименовал Митрополитом: помяни Господи Митрополита нашего имя рек, и проч. Платон сие услышав, почел, что он в насмеяние ему сие говорит, воспрещал, чтобы он при совершении Святейших Таин сего не делал, но он только отвечивал, что «так надлежит», и паки тоже повторил. Потом тотчас придворный Протодиакон, сказав Архиепископу, что так от Императрицы повелено и провозгласили велегласно во всю церковь по обряду: Митрополита Московского и проч. Тогда, узнав Митрополит волю Императрицы, обратившись, поклонился Императрице из Царских дверей, а паче возблагодарил Господа чудодеющего, продолжал служение. Таковым же образом Императрица хотела было поступить с ним и в Твери, чтобы нечаянно провозгласить Московским Архиепископом, но отменила, сказав, что они боятся, дабы от внезапности таковой чего ему не приключилось, как сказывал ему Князь Потёмкин. Удивился и всегда потом продолжал Платон своё удивление таковому судеб Божиих непостижимых устроению. Когда нимало он о том не помышлял, среди служения, внезапно по пропетии *достойно есть*, в присутствии Императрицы и всего Синклита и всего Духовенства в первенствующей России Церкви, в самый тот день, когда он родился и совершилось 50 лет, провозглашён Митрополитом, да ещё через самого того, который о том и слышать не хотел.

Всё сие произошло, как после Платон услышал, таким образом, что Императрица в самое служение приказала отдать указ Духовнику на имя Синода, и приказала ему и Протодиакону его Митрополитом провозгласить, но сие от Архиепископа было сокрыто. После обедни приветствовал Императрицу со днём торжественным тезоименитством Его Императорского Высочества, и возблагодарив за пожалование, приглашён был к столу, где благосклонно приняв его Императрица, и

разговаривая, пожаловала ему блюдо и солонку серебряные позлащенные, и хлеб, поздравив его с собственными именинами – а на третий день прислала на белый клобук богатый бриллиантовый крест. Итак, сим Платон быв обрадован, проводил Императрицу по надлежащему в Петербург в селе Всесвятском.

Обрадован был Платон, но не обрадовались те, кои ему не доброжелательствовали, а власть по команде духовной имели в своих руках; почитали его для себя тягостным и не надеялись себя возвысить и усилить, разве унижением и ослаблением его; всё изобретали способы его беспокоить. Некоторые явились просители в Синоде, чего никогда не бывало. Ибо узнали, что есть такие, кои тому рады и им помогать будут. И хотя сие просители по делу не могли ничего получить, ибо оказались виновными; но между тем разными спросами, справками и нарочным продолжением был Митрополит обеспокоиван. При том в Москве, чего ни в какой почти епархии нет, команда разделилась, весь город и монастыри в команде Митрополита; но некоторые монастыри и два Собора, под ведомством Синода. Сии Архимандриты и Соборные попы, Митрополиту не токмо во многом не повиновались по обрядам церковным, но и досады разные причиняли. Что было тем несноснее, что все начальное служение надлежало было управлять в Успенском, ему не подчиненном Соборе, и с теми Архимандритами. Им наипаче содействовали взошедшие в особую у Императрицы доверенность, Митрополит Новгородский Гавриил, и Обер-Прокурор Пушкин, кои два в Синоде, делали, что хотели, и явно властью Синодскою, и тайно, ухищренными способы. А другие им угождая, хотя и нехотя, тому же последовали. Сие столь беспокоило Митрополита, что он почти едва какое служение мог отправлять в Успенском Соборе со спокойным духом. При том и к Императрице отзывался о разных епаршеских делах; однако не только не получил удовольствия, но ниже ответа. А сверх того, и частыми от колик болезнями до опасности жизни доводим был. Имея же в виду устроенное в Вифании спокойное уединение, напоследок во многом размышлении, призвав Бога в помощь, и совершив литургию, и сказав слово, в каких

случаях можно от должности отпуску просить, послал прошение к Императрице 1792 года. Февраля 2 дня – об увольнении от Епархии, и оставлении его при Лавре.

На сие немедленно пришёл ответ, что Императрица признаёт его заслуги, сожалеет о его болезнях, но почитает, что и без увольнения от Епархии может он жить в Лавре сколько рассудит, а во время отсутствия своего может поручить правление своему Викарию. Ибо в 1788 г. был определён ему викарий, и наименован Епископ Дмитровский, и жить ему в Москве, в Богоявленском монастыре, управляя церквами, сколько ему местный Архиерей определит.

Итак, Платон, в силу сея Императрицы воли, отбыл из Москвы в Лавру, в 1793 году, поручив правление Епархии оному Викарию, однако же, так, что не весьма малая часть дел ему в Лавру были присылаемы, или на решение, или на утверждение, в чём он ещё и в Лавре немало занимался и беспокоился: особливо что по апелляциям в Синоде надлежало ему одному всё переносить, а не Викарию. А между тем он и в Москву приезжал в год раз, а иногда два, на месяц и на два и более, и всякие дела производил. Но по Синодальной Конторе ни в какие дела не входил. И на сём основании пребывал он в Лавре зимою, а летом в Вифании, а иногда в Москве до 1796 г.

В сем году, ноября 6 числа произошел новый случай важный. Скончалась Императрица, и взошёл на престол сын её Государь Наследник, Павел I. Сия весть в Лавру пришла через приватные письма, ноября 11 дня, коим едва смел верить Митрополит. Но через час, по получении таковых писем, явился курьер из Петербурга, со своеручным письмом от нового Государя Императора, коим он, извещая Платона о кончине своей матери, повелевает ему приехать в Петербург, распорядя по Епархии. Сему призыву не весьма порадовался Платон, ибо, любя уединение и наскучив суетами мира сего, и приближаясь к старости, боялся, чтобы не принуждён был жить в Петербурге и не привязан был к каким-либо делам, особливо при Дворе, однако положил ехать, хотя был в великой слабости здоровья, ибо до сего за день случилась ему жестокая колика. Но не рассудил скоро в путь отправиться. Ибо не сказано ему, чтобы

ехать немедленно, но напротив, сказано, чтобы прежде распорядить по Епархии, в коей уже он более года не был. А притом, в тот же день получил и от Градоначальника из Москвы, Измайлова, письмо, коим просил он Митрополита приехать в Москву и совершить с ним новое торжество. Итак, на другой же день, по получении сего известия, отправился он в Москву, куда при слабости здоровья в тот же день прибыл и ожидал указа о торжестве более недели; но сего ни тогда, ни после не последовало.

Все обратили взоры свои на Платона не только в России, но, может быть, и вне предел её, как то он мог усмотреть из писем, полученных им из разных мест. Все почитали, что он у нового Императора в особой будет доверенности, особенным каким-либо образом будет отличен или возвышен. Ибо, кроме должности учительской, которую он проходил при новом Государе еще с десяти его лет, всегда был им любим Платон, и по отбытии от Двора всегдашнюю с ним любовную вёл переписку лет через пятнадцать; даже не упускал Государь того, когда был и в чужих краях, как то: своеручные письма его, коих до 200 и кои хранятся доныне целы, свидетельствуют. Всегда удостаивал его, так сказать, своей дружбы, и подписывал к нему в письмах: ваш верный друг. Да и в самые из Москвы в Петербург приезды, не иначе с ним обходился, как с другом. Посему все заключали о Платоне что-то немалое. Но один он что-то чувствовал все неблагоприятное. Он задолго пред сим временем, когда заходила речь о царствовании Павла I и, о имеющем быть для него особливом счастья, всегда и многократно говаривал, что он ничего так не боится, как Двора, и сохрани Бог! чтобы когда ему на сие согласиться. А при новом царствовании того себе ожидает счастья, что новый Государь, помня его заслуги и дружбу, наградит его покоем, являя к нему отличное своё благоволение; и через то с удовольствием даст ему в уединении скончать дни свои. Так рассуждали при новом сём случае другие, так рассуждал Платон. Но вот на чем открылось.

Пребывая в Москве, Митрополит услышал, что Архиереям Государь пожаловал кавалерии. Сие его удивило. Ибо было сие

дело необыкновенное, и никогда в Духовенстве ни в Греческом ни в Российском небывалое. – Сверх того, опасался, чтобы не воспоследовало какого в народе раскола, который и без того усилился; и между единоверными нам, Греческими и другими народами, какого разделения. Так рассуждал Платон не при сем случае только, но и гораздо прежде, когда носился слух, при покойной Императрице, что акибы Архиереям даны будут кавалерии. – Основательно ли он рассуждал, или нет, отдается на суд беспристрастным и духом Божиим водимым христианам. При таковом рассуждении почел Митрополит долгом своим, и долгом дружества, написать к Государю, и написал, в самых кратких и кротких выражениях, что новое Архиереев кавалериями пожалование принято почти от всех с удивлением; и что оно может дать случай к разным толкованиям. Притом просил Императора, чтобы по случаю его отъезда в Петербург, пожаловать повелеть Викарию Епископу Дмитровскому присутствовать в Синодальной Конторе, что и прежде бывало при отлучке в Петербург, что Викарий его, Епископ Севский, в Синодальной Конторе присутствовал, чем хотелось ему несколько ободрить своего сотрудника, а себя совсем от оной освободить.

Послав таковое письмо и получив от Императора побуждение, чтобы он не медлил отправиться в путь, тотчас отправился в Лавру, а оттуда в Петербург, декабря 2 дня¹⁸⁶. Но на дороге, не доезжая Твери, в селе Городне, встретил его нарочно посланный курьер. Вручил он от Государя письмо, а из Синода указ. В письме Государь изъявляет великий гнев за медление и за непристойное представление; почитает его себе противящимся, и угрожает своею властью. А в указе Синодском объявлено Государево повеление, чтобы, по случаю выше помянутой просьбы, о Викарии, вразумить Митрополита в недельной его просьбе; почему и написано много ко вразумлению служащего; и сим делом так понуждаемы были поспешить Синода члены, при руководстве Пушкина, что в воскресный день, в придворной церкви, на жертвеннике подписывали определение. Прочетши и то и другое, Митрополит поражен был смущением, яко внезапным, и ни мало сего, или

подобного тому не ожидавши. Долго в горести духа рассуждал, что продолжать ли ему путь, или возвратиться назад в Лавру, почитая, что гнев Государев увольняет его от поездки в Петербург, и являться пред лице его. Приехав в Лавру и болезнен и горестен, отписал Государю всё обстоятельно, и почему медлил, и почему отважился к нему писать, и для чего возвратился назад, а притом просил и увольнения от Епархии. И на сие получил ответ прежнего благосклоннее. Что требовал его по привычке быть с ним, и чтобы дать ему кавалерию, и что он надеялся, что еще потрудится в правлении Епархии. А от приезде его в Петербург увольняет, поскольку сам скоро собирается в Москву. Получив таковое от Государя письмо, несколько отдохнул от тягости душевной Платон, а паче рад был, что от поездки в Петербург уволен; ибо крайне страшился, чтобы не потребован был туда указом, и какому-либо еще следствию подвержен не был. Находясь после сего в слабости здоровья, однако, собирался в Москву, куда в конце января 1797 года и отправился. Ибо назначен был приезд Государев в Москву к 10 Марта. Живя в Москве, Митрополит, чувствуя слабость здоровья и в унынии, не оставлял и Епаршеские дела по возможности производить. А как в Москву прибыл и Синод, где ему велено присутствовать, то и в Синод ездил, хотя очень редко. Какие же притом терпел от своих собратий искушения, трудно всё подробно объяснить.

Но вот искушение и от Бога! По неиспытанным судьбам! За день до приезда Государева, случилась Платону самая мучительная болезнь, какой Платон не испытал: колика и с камнем в почках, *cum calculo venit*. Был от жестокости мучения почти без памяти и чувства. В самый день приезда Государева несколько болезнь облегчилась, однако так, что он с трудностью мог по покою пройти. Что делать? Ехать ли на сретение Государя или нет? Ехать препятствовала крайняя слабость и чувствуемая по временам жестокая боль в почках; не ехать, опасался, чтобы сие не было принято в один вид, и тем бы Государя, и без того гневного, и более на гнев не привести. Однако совсем тем решился, а паче по совету других, не ехать, а велеть себя везти в Петровский подъездный дворец. Туда

приехал с мучением, лег на лавке, и ожидал прибытия Государева. Перед самым прибытием несколько болезнь отошла, так что он мог выйти на крыльцо и встретить Императора и Императрицу. Государь, увидев его, сказал: что он очень рад, что его увидел. Потом в покоях приветствовал Государя пристойною речью, тотчас отправился домой, куда как его от жестокости болезни привезли, едва помнить мог; и был вне чувства. Но тотчас от Государя посланный привёз своеручное письмо, в коем, изъясняя свое удовольствие за речь, просил его на другой день приехать к нему, чтобы расплатиться, чем он обязан ему пред собою и пред светом. Митрополит едва-едва мог посланному сказать, чтобы он донёс Государю, что он крайне болен и ежели хотя мало пооблегчиться, не преминет явиться лицу Его. По пяти дней, по малом облегчении явился к Государю.

Государь, не медля, его допустил, и тотчас по входе, ничего не говоря, возложил на него Андреевский орден. Митрополит стал на колена, и просил, чтобы от сего избавил его, представляя все то, что выше им о сем писано. Но Государь более не говорил, как только, что о том довольно рассуждал, и что он хочет, чтобы его воля была исполнена. После сего, ни чего более не оставалось делать; но Митрополит не хотел вновь прогневать Государя, чтобы совсем позабыть должное Монарху от подданного благоговение. По окончании сего, Государь стал спокоен, и посадя, долго с ним разговаривал любовно. И хотя некоторые осмеливался Платон предлагать Государю советы, пристая к его разговорам; но он оставался не преклонен в своих мыслях. И так его отпустил, оставляя у себя при столе, но он слабостью здоровья извинился. Потом Императрица ему показала всю императорскую Фамилию, которую всю имел счастье он видеть в первый раз. После сего Государь Митрополита к себе никогда не требовал, никакого повеления ему не отдавал, ни о чем его не вопрошал, хотя находился в городе, его духовному правлению подлежащем и при наступлении великого обряда Коронации, и во многих церквах у службы был: или какие издаваемы были приказы, но через других и другим.

Только в Великую субботу Митрополит в Чудове служил и приобщил всю Императорскую Фамилию святых тайн по Государеву изволению, и после обедни был в архиерейских покоях, где стоял Государь Наследник и благосклонно с Митрополитом разговаривал. В течение сих дней Государь сам собою дал указ в Троицкой Семинарии быть больнице, с назначением на оную по две тысячи рублей в год. По совершении коронации, на другой день Платон был с прочими духовными на аудиенции, и говорил приветственную речь, потом на четвертый день был он у Государя, по случаю вручённой ему от Государя 90.000 р. суммы на раздачу бедным; где долго Государь с ним разговаривал и склонял, чтобы ехать в Петербург, от чего Митрополит всячески, представляя свою слабость и старость, отрицался. К чему и Императрица прежде много его уговаривала. Но он и ей тоже представлял.

В разговоре своём Государь благоволил ему открыть многие на него, Митрополита, наговоры и не безважные, которые все были сушая и злобная клевета. Ибо многие и светские и духовные всемерно старались, и ныне может быть стараются, чтобы его до Государевой доверенности не допустить, опасаясь его свободного и нелюбезного нрава. И им тем было удачнее, что Платон и сам собою охотно от того удалялся, и все им уступал; поручая себя Провидению Божию, которое многие в жизни явило над ним чудеса, противу его чаяния, и противу других усилий; как-то и в сем описании несколько то видеть можно. Слыша таковые клеветы Митрополит из уст Государевых, просил Государя, стоя на коленях, чтобы он учинил правосудие, повелел бы исследовать, и ежели он окажется виноват, то бы его наказал по строгости законов; а ежели другие окажутся клеветниками, то и их клевету и злобу унять. На сие Государь не иное что говорил, как только, что ему о сем говорили.

По коронации и по прошествии праздников Пасхи, Митрополит зная, что Государь намерен посетить Лавру, ходил к Государю просить его о посещении, и притом дозволил бы ему наперёд отправиться в Лавру. Каковое обещание и дозволение и получил. И Платон при слабости здоровья, которая

продолжалась во всю бытность Государеву в Москве, отправился в Лавру, куда приехав, надлежащее к принятию Государя Императора и Высочайшей Фамилии чинил распоряжение. В Лавру Государь Император и с Императрицею и со всею Фамилиею прибыл 23 апреля ввечеру, в 8 часу. По надлежащем сретении и по входе в покои Архимандричьи, Государь тотчас Митрополиту говорит, что он завтра будет обедать в Вифании. Удивился сему Платон и несколько смутился, ибо всё приуготовление сделано в Лавре, а в Вифании ничего, кроме того, что покои были не убраны; зная, что Государь Вифанию посетит на полчаса или на час, и осмелился Ему представить, что в Вифании покои малы и приуготовления никакого для стола там не сделано. Но Государь подтвердил, что хотя в уголку, но там будет обедать. После сего поговорил Государь с ним, что отменяет поход свой в Казань и о других материях, отпустил Платона к служению.

На другой день, поутру, быв у Государя и кой о чём доложив, пошёл на служение в Троицкий собор и служил, а после обедни был молебен. Потом, возвратясь в покои, и из оных со всеми посетил все церкви и ризницу и потом Семинарию, где приветствован был от семинаристов, и принимал всё с отличным удовольствием. Наконец отправился в Вифанию, где его паки Митрополит встретил. Был в большой церкви и изволил хвалить, потом в домовой, которая ему ещё больше понравилась, и хотел у себя такую сделать. Потом и покои изволил похвалить, и говорил: «вот как тесны у тебя покои, на что более?» потом открывал некоторые клеветнические наговоры которые ему внушали о Вифании: а теперь де сам вижу что это неправда и видя Митрополит, что Государь весел и всё хвалит, осмелился ему, яко в шутках, сказать: когда Государь! всё здесь удостоилось вашей похвалы, то хотя б игуменство здесь благоволили учредить. Но Государь сие принял неблаговольтельно: на что тебе игуменство? Ты сам здесь игумен и Императрице тоже неоднократно повторял. – Платон, приметя сие, завел речь о другом и потом пошли к столу, Государь Император с Императрицею и со всею Императорскою Фамилиею. Государь был весел и весь стол

проговорил с Митрополитом, а между тем семинаристы разные читали разговоры из географии, из истории, из философии и прочего, что Государю весьма было угодно и семинаристов целовал. За столом Государь дозволил в семинарии обучать французскому языку, который был воспрещён. После стола скоро изволил отправиться в Лавру и, приложившись к мощам, хотел выходить из церкви; но Митрополит тут же, поднеся всем образа во благословение, подал Государю прошение об увольнении его от Епархии. Государь, приняв, спросил: что такое? На то Платон: «Государь! извольте прочесть и увидите».

Потом открыв и несколько усмотрев, сказал, что «сему быть нельзя». И сколько Митрополит ни просил, чтобы явил милость, но он несколько раз повторил то же: «сему быть нельзя». Вышел из церкви и сел в карету, сказав только, чтобы скорее приезжал в Москву к церемонии, которая положена в преполовениев день, при крестном ходе на Москву реку. И так отправился в путь. Ни на Лавру, ни на Вифанию, ни на Семинарию, ни какого подаяния не пожаловано. По несчастью накануне прибытия день был хорош, и на другой день по отъезде, 25, самый теплый и прекрасный, а в самый день присутствия весь день был дождь и самый густой туман, почему и дорога вся вдруг испортилась, и Государь ехал с беспокойством, и в Вифании местоположение не могло себя открыть, поскольку и пруд еще был подо льдом, и в лесу снег, а дорога очень грязна.

Таким образом, проводив Государя и отдохнув от трудов, митрополит отправился в Москву 28 апреля, и по приезде отправил службу и крестный ход; церемония была весьма великолепная. Государь сам войсками командовал, где Митрополит, осеняя его крестом, и кропил святою водою Его и знамена, и всё войско, по пути стоящее. Платон пошёл в Кремль во Дворец, чтоб принести благодарение за посещение; но отказано.

На другой день приехал к нему от Государя секретарь его Трощинский, с объявлением, что Государю Императору угодно учредить в Вифании второклассный монастырь и устроить при нём Семинарию, и потому повелел с ним поговорить, на каком

всему тому быть основании. Удивился сему чрезмерно Платон: ибо не малого тому в Государе расположения в Лавре и в Вифании приметить не мог. Да о том не только не просил, но и не помышлял. Однако, посланный понуждал, чтобы о сём доложить что-нибудь немедленно: – Митрополит испросив подумать о сём хотя до утра, и притом представив, что в Вифании Семинарии нужды нет, поскольку есть в Лавре, или хотя учредить только нижние классы; но он объявил, что Государева воля есть на то, чтоб быть там особой Семинарии полной; осталось Митрополиту повиноваться.

Итак на другой день подал записку, а по той записке, на другой потом день, 1-го Мая, состоялся указ, чтобы Вифанию сделать второклассным монастырем и учредить Семинарию, и о прочем, что явствует в том указе. А между тем прислано 2.000 р. на семинаристов Троицких, а Ректору часы золотые с камнями. Поспешил Митрополит принести благодарение за таковые милости и, ожидая во Дворце, вынесли ему от Государя бриллиантовый орден Андреевской; а Государыня Императрица в день Преполовления пожаловала ему крест золотой из хрисопрасов и с бриллиантами; но и тогда до Государя не допущен, и отказано с некоторым для Митрополита стыдом. Что Платона приводило в немалое удивление; ибо гнев и милость вкупе.

На другой день, Мая 3 дня, который был днем отъезда Государева из Москвы, Митрополит с прочими духовными по литургии приносил благодарственную речь. Государь после сего извинялся, что вчера с ним не видался, говоря, что он про то будто не знал. А притом неоднократно говорил: «пожалуйте, приезжайте к нам». И хотя Платону крайне сего не желалось, однако как Государь сие говорил публично перед всеми, то он не осмелился более противоречить Государю, а объявил, что он его волю должен исполнять, то же самое, что Государь, повторила и Императрица. Итак, проводили Высоких особ.

Теперь любопытствует кто знать, почему Митрополит склонился подать Государю прошение об увольнении его от Епархии. На сие решение уже из предсказанного видеть можно. Был он всегда к уединению склонен, всему предпочитал

спокойствие, был притом уже к старости преклонен, достигши 60 лет. Всю почти изнузивши жизнь в разных и непрестанных трудах и заботах, а нередко и оскорблениях, притом частыми болезнями ослабляемый, ничего так не желал, чтобы хотя в последние дни, по Павлову слову, *«распяться міру»*, то есть, так в нём жить, как бы в нём никакой нужды не было. И хотя при всем том чувствовал в себе ревность еще потрудиться, я сколько-нибудь услужить общему благу, но зная совершенно свой нрав; зная же не меньше и нрав Государев; заключал, что он Государю не угодит; а потому и полезным быть не может, и судил за лучшее добрым порядком уволену быть.

Однако, как Государь его не уволил и пригласил в Петербург, то уважая и сие приглашение и обещание своё, туда собирался. Но прежде писал к Государю, поздравляя его с днем тезоименитства, и в какое время благоугоднее для него, чтобы ему туда приехать. На то отвечал Государь, что «когда будет для него, Митрополита, угоднее и спокойнее». Почему и рассудил Митрополит отправиться туда ко дню рождения Государева, к 20 сентября, к коему дню туда прибыл.

Государь находился в Гатчине. Платон хотел было туда отправиться; но ему сказали, что без дозволения туда никто не ездит; почему испросив через Генерала-Прокурора дозволение, 20 Сентября в Гатчине представлен был лицу Государеву и приветствовал его речью со днем рождения и поднес свои нововышедшие проповеди.

Государь принял его благосклонно и ласково и оставил при своём столе. Прежде стола и во время оногo изволил с ним разговаривать о разных вещах обыкновенных; после стола Государь, встав с Императрицею и поклонившись, пошли в свои покои, и только-то Платон Государя и видел. Подождав он в покоях; а потом на квартире несколько времени, ожидая, не спросит ли о чем Государь и не прикажет ли чего: но подождав и не получив ничего, отправился из Гатчины в Петербург в тот же день.

Ожидал Митрополит на своем подворье, неделю, две, три, четыре и пять; не будет ли какого от Государя ему приказания, или не спросит ли о чем; наведывался и от других, не слышат

ли чего об нем; но ничего нисколько не последовало; не иначе, как бы Митрополита и в Петербурге не было. Скучал он таковым положением; притом был здоровьем в Петербурге слабее; и для развлечения мыслей, посещал некоторые места в Петербурге, не быв уже в нем пятнадцать лет, В Синод не ездил, не имея желания, и не смея без повеления. Таким образом, прожив более шести недель, во всякой о себе неизвестности, решился Митрополит писать к Государю в Гатчину, чтобы дозволил ему возвратиться восвояси, где помянул и о прежней просьбе, что от Епархии быть уволену. Сие он учинил для того, что подлинно скучал, не имея о себе известного ничего; да и не желалось в Петербурге быть; а притом хотелось через то узнать и волю Государеву; что ежели он желает ему остаться, то прикажет ожидать; ежели же уволит, то его просьба будет сходна с волею Государевою; дня через два получил письмо от Государя, в коем сказав, что сколько- бы ни желалось ему, дабы он пожил с ними подольше, но снисходя на его просьбу, увольняет его восвояси. Получив сие, Платон рад был; но вместе и удивлялся: для чего же бы Государь его в приглашал в Петербург, столь усиленно. Однако начал собираться в дорогу, а между тем писал к Государю, благодаря, и притом испрашивая милости, чтобы завести в Лавре типографию на собственный его кошт. Но в том присланном ответом отказано, сказав, что «он правилом себе поставил типографий не умножать». – Итак, Митрополит, простившись со знакомыми, выехал из него 26 Октября и прибыл прямо в Лавру, Ноября 2 дня, слава Богу! благополучно.

По прибытии успокоился и несколько в здоровье поправился. Упражнялся в управлении дел, присылаемых из Консистории, указов и разных прошений, а притом в хозяйственном устройении, а особливо в строении Семинарии в Вифании. По наступлении 1798 года, Государя к маю ожидали в Москве. Почему митрополит почёл долгом своим отправиться в Москву. В самый день прибытия объявлено Успенскому Протопопу, чтобы он в соборе служил, а не Митрополит, или другой какой Архиерей, и чтобы встречи никакой не было, ниже

какой приветственной речи, и обедню бы отправляли в своё время, что всё и исполнено.

Государь прибыл в собор в начале первого пополудни. Митрополит с духовными в церкви предстал пред него. Государь, поцеловав Митрополита руку и свою пожаловав, спросил о здоровье, и что пора начинать обедню; ответствовано, что обедня отпета. Государь: «Я думал хотя кончик застать». А был день торжественный, Мая 10. Митрополит ответствовал, что объявлена воля его, дабы обедню отправлять в своё время, почему и отправлена. Приложившись к образам и всего минут с пять побыв в соборе, Государь отправился во Дворец.

После от Государя никакого к Митрополиту отзыва не было. А понеже 15 дня Мая, следовал праздник в Архангельском соборе, Димитрия Царевича, рассудил Митрополит позвать Государя к празднику. И для того ездил 14 дня во Дворец; а через камердинера докладывано, и через негоже дан ответ, что Государю недосужно. И так возвратился Митрополит; ожидая, чтобы в день отъезда Государева из Москвы, который положен был в Троицын день, Мая 16 дня, Государю откланяться; но, по докладу о том Военного Губернатора, Графа Салтыкова, письменно Митрополит уведомлен, что на то Государева изволения нет. И таким образом Государь из Москвы в Казань отбыл.

Платон, совершив в великий св. Троицы день службу в Чудове и сказав слово, пробыл в Москве до 1 Июня. А по исправлении надлежащих епаршеских и хозяйственных дел, отправился прямо в Вифанию, и туда прибыв в начале Июня 1798 года, и доселе (как пишется сие), то есть Марта по 25 день 1799 года, во оной пребывает безотлучно.

Упражняется в отправлении обыкновенных епаршеских дел, представляемых от Консистории, указов и разных прошений, также хозяйственных, и в приведении к окончанию Семинарии Вифанской. В большие праздники в Лавре служит и проповеди говорит. В Вифании сам крылосскую должность правит; ибо особо охотник до пения. Временно, в хорошее время прохаживается, но силами ослабеваает. Быв великий в младых

летах к прохаживанию охотник, но ныне ногами стал нездоров, слаб желудком, отчего нередко несварения, а от того колики и рвоты, и непрестанно беспокоится глухими геморроидами. Государя с большими праздниками поздравляет и получает на то благосклонные ответы. По большей части спокоен, нередко бывает прискорбен, особливо по делам затруднительным или по слухам неприятным. Хотя и ныне довольно словоохотен и весел, но весьма много ubyло от прежнего его весёлого нрава, и нередко бывает задумчив. Однако при всём том благодарит Бога, что его успокоил, об общем течении рассуждая, ревнует и скорбит. В прошлом 1798 году обрадован он был, что Государь, по его просьбе, на содержание братии в Лавре, прибавил 3 409 р. в год, да на богадельню к прежним по 5 руб., итого на 50 чел. 500 р., да на соборных и приказнослужителей по 1.500 р. в год. Ибо хотя на богадельни, и на содержание братии везде по монастырям было прибавлено; но Лавра была обойдена. Также и соборные при Лаврах, даже и в Донском монастыре положены; но Лавра одна исключена, по недоброжелательству некоторых. Теперь остается докончить описание его жизни, доколе Бог оную продолжит, или сему самому перу, или другому, коему память Платона покажется того стоящею.

Как Богу угодно было ещё продолжать мою жизнь, то я, паки самое то перо, которое поручил было другому, беру в свои руки, и прежнее повествование о жизни Платоновой продолжать предпринимаю.

С 1799 года, с марта 25 дня, по которое прежняя повесть была писана, упражнение Платоново было во всём то же, как и в прежде описанных годах. А наипаче он прилежал к окончанию строения Семинарии и к открытию оной, что в сём 1799 году и совершил. А в 1800 году и совсем оную к открытию приготовил, каковое открытие торжественно и совершилось 1800 года августа 6 дня, в день праздника Спасо-Вифанского монастыря, самим Митрополитом и Духовенством. Был после литургии крестный ход в Семинарию, при немалочисленном собрании людей, тутошних и посторонних, с освящением и окроплением святой воды и с прочими пристойными обрядами, что всё описано и напечатано в особо напечатанной книжице, с

включением речей, и стихов, и кантов, при сём случае приведённых. По окончании к вечеру был фейерверк, и Семинария и монастырь были иллюминированы, и ученики введены в свои покои, в новых своих однорядках. Преосвященный Митрополит, по окончании всего почёл за приличное и должное отрапортовать о том Государю Императору с приложением Семинарии планов и фасадов, и книжицы, с каким обрядом открытие Семинарии совершено. И как устройство Семинарии было единственное изобретение и воля Государя Императора, то и надеялся Платон, что сие Государь примет с удовольствием, а может быть и новою какою Семинарию пожалует милостью; но напротив, к сожалению и удивлению своему, никакого на то не получил ответа, и осталось в неизвестности, как оное всё было принято.

Потом, по обычаю, поздравлял Государя Митрополит со днём его рождения, сентября 20 дня, и на то получил благосклонное соответствие, и сие письмо Государя к Платону было последнее. Ибо хотя того же года Государя Платон и поздравлял с праздником Рождества и Нового Года, но на то никакого не удостоился получить ответа, что было тем для митрополита примечательнее, что никогда через столько лет не случалось, чтобы Государь на письма его никакого ответа не благоволил прислать. А почему, Платон узнать никак не мог, а только заключил из того некоторое неблагоприятное к себе Государево расположение. По наступлении 1801 года, было обнародовано от Императора, что он изволит прибыть в Москву весною, причём и обряд приложен, какие имеют происходить празднования и действия, во время присутствия в Москве Государева. В каковом обряде и Платон помянут, что он имеет быть приглашён к столу Государеву.

Митрополит был весьма обрадован таковою вестью, ибо ласкал себя не только удостоиться лучшего Государева благоволения, но и надеялся упросить Государя посетить Лавру и новоустроенную, им повеленную, Вифанскую Семинарию. Но вышло совсем противное и для всех прямых сынов отечества, особливо же для Платона неожиданное, прискорбное и поразительное. За половину Марта месяца, получил в Вифании

митрополит от Главнокомандующего в Москве Графа Салтыкова письменное известие, что взошёл на Всероссийский престол Государь Император Александр Павлович. Сие Платона привело в удивление; ибо о смерти Императора Павла ничего не сказано, да и слухи о том ничего не говорили. Но скоро после сего прислан и манифест о восшествии на престол Государя Императора Александра I, и что Павел I скончался 1801 года, Марта 12 дня. Поразило сие Платона печалью до внутренности. Ибо он любовью привязан был Государю Павлу, пользуясь столько лет, от самого его младенчества, дружбою его и милостью. И хотя некоторыми обстоятельствами был он против Платона охлажден и отклонен. Но знал Платон, что сие происходило не от сердца, но от сторонних клевет и коварств, кои все козни напрягали, чтобы лишить его доверенности Государевой, опасаясь может быть через него для себя чего-нибудь неприятного, а по внутреннему расположению Государь был всегда к Платону преклонен, и при всяком благоприятном случае надеялся удостоиться прежней Государевой доверенности и дружбы. Но судьбы Божии неведомые иначе определили. Получив Платон таковую печальную весть, тотчас пошёл в храм Господень, чтобы пролить усерднейшие молитвы об упокоении души преставльшегося Государя, своего друга и благодетеля, и совершил с пролитием горьких слез.

Нового Государя Императора Александра I поздравлял Платон с восшествием на престол, и на то удостоился получить благосклонное от Государя соответствие. Потом, как объявлено было манифестом, что нового Императора имеет совершаться коронование в Москве, то сие Платона привело в некоторое смущение, кому главным быть из духовных при совершении сего торжественного обряда. За день кончины своей, Император Павел Амвросия, Архиепископа Новгородского, пожаловал в Митрополиты и в первенствующие члены Синода. Новгородские Архиереи почитают себя и признаются, хотя, по мнению Платонову, неосновательно, высшими местом против Митрополитов Московских, почему уповал Платон, что и при коронации Новгородский возьмёт перед сим первое место. Каковой случай почёл бы Митрополит для себя оскорблением.

Ибо, кроме того, что Митрополит Московский есть пастырь первого царствующего града и по пастве – бывшей под Патриархом, мог почитаться некоторым его преемником, притом еще и давний Синода член; кроме сего Амвросий был у него в Троицкой Семинарии учеником, когда Платон был уже в лавре Троицкой Архимандритом и Синода членом, притом и производим был в разные должности, а напоследок был его Епископом викарием, в какое звание по его рекомендации и представлению произведён. Все таковые обстоятельства воображая, Платон человеческому искушению подверг себя, смущаясь, ежели бы при таковой торжественной публике был перед Амвросием понижен и с паствою своею постыжден. Однако о том никуда не отзывался, привыкши во всю жизнь ничего для себя не искать и не выпрашивать, а полагался во всём на Промысел о себе Божий. Ожидая конца сему делу, в каком уповании и не обманулся, ибо получил Митрополит от Обер-Церемониймейстера Графа Головкина Церемониал, как имеет совершиться коронация и по Духовному и Гражданскому обряду, где, по воле Государя Императора, положено при коронации Митрополиту Платону быть первенствующим, а Новгородскому вторым: о чём скоро и указом Святейшего Синода с приложением такового же Церемониала тоже подтверждено. Чем Платоново смущение и успокоилось, а каким образом и отчего произошло, Платон совершенно узнать не мог. А слух носился, якобы в том предстательствовала за него Государыня Императрица, мать Государя Императора, яко особая Платонова благодетельница и бывшая его в наставлении закона нашей Церкви ученица.

В самое же сие время Платона обрадовал, но вместе и опечалил, новый случай. Покойный Государь Император Павел, по особенному его к Платону усердию, с новым доказательством, что Павел к нему всегда был в сердце дружен, по сделанному им прежде своей кончины, как бы предвидел и предчувствовал оную, завещанию, отказал Платону трость с набалдашником, бриллиантами и изумрудами богато осыпанную, и богатую Императорскую карету, которую он сам особо любил и в ней изволил ездить, как в завещании точно

написано. Сии по духовной дары Платону присланы. Получив их, пролил слезы и радости и прискорбия, ибо лучше бы тысячу раз желал он продолжения его жизни, нежели видеть сии напоминания его кончины.

Скоро для коронации прибыли Синода члены, кои первые, хотя были не токмо знаемы и приятели Платону, но и питомцы его, и в производстве их он содействовал, однако обошлись с ним холодно и отвратительно, с некоторым лишним о себе мечтанием: и не только в собрание Синода его не пригласили, хотя он был старший Синода член, чего подлинно и сам он не искал и не желал, однако сей учтивости от них ожидал, но и во всем советами своими с ним не сообщились, итак уехали: в чём им Бог да простит! При всём том Митрополит Платон, яко первенствующий в Российском Духовенстве, коронацию совершил: святым миром Государя Императора и супругу Его Государыню Императрицу помазал, и обоим святое причастие преподал по установленному чину в 1801 году, Сентября 15 дня. При совершении коронации провозгласил Боговенчанному Государю Императору пристойную, поздравительную и поучительную речь, которая столько вместе без изъятия приятною и похвальною показалась, что тотчас переведена на разные языки: Французский, Немецкий, Италианский, Латинский и Греческий, и напечатана. Сверх того, в разных в продолжение празднества коронации случилось шесть речей им сказано, кои все на Российском языке напечатаны. И за сие всё да будет благодарение и прославление Богу, Который Платона вёл рукою крепкою и мышцею высокою! Но что же за все сии труды получит он вознаграждения? Многие духовные в день коронации пожалованы кавалерами: что было ли удовольственно Платону, можно то узнать из прежних его о кавалериях духовных рассуждений. Иные возвышены степенями. А о Платоне и об Амвросие, Митрополите Новгородском, уже после в газетах обвещано, что им даны алмазные кресты, которого, однако, не дано, а получил его Митрополит уже в Лавре 24 Сентября, когда Государь Император изволил посетить Лавру. Ибо Государь и с Государынею супругою, и с Государынею Императрицею матерью, и с Государем Цесаревичем Константином

Павловичем, и с Государынями Великими Княжнами Мариею Павловною и Екатериною Павловною, благоволили обитель посетить на 25 день Сентября, яко день памяти преподобного Сергия. Государь Император со всею Высочайшею Фамилиею в навечерни изволили слушать всенощное, в самый праздник Литургию, которую Митрополит совершал и говорил проповедь, и молебн. Потом изволили осматривать все церкви и ризницу, посетили и Семинарию, где приветствованы были от семинаристов разными речами и стихами, при пении кантов. Не оставили посетить и семинарскую больницу, Императором Павлом устроенную; после всех их посещений, изволили иметь обеденный стол в зале Архимандричьей. По окончании же стола паки шествовали в соборную церковь, где приложились к святым мощам, приветствованы от Митрополита благодарственною за посещение речью, с поднесением святых икон и таким образом отправились из Лавры, но не в путь еще, а благоволили посетить и Вифанию, где удостоили быть в церкви, в хозяйских покоях, в новоустроенной Семинарии, в коей также приняты с пением и разными приветствиями: и после всего этого отправились уже в путь свой в Москву благополучно, Сентября 25 дня в 5 часов пополудни. При посещении же Вифании вдовствующая Государыня Императрица пожаловала Митрополиту полное Архиерейское облачение. По препровождении Высочайших гостей, пробыв Платон несколько дней в Лавре, возвратился в Москву, где имел честь препроводить Государя Императора и Высочайшую Фамилию в обратный путь в Санкт-Петербург, отправив при Императорском присутствии в Успенском соборе Божественную литургию и молебн, приветствовал Государя благодарственною речью 14 дня Октября, яко в день рождества Государыни Императрицы матери. И тем всем торжественный круг коронации был благополучно окончен, а при отъезде из Москвы Государыня Императрица Мария Феодоровна прислала к Митрополиту панагию бриллиантовую, где привешен и Её портрет, бриллиантами осыпанный.

По отбытии Двора, Митрополит оставался в Москве и временно отлучаясь на житие на Перерву, пробыл до 12

Февраля 1802 года, отправляя обыкновенные по должности своей епаршеские дела и служения с проповедованием Слова Божия, и потом возвратился в свою Вифанию. Прибыв в оную, в тех же епаршеских и хозяйских делах упражнялся, временно в Вифании и в Лавре слушателям Слово Божие проповедуя. А в наступившее лето начал новое строение в Лавре для Семинарии. Ибо приметив, что Богословская палата тесна и темна, а для трапезы Семинарии палата не только темна и тесна, но и сыра, рассудил всё вновь построить, на основании бывшего за нынешними чертогами и уже упраздненного дворца Царя Ивана Васильевича, где после устроены были для нынешнего Дворца кухни. Что всё каменное устроено на 22 саженьях в два яруса, внизу хорошая для семинаристов, трапеза и подле неё кухня и хлебня, а вверху большая прекрасная аудитория, а возле неё большие две палаты для библиотеки с устроением новых шкафов; а притом в оную аудиторию сделана галерея, прямо из чертогов Царских, что всё с покрытием нового корпуса железом, в 1803 году окончено. В 1802 году Митрополит рассудил отправиться в Москву Сентября 11 дня, где и пробыл, до последних чисел января 1803 года, упражнясь в отправлении обыкновенных епаршеских дел, временно пребывая на Перерве, а потом возвратился в Вифанию. Сей 1803 год много Платона беспокоили различные болезненные припадки, яко то кашель продолжительный от слабости желудка, потом причинялась ему глухота, которая заставила отправиться в Москву в Мае месяце, там было прошла глухота, но паки возвратилась, однако с помощью Божию миновалась в Июле месяце, не только левого уха к удивлению и яко через чудо, но и правого уха, которым Митрополит не слышал слишком 10 лет. Но между тем беспокоили его зубные болезни и припадки почечных камней. В каковом болезненном состоянии по телу и по духу, видя великое в благочестии многих ослабление и различные против Духовенства вредные и новых мудрований покушения, и доселе, то есть, сего 1803 года по Октябрь месяц пребывает. С Октября по конец года теми же делами и упражнениями занимался, как и в прежнее время.

В начале 1804 года в Январе месяце возвратился в Вифанию, продолжая обыкновенные епаршеские и хозяйские дела. В сие время пришло ему на мысль исполнить давнее своё желание, к удовольствию своего любопытства, к укреплению движением здоровья, чтобы побывать в Киеве и в других по пути городах. Почему, во-первых, испросил на то дозволение Государя Императора и, оное получив, отправился в путь из Москвы сего года Мая 22 дня, на почтовых через Можайск, Гжатск, Вязьму, Смоленск, Могилев и Чернигов, до Киева, а оттуда обратно через Батурин, Глухов, Севск, Кромы, Мценск, Орел, Тулу и Серпухов, прибыл благополучно в Москву июня 17 дня, быв в дороге не более, и с остановкою в разных местах, как 27 дней. Какие же обстоятельства в путешествии встречались, и какие на разные предметы учинены примечания, о том обо всём есть подробное особое описание, а в путешествии с нами был Андрониевский Архимандрит Феофан и Московского Казанского собора протопоп Иоанн Платонов. Побыв в Москве до Июля месяца, отправились в Вифанию, где пожив до первых чисел Сентября, паки в начале оного отправились в Москву, где пребывание его продолжалось до Января. 1805 года жил более в Перервинском возле Москвы монастыре, где успокоиваясь уединением, старался удалиться от городского шума и соблазна. В конце 1804 и в начале 1805 годов зело мучился геморроидами, от коих лечился и некоторое получил облегчение.

В бытность же в Москве положил строить Архиерейские (кельи) покои особые в Перервинском монастыре и каменную плотину в загородном Черкизовском Архиерейском доме на пруде. А притом рассудил покрыть Троицкий собор и Никоновскую церковь медными позлащенными листами, каковыми работами теперь Митрополит занимается с удовольствием, а хлопоты его докучные не уменьшаются в делах епаршеских и в сношениях с Синодом, но их, с помощью Божию, как ни есть, с рук сбывает. В сём же 1805 году случилось для Митрополита удовольствие, что утварь чудотворца Алексия: саккос, подризник, епитрахиль и посох, коим до нынешнего года прошло 441 год, которая утварь вся

сокрыта была в Патриаршей ризнице, по просьбе Платона и по соизволению Государя Императора, отдана в Чудов монастырь, где мощи Чудотворцевы опочивают и Митрополит возымел тщание посох поставив при гробе Чудотворца, а и прочую его утварь выставить для народного зренья и удовольствия, в особом открытом шкафе, возле самого гроба.

И в том же 1805 году покрыть помог Бог медными листами позолоченными Троицкого собора кровлю, и с алтарем; также и на Никоновской церкви и главу, и кровлю, и алтарь, а в следующем 1806 году покрыта также и большая глава на Успенском соборе и над воротами на Предтеченской церкви глава и кровелька на фонаре также покрыты. Что всё стоило до шестидесяти тысяч рублей, и делает особенную красоту и удовольствие зрителям; да в том же году приделаны вновь святые ворота, готическою хорошою архитектурю, с пристойным украшением. Не могу умолчать о некоторых в том 1805 году случившихся Митрополиту замечательных приключениях; первое по вступлении его Июня 29 дня в 69-й год Июля с 1 на 2 число, за полночь часу в третьем или четвертом видел он сон: казалось ему, что ходил к церкви, яко им в Вифании построенной, по пространной, великолепно и златоблестящей и весьма светлой, и какому-то господину (не помню точно) показывал в церкви различные места: и господин иное похвалил, а иное и с удивлением. Между тем на правой стороне церкви показался стоящий в раке гроб открытый. Господин спрашивает: чей тот гроб? Митрополит ответствовал, что какой-нибудь преподобный опочивает. Приближаясь ко гробу увидели, что в том гробе открыто лежал кто-то в монашеском одеянии и на голове клобук остроконечный, яко куколь древних, лицом очень худ и яко одни кости да кожа, и с бородою, седого или другого цвета – не помнит. Приметили, что тот мертвый поднял руку и, положив под главу свою, начал рукою главу поднимать к ним. Увидев сие, господин испугался и убежал, а Платон остался, стоя и смотря с удивлением, но без дальнего страха. Потом оный мертвый поднял несколько главу, и обратясь к нему, говорит: у тебя двух зубов нет. Удивился Митрополит, как мертвый сие узнал: ибо подлинно двух зубов

только у него не было: давно были по болезни вырваны. Потом мертвый прибавил: «ты ещё будешь жить десять лет». Платон после сего тотчас пробудился: помня сон точно, как видел, немало о том размышляя и удивляясь. Он многим рассказывал сей сон, а сказание или толкование его может объяснить пророк Даниил: сон сей, казался Преосвященному, предвещать время кончины его, но сбудется ли по тому, сие Господь весть, и конец жизни¹⁸⁷ откроет, истинно ли то или иное мечтание. А примечал Платон, что во сне явившийся ему мертвый был преподобный Сергей, однако, рассказывая про тот сон, Митрополит прилагал, что не надобно на тот сон полагаться, а лучше по Евангелию всегда быть готову.

Второе в том же году, и в том же месяце Июля 22 дня случилось Митрополиту несчастливое приключение. Поутру после обедни, по предварительным превеликим жарам случился припадок. Ослаб несколько язык и правая рука, так что едва мог говорить языком, а рукою писать. На другой день, хотя то и миновалось, но не совершенно: стал говорить языком, но не ясно и с затруднением, также и писать, но нечисто и неисправно, с некоторым в руке дрожанием¹⁸⁸, что от того времени и доселе по 1807 год, по Июнь месяц, к чувствительному оскорблению, продолжается. Также и обеими ушами оглох, но глухота, слава Богу, миновалась, и хотя опять показывалась, но проходила, и ныне, хотя слышит, но не против прежнего. В том же году окончил немалотрудный труд, сочинив Российскую Церковную Историю, и оную издал печатанием в двух томах, поднёс оную Государю Императору и имел счастье получить от него благоволительный отзыв, но от Государыни Императрицы матери, за таковое им приношение никакого ответа получить не удостоился. А публика пусть о сей истории судит, как изволит.

В 1806 году, в тех же занимался Митрополит упражнениях, того года в Июне месяце ездил в Москву, и в другие места единственно, дабы движением облегчить слабость своего здоровья, и через шесть дней возвратился в Вифанию и в Октябре паки поехал в Москву и жил то на своём подворье, то в Чудове монастыре, то на Перерве, крайне мучаясь

геморроидами, отчего чувствовал в груди и спине жар, и давление, и запоры, что принудило его раза два кровь пиявочную пустить: но мало что облегчало. Окончился год таковым же с болезнями борением, а притом Митрополит от имени Троицкой Лавры, от Чудова и Перервинского монастыря и от себя взнёс в гражданское правительство двадцать тысяч рублей в пользу Милиции, то есть в пользу избираемых казённых крестьян Московской губернии, а особливо Дмитровского уезда, в коем Лавра состоит, по причине страшной войны с неприятелями Французами: за каковой взнос получил благоволительное писание от Государя Императора.

1807 год начал Митрополит, отслужив в Чудове монастыре, сказал проповедь, изъяснив, что он, по причине ослабшегося здоровья, более продолжать сего благословенного труда не в силах, и принеся перед церковью благодарение Богу, что помог ему сей спасительный проповедания Божия слова подвиг продолжать через целые пятьдесят лет. И все проповеди в 20 томах напечатаны. Потом более чувствуя болезни и ослабеваая силами, был еще поражен самым прискорбным приключением. Жил при нем племянник его родной, коллежский асессор Иван Фёдорович Нестеров, который был единственною его помощью во всём хозяйстве, так что Митрополит за ним ничего не знал: жил при нем сорок лет. Он, по кратковременной болезни, скончался от плерези, Февраля 6 дня на 52 году от рождения. Сего случая не смог он снести великодушно, но проливал токи слёз, к совершенному болезни геморроидальной усилению и изнеможению сил своих. Сие тем более его поражало, что остались после покойного младая жена и четверо малолетних детей, один мальчик и трое девочек. Сам пошёл на покой, а ему оставил при слабости и старости многотрудное беспокойство. Он за ними и ходить не умел, да и оставить их по привычке к ним не мог. Однако, как ни есть укрепившись и возложив надежду на Бога, возвратился из Москвы в Вифанию, Марта 8 дня и с племянницею и с помянутыми сиротами: где и доселе, т. е. Июня по 15 число сего 1807 года, пребывает, чувствуя несколько лучше сил своих против Москвы укрепление, упражняется по-прежнему в исправлении епаршеских дел и

хозяйственных. Ибо в сём году начал в Лавре и оставшиеся на Успенском соборе четыре главы украшать медными позлащенными листами, не сплошь, но на подобии звезд: что дай Бог совершить! Да в том же году, Июля 8 дня заложил каменную церковь в Махринском, приписанном к Лавре монастыре, вместо прежней в ветхость пришедшей, бывшей строения Царя Ивана Васильевича, во имя Святой Троицы, которую совершить и освятить молит Бога Митрополит всеусердно.

В сей год, июня 29 день окончил Митрополит жизни своей семидесятый год и вступил в начало восьмого десятка, сподобившись совершить в тот день Божественную литургию и приняв святого тела и крови в подкрепление сею благодатною пищею сил своих душевных и телесных и, укрепясь ею, продолжать путь свой к вечности, и сим напутствием окончить слабый подвиг слабой веры своея. Впрочем, Митрополит в здоровье, хотя от часу слабее становится, однако, слава Богу, не болен. Наиболее смущает, что языком неисправно говорит и рукою пишет. Притом крепок на ухо стал, а упражнения его те же, как и прежде, т. е. правление епаршеских дел и хозяйственных по Лавре, по Чудову, по Перерве и по Вифании.

Июня 6 дня получил Митрополит известие о заключённом с Французами и Бонапартом мире и отправил благодарственное молебствие. Впрочем, сей год прошёл в тех же упражнениях. В 1808 году почти в тех же упражнениях провождал Митрополит. А в Августе месяце Бог помог совершить и самому освятить 23 дня новопостроенный храм в Махре, и прочие там недостатки исправить, что желающий видеть сам пусть усмотрит. Да там же прежде того освящена церковь на воротах, во имя Петра и Павла, в Июне. В сей же год совершил пять глав на Успенском соборе. Среднюю всю покрыл медью с позолотою, и 4 боковые голубою краскою с золочено-медными звездами, да на трапезе главу всю также вновь покрыл медью с позлащением.

В 1809 году сделал сень серебряную на столпах в Троицком соборе, что коштowało в двадцать тысяч рублей. В том же получил от Государя Кавалерию ордена Св. Владимира первого класса.

В Перервинском монастыре вновь устроено много, так что кругом обстроен и можно по переходам вокруг ходить. Кто хочет любопытствовать, пусть посмотрит.

В том же году, как нечаянное прибытие Государево последовало из Твери, то хотя при всей слабости, Митрополит отправился в Москву, встретил Государя и принят весьма милостиво. Удостоился два раза быть у Царского стола и имел особенную аудиенцию в кабинете.

Тут же подал прошение о возвращении двух из ведомств его, взятых Синодом церковей придворных, которые милостиво и возвращены по-прежнему.

Теперь делаются хоругви в Троицкий собор, шитые и редкие, дай Бог окончить!

Впрочем, здоровье Митрополита от часу хуже становится. С 1810 года Митрополит по самый день кончины своей, хотя час от часу больше чувствовал изнеможение сил своих, однако, не переставал заниматься хозяйственными делами по Лавре, Вифании, Чудовскому и Перервинскому монастырям. Когда же чувствовал некоторое облегчение, то раза по два и более ежегодно отправлял и Божественную литургию в Вифании, которую в последний раз совершить сподобился 1812 г. августа в 6 день, яко в настоящий и первый праздник оного монастыря, в нижней праведного Лазаря церкви, впрочем при весьма приметной слабости и голоса и сил телесных. В сем 1810 году, начатые в прошлом окончены и поставлены на место при личном Митрополита смотрении в Троицкой собор хоругви, шитые, редкой работы.

Между тем, как для подкрепления сил своих путевым движением, так и для врачевания болезни своей, два раза ездил в Москву, в мае и августе месяцах, но мало получил облегчения. В 1811 году сделаны по определению и особенному старанию митрополита в Чудов монастырь хорос и кресла серебряные, местами позлащенные, таковой же хорос и кресла определил и начали делать в Лавру в Троицкий собор, но гораздо величественнейшей и красивейшей фигуры.

Сего же года, в конце июня месяца митрополит, чувствуя великое изнеможение сил своих, просил через письмо св.

Синода Господина Обер-Прокурора Князя Александра Николаевича Голицына, дабы у Государя Императора исходатайствовать ему увольнение от управления Епархией, впредь до его выздоровления, и препоручение оной Викарию, Преосвященному Августину. На что от 13 дня Июня всемилостивейшее Его Императорского Величества и последовало соизволение, присланным к нему Высочайшим рескриптом и данным из святейшего Синода Преосвященному Августину указом. С сего времени Митрополит занимался одним почти хозяйством в Лавре и Вифании и лечением своей болезни. 1812 года в последних числах Мая месяца, как для обозрения хозяйства в Махринском монастыре, так особенно для большего поправления здоровья весеннею погодою отправился Митрополит в Махру, а оттуда, через Берлюкову пустынь в Москву, где избегая, как и прежде, градского шума, жил на Троицком подворье, временем посещал Перерву и Чудов монастырь, и разными способами старался укрепить изнемогающие силы свои, и начинал было чувствовать некоторое в болезни своей облегчение.

Почему, прожив в Москве до 19 июля, возвратился в Вифанию, но скоро печальная весть о наглом и коварном вторжении в пределы Российские неприятеля, по собственному его признанию, паки расстроила здоровье его: впрочем не так, чтобы совершенно лишить сродного ему присутствия духа.

В Июле месяце, когда Государь Император прибыл в Москву, Митрополит неоднократно порывался ехать в Москву для свидания с Государем Императором, для принесения ему всеподданнейшего с благополучным прибытием поздравления. И в намерении сём доходил, неоднократно даже, до кареты, но крайняя слабость в силах не позволяла ему воспользоваться сим счастьем. Итак, решился он послать к Государю при письме образ преподобного Сергия древней работы, потому наипаче знаменитый, что он, находясь на Богоявленском-Троицкой лавры подворье, издревле во всех крестных ходах носим был до упразднения того подворья и возвращения сего образа в Троицкую лавру. В 21 день Июля наместник с образом и письмом представлен был Преосвященным Августином к

Государю Императору, который, приняв оные с особенным к преподобному благоговением и с немалою к Митрополиту благосклонностью, благоволил спрашивать о здоровье, о месте пребывания Митрополита и о прочем. Слышав же из ответов, что Митрополит в здоровье своём очень слаб, приметным образом сожалел о сём, и соизволив пожелать ему облегчения, сказав наконец, что ответ на письмо его отдаст Преосвященному Августину.

На другой день преосвященный Августин, вознамерясь со знатнейшим Московским Духовенством поздравить и Великого Князя Константина Павловича с благополучным прибытием в Москву, взял с собою и Наместника. По принесении от всех обыкновенного Его Высочеству поздравления, когда донесено ему было, что Наместник нарочно прислан из Лавры от Митрополита с образом и письмом к Государю Императору, спрашивал также, здоров ли и где живёт Митрополит, и приказал от имени Его Высочества пожелать ему облегчения. Подобные вопросы сожаления слышал Наместник и от многих придворных, и на всё, что следовало, им отвечал. О чём по приезде из Москвы обстоятельно донёс Митрополиту, и Митрополит всё то приняв с особенным удовольствием, сожалел только, что не получил ответа от Государя Императора. Когда же оный получил (а получил уже из Твери через нарочно присланного курьера), весьма тем обрадовался, и сердцем и устами призывал на Помазанника Господня благословение Божие в надлежащих ему подвигах. Образ же преподобного Сергия отдан Государем Императором в Московское ополчение, как видно из письма его.

Прежде нежели от Государя Императора в бытность его в Москве всемилостивейшее последовало воззвание к Московским жителям о собрании ополчения и пожертвованиях на оное, Митрополит неоднократно изъявляя своё о несчастьи России соболезнование, по обыкновенному своему характеру, выпрашивал, кто бы сколько при сих опасных обстоятельствах отечеству пожертвовал, и советовал не щадить для сего никакой собственности. Когда же из Святейшего Синода, по случаю одного воззвания, прислан указ о пожертвованиях и со

стороны духовных, то немедленно приказал, чтобы как в Лавре так и в Вифании и Махринском монастыре спросить братию и прочих, не пожелает ли кто чем отечеству на сей случай пожертвовать и ежели кто пожелает, чтобы сделали подписку, каковая охотно всеми и учинена. Что увидев, Митрополит весьма остался доволен. Деньги, по приказанию его, собраны и отправлены в Комитет, от коего даны в получении их квитанции. А пожертвовано было от Лавры ассигнациями 7.000, серебром 2.500, слиток серебра, и серебряной разной посуды и собственно от Митрополита 342 четвертных империяла, также от братии Лаврской, от Ректора, Префекта и учителей Лаврских. Равно от братии Вифанской, от Ректора, Префекта и учителей Вифанских, и от братии Махрицкой в немалом количестве денег.

Между тем Митрополит не переставал заниматься хозяйством. В сём году до вторжения в Москву неприятеля, успел покрыть в Лавре с восточной и полуденной стороны ограду железною вновь кровлею. Кресла же и хорос, о коих выше упомянуто, окончить не успел, но принужден был с различными вещами отправить их на сохранение в Вологду. Они кончены и поставлены на места, по его намерению и предположению, после уже кончины его.

С 25 августа Митрополит опять вознамерился ехать в Москву, с каким точно намерением, неизвестно. Знал он заподлинно, что неприятель в недалеком от Москвы расстоянии, и многие из жителей оной уже уезжают, опасаясь быть от него захваченными, да и Государственные и различные Московские сокровища велено изготавлять к вывозу, что сам он приказал делать и в Лавре; однако со всем тем сколько окружающие его ни представляли ему угрожающей опасности, решился непременно быть в Москве и когда, наконец, спрашивали его, сколь долго изволит в оной прожить, отвечивал: «пока не выздоровею». Может быть, что и вероятно, видя многих от страха разъезжающихся из Москвы, думал он своим туда прибытием сделать какое-нибудь впечатление в народе. Впрочем, с каким бы то намерением, ни делал, но 26 числа отправился прямо в Москву, где пробыв до 1 сентября, паки возвратился в Вифанию.

Когда же, по неисповедимым судьбам Божиим, 2 числа сентября неприятель занял Москву, тогда услыша о сем, Митрополит до глубины сердца и даже до слез тронулся таковым происшествием. Впрочем, сие произошло в нём не от малодушного какого-либо страха, как видеть можно из последствия, но совершенно от соболезнования о любезной ему столице и как бы от предчувствия того, что учинено будет с нею злодеем. Услыша о сем Москвы несчастьи, Митрополит более всего заботился о том, чтобы как можно поспешить отправлением ризницы в Вологду. Ибо хотя она вся была уже к тому заблаговременно изготовлена, но по тогдашним смутным обстоятельствам сделалась остановка в подводах. Однако на другой день отправлена, чем Митрополит несколько и успокоился. Но скоро показавшееся со стороны Москвы ужасное зарево и различные от выходцев Московских и других разорённых о неистовстве варваров слухи опять Митрополита повергли в уныние и печаль, хотя он, при всей своей слабости, отнюдь не хотел, чтобы куда-либо ехать из Вифании, в твердом уповании на щедроты Божии и молитвы древних святых Лавры поборников, преподобных Сергия и Никона (чем неоднократно старался успокоить и окружающих себя). Особенно же убеждал Наместника, чтобы никак не оставлять обители, представляя, что если он куда-либо скроется, то и без неприятеля найдутся свои неприятели, и оно горше. Что Наместник и исполнил. Но окружающие Митрополита, быв всякими слухами смущаемы, в такую пришли робость и в такой страх, что разными представлениями убедили и, можно сказать, принудили и его оставить против воли своей Вифанию и отъехать в Махрицкий монастырь. Куда 4 Сентября и отправился. Пробыв в оном монастыре 8 дней и слыша, что ни в Лавре, ни в Вифании нет неприятеля, не внемля окружающим его, паки возвратился в свою Вифанию, где и пробыл до 30 Сентября.

Между тем получено известие, что неприятель в немалом числе пехоты и кавалерии по Троицкой дороге доехал до Малых Мытищ, расстоянием от Москвы в 15, а от Лавры в 48 верстах по Дмитровской дороге, занявши деревню Сухареву, от Москвы в 25 верстах, неподалеку от оной село Марьино выжег, а после

занял и Дмитров отстоящий от Лавры в 40 верстах, с другой стороны по дороге Владимирской дошёл до Богородска и далее. Каковые вести крайне всех смутили, тем более, что опасались дабы от неприятеля с обеих сторон не быть окруженными. Митрополит, видя всеобщее смятение, а может быть и опасаясь, дабы в случае ближайшей опасности не быть оставлену от своих служителей (так как некоторые из них не по дерзости, но единственно по страху и малодушно о том намекали ему), принужденным себя нашел паки удалиться из Вифании в Махру.

Между тем по вызову и докладу Наместника, позволил ему вокруг всего Троицкого посада учинить крестное хождение. Каковое 1 Октября в день Покрова Пресвятой Богородицы и совершён им с братиею, с приходскими и посторонними, проживавшими тогда в Лавре духовными, при стечении многочисленного народа не только из обывателей и бывших в то время в посаде московских, можайских и из других разорённых мест, разного звания и пола, но и из окружных сёл и деревень, по преждевременному и необыкновенному звону (ибо оный начался в семь часов утра), туда сшедшихся, после Литургии в предшествии хоругвей и святых икон при отправлении молебственного ко всемилостивому Спасу, Божией Матери и преподобному Сергию с коленопреклонением пения. Причем на всех лицах видно было единое сокрушение и слёзы, слезы, растворяемые, впрочем, твёрдою в Бога верою и несомненною на покров Божией Матери и ходатайство преподобных надеждою. И сия вера, сие надеяние их не посрамили.

Характер Митрополита Платона. Телесный и душевный

Росту он был среднего, а именно 2 аршина 6 вершков с половиною, лицо круглое и белое, по большей части с румянцем, в младых летах отличное, красивое, чего черты и в старости были видимы. Чело высокое, гладкое, а посреди на нём рубец от ушиба¹⁸⁹ в младых летах. Нос и уста соразмерны лицу, щеки полные, глаза величины средственной, сероголубые. Взор, по большей части веселый или тихоприятный, но не задумчивый. Брови высокие, не густые, сероватые, борода окладистая, но длинная и не густая, волосы на голове в младых летах светлорусые, продолговатые, а за пятьдесят лет стали короче и все на голове и на бороде седые и белые. Походка простая, природная, без всякого притвору, но не медлительная, а соровата. Голос светлый, тенористый, речь по большей части живая и с жаром, а потому несколько скорая. Разговор приятный, ибо по благодати, веселой улыбкою, а иногда и смехом растворяемый и сопровождаемый движениями рук, соответствующими словам и мыслям. Весь стан не толст, а умеренный и ни в чём не вышедший из природного размера. В священнодействии и проповедании слова Божия вся его осанка была наипаче привлекательна, особливо, что он служение совершал тихо и кротко, наблюдая пристойность и благоговение.

Душевный же характер его описать трудно; однако же, опишем, сколько можно беспристрастнее. Свойства его отличительные были прямодушие и искренность. Почти всё то было у него на языке, что на сердце, а потому был свободен в словах и не скрывал других пороки или страсти, за что немало терпел. Из сего же источника выходило, что он тайну хранить с трудностью мог. Всё то некоторые толковали, что происходит от гордости, хотя, в самом деле, тому причиною была не гордость, но прямодушие, и что он не мог что-нибудь скрывать в себе. А прямой гордости в нём не было. Обходился со всеми просто, ласково, и яко по-братски, хотя бы были и низкого состояния

люди, да ещё с ними простее и ласковее, находя их добросердечнее¹⁹⁰. И потому до него доступ всем был нимало не затруднительный. У всех сам прошение принимал и со всеми разговаривал, входя во всякую подробность. Также любил и без зависти похвалял, ежели в ком усматривал особенные дарования, и их ободрять и по возможности награждать за удовольствие почитал. Но несколько горд был против гордых. Для него несносны были те, в коих он примечал, что они сами собою надменны, и потому он обыкновенно обходился с ними холодно-презорливо, думая тем их унижить и усмирить. А как из таковых или неуважительных некоторые счастьем были возводимы на такие степени, что в руки попадались им отличные случаи и доверенности, а он при всём том своего к ним неуважения не скрывал, за то они ему довольно мстили, не оставляя никакого случая к оскорблению его, или, как они говорили, к унижению его гордости. Ежели на ком, то на нём сбывалась сия пословица: «и не вскормя, и не вспоя, ворога не увидишь». Кои под его правлением или опекою выросли, обучились, кои им были к должностям произведены, им были любимы, коим он благодетельствовал и с коими он не иначе обходился, как со своими друзьями, тех то самых он редко находил благодарными. От посторонних и им совсем неизвестных людей более он видел к себе почтения и любви. Можно сказать, что он был честолюбив, не в той силе, чтобы употреблять какие-либо или происки, или просьбы к получению чести. Сего он ни в себе, ни в других терпеть не мог. Всякие чести или должности сами собою до него доходили без всяких происков или ласкания каким-либо сильным людям, от сей низости он весьма был удалён. Но можно было назвать его честолюбивым, что он всё к тому относил, дабы себя от других отличить и заслужить уважение, и не было для него оскорбительнее и несноснее, как слышать, ежели кто об нём худого был мнения, да отзывался бы об нём с унижением, особливо в деле несправедливом. Его было в сих случаях то свойство, что он или презирал такого рода людей, или ежели к тому удобность была, старался их унижать. Не был он сребролюбив, ибо не только взятков никаких не бирывал, но и гнушался тем и умножать своё богатство

никаких способов не только постыдных, но дозволительных не употреблял. А как он был к хозяйству весьма склонен и крайне наблюдал, чтобы ничего излишнего и без причины не употреблять, через что архиерейский дом, и Лавру и Перерву привёл в весьма нескудное и благоустроенное состояние, то по всему сему почитался скупым. Был он собственным своим имуществом довольно не беден, имея всё то единственно от немалого им получаемого жалованья и других законных доходов, а притом был он удалён от роскоши всякой и содержал себя весьма умеренно, но не низко и подло, потому и достаток его умножился. А что он самую вещь был не скуп, доказывают то не малые его вклады и вещами и деньгами в Лавру, Троицкую и Вифанскую семинарии, в Павловскую больницу и другие, также устройство Вифании собственным его коштом. Делал, сверх сродников, немалый снабдения и частным людям, но не иным, разве о коих уверен он был, что они люди добрые, но со всем тем бедные и содержанию своему способа найти не могущие, а ко всяким попрошайкам, без всякого об них сведения, был не расположен. Не нищие его, а он нищих искал, был он весьма чувствителен, так что и малое его трогало, особливо в старости, когда прирождённая его нравов веселость несколько уменьшилась. И как притом был крайне любопытен, то всякие, доходившие до него, неприятные слухи немало его беспокоили. И потому был нетерпелив и к гневу склонен, но скоро отходчив и непамятозлобен, так что скоро о том приходил в раскаяние, а о причине гнева и совсем забывал, и после с прогневавшими его не иначе обходился, как бы ничего не бывало. Дух, koliko можно назвать, имел великий в предприятиях и в отважных вызовах и словах. Почитаем был от некоторых упрямым, но он почитал то твердостью. Ибо подлинно, по большей части держался своих мыслей и внутренних уверений, и потому, что наиболее находил других мнения и советы или неосновательными или пристрастными, а ещё более его в том утверждало, когда он послушав других, против своего уверения что делал, мало в том удаchi было, а более он успевал и лучше оканчивалось, когда поступал по собственным своим мыслям, разбирая их со всею возможною

беспристрастностью. Однако сие не так строго должно взять, чтобы иногда нередко и других мнения и советы он не принимал, отставая от своих. А более упрямством почиталось то, что он против собственного уверения и справедливости, ни на чьи просьбы и ходатайства не взирал. От невоздержания к пьянству был удалён и пьянствующих терпеть не мог. Был деятелен и в решении дел скор, так что его слишком заботило, ежели, что надлежало сделать и им не сделано, и чтобы без всякого упражнения находиться, почитал скукою. Однако нередко немало времени проходило у него в прохаживании, или в сидении, разговаривая с приятелями. Ибо хотя был уединения любитель, но скучал быть один и всегда один или два при нём находились, с коими он мог бы откровенно разговаривать. Но множества людей, особливо ежели с ними надобно обходиться церемониально и неоткровенно, всемерно убегал. Зависти в нём не было против тех, коих он знал достойными и заслуживающими те чести, на кои они возведены. Но тех, коих не почитал достойными, а достигшими до того или пронырством, или низкостию, или другими постыдными случаями, отвращался. К сродникам не был пристрастен, однако, их по возможности снабдевал. Добрых и честных и достойных людей и сродникам предпочитал¹⁹¹.

Был от младенчества расположен к благочестию и набожности. Не было для него приятнейшего упражнения, как быть в храме и воспевать величие Божие. А потому весьма усерден был к украшению храмов, что доказывают самые храмы, им устроенные или украшенные, и многие вклады. Ежели бы у него было что собственное, и оно служило бы к украшению храма, с радостью то отдавал. В самом отрочестве не опускал никакого случая, чтоб в церкви вымести, вычистить и убрать. Из сего выходило, что он зело любил обряды церковные, и их великолепие старался умножить, так что в его время служение его едва ли где было в большом благолепии и блистательности. Но внутреннюю набожность свою, сколько возможно, скрывал, дабы она известна была единому Богу. И потому зело отвращен был от всякого суеверия и ханжества и ненавидел суеверов и ханжей. Почитал, что истина веры ничем

столь не опорочивается и не унижается, как примесью лжей суеверных и ханжеских, чего много во многом с сожалением усматривал. Зело ревностен был к чести духовенства и Церкви. Весьма чувствительно его оскорбляло, что по большей части духовенство находилось неисправным, и потому мало уважаемым или презираемым. Но услаждало и веселило его дух, когда что открывалось к славе Церкви и к чести духовного чина. К проповеданию слова Божия был охотен, что доказывают проповеди его, все в свете изданные. Также любил в церкви читать и петь, верил, что во всех искушениях и печалях развратного мира ничто столь человека утешить не может, как простое и искреннее упражнение в благочестии. О смерти часто говаривал, чтобы с нею, по его словам, несколько заранее подружиться, «дабы заранее с меньшим страхом её пришедшую встретить». Прямоту, откровенность, простое обхождение, бескорыстие, живость, горячность, чувствительность были свойствами отца Платонова, а набожность, хозяйство, бережливость, склонность к сохранению чести и ревность к ней, были свойствами его матери. Особенное было и отличительное от всех в Платоне то, что мало находил он людей, дабы с ними одних быть мыслей, но по большей части мысли его от других были иные, ибо приметно было, что сфера его понятия была выше других, а была ли притом примесь пристрастия и самолюбия, о сём судить единому Богу. Но казалось, что он по большей части судил обо всём беспристрастно. Таковы были свойства душевные в Платоне, судя по человеку, но всё то подлежит более испытующему сердца и утробы Богу и тому дню, иже во свете откроет тайная тьмы, и самые правоты наши судити будет, и тогда похвала каждому будет не от человек, но от Бога.

СТИХИ

Стихи Платона Н. Рогову:

Не знаю я, кто ты,
Но сердцем и усты
Тебя я лобызаю,
И точно для того,
Что я тебя не знаю
Витию своего.

Платон М. Московский

Вифания, 1807 г.

О сладкий певец Рогов,
Ты как один из Пророков
Воспел Воскресшего Христа
И взял Его себе в уста,
С Ним и тебя я возлюбляю.
Тебя душою лобызаю.
П.М.М.

Акростих

Платите дань Ему почтеньем все потомки:
Он памятников всех переживет обломки!

Н. Рогов

1807 из Вифании

Платье – тело изчервится,
Он же сам не сокрушится!
Ноября 11, 1812 г. (день кончины М. Платона).

Надписи к Платоновым изображениям

I.

Платоном и Цари гордились;
Платона ум чтит и Вольтер;
Платону мудрецы дивились;
Платон был в мире всем пример.

II.

Что Марк, Катон имел, великий Цицерон,
Чем Рим, Томсон гремел и папский Фенелон,

Чем славен Массильон, парил певец Мильтон,
То наконец вместил в себе один Платон!

III.

Все златоусты, что кончаются... он
Велики, но не так, как мудрый наш Платон!

Из ответа Дидеро Екатерине II

Я верю, что есть Бог и вечность:
По неиспытанным судьбам
Объемлющего бесконечность
Платон изображает нам.

Н. Рогов

Акростих:

Величаясь по заслугам,
Лик сей неизгладим, свят;
Колоссальный верх по другам:
Мудрости и правде брат –
План всемирного блаженства
Людям начертал здесь он,
А Царям – для совершенства –
Точный высказал закон,
От ума по вдохновенью:
Нет небесному паренью
Устам – ни в чем препон!

Н. Рогов

1809 года в Вифании, на всех сочинениях Платоновых.

Примечания

¹ - Fortsetzungen und Ergänzungen zu C.G. Lochers uulgem Gelehrten Lericon angesungen von T.E. Apelunc. und fortgefetzt von R.W. Notermund, VI Th. Bremen, 1819. in 4-o.

² - Автобиография Митрополита Платона, которая напечатана в Москве 1849 г.

³ - При этом я не могу скрыть своей благодарности О. Наместнику Св.-Тр. С. Лавры Антонию, который почтил, лестным для меня вниманием составленное мною жизнеописание М. Платона: по его распоряжению, оно было читаемо за трапезою, в самом месте погребения Платона, в день кончины сего Архипастыря 11 ноября и в день его тезоименитства 29 июня.

⁴ - Митрополита Евгения Словарь исторический о бывших в России писателях духового чина Грекороссийской Церкви 2 т. изд. 2, СПб. 1827, в 8. Vita Eminentissimi Platonis in Fasciculo literarum, quas variae condicionis extraneae, praecipue Russi de derunt ad Eminent. D. Platonem Petrop. 1776, в 8. О восприемнике свидетельствует бывший Архивариус М.Д. Консistorии 80-летний старец.

⁵ - Записки М. Платона, коими мы пользовались при прежнем издании его жизнеописания 1831 г. См. Москвитянина 1849 г. №№ 4, 13, 18 и 24.

⁶ - В духовных же книгах М.Д. К. 1763 г, мать М. Платона Татиана Ивановна показана 66 лет; но на стенном камне надгробном в Новодевичьем м. означен год её рождения 1704 г., а год кончины 1771 г., августа 12.

⁷ - По свидетельству Колл. Асс. Моисея Петровича Платонова, 80-летнего старца, бывшего при М. Платоне келейником и чиновником, а после служившего в Моск. духовной: Типографии; подтверждено Высокопреосвященным Евгением Казанцевым, как современником М. Платону.

⁸ - См. его путешествие, в конце книги.

⁹ - «Соревнователь просвещения», 1818 г., № 1.

¹⁰ - См. его биографию в Словаре историческом Митрополита Евгения.

¹¹ - Примеч. Рогова: На это отречение я удостоился от самого Платона слышать удивительный рассказ, что описал я в замечаниях моих давнишних о Платоне.

¹² - См. Приложение А.

¹³ - Всеобщий памятник достопримечательных происшествий. Изд. А. Орлова, М. 1820 г. 111, 139.

¹⁴ - См. Приложение Б.

¹⁵ - Помещена при книге Платона: Православное учение, или сокращённая Христианская Богословия.

¹⁶ - Записки С. Порошина, служащие к истории Государя Павла Петровича СПб. 1844, в 8.

¹⁷ - Записки С.Порошина.

¹⁸ - Московские Ведомости в 1768 г. № 101.

¹⁹ - Поуч. Сл. 11, 40.

²⁰ - Тетради записные всяким письмам, делам Петра Великого. СПб. 1774 в 4.

²¹ - Тетради записные всяким письмам, делам Петра Великого. СПб. 1774, в 4.

²² - Переписка Императрицы Екатерина II с Вольтером. М. 1803, в 8. См. Прилож. В.

²³ - См. Приложение Г.

²⁴ - История Российской Иерархии. IV, 171.

²⁵ - Записки С. Порошина.

²⁶ - Разговор был по Латине, как рассказывал при мне Платон родителю моему, заметившему у себя в бумагах этот случай, и как подтверждено Преосв. Евгением, бывшим Архиепископом Ярославским: D. Non est Deus! P. Hoc jam dudum decisum est. D. Quando et a quo? P.A. Davide. D. Quomodo? P. Dixit insipiens in corde suo: non est Deus; tu autem etiam ore prefers! – Иные несправедливо приписывают этот разговор Даламберту.

²⁷ - Записки Митрополита Платона.

- 28 - Историческое Описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М. 1852, в 8.
- 29 - См. Приложение Д.
- 30 - См. Приложение Е.
- 31 - Переписка Императрицы Екатерины II с Вольтером и пр.
- 32 - Записки Митрополита Платона.
- 33 - Историческое описание первопрестольного в России храма, Московского большого Успенского собора, сочинённое А.Левшиным М. 1783 г. стр. 98.
- 34 - Стоглав и Полное собрание законов, т. VI. №4136.
- 35 - Примечание. Рогова... которые, выхватывая из-за пазухи калач, церковным нанимателям кричали: «дай же, что прошу я за обедню, а не то – как раз закушу калачиком!»
- 36 - Археогр. Экспедиции II № 223.
- 37 - Дополнение к Деяниям Петра I, XIV, 220.
- 38 - Жизнь Кн. Кантемира, при его Сатирах. СПб. 1762, в 4.
- 39 - Московская Славяно-Греко-Латинская Академия, в прибавлениях к Творениям св. Отцев, год XII, кн. 1, М. 1854 г., в 8.
- 40 - Там же.
- 41 - Четьи Минеи, июня 21.
- 42 - Oratio funebris in memoriam Smirnovii goetting, 1770, in 4.
- 43 - Примечание Рогова: красноречия и великороссийского, уже не киевского одного, но и московского.
- 44 - Примечание Рогова: Тогда не было граждан почётных, были именитые граждане.
- 45 - Записки Митрополита Платона.
- 46 - Перевод русский подстрочный.
- 47 - Слово на день торжества освобождения обители Преподобного Сергия от нашествия врагов, говорённое 1806 г. января 12, Греческого и Еврейского языков учителем Василием Дроздовым. На обороте заглавного листа напечатано следующее одобрение: «Я сие сочинение читал и ничего в нём

не нахожу к печатанию сомнительного. Платон Митрополит Московский».

⁴⁸ - От современников Митрополита Платона мы слышали такой его отзыв о В.М.Дроздове (Филарете): «Я пишу по-человечески, а он по-ангельски.

⁴⁹ - Примечание Рогова: Ещё был случай, подобный сему: вдова дьячиха самого Платона умоляла сына сироту дьячком в село поставить, но Платон в том отказал, пророчески предвидя, что сей будет – и был – в епархии Калужской Архипастырем – Евлампий, в святости живой, скончавшийся там.

⁵⁰ - В письме ко мне Преосвящ. Кирилла из Каменец-Подольска.

⁵¹ - Примечание Рогова: а в доказательство сему был в Лавре Троицкой монах, прозванием живописец, который так изображал Платона, что его портреты писал на память в один день, довольно на него похожие.

⁵² - Взгляд на собственную прошедшую жизнь. Измайлова М. 1860, стр. 108.

⁵³ - Примечание Рогова: Не понятно для потомства: ежели Митр. Платон о Новикове сделал таковой доклад Императрице, почему же он не защитил его от ссылки в Шлиссельбург?

⁵⁴ - См. приложение Ж.

⁵⁵ - См. приложение З.

⁵⁶ - См. переписка М. Платона в Вифанской библиотеке.

⁵⁷ - Написано на книге: «Возражение старообрядцев о преданиях Церкви», собственной рукой Митрополита Платона, 1803 года.

⁵⁸ - Примечание Рогова; Это по каким-то дурным представлениям Государыне, запрещено (см. Записки Храповицкого).

⁵⁹ - В его календаре 1775 г. с белыми листами.

⁶⁰ - См. Приложение И.

⁶¹ - Слово на рождение В.К. Александра Павловича 1777, декабря 12, сказанное по получении известия в Московском Успенском соборе.

- 62 - См. Приложение I.
- 63 - См. Приложение К.
- 64 - Начертание путешествия Их Императорских Высочеств, Государя Великого Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Марии Феодоровны Графа и Графини Северных в 1782 г. СПб.
- 65 - Московские Ведомости 1780 г. № 48–51.
- 66 - Она погребена в Хотьковом монастыре, проведя до глубокой старости жизнь в благочестии и трудах. Я её хорошо знал лично.
- 67 - См. Приложение Л.
- 68 - Церковный исторический Месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры М. 1854 г., в 8.
- 69 - Солонка сия с изображением всех Российских гербов хранится в ризнице Троице-Сергиевой Лавры. См. Записки Митрополита Платона.
- 70 - Прим. Рогова: Жаль, что эта статья ничего не объясняет, по какому поводу с Платоном так случилось.
- 71 - Москвитянин, 1842 г. 1, 120 и 122.
- 72 - См. Приложение М.
- 73 - Записки М. Платона
- 74 - См. Приложение Н.
- 75 - Примечание Рогова: Причина этому была особенная: в изрытии из гроба Государя Петра III без соглашения Платова на сие.
- 76 - См. Приложение О.
- 77 - См. Приложение П.
- 78 - Записки И.В.Лопухина, стр. 60 и 61. М. 1861 г.
- 79 - Примечание Рогова: дабы не быть согласным на открытие гробницы Петра III и проч. и проч. ...
- 80 - Записки Митрополита Платона.
- 81 - Примеч. Рогова: по дружескому совету Платона.
- 82 - Примечание Рогова. Здесь пропуск чрезвычайной сцены: перед Императором Платон, на коленях Государя

умолявший простить его клеветников.

⁸³ - Обряд, с каковым открыта устроенная Его Императорским Величеством Вифанская Семинария при Спасо-Вифанском училищном монастыре августа 6, 1800 г. М. 1800. в 4.

⁸⁴ - См. Поданные Синодальному Члену, Преосвященному Платону, Митрополиту Московскому и Кавалеру при прошении Московских старообрядцев пункты об устройении им церкви и снабжения их правильными священниками и ответы на сии приняты 1800 г, октября 37 в рукописи.

⁸⁵ - Примечание Рогова: вот пример смирения Митрополита Платона, себя поставляющего причётником – не более!!!

⁸⁶ - Примечание Рогова: удивительно сокрушение человека Божия, исполненного святости примерной!

⁸⁷ - См. Приложение к Моск. Вedom. 1775 г.

⁸⁸ - В этой двухместной карете и доньне выезжает для служения в высокаторжественные дни Московский Митрополит.

⁸⁹ - История Российской Иерархии, изд. 2. Киев. Т. I, ч. 1. 1827. 8.

⁹⁰ - См. приложение А

⁹¹ - Примечание Рогова. На котором одно облачение Платона стоило до полумиллиона руб. серебром.

⁹² - См. приложение Б.

⁹³ - См. приложение В.

⁹⁴ - Далматик сей теперь в С.-Петербурге с прочими регалиями; в нем изображён Император Павел I во весь рост на портрете, хранящемся в Московской Оружейной палате.

⁹⁵ - См. приложение Г.

⁹⁶ - Примечание Рогова: Эта резкость относилась к Княгине М.Г. Голицыной, от живого мужа и за родственника вышедшей в замужество, с графом Разумовским.

⁹⁷ - В этой церкви стоял на хорах и портрет Митрополита Платона. О Махрищском монастыре см. Историю Российской Иерархии, ч. 3 и Записки Митрополита Платона, и Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы Лавры. М. 1852 г. в 8.

⁹⁸ - См. Киев в начале своего существования и пр. соч. Н. Самойлова. М. 1834. 8. – Златые врата Ярославовы. Его же. М. 1834, 8.

⁹⁹ - Акты Киевской Академии IV, № 16. Ст. Киев с древнейшим его училищем. Соч. В. Асоченского, т. II. Киев, 1856 г. в № 8.

¹⁰⁰ - Св. Евангелие в 12 долю листа. Писано уставом на пергаменте.

¹⁰¹ - Voyage en Russie, en Tartarie, et en Turquie, par E.G. Clarke, Professeur de Mineralogie à l'Université de Cambridge, t. I. à Paris, 1813 chap. IX Visite à l'ArchêvequedeMoscow. См. Вестник Европы, 1823, № 10.

¹⁰² - СПб., карманный месяцеслов на 1812 г. в 16.

¹⁰³ - Так в древности именовались Митрополиты Всероссийские.

¹⁰⁴ - Копия с этой бумаги, писанной Платоном, доставлена Н.А.Мельгуновым. Мне удалось видеть до 1812 г. списки с оной и все с именем Платона, которого дух явен в этом, искреннем его изъяснении Государю.

¹⁰⁵ - Поучительные слова, проповеданные Митрополитом Платоном, т. XX, М, 1806. 8.

¹⁰⁶ - Его же Росс. Церковная История 2 ч. М. 1805. 8.

¹⁰⁷ - История С.-Петербургской Духовной Академии.

¹⁰⁸ - Слово сие осталось ненапечатанным; потому что было экспромтом.

¹⁰⁹ - Примечание Рогова: А. Августин викарный в этот день кушал у Государя; после того Платон с Ним затворился в кабинете, долго там беседовал секретно, и Платон оттоле вышел не без слёз, сопровождаемый от Государя дружески.

¹¹⁰ - Примечание Рогова: По рассказам Августина, бывшего Архиепископом Московским Александр I свой разговор имел секретный с Платоном, о прощении и разрешении Графа И.К.Разумовского в незаконном браке одного же 6 Декабря 1810 года, у Гудовича фельдмаршала на бале, Императором прощённого; у Государя с Платоном разговор был

продолжительный, и оба они вышли дружески, и не без слёз, прощаясь в последний раз.

¹¹¹ - Примечание Рогова: Сказав сие, Платон поцеловал в рескрипте имя Александра, а орден, не развёртывая, отдал в ризницу свою.

¹¹² - Επόπτις, надзиратель, содержатель, посвящённый в таинства. Так назывались члены якобинских обществ во Франции.

¹¹³ - Примечание Рогова: Это пророчество сбылось в 1812 г.

¹¹⁴ - Я слышал, что письма сии напечатаны были Прадтом в Париже; но неизвестно, в каком сочинении.

¹¹⁵ - В послании 1807 г., св. Правительствующего Синода православной Всероссийской Церкви Архимандритам, Игуменам и проч. и всем православным Христианам, между прочим, сказано о Бонапарте, что «он в Египте приобщился гонителям Церкви Христовой, проповедовал Алкоран Магометов, «объявил себя защитником исповедания суеверных последователей сего лжепророка Мусульман и торжественно показывал презрение к Пастырям св. Церкви Христовой; – созвал во Франции Иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий Синедрион Еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего Иисуса Христа, и теперь помышляет соединить Иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли», и проч. На поздравление из СПб. Архимандрита Евгения с орденом, Платон отвечал ему следующее: *si quid mihi gratum contingere potest, id utique non referendum ad qualiacunque mea externa; id procul est a mente etc, desiderio meo; sed si quid spectat ad bonum cumque in suo immutabili jure conservandum Ecclesiae statum. vale. Bethania. 1809 Septembr. 18 d.*

¹¹⁶ - По свидетельству Преосв. Августина, Евгения и Аарона.

¹¹⁷ - Вместо знамён, даны Преосв. Августином накануне Успения Божией Матери, из Церкви Спаса во Спасской, при коей похоронен отец Митрополита Платона, хоругви

изображающие на одной стороне Успение Богоматери, а на другой – св. Николая Чудотворца. См. Начертание жизни Архиеп. Моск. Августина пис. И. Снегирёвым. М. 1848 г. в 8.

¹¹⁸ - О образе Преп. Сергия, коим Пр. Митрополит Платон благословлял Московское ополчение, а слышал от о. Наместника Антония следующее: «это тот самый образ, который при Феодоре Иоанновиче устроен из гробовой доски Пр. Сергия; во время войны со Шведами, по повелению Имп. Петра I, Шереметевым взят из Лавры и обносим был во всех походах оной войны; и ещё прежде сего, в 1654 г. по повелению Царя Алексея Михайловича, носим был во всех Польских походах и при взятии Вильны, и возвращён в Лавру в 1658 г. Он стоит теперь над южными дверьми алтаря в храме св. Троицы. На задней серебряной доске сего образа описаны все те сражения, приступы, взятия крепостей и городов, при коих он обносим был». Что сим самым образом благословлял Пр. Митрополит Платон Московское ополчение, об этом недавно уверил о. Архимандрита Антония Ген.-Лейт. Павел Петрович Талызин, который сам служил в оном ополчении, и по изгнании Французов из Москвы, возвратил сей образ в Лавру. Г. Талызин заказывал списать сей образ для себя Лаврским живописцам; в 1835 г. взял от них списанный образ; и по этому поводу объяснили о. Наместнику, что точно сим образом благословлял их М. Платон.

¹¹⁹ - Примечание Рогова: И привёз это к Тутолману, белокаменной Москвы градоначальнику, и при всех вельможах возгласил: да проклят вечно будет страшную сию войну начавший!

¹²⁰ - О сих пожертвованиях тогда же было напечатано в Московских Ведомостях.

¹²¹ - Сообщено мне незадолго перед кончиною его, последовавшею в СПб. 1856 г., Сентября 17, Митрополитом, С.-П. и Новгородским Никанором.

¹²² - По свидетельству духовника его о. Аарона, в схиме Алексея, протоиерея Иоанна Шумилова и протопресвитера Василия Иоанновича Платонова-Заболоцкого, подтверждено

также бывшим тогда в служении иеродиаконом, Никанором, готовившимся было к посвящению в иеромонаха; но он уже был посвящён Преосв. Августином в самый день отпевания Митрополита Платона.

¹²³ - Замечания на некрологию Н.Н.Раевского, соч. Д.Давыдова. М. 1832, 8.

¹²⁴ - Правда о пожаре Москвы, соч. графа Ф.В. Растопчина. М. 1823 г. стр. 27. «Р. (Растопчин) назначенный в духовное звание воспитанник Митрополита Платона».

¹²⁵ - См. афишки графа Растопчина в примечании к Биографии преосв. Августина, писанной И. Снегирёвым, М. 1848 г. 8.

¹²⁶ - Маяк, 1842 года, книга IV.

¹²⁷ - Почтенный священник Сорока мучеников у Новоспасского монастыря Пётр Святославский. См. Ист. Статист. и Географ. журнал, 1816 г.

¹²⁸ - Примечание Рогова. По уверению Августина Французы мощи, находящиеся в соборах раздевали донага и в тех (т. е. соборах) качались на качелях со звоном всех колоколов Великого Ивана.

¹²⁹ - Примечание Рогова: Откуда он почти ежедневно приезжал в Лавру, запирался в главной церкви оной и там Господу молился о спасении Государства Всероссийского.

¹³⁰ - Примечание Рогова: Платон носил и лапти на ногах из тонких лык сплетённые.

¹³¹ - Я в это время был у вечерни в Махрищском монастыре с родителем моим, Профессором Московского университета хорошо известным Митрополиту Платону.

¹³² - Тому есть многие очевидцы, сообщившее мне это событие.

¹³³ - Взгляд на собственную прошедшую жизнь. Измайлова. Москва. 1860 г., стр. 65.

¹³⁴ - Сообщено мне Кн. А.А.Шаховским.

¹³⁵ - Примечание Рогова: В 1813 году от Ржевской Богоматери священник Н.И.П. в доме графини Протасовой в

подвале угощал меня из глиняного черепочка самыми негодными грибами – изчервлёнными.

¹³⁶ - Писано им в Октябре, вскоре по изгнании врагов из Москвы и незадолго до кончины своей.

¹³⁷ - См. приложение Д.

¹³⁸ - См. приложение Е.

¹³⁹ - В завещании своём 1807 г. Платоном заповедано следующее:ст. 25. «Погрести моё грешное тело в Вифании, в приготовленной могиле и гробе, где б моя кончина ни случилась, аще возможно будет».ст. 27. «На меня положите облачение, уже для того приготовленное, и с шапкой, с херувимами шитою, и с Евангелием и с панагией и с покровом, для того уже сделанным».

¹⁴⁰ - Через месяц: именно, 29 Мая был пожар, а 29 Июня родился Платон.

¹⁴¹ - Примечание Рогова: В 1810 году после обедни в Духов день и я особенное имел счастье святою пользоваться простотой Платона при рассказе его о шутливом докторе Орлову графу Г.Г...

¹⁴² - Примечание Рогова: Так он и меня отдаривал за подносимые стихи своими книгами и с надписью, а жену мою, Платону свой ковёр поднёсшую, благословил богатою иконой в ризе «Рождество Предтечи».

¹⁴³ - Из мыслей Платона, записанных Преосвященным Евгением Казанцевым.

¹⁴⁴ - Примечание Рогова: Так он поступил с отцом Митрополита Серафима, расстриженным за пьянство.

¹⁴⁵ - Письма М. Платона и Мельмана хранятся в Вифанской библиотеке.

¹⁴⁶ - Примечание Рогова: Особенно в своей Вифанской церкви, что при доме его, где однажды пел вместо стиха причастного: Иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небесном.

¹⁴⁷ - Примечание Рогова: Ему свыше данный и украшенный науками земными.

¹⁴⁸ - См. Жизнь Митрополита СПб. и Новгородского Михаила при его сочинениях.

¹⁴⁹ - Слышал я от покойного Профессора Мерзлякова, который любил воспоминать это событие. Примечание Рогова: И я похваюсь в Боге: таковое же пророческое заключение Платон о недостойнстве моём сделал, мне оставив сочинения своего и письма и стихи, через Ираклия и Августина, присланные в 1807–1809 году мне, Н. Рогову.

¹⁵⁰ - Из письма ко мне Его Высокопреосвященства Кирилла, Архиепископа Подольского и Брацлавского.

¹⁵¹ - Примечание Рогова: В списке книг пропущена простая азбука церковная, Платоном сочинённая, по коей научил он Императора и друга Павла.

¹⁵² - 8 пункт в Поучении белому духовенству, Преосв. Тихона, 1776 г. Окт. 24.

¹⁵³ - Обзорение Богословских наук. СПб. 1814 г. 18 д.

¹⁵⁴ - История Русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб. 1875 г., в 8 д., стр. 351.

¹⁵⁵ - См. его Поучительные Слова, т. XIV, 467.

¹⁵⁶ - Примечание Рогова: По преданиям от современников Платона и доныне слухи продолжают, что он у гениального актёра Дмитриевского учился декламации, а также и ораторству, какими поражал он чрезвычайно всех с кафедры.

¹⁵⁷ - Полное собрание всех сочинений А.Сумарокова, т. VI, стр. 283, М, 1787 г., в 8 д.

¹⁵⁸ - См. Примечание Ж.

¹⁵⁹ - Сравни кн. «Философ, живущий у Хлебного рынка». СПб. 1792 г, 12.

¹⁶⁰ - Но она не допущена в свет цензурою.

¹⁶¹ - Сию Библию Славянскую я видел у Протоиерея Иоанна Дм. Шумилова.

¹⁶² - Краткое Нравоучение, сочинение Преосвященного Митрополита Платона. М. 1837 г., в 16 д.

¹⁶³ - О зловердных действиях иезуитов в отношении к Православной Церкви в России, в конце XVI и в начале XVII в.

Соч. студента Каз. Дух. Академии Лихова, Казань, 1856 г., в 8.

¹⁶⁴ - Сообщенный мне в верном списке Князем А.Н. Голицыным.

¹⁶⁵ - Помещенные в Русском Вестнике, изд. Н. Полевого, СПб. 1841, № 9.

¹⁶⁶ - Карамзин в Истории, XII т. пр. 236, приписывает сие сочинение М.Платону, а Митрополит Евгений Болховитинов – Преосв. Павлу Пономареву. Но, вероятно, сей последний составил оное под руководством М.Платона.

¹⁶⁷ - Сообщённые мне Преосв. Евгением Казанцевым.

¹⁶⁸ - Рукопись двух переводов Беверегия: 1) Ульяницкого, и 2) Козловского и Полетики, в библиотеке Ундольского, в л.

¹⁶⁹ - См. Приложение И.

¹⁷⁰ - Questions sur l' Encyclopédie, t.11. art. Eglise. – Oeuvres de Diderot, t. IX.I.

¹⁷¹ - Г. Берви был Профессором в Казанском Университете.

¹⁷² - Примечание Рогова: «Я не хочу – Платон говаривал – чтобы баба была над Митрополитом командиршею академическою».

¹⁷³ - См. Приложение I

¹⁷⁴ - Примечание Рогова: Платон и моему таланту, полученному от Всемогущего, действительно был покровителем до старости.

¹⁷⁵ - Святые горы и Оптиная пустыня, (А. Муравьева). СПб. 1852 г. в 8.

¹⁷⁶ - Примечание Рогова: Платон имел презрение не ко всем жидам, а в доказательство сей истины у него был из евреев Архимандрит Ираклий, коего Платон любил, по самую кончину при себе держал.

¹⁷⁷ - Примечание Рогова: Путешествие Платона в Киев уничтожило определение Синода, чтобы женский монастырь перенести в Николаевский, в угождение тёщи Графа Кочубея, госпожи Васильчиковой(?), жившей в Киевском монастыре Феодоровском.

¹⁷⁸ - Примечание Рогова: Митрополит Платон при собеседовании со мною желал душевно видеть крепостных освобождёнными, а посему и записал заключение о них такое.

¹⁷⁹ - Примечание Рогова: После сей речи через месяц, когда граф Л.К. Разумовский женился на княгине М.Г. Голицыной, на родственнице близкой, и при живом ещё её муже, тогда, по Платонову определению, Государь дал таковой указ: «когда у графа Л.К. Разумовского от живущей у него княгини М. Голицыной будут дети, тех законными не признавать».

¹⁸⁰ - Примечание Рогова: Сию речь говорил и Серафим Митрополит, по возложении венца на Государя Николая I.

¹⁸¹ - Незадолго пред кончиною его, как бы предчувствуя, съехались питомцы Лаврской Семинарии.

¹⁸² - Сказывано в присутствии Императрицы Екатерины II, в Петропавловском соборе того же года.

¹⁸³ - Г.Строев доказывает, вопреки г. Аверину, что монастырь Никола Старый был там, где ныне Греческий Николаевский на Никольской улице в Москве. См. Выходы Государей Царей.

¹⁸⁴ - Metuebant, nedesineret, говаривал, рассказывая Платон.

¹⁸⁵ - Примечание Рогова: Граф Разумовский – Алексей, из певчих, и секретный муж Елисаветы Петровны Императрицы.

¹⁸⁶ - Следственно спустя 21 день после письма от Государя.

¹⁸⁷ - Он скончался 1812 Ноября 11. Спустя после сна 7 лет 4 месяца, 10 дней. Не дожил 2 года 7 месяцев 2 дней, и кто весть, может быть, нашествие Французов ускорило.

¹⁸⁸ - Примечание Рогова: Но в книге, подаренной Николаю Рогову – мне от Платона с своеручной подписью его 1807 г. почерк тверде в руке.

¹⁸⁹ - Примечание Рогова: О котором сам Платон в беседе собственно келейной окружавшим говаривал шутливо: «от одной кобылы на ночной стороже лошадей».

¹⁹⁰ - Примечание Рогова: Это и я, Н.Р., испытал и подтверждаю тоже, во услышание всего потомства.

¹⁹¹ - Примечание Рогова: Здесь кстати Н. Р-ву припамятовать: когда М. Платон меня решился удостоить своего благоволения, он через Архимандрита Ираклия секретно у духовника разведан обо мне, – отечески стал до кончины благосклонен ко мне.